

“Ken Wilber is a source of inspiration and insight to all of us.
Read everything he writes. It will change your life.”

—DEEPAK CHOPRA

ONE TASTE

Daily Reflections on
Integral Spirituality

KEN
WILBER

KEN WILBER

ONE TASTE
THE JOURNALS OF KEN WILBER

Shamhala, 1999

Кен УИЛБЕР

ОДИН ВКУС

Дневники Кена Уилбера

Издательство АСТ
Издательство Института трансперсональной психологии
Издательство К. Кравчука
Москва 2004

УДК 159.9
ББК 88.6
УЗ6

Ken Wilber
ONE TASTE
The Journals of Ken Wilber
1999

Издатели благодарят Алексея Купцова,
чья финансовая помощь и дружеская поддержка
сделали возможной публикацию этой книги.

Перевод с английского под редакцией Александра Киселева

Научный редактор кандидат философских наук Владимир Майков

Серийное оформление Павла Иващука

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.11.03.
Тираж 3000 экз.

Уилбер К.

УЗ6 Один вкус: Дневники Кена Уилбера / К. Уилбер; Пер. с англ. А. Киселева. — М: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. — 427, [5] с. — (Тексты трансперсональной психологии).

ISBN 5-17-021067-1

Как человек, много написавший о внутренней жизни, медитации и психотерапии, Кен Уилбер не может не вызывать любопытства у своих читателей. Людям интересны его медитативная практика, его режим чтения и писательства и отдельные подробности его личной жизни. Отвечая на такое любопытство, этот дневник предлагает беспрецедентную возможность заглянуть в его личный мир — а также дальнейшее исследование его важнейших мыслей о вечной философии.

УДК 159.9
ББК 88.6

©Ken Wilber, 1999
© Институт трансперсональной психологии, 2004
© Издательство К. Кравчука, 2004
© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИКИ КЕНА УИЛБЕРА

ЯНВАРЬ

ФЕВРАЛЬ

МАРТ

АПРЕЛЬ

МАЙ

ИЮНЬ

ИЮЛЬ

АВГУСТ

СЕНТЯБРЬ

ОКТЯБРЬ

НОЯБРЬ

ДНЕВНИКИ КЕНА УИЛБЕРА

ЗАМЕЧАНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

В прошлом я изо всех сил старался избегать публичности. Я вовсе не скрытный человек; просто я не стремлюсь к известности. Тем не менее, поскольку я много писал о внутренней жизни, на определенном этапе мне показалось уместным рассказать о моих собственных переживаниях. Поэтому многое из изложенного на последующих страницах следовало бы считать заметками для себя. И все же в конечном счете это в большей степени философский, чем личный, дневник; он имеет дело, главным образом, с идеями и в особенности с теми из них, что связаны с вечной философией (или общей сутью великих мировых традиций мудрости). Однако в одной области это очень личный дневник: в том, что касается подробного описания медитативной практики и различных мистических состояний, основанного на моем собственном опыте. (Те, кого интересуют более личные соображения в других областях, могут обратиться к моей книге «Милосердие и мужество».)

Поскольку эта книга сосредоточена на идеях, я позволил себе некоторые вольности в отношении порядка записей. Кое-какие теоретические кусочки передвинуты, так как без них другие записи не имеют смысла. Даты в основном верны, однако в немногих случаях они могут оказаться ошибочными, поскольку иногда я делал записи, не датируя их, так что они помещены там, где это представлялось уместным. Некоторые семинары в Институте Наропы на самом деле происходили через несколько дней друг за другом; я распределил их более равномерно (чтобы избежать излишнего сосредоточения теоретических вопросов в одном месте); поэтому даты не всегда соответствуют действительности, однако сами выдержки точны. В любом случае следует помнить, что эти дневники предназначались прежде всего не для записи подробностей моей личной жизни, а для описания дальнейших попыток выражения вечной философии.

Поскольку теоретические записи имеют законченный характер и достаточно кратки — обычно одна или две, самое большее десять страниц, — сами идеи излагаются маленькими порциями. Если вы сталкиваетесь с записью, которая вам неинтересна — скажем, посвященной политике, бизнесу или искусству, — то можете легко

пропустить ее и перейти к следующей. Однако если вы читаете эти страницы для получения теоретической информации, вам следует знать, что каждая последующая запись основывается на предыдущих, так что перескакивать с места на место далеко не лучший метод.

Если у этого дневника есть какая-то общая тема, то она состоит в том, что тело, ум и душа не являются взаимоисключающими. Желания плоти, идеи ума и озарения души — это все совершенные выражения сияющего Духа, который один населяет Вселенную, возвышенные жесты того Великого Совершенства, что одно затмевает мир. Во всем Космосе есть только Один Вкус, проявляется ли он в плоти, в уме или в душе. Пребывая в этом Одном Вкусе, перенесенный за пределы земного, мир возникает в чистейшей Свободе и сияющем Высвобождении, бесконечно счастливый, затерявшийся в вечности и безнадежный перед изначальным лицом неумолимой тайны. Все вытекает из Одного Вкуса, все возвращается к Одному Вкусу, а в промежутке, составляющем содержание данного момента, есть только сон, а порой кошмар, от которого нам было бы лучше пробудиться.

К. У.

*Боулдер, Колорадо
Весна 1998 г. Один Вкус*

ЯНВАРЬ

Даже испробовав все возможные пути, ты не сможешь найти пределов души; такова глубина ее смысла.

Гераклит

Четверг, 2 января 1997 г.

Работал все утро, занимаясь чтением и исследованиями, и одновременно наблюдал за игрой солнечного света на падающем снеге. Сегодня солнце не желтое — оно белое, как снег, так что вокруг меня белое на белом, одинокое на одиноком. Все это выглядит как Чистая Пустота, мягкий ясный свет, мерцающий в одиноком шепоте меланхолии. Я погружаюсь в эту Пустоту, и все сияет в этот ясный светлый день.

Пятница, 3 января

Некоторое время назад — примерно в День благодарения — я начал

писать «Объединение науки и религии: союз древней мудрости и современного знания»^{1*}. Теперь книга закончена, и я раздумываю: а что же с ней делать. Я писал ее в расчете на конкретную аудиторию, а именно на ортодоксальный, консервативный, конформистский мир, а не на контркультурные группы сторонников парадигмы Нового Века. Я не имею понятия, удалось ли мне это, и пока в точности не знаю, каким должен быть мой следующий шаг.

Мне нужно придумать, как совмещать такую напряженную работу с определенной общественной жизнью. Бывало, Бальзак, всякий раз испытывая оргазм, говорил: «Будет еще одна книга». А у меня, судя по всему, все в точности наоборот.

После смерти Трейи — в этом месяце с того момента исполнилось восемь лет — у меня не было свиданий около года. С тех пор у меня было несколько милых взаимоотношений, но ничего достаточно серьезного. Интересно...

Суббота, 4 января

Студенты пригласили меня на рейв — ночную танцевальную вечеринку с техномузыкой и — гм — кое-какими запрещенными веществами. Детишки — а они действительно детишки, лет двадцати или около того — употребляют небольшие количества экстази, препарата, который усиливает эмпатию и взаимопонимание в группе. На вечеринке царит общинная атмосфера, асексуальная или, быть может, андрогинная и мягкая, но глубокая, со своего рода духовным фоном, если это можно так назвать. Музыка (например, групп «Моби» или «Продиги»), как правило, лишена слов, то есть она лишена соотносительной природы, так что символический ум не участвует в ее восприятии, и это, временами, способствует небольшим проблескам надментального, не говоря уже о больших дозах предментального.

Но что бы ни говорили родители, неодобрительно относящиеся ко всему этому, я считаю это бесконечно более предпочтительным по сравнению с тем, что мы, бывало, делали на своих вечеринках, в основном выпивали по шесть бутылок пива и блевали на своего партнера. Что же касается послевоенного поколения родителей, кудахтающих насчет запрещенных препаратов, ох, я лучше промолчу.

И все же, я думаю, что пропущу рейв. Но я желаю им всего наилучшего.

Вторник, 7 января

В эти выходные в Сан-Франциско проходит «Конференция Кена Уилбера». Говорят, что все билеты проданы, и организаторы подыскивают большее помещение для ее проведения. Не знаю, хорошо ли это, или плохо.

Одним из главных докладчиков будет Роджер [Уолш]^{2*}. Интересно, расскажет ли он нам свою знаменитую шутку о Нейле Армстронге, по-видимому, самую забавную вещь, которую кому-либо доводилось слышать:

Когда Нейл Армстронг ступил на поверхность Луны, его первыми словами были: «Маленький шаг для человека, гигантский скачок для человечества». Затем он сказал: «Желаю удачи, мистер Горски». Малоизвестная история, связанная с этими словами, состоит в следующем. В детстве Армстронг подслушал горячий спор, доносившийся из окна спальни соседнего дома. Миссис Горски вопила на мистера Горски: «Ты получишь оральный секс, когда этот маленький соседский мальчик будет гулять на Луне».

Среда, 8 января

Получил еще одно письмо от женщины, которая прочитала мое предисловие к книге Френсис [Френсис Воон. «Тени священного: взгляд сквозь духовные иллюзии»]. Я получил множество писем от женщин, имеющих непосредственное отношение к затрагиваемым там проблемам.

Предисловие начинается так: «Френсис Воон — мудрейшая из всех Мудрых Женщин, которых я знаю. Что за прекрасная идея: женщина, обладающая мудростью, быть может, в большей степени, чем вы или я; женщина, которая привносит особое знание, оттенок изящества, целительное присутствие во все, с чем она встречается, для которой красота — это способ познания, а открытость — особый источник силы; женщина, которая видит настолько больше и касается настолько большего, осторожно нащупывает путь и говорит нам, что все будет в порядке, эта женщина, обладающая мудростью, женщина, умеющая видеть больше.

«Френсис именно такова: женщина, которая привносит мудрость в мир, а не просто бежит от мира в поисках мудрости где-либо еще. Женщина, которая учит индивидуальности, но в более широком и глубоком контексте единения: единения с другими, с телом, с Духом, с высшей Самостью человека — Духом, проявляющим само свое бытие во взаимоотношениях. Именно так я чаще всего думаю о Френсис: мудрая женщина, которая учит здоровым и искренним взаимоотношениям,

которая помещает нас в наши более глубокие контексты, эта мудрая женщина, знакомством с которой я горжусь».

В сегодняшнем письме (от женщины-терапевта) подробно говорится об исторической традиции Мудрых Женщин и о важности соединения психотерапии с духовностью. Я не мог бы выразить большее согласие. В заключительной части предисловия говорится: «В разновидности практики, которую пытаются создать Френсис (и немногие другие), мы видим появление того, что столь важно: определенного чувства духовного и надличностного, определенного чувства Тайны Глубинного, некоторого контекста за пределами изолированного «я», который касается всякого и каждого из нас и возносит нас из наших страдающих и смертных личностей, из этого ограниченного мира, и передает нас в руки безвременного и Божественного, милосердно освобождая нас от нас самих; туда, где открытость растапливает защиты, и взаимоотношение лежит в основе душевного равновесия, где сострадание преобладает над бесчувствием, а забота над отчаянием; именно этому пути к Божественному Френсис учит каждого из нас.

«Одна из клиенток Френсис однажды сказала, что она (Френсис) была акушеркой ее души, помогала рождению ее души. Мне кажется, что этим сказано все. Помогать рождению Божественного — уже присутствующего в каждом, но, быть может, не дающего о себе знать своим сиянием; уже данного каждому, но, быть может, недостаточно замечаемого; уже небезразличного к миру, но, быть может, в суматохе забываемого — именно этому пути к Божественному Френсис учит каждого из нас».

«Давайте вместе, вы и я, возьмем за руки Мудрую Женщину и пойдем с ней через страну нашей собственной души, молчаливо вслушиваясь во все, что она говорит. И знайте, что более надежной пары рук нам в этой жизни, скорее всего, не найти».

Четверг, 9 января

В этой стране известность — это религия, требующая человеческого жертвоприношения, религия, к которой я не желаю принадлежать. Вы начинаете принимать себя слишком всерьез, я видел, как это происходило со мной после того, как я написал свою первую книгу в возрасте 23 лет. Я читал лекции или проводил семинары, люди говорили мне, какой я удивительно умный, и рано или поздно им начинаешь верить. Все кончается в точности тем, что Оскар Ливант говорил Джорджу Гершвину: «Скажи, Джордж, если бы тебе пришлось начать все сызнова, ты бы все равно стал самовлюбленным?»

После примерно года всего этого я решил, что могу либо преподавать то, что я написал в прошлом, либо писать что-либо новое. Поэтому я перестал участвовать в конференциях, перестал преподавать, перестал давать интервью.

В течение последующих двадцати лет я практически без исключений придерживался этого плана. И тем не менее теперь я думаю о том, чтобы отдать «науку и религию» самым крупным общепризнанным издательствам и действительно готов на это пойти. Думаю, у меня всерьез помутился рассудок.

Вторник, 14 января

Сегодня ко мне зашел мой голландский переводчик Фрэнк Виссер, приехавший из Нидерландов и принимавший участие в конференции КУ в Сан-Франциско. Фрэнк переводил «Проект Атман» и «Краткую историю Всего». Я слышал, что его перевод очень хорош.

«Что из этой области активнее всего обсуждают в Европе?»

«Насколько регрессивны столь многие из американских подходов к духовности. Школы, путающие телесное чувство с духовным осознанием, биоэнергетика, различные эмпирические подходы, чувства и снова чувства, регрессивные методы терапии — все вместе. Я написал об этом статью. Согласны ли вы, что американцы помешались на регрессии?»

«Боюсь, что да. Главным образом потому, что это нечто доступное любому — расти трудно, регрессировать легко».

«Тут повсюду ваше до/над заблуждение».

Фрэнк имеет в виду очерк под названием «До/над заблуждение», который я написал почти два десятилетия назад. Суть проста: поскольку и дорациональное, и надрациональное относятся к нерациональному, их легко спутать. И тогда происходит одна из двух очень неприятных вещей: вы либо сводите подлинные, надрациональные духовные реалии к инфантильным дорациональным состояниям, либо же возводите незрелые дорациональные чувства до трансцендентального блаженства. В первом случае вы полностью отрицаете духовные реалии, поскольку считаете их инфантильной чепухой. Во втором случае вы приходите к прославлению детского мифа и дословесного побуждения. Вы так стараетесь превзойти рациональность — и это вполне достойная цель, — что в порыве энтузиазма отстаиваете все, что не рационально, в том числе большую часть откровенно дорационального, регрессивного, ущербного.

И Фрэнк прав: многое из того, что в этой стране называют «духовным

возрождением», в действительности представляет собой соскальзывание к дорациональному — нарциссическому, эгоцентрическому, озабоченному самопрославлением и самопродвижением.

«У нас, европейцев, это вызывает тревогу».

Среда, 15 января

Все утро читал — это час кажущегося нескончаемым исследования для второго тома трилогии о Космосе (Пол, Бог и род)^{3*}. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами: мука и экстаз. И они, как правило, сводят с ума и тех и других. Я ожидаю увидеть модернизацию новеллы Брет Гарта «Изгнанники равнины тестостерона». Возьмите едкое замечание Олдоса Хаксли: «Это закон природы. Отнимите от мужчины женщину — получится свинья. Отнимите от женщины мужчину — получится лунатик». Глория Стейнем говорила: «Женщина без мужчины — все равно что рыба без велосипеда». Вуди Аллен: «Бог дал мужчинам пенис и мозг, но лишь столько крови, чтобы они могли действовать только по очереди». Билли Кристал: «Чтобы заниматься любовью, женщине нужна причина, а мужчине нужно место».

В первом томе было восемьсот страниц, столько же будет и во втором. «Еще одна чертова толстая квадратная книга! Всегда пишем, пишем, пишем, а, мистер Гиббон?»

Пятница, 17 января

Получил письмо от Алекса Грея, для книги которого «Священные зеркала: визионерская живопись Алекса Грея» я написал предисловие. Алекс напоминает мне о беседе у меня дома, когда мы говорили о природе подлинного искусства: «Задача подлинно трансцендентного искусства — выразить что-то, чем ты пока еще не являешься, но чем ты можешь стать».

В предисловии, которое я написал для книги Алекса, подчеркивается та мысль, что все мы обладаем оком плоти, оком ума и оком духа. Мы можем классифицировать изобразительное искусство с точки зрения того, от какого ока оно в основном зависит. Например, реализм и натурализм зависят главным образом от ока плоти; абстрактное, концептуальное и сюрреалистическое искусство зависят от ока ума: а некоторые великие творения духовной живописи — например, тибетские тхангки — зависят от ока созерцания, ока духа.

Каждое око видит разный мир — мир материальных объектов,

мысленных представлений, духовных реалий. И каждое око может изображать то, что оно видит. Чем выше око, тем глубже искусство. Алекс принадлежит к числу тех редких художников, которые творят с помощью ока созерцания, ока духа. Этот тип живописи не имеет символического или метафорического характера; это непосредственное изображение реалий, однако таких реалий, которые невозможно видеть оком плоти или оком ума — только оком духа. И цель этой живописи не простое рассматривание, а преобразование: она представляет более высокие или глубокие реальности, доступные всем нам, если мы продолжаем расти. И именно поэтому «задача подлинно трансцендентного искусства — выражать что-то, чем ты пока не являешься, но чем ты можешь стать».

Среда, 22 января

Выхожу на публику. Это все по вине Тони Шварца.

Я впервые познакомился с Тони, когда он работал над книгой «Что действительно важно: поиски мудрости в Америке». История Тони весьма примечательна: будучи опытным журналистом, он работал для журнала «Нью-Йорк таймс» и написал около десятка открывающих статей для «Ньюсуик», и он только что закончил помогать Дональду Трампу в написании книги «Искусство сделки», которая быстро взлетела на самый верх списка бестселлеров «Таймса», и для Тони наступило победное время больших денег, роскоши и блеска. Погружение в экстравагантный мир Трампа позволило Тони понять, что, даже если бы он обладал всем этим материальным богатством, это почему-то не затрагивало бы действительно важных проблем в жизни. Поэтому, используя деньги, полученные за книгу Трампа, Тони потратил пять лет на собственные поиски мудрости, путешествуя по всей стране и беседуя более чем с двумя сотнями психологов, философов, мистиков, гуру, терапевтов и всевозможных учителей. Он посвятил моей работе главу в своей книге, и мы стали лучшими друзьями.

Закончив писать «Что действительно важно» и будучи вынужден как-то зарабатывать, чтобы содержать семью, Тони взялся участвовать в написании автобиографии Майкла Эйснера, делая для главы «Диснея», по существу, ту же работу, которую он сделал для Трампа. Но на этом сходство кончалось. Как говорит сам Тони, Трамп — это просто Трамп: что снаружи, то и внутри; книга была довольно простой, хотя работать над ней было нелегко. Но Майкл Эйснер — это совершенно другая история, включающая в себя парки развлечений, кинофильмы, книги.

Города, телевидение, не говоря уже о таких второстепенных персонажах, как Джеффри Катценберг и Майкл Оувиц. К настоящему времени Тони уже проработал над этим проектом более трех лет.

После этого Тони хочет заняться интегральным подходом к росту и преобразованию человека в соответствии с тем, как он обобщил это в книге «Что действительно важно», и с основными наметками, которые он находит в моей (но не только моей) работе. Он твердо намерен донести это интегральное послание до более широкой аудитории, и это заставило меня яснее осознать тот факт, что и мне, по крайней мере в какой-то степени, нужно делать то же самое. Да, во всем определенно виноват Тони.

Четверг, 23 января

Закончил читать тысячестраничный дневник Кристофера Ишервуда (первый том!) и почти на неделю погрузился в глубокую депрессию. Причин много.

Для меня Ишервуд представляет несколько очень важных линий жизни. Во-первых, есть целый круг связей общества Веданты, так или иначе включающий в себя Олдоса Хаксли, Джеральда Хёрда и Томаса Манна (последнего непрочно, но значимо). Вместе со Свами Прабхаванадой Ишервуд сделал некоторые из первых и, безусловно, наиболее легко читаемых переводов Бхагавад Гиты, Йога Сутр Патанджали и моего любимого текста «Верховное сокровище различения».

Так, что еще в 1941 г. Кристофер пишет в своем дневнике: «Стараться уничтожить свое эго, позволить, чтобы в тебе жила Реальная Самость, используя твои руки и ноги, твой мозг и твой голос. Это фантастически трудно, и в то же время зачем еще нужна жизнь?» Это также должно было позволить ему понимать кое-что, чего совершенно не способны понять чистые «религии наследия» — от экологии и поклонения Гайе до экопсихологии: «Всякий раз, когда цели того или иного движения лежат во времени, оно всегда прибегает к насилию». К счастью, Кристофер слегка приправлял эту глубоко духовную линию в себе горьким юмором; он твердо намеревался прожить свою жизнь «со страстью, с неподдельной увлеченностью и искренней враждебностью».

Но Ишервуд всегда по-своему боролся за интегральный подход, соединявший духовность с земной жизнью, вероятно, потому, что, по его словам, секс и дух в нем были одинаково сильны и в то же время зачастую явно противостояли друг другу. Мне нравится его честное стремление сохранять и то и другое даже в крайних формах.

Большинство людей знают Ишервуда, даже если им самим это неизвестно, поскольку он был главным мужским персонажем в фильме «Кабаре», поставленном по одному из его коротких рассказов из сборника «До свидания, Берлин» (прототипом героини рассказа «Салли Боулз» отчасти послужила певица Джин Росс, с которой Ишервуд познакомился в 1931 г. в Берлине). В фильме Кристофера играет Майкл Йорк, а Лайза Минелли за исполнение роли Салли получила «Оскара». Рассказ написан блестяще, как, должно быть, знала Вирджиния Вулф, когда писала в своем дневнике: «Мы встретились с Ишервудом на пороге. Он — стройный распушенный юноша. У. Моэм говорит, что «в руках этого молодого человека — будущее английского романа»».

Кроме того, рассказ «Салли Боулз» (кстати, фамилия происходит от Пола Боулза, композитора, переводчика Сартра — он перевел «За закрытой дверью» — и плодовитого писателя — наиболее известно его «Укрывающее небо»; Ишервуд восхищался его творчеством и назвал Салли в честь него) был положен в основу более ранней бродвейской постановки «Я — фотоаппарат», благодаря которой Джулия Харрис стала кинозвездой. Название взято из знаменитого отрывка в книге, который часто цитируют и обычно понимают неправильно: «Я — фотоаппарат с открытым затвором, совершенно пассивный, регистрирующий, не думающий. Регистрирующий бредущего мужчину в окне напротив и женщину в кимоно, моющую волосы. Когда-нибудь все это придется проявить, аккуратно отпечатать, закрепить». На этом этапе у Ишервуда было лишь смутное представление о великих учениях Востока и Запада о подлинной Самости как беспристрастном Свидетеле, однако вы можете видеть первые проблески (это очень похоже на знаменитое «прозрачное глазное яблоко» у Эмерсона: «весь жалкий эгоизм исчезает. Я становлюсь прозрачным глазным яблоком; я — ничто; я вижу все»). Критики нападали на Ишервуда за эту отстраненность, отсутствие интереса и т. д. Но, как указывал сам Ишервуд, это совершенно неправильное понимание такого состояния: «Представление, будто я был человеком, полностью отрешившимся от всего, что происходило вокруг меня, абсолютно неверно. Подлинный Свидетель позволяет возникать всему, что возникает, — неважно, будь то страсть, спокойствие, увлеченность, отстраненность, искренняя враждебность. Но глупо думать, будто это подобное смерти отрешение от жизни. Во всяком случае, Ишервуд определенно не был отрешенным. В действительности один из его лучших друзей в то время и на протяжении почти всей жизни У. Г. Оден — которому уже суждено было стать одним из двух или трех величайших поэтов столетия — в

конце 20-х годов отправился в Берлин, в основном в поисках порочного секса, и уговорил Кристофера присоединиться к нему. Оба они были геями, и знаменитые бары для юношей — особенно «Уютный уголок» — привязали Ишервуда и Одена к Берлину на несколько лет. Распущенный секс, особенно в юношеском возрасте, что ж, это еще одна его черта.

(Ишервуд стал чем-то вроде героя для сегодняшних геев, главным образом из-за своего решительного пристрастия собственного гомосексуализма, меня оно тоже восхищает. Оно восхищало и Ф. М. Фостера; он оставил Кристоферу свой самый трогательный и очень гомосексуалистский роман «Морис», который по понятным причинам не решался публиковать при жизни. Сегодня мы склонны забывать, что вплоть до совсем недавнего времени в большинстве стран гомосексуализм был преступлением, за которое сажали в тюрьму и иногда приговаривали к смерти. Особенно варварской была позиция Англии, как должна напоминать нам несчастная история Алана Тьюринга. Тьюринг, разгадавший секрет «Энигмы» — шифровальной машины нацистов — и сделавший каждый ход Гитлера известным союзникам, что было блестящей демонстрацией гениальности, возможно давшей для победы в войне больше, чем любое другое отдельное действие, был вознагражден за это, после того как стало известно о его гомосексуализме, тюремным заключением и принудительными гормональными инъекциями для исправления его «болезни». Вскоре после этого он совершил самоубийство.

Адольф Гитлер, организовавший пивной путч в Мюнхене в 1923 г., был заключен в тюрьму и писал «Майн камф». К 1929 г. экономическое разорение и безысходность принесли национал-социалистам массовую поддержку и, как ни удивительно, в 1934 г., после смерти Гинденбурга, Гитлер объединил должности президента и канцлера, став фюрером всей Германии.

Ишервуд приезжает в Берлин в 1929 г. и остается там до 1933 г. — в точности в самое горячее время этого, вероятно, наиболее шокирующего периода западной истории — невиданной ранее власти безумия, которой не суждено было когда-либо повториться. И он записывает то, что видит: «Здесь все похоже на жизнь в аду. Все абсолютно на краю гибели. Мы живем по законам военного времени. Никто в Англии не имеет даже отдаленного представления, что это такое. На каждом углу множество полицейских, готовых подавить любую попытку демонстрации. Из-за нищих почти невозможно пройти по улице...»

Германия самый яркий светильник философии на Западе, наследница

Древней Греции — и все должно было кончиться этим: безумцем под личиной маляра из Австрии. И поэтому теперь, в наши дни, невозможно думать о великих — Канте, Гегеле, Спинозе, Марксе, Фихте, Фрейде, Ницше, Эйнштейне, Шопенгауэре, Лейбнице, Шеллинге — всей германской сфере, — не думая в какой-то момент об Освенциме и Трешлинке, Сорбиборе и Дахау, Берген-Бельзене и Челмно. Бог мой, у них были имена, словно они были людьми.

Но причинное связывание германской трансцендентальной традиции с лагерями смерти, весьма распространенное в американском постмодернистском кудахтанье о метаповествованиях, попросту дешево и вульгарно, не говоря уже о том, что неверно. То, что случилось в Германии, было, если не считать миллиона других причин, классическим случаем до/над заблуждения. По существу, вся германская традиция представляет собой исследование до/над заблуждения, порождавшее то Гегеля, то Гитлера. Именно потому, что германская традиция столь возвышенно и столь мощно стремилась к Духу (за что ей честь и хвала вовеки), она была в большей степени подвержена путанице дорациональных телесных и эмоциональных восторгов с надрациональным прозрением и осознанием. Кровь и земля, возврат к природе и благородные дикари, объединяющиеся под знаменем романтического возврата к духу, повторное обретение утраченной Основы, возвращение скрытого Бога, откровение, написанное кровью и вытравленное на плоти тех, кто встал бы на пути этой чистоты крови и нации, и газовые камеры, ожидавшие, как безмолвное чрево Великой Матери, всегда правящей подобными делами, всех тех, кто портил эту чистоту. Германию погубила не рациональность или надрациональность, а ее возрожденные дорациональные импульсы, превратившие крепость в руины.

Но это еще одна линия: Бог и Дьявол, сошедшиеся в Берлине в 1933 г., и Ишервуд был там.

Затем есть вся традиция Хаксли. Олдос Хаксли, вероятно, был последним — и в этом отчасти причина моей депрессии, — последним автором, который мог ярко, глубоко и философски писать о мистических и трансцендентальных темах... и восприниматься всерьез интеллигенцией, журналистами, деловым миром, либералами, авангардистами — последним автором, который мог писать о трансцендентальных темах так, что они считались модными, интересными, актуальными. Либералы в основном ненавидят Дух, а консерваторы думают, что Дух — это их собственный фундаменталистский мифический Бог. И те и другие заблуждаются, и все они сегодня посчитали бы Хаксли непонятным. Кто бы теперь мог

написать «Вечную философию», чтобы ее горячо обсуждали вне Калифорнии? Сегодня «духовность» — это главным образом (1) фундаменталистские возрождения, (2) нарциссизм Нового Века, (3) мифическая регрессия, (4) тонкий редукционизм «паутины жизни», (5) холизм «флатландии». И Хаксли, и Хёрд, и Ишервуд, и даже Манн нашли бы большую часть всего этого безотрадно скучной.

Джеральд Хёрд (автор нескольких блестящих книг, включая «Пять возрастов человека», которая послужила основой для очень проницательной «Силы Жизни» Джина Хьюстона, и сам немало сделавший для основания и процветания общества Веданты) познакомил Ишервуда с Хаксли вскоре после того, как Кристофер более или менее постоянно обосновался в Лос-Анджелесе, зарабатывая на жизнь написанием сценариев, как иногда делал Хаксли (а также Тенниси Уильямс, и Уильям Фолкнер, и Ф. Скотт Фицджеральд — что это были за дни!); они оставались друзьями до самой смерти Хаксли в 1963 г. Именно в Лос-Анджелесе формировалось общество Веданты (в одном из храмов которого, я полагаю, Ади Да одержал свою первую крупную победу). Оно должно было стать одним из трех главных каналов, по которым в эту страну открывался доступ восточной мудрости.

Если Кристофер был литературным голосом общества, то Хаксли был его умом. Как отмечали Ишервуд и многие другие, Олдос был неважным романистом; его персонажи стереотипны. Мне всегда нравилось его собственное объяснение этого: «У меня почти нет мыслей о себе, и я не люблю их иметь — избегаю их иметь — даже в принципе, — я импровизирую их, только когда кто-нибудь вроде вас хочет их узнать...» Поэтому он взамен писал романы об идеях, хотя осознавал, с каким риском это связано. «Ты не только должен писать о людях, которым есть что сказать — это 0,01 процента человеческой расы. Поэтому настоящие, прирожденные романисты не пишут таких книг. Но я никогда не претендовал на то, чтобы быть прирожденным романистом».

Вместо этого он великолепно писал об идеях — ярко и блестяще, так что порой дух захватывало. И освобождающе. Как пишет в своих мемуарах сэр Исайя Берлин: «Подобно тому, как в восемнадцатом веке литераторы — ведомые Вольтером, главой цеха, — несли освобождение многим угнетаемым человеческим существам; как это с тех пор делали Байрон или Жорж Санд, Ибсен, Бодлер, Ницше, Уайльд и Жид и, возможно, даже Уэллс или Рассел, так людям моего поколения помогали находить себя романисты, поэты и критики, интересовавшиеся главными проблемами своего времени. Сэр Исайя

считает Хаксли, наряду с Эзрой Паундом и Дж. Б. С. Холдейном, одним из главных освободителей своего времени.

Одна из биографов Хаксли, Сибилла Бедфорд, подмечает еще одну черту этой великой освободительной традиции: она включала в себя «множество необычайно и разнообразно одаренных индивидуумов, что влияние... было огромно. Общим для них было сильное желание приобретать, продвигать и распространять знание — желание улучшать участь, равно как и управление человечества, принятие на себя ответственности — *l'intelligence oblige*^{4*} — и страсть — никакое более мягкое слово не годится — к истине».

Это было время, когда подобные вещи были даже понятными, не говоря о том, чтобы иметь значение. То есть это было до моего поколения, в котором профессора-гуманитарии решили, что они не могут помогать кому бы то ни было в создании чего бы то ни было, и потому, взамен, в припадке обиды посвящали себя ниспровержению, оставляя только деконструктивистскую улыбку Чеширского кота, повисшую в воздухе; и их шокировало, шокировало, что у кого-то вообще могла быть страсть к истине, поскольку истина — как они благополучно извращали Фуко — это нечто иное, как тонко замаскированная власть, и потому они пытались гарантировать, чтобы никто из их учеников тоже не искал истину, чтобы они чего доброго действительно не нашли ее и не начали делать настоящие работы, сияющие красотой и глубиной.

Именно потому, что Хаксли занимался трансцендентальным, его проза обладала освобождающей силой. Вы должны знать, что действительно существует трансцендентальное нечто, если собираетесь кого-либо от чего-либо — если не существует ничего за пределами наличного бытия, то нет никакой свободы отданного и освобождение тщетно. Сегодняшним писателям-постмодернистам, которые придерживаются данного, льнут к очевидному, цепляются за тени, прославляют поверхностное, больше некуда деться, и потому освобождение — это последнее из того, что они могут предложить... или вы можете получить.

Неудивительно, что одним из лучших друзей Олдоса в течение нескольких десятилетий был Кришнамурти (мудрец, на трудах которого я оттачивал свое духовное понимание). Кришнамурти был величайшим освободителем — по крайней мере иногда, — и в таких книгах, как «Свобода от известного», этот выдающийся мудрец указывал на способность беспристрастного осознания освободить от сковывающих мук пространства, времени, смерти и двойственности.

Когда дом (и библиотека) Хаксли сгорел, первыми книгами, которые он попросил восстановить, были «Замечания об образе жизни» Кришнамурти.

Йегуди Менухин писал об Олдосе: «Он был одновременно ученым и художником, защищавшим все, в чем мы больше всего нуждаемся в раздробленном мире, где каждый из нас несет в себе искажающий осколок какого-то великого разбитого вселенского зеркала. Он ставил своей целью восстанавливать эти фрагменты, И! по крайней мере, в его присутствии, люди были снова цельными. Чтобы знать, к чему мог относиться каждый осколок, необходимо иметь некоторое представление о целом, а столь масштабной цели мог достичь только такой ум, как у Олдоса — очищенный от личного тщеславия, замечающий и фиксирующий все и ничего не использующий в своих интересах».

К освободителям, подобным Хаксли, я, разумеется, должен отнести и Томаса Манна, которым я увлекся на несколько лет, читая все, что мог найти написанное им и о нем. Он написал свой первый роман «Будденброки» в возрасте 25 лет и получил за него Нобелевскую премию. Кто сегодня смог бы написать «Волшебную гору» и опубликовать ее? И разве «Смерть в Венеции» — это не самый совершенный из когда-либо написанных рассказов? Манн тоже соприкасался с обществом Веданты, когда переехал в Калифорнию. Роберт Музиль, Пруст и Манн — мои любимые, неумолимо интеллигентные авторы этого столетия, «от которого, что весьма примечательно, никому нет никакой пользы», — Музиль.

Манн сперва поддерживал ретроромантические и реакционные фашистские движения в Германии — народная кровь, и земля, и «душа» Германии — и затем с потрясением и отвращением отвернулся от них, избрав рациональный плюрализм, став самым ясным и громким антинацистским голосом, исходившим из Германии, и, возможно, величайшим романистом-гуманистом столетия. Он глубоко изучал внутреннюю жизнь — Фрейда, Ницше, Шеллинга, Шопенгауэра, мистицизм, — но именно из-за своего предыдущего увлечения дорациональным фашизмом ему всегда трудно отличать дорациональную регрессию от надрационального блаженства. Он — один из великих и драгоценных голосов этого столетия; он столь явно принадлежит к пантеону тех, кто в той или иной степени помогал освобождать огромное множество восприимчивых душ.

Так что это еще одна линия: великая традиция освободительного писательства, интеллектуального света на службе освобождения, помогающего уничтожать репрессию, идти наперекор власти и избегать

ограниченности ума, сколь странно все это бы ни звучало в наши дни. Сегодня эта благородная традиция сводится к рациональным ученым вроде доброго Карла Сагана, пытающегося противостоять шоу Элвиса и массовому помешательству на НЛО, но это настолько благороднее, чем все то, и обращено к столь многому, что выше, и глубже, и истиннее во всех нас. Боюсь, что освободительная традиция умерла вместе с Хаксли.

Все эти линии свернуты в одну. Поэтому Кристофер Ишервуд для меня что-то вроде «шести градусов Кевина Бэкона». От Ишервуда можно добраться до всего важного за шесть ходов или меньше.

Но Господи, это так грустно, поскольку столь немногие хотят делать эти шаги. И я так подавлен, читая его дневники и получая ежедневные напоминания об этом.

Пятница, 24 января

Брал напрокат «Прыжок», который уже видел в кино; он превосходен. Дженифер Тилли, Джина Гершон, Джо Пантолиано — две лесбиянки, которые приканчивают Джо, но в ситуации предельной напряженности. Фильм снят в чувственной черной манере — это один из моих любимых видов кинематографической атмосферы. В действительности они не столь похожи, но это заставило меня думать об открывающих титрах «Семерых», которые были сняты блестяще. Несколько критиков сердито отвергли «Семерых» от начала до конца, поэтому я был рад узнать, что открывающие титры удостоились Международной премии дизайна. Дизайнер Кайл Купер описывал их как «мрачные, но шуточные форзацы для неудачного фильма года». У меня очень странное чувство, что написание и публикация «Науки и религии» будут мрачными, но шуточными форзацами этого года. Будут ли они «неудачными», это мы еще увидим.

Суббота, 25 января

Имел свидание с женщиной, которую не буду называть, оно было не совсем удачным. Оказалось, что большинство ее отношений были очень кратковременными. Один из ее браков продолжался лишь несколько месяцев. Я хочу сказать, что у меня продукты в холодильнике дольше хранятся.

Понедельник, 27 января

Сэм [Берхольц] спешно выпустил «Око Духа» ко времени конференции

КУ. Мои экземпляры прибыли сегодня с небольшим опозданием; но «Шамбала», как обычно, проделала прекрасную работу. В некоторых отношениях это одна из моих любимых книг, но я не знаю, насколько хорошо она будет расходиться.

Джек великодушно написал предисловие. Мы с Джеком [Криттенденом] знакомы очень давно, с первых дней в Линкольне, когда он посетил меня, прочитав «Спектр сознания». Он хотел основать журнал «Ревижн», и я помогал создавать его и руководить им. Мы больше не связаны с этим журналом, но остались верными друзьями. Он — блестящий теоретик и великолепный писатель. Трудно поверить, теперь у них с Патрицией трое сыновей-подростков. Джек опубликовал «За пределами индивидуализма» (*Beyond Individualism*, Oxford University Press) и теперь с разной степенью серьезности работает над двумя или тремя другими книгами, совмещая это со своими преподавательскими обязанностями в университете Аризоны.

Джек прекрасно объясняет смысл «интегрального» и, достойный сожаления, обрывочный характер столь многого из того, что в современном мире именуется «знанием». Я уже получил множество комментариев на предисловие Джека в духе: «О, теперь я понимаю, что вы пытаетесь делать во всех своих сочинениях». Слава богу, кто-то может это объяснить.

[Несколько последующих записей относятся к предисловию Джека. Вот несколько выдержек из него для примера:

Подход Уилбера противоположен эклектике. Он дал связную и последовательную картину, которая гладко соединяет притязания на истину из таких областей, как физика и биология; эконануки; теория хаоса и системные науки; медицина; нейрофизиология, биохимия; изобразительное искусство, поэзия и эстетика в целом; психология развития и целый спектр психотерапевтических подходов, от Фрейда до Юнга и Пиаже; теоретики Великой Цепи от Платона и Плотина на Западе до Шанкары и Нагарджуны на Востоке; модернисты от Декарта и Локка до Канта; идеалисты от Шеллинга до Гегеля; постмодернисты, от Фуко и Дерриды до Тэйлора и Хабермаса; основная герменевтическая традиция от Дильтея до Хайдеггера и Гадамера; теоретики социальных систем от Комте и Маркса до Парсонса и Лухмана; созерцательные и мистические школы великих медитативных традиций на Востоке и Западе, в главных мировых религиях. Все это лишь выборка. Нужно ли тогда удивляться, что те, кто узко специализируется в одной конкретной области, могут обидеться, если их область не представлена в качестве центрального стержня мироздания.

Другими словами, для критиков ставки огромны, и я здесь не принимаю ту или иную сторону в споре, если предполагаю, что критики, которые сосредоточились на каких-то излюбленных ими частностях в методе Уилбера, нападают на отдельные деревья в лесу его представлений. Однако если мы вместо этого взглянем на весь лес и если подход Уилбера в общем и целом обоснован, мы увидим, что он почитает и включает в себя больше истины, чем любая другая система в истории.

Как так? В чем в действительности заключается его метод? В любой области Уилбер просто обращается к такому уровню абстракции, на котором различные

конфликтующие подходы на поверку оказываются согласующимися друг с другом. Возьмем, к примеру, великие мировые религии. Все ли они согласны с тем, что Иисус — Бог? Нет. Значит, мы должны сбросить это со счетов. Все ли они согласны с тем, что Бог существует? Это зависит от того, что значит «Бог». Все ли они согласны в своих представлениях о Боге, если под «Богом» мы подразумеваем Дух, который во многих отношениях *неопределим по сути*, от буддистской Пустоты до иудейской тайны Божественного? Да, это подходит в качестве обобщения того, что Уилбер называет «ориентирующим обобщением» или «твердым выводом».

Точно так же Уилбер подходит и к другим областям человеческого знания: от искусства до поэзии, от эмпирики до герменевтики, от психоанализа до медитации, от теории эволюции до идеализма. В каждом случае он выстраивает ряд твердых и надежных, если не сказать неопровержимых, ориентирующих обобщений. Его не беспокоит (как не должно беспокоить и его читателей), примут ли другие области выводы любой данной области; короче говоря, не беспокойтесь, к примеру, если эмпирические выводы не согласуются с религиозными выводами. Вместо этого просто соберите вместе все ориентирующие выводы, как если бы каждая область содержала неизмеримо важные для нас вещи. Именно это и есть первый шаг, который Уилбер делает в своем методе синтеза, — своего рода феноменология всего человеческого знания на уровне ориентирующих обобщений. Иными словами, соберите вместе все истины, которые каждая область, по ее собственному мнению, может предложить человечеству. На некоторый момент просто предположите, что все они действительно верны.

Затем Уилбер выстраивает эти истины в цепи или сети смыкающихся заключений. На этом этапе он круто поворачивает от чистой эклектики к систематическому подходу. Ибо второй шаг в методе Уилбера состоит в том, чтобы взять все истины или ориентирующие обобщения, собранные на первом шаге, а затем поставить вопрос: «Какая логически непротиворечивая система фактически *включала бы в себя наибольшее число этих истин?*»

Система, которую Уилбер предлагает в «Поле, экологии и духовности» (а также просто и ясно резюмирует на последующих страницах), по его словам, вмещает самое большое количество ориентирующих обобщений из разных областей человеческого познания. Если это так, то подход Уилбера включает в себя, почитает и объединяет больше истины, чем любая другая система в истории.

Общая идея довольно проста. Дело не в том, какой теоретик прав, а какой нет. Идея Уилбера состоит в том, что каждый по сути прав, и он хочет выяснить, как так может быть. «Я не верю, — говорит Уилбер, — что хоть один человеческий ум способен на стопроцентную ошибку. Поэтому, вместо того чтобы спрашивать, какой подход верен, а какой нет, мы допускаем, что каждый подход прав, но лишь частично, а потом пытаемся выяснить, как подогнать друг к другу эти частичные истины, как объединить их — а не как выбрать одну из них и отбросить остальные».

Третий шаг общего подхода Уилбера — это разработка нового типа *критической теории*. Имея сводную схему, содержащую максимальное число ориентирующих обобщений, он затем использует ее для критики частичного характера более узких подходов, хотя он и включил в нее фундаментальные истины из этих подходов. Он критикует не истины этих подходов, а их ограниченность.

Таким образом, интегральный подход Уилбера дает ключ к обоим типам крайних реакций на его работы, то есть к заявлениям, что это наиболее значительное из всего, когда-либо напечатанного, равно как и к хору возмущенных и злобных нападок. Гневные филиппики почти без исключения исходят от тех теоретиков, которые считают, что их область — это единственная истинная область, а их метод —

единственный достоверный метод. Уилбера никогда убедительно не критиковали за непонимание или неверное представление тех областей знания, которые он включает в свою систему. Вместо этого на него нападают за включение в нее тех областей, которые данный конкретный критик не считает существенными, или за посягательство на собственную священную корову этого критика (не в обиду вегетарианцам будь сказано). Фрейдисты никогда не утверждали, что Уилбер не понимает Фрейда; они говорят, что ему не следует включать в свою модель мистицизм. Структуралисты и постструктуралисты никогда не говорили, что Уилбер не понимает их предмета; они говорят, что ему не следует обращать внимания на все эти остальные гадкие области. И так далее. Нападение всегда принимает одну и ту же форму. Как вы смеете говорить, что моя область — не единственная истинная область!

Независимо от того, о чем идет речь, ставки, как я уже сказал, огромны. Я спросил Уилбера, что он сам думает о своей работе, — «Мне хотелось бы думать о ней, как об одной из первых правдоподобных мировых философий, как о подлинном синтезе Востока и Запада, Севера и Юга». Интересно, что Хьюстон Смит (автор «Мировых религий», которому Билл Мойерс посвятил высоко оцененный зрителями телевизионный сериал «Мудрость веры») недавно заявил: «Никто — даже Юнг — не сделал так много, как Уилбер, для того чтобы открыть для западной философии проверенные веками прозрения традиций мировой мудрости. Медленно, но верно, книга за книгой, Кен Уилбер закладывает основы подлинной интеграции Востока — Запада».

В то же время Кен добавляет: «Людам не следует воспринимать это слишком серьезно. Это просто ориентирующие обобщения. Вам остается наполнить все это деталями по своему усмотрению». Короче говоря, Уилбер не предлагает концептуальную смирительную рубашку. В действительности совсем напротив: «Надеюсь, я показываю, что в Космосе гораздо больше места, чем вы могли бы предположить».

Однако этого места мало тем, кто хочет сохранить свои феодальные владения, сужая Космос до одной отдельной области — разумеется, своей собственной, — игнорируя истины из других областей. «Вы не можете с уважением относиться к различным методам и областям, — добавляет Уилбер, — не показав, как они согласуются друг с другом. Именно так создается настоящая мировая философия». Уилбер как раз и показывает эту «согласованность». «В противном случае, — говорит он, — мы имеем нагромождения, а не целостности и на самом деле не проявляем уважения ни к чему»].

Вторник, 28 января

Визит к зубному врачу. В Боулдере все дантисты считаются «холистическими». Они не умеют запломбировать дупло, но они хороши для вашей души. Ваши зубы разрушаются, но ваш дух, видимо, благоденствует.

Среда, 29 января

Мне приходит в голову, что для «Науки и религии» у меня будет агент, какого у меня уже давно не было. В последние десять лет у меня установились удобные рабочие отношения с издательством «Шамбала», которым руководит мой давний друг Сэм Берхольц. Но Сэм понимает, что на этот раз я хочу иметь дело с более

общеизвестным издательством, и потому я, с его благословения, собираюсь окунуться в большой дурной мир коммерческого книгопроизводства.

Итак, в любом случае, где же найти агента? В этих широко рекламируемых фирмах?

Четверг, 30 января

Завтра мой день рождения. Но это день рождения «Кена Уилбера», а не моего Изначального лица, великого Нерожденного, бескрайнего пространства Пустоты, к которому не имеют отношение дата, длительность или время. Этот безбрежный океан Непринужденности, эта безграничная протяженность Свободы, это прозрачное море Спокойствия — то, чем я являюсь в глубочайшей части себя, бесконечное пересечение, где нет меня, а есть только Дух.

У великого Нерожденного нет дня рождения, ибо это то, что никогда не возникает, а представляет собой Таковость всего, что есть, сияющую до бесконечности. Невозможно праздновать безвременный момент, предшествующий истории и ее обманам, времени и его безобразным страхам, длительности и ее ярму. Нет никаких подарков для великого Несотворенного, Источника всего сущего, безграничного Моря Безмятежности, наполняющего весь Космос. Нет никакой песни для Всегда Уже, бесконечной Свободы, великолепно простирающейся за пределы как рождения, так и смерти.

Ибо каждое чувствующее существо может законно говорить: моя сущность безвременна, она — Всё; морщины на моем лице — это трещины космического яйца, в моем сердце кружатся сверхновые звезды, в моих венах пульсируют галактики, звезды зажигают нейроны моей ночи... И кто будет петь «Хэппи Бёсдэй» всему этому? Кто будет поздравлять бескрайнее пространство, которое без объявления поет свои песни в тишине ночи?

ФЕВРАЛЬ

Все Будды и все чувствующие существа не что иное, как Один Дух, помимо которого не существует ничего. Этот Дух, который не имеет начала, — нерожденный и неразрушимый. Он не зеленый или желтый и не имеет ни формы, ни внешности. Он не принадлежит к категории вещей, которые существуют или не существуют, и о нем нельзя думать как о новом или старом. Он ни длинный, ни короткий, ни большой,

ни маленький, ибо он превосходит все пределы, меры, имена, признаки и сравнения. Только пробуждайтесь к Одному Духу.

Мастер дзен Хуанг По

Суббота, 1 февраля

Работал все утро, пошел за покупками, купил бакалейные товары. Под моей крышей живут два голубя, свившие гнездо в большой отдушине, которая выходит из моей сушилки для одежды. Я снял с отдушины решетку, чтобы они могли попадать в нее зимой; им нравится теплый воздух, выходящий из сушилки. Так что сегодня я заметил, что теперь их уже три — у них только что вывелся птенец. Людям следует соединяться в пары на всю жизнь, подобно голубям, пингвинам и католикам. Разумеется, за исключением того, что у голубей никогда не бывает, чтобы браки чудесным образом признавались недействительными.

Воскресенье, 2 февраля

Получил экземпляр книги Эндрю Харви «Основные мистики-гомосексуалисты» [Andrew Harvey. *The Essential Gay Mystics*], для которой я был рад написать краткую аннотацию. [«Эндрю Харви собрал воедино некоторые из самых страстных и трогательных работ во всей мистической литературе, и, как это бывает, все авторы были геями. Но слова говорят сами за себя, то есть через слова в этом томе непосредственно говорит Божественное — через слова, которые изливались через сердца геев, умы геев и любовь геев, но которые глубоко, выразительно, красиво обращаются к одному и тому же Божественному во всех нас. Мистик — это не тот, кто воспринимает Бога как объект, а тот, кто погружен в Бога как в атмосферу, и собранные работы служат блестящим свидетельством этого всеобъемлющего состояния. Харви подарил нам рог изобилия мистической мудрости, нежной, как слезы, и мягкой, как туман, но также страстно пылающей неослабным огнем самого Божественного.]

В разделе «Об авторе» с характерным обаянием говорится: «Эндрю учился в Оксфорде и в возрасте 21 года получил наивысшую научную награду Англии, став самым молодым членом совета колледжа Всех Душ за всю его историю. Плодовитый писатель, Харви является автором десяти книг, включая «Путешествие в Ладакх». Он работал вместе с Согьялом Ринпоче над ставшей бестселлером «Тибетской книгой живущих и умирающих» [«*Tibetan Book of Living and Dying*»]. О Харви, ныне живущем в Париже, в 1993 г. был снят документальный

фильм Би-би-си «Становление мистика». Перед началом работы над этой книгой Харви со своим будущим интимным партнером Эриком ненадолго заезжал ко мне вместе с Алеком Цукатосом. Я приготовил им пиццу, и мы ели ее на балконе, с которого открывается вид на равнины Денвера.

Будучи романтиком, Эндрю вынужден колебаться между идеализацией утраченного возлюбленного и ненавистью к нему, так что он прошел через свою фазу любви и ненависти, но теперь, судя по всему, вполне благополучно соединился с Эриком, от которого, как он говорит, он узнал больше об истинной любви, чем от кого бы то ни было еще. Надеюсь, что это ему подходит; он, кажется, по-настоящему счастливым.

Вторник, 4 февраля

Меня беспокоит здоровье Хьюстона [Хьюстона Смита]. Иногда мне кажется, что он проживет еще десять или двадцать лет, потом я беспокоюсь, что он не доживет до конца года. С тех пор как умерла Трейя, я всегда стараюсь говорить людям, какие чувства я к ним испытываю, до того, как их не станет, до того, как будет слишком поздно. У нас с Трейей была возможность это делать, но я видел, как бывало с теми, кто этого не делал.

Поразительно, что Хьюстон работал над вечной философией задолго до того, как большинство людей вообще о ней услышали. За годы до того, как это вошло в моду — межкультурные традиции мудрости, мировое религиозное наследие, восхваление духовного разнообразия и духовного единства, — Хьюстон уже делал свою работу.

Его тело теперь стало почти прозрачным, подобным тонкой, красивой просвечивающей ткани. В последний раз, когда я его видел, он был очень слабым и хрупким, но сияющим. В глубине души я подозреваю, что, если выключить свет, от него может исходить слабое свечение.

Дорогой Хьюстон!

Было чудесно повидаться с вами. Но когда в ответ на вопрос о здоровье вы сказали: «Твердыня разрушается», это оказало на меня глубокое воздействие, которое сохранилось и поныне. Мне хотелось написать и рассказать вам об этом.

Чем больше та Пустота пронизывает мое существо, тем больше в моей жизни воцаряется странный «двойной» тип осознания. С одной стороны, все, что происходит — любая отдельная вещь, от самой лучшей до самой худшей, — в равной степени представляет собой сияние Божественного. Я просто не могу

увидеть разницы между ними. Остается тайной, как боль и счастье равны в этом осознании, самая жалкая душа и самое божественное равны в этом сиянии, садящееся солнце и восходящее солнце приносят одинаковую радость, ничто вообще не трогает в этом великолепии Всеобщего. И когда, соприкасаясь с этой всеобщностью, я слышу, что твердыня милого Хьюстона разрушается, это просто так, как оно есть, и все по-прежнему правильно, все в порядке и все хорошо. Все так же излучает нескончаемую славу, каковой мы все являемся.

Другая сторона этой Пустоты — другая часть «двойного осознания» — состоит в том, что в дополнение к постоянному сиянию этого момента (или наряду с ним) все малые моменты каким-то образом в еще большей степени являются самими собой. Грусть еще грустнее, счастье — счастливее. Наслаждение более глубоко, боль приносит большее страдание. Я смеюсь громче и плачу горче. Именно потому, что все это чистейшая Пустота, каждое относительное явление получает возможность быть собой еще интенсивнее, поскольку оно больше не соперничает с Божественным, а просто выражает Его.

И на *этой* стороне двойного осознания — где боль еще больнее (поскольку она Пуста) и грусть намного грустнее (поскольку она Пуста), — когда я слышу, что твердыня милого Хьюстона разрушается, я переполнен грустью, которую я не в силах передать словами.

Вы значили так много для столь многих, вы пришли с голосами ангелов, чтобы напомнить нам, кто мы есть, вы пришли со светом Бога, чтобы осветить наши лица и заставить нас вспомнить, вы явились как маяк, сияющий в непроглядной ночи наших смятенных и несчастных душ, как наша собственная глубочайшая сущность, чтобы никогда не позволять нам забывать. И вы делали это последовательно, с прямою и блеском, со скромностью, и отвагой, и заботой, и вы оставили и по-прежнему оставляете за собой путь, по которому последуем все мы, и мы будем делать это с большей благодарностью и почтением и любовью, чем способны передать мои слова.

Итак, как вы видите, я стал шизофреником Божественного. У меня всегда одновременно два ума. Пропитанное Пустотой, все в точности, как оно должно быть, великолепный жест Великого Совершенства. И — в точности в то же время, точно в том же восприятии — меня доводит до слез мысль о том, что вы нас покидаете, и это просто нестерпимо, абсолютно неприемлемо, я

буду гневно роптать против умирания этого света до тех пор, пока уже не смогу больше роптать и мой голос не охрипнет от тщетных воплей против надругательства самсары. И в то же время как раз это — нирвана; не теоретически, но именно так, таким образом, прямо сейчас: Пустота. Оба восприятия одновременны; я знаю, что мне нет нужды говорить вам об этом; я знаю, что в вашем случае это так.

И поэтому, на той стороне двойного осознания, которая яростно восстает против разрушения твердыни, я просто хотел вам сказать, так глубоко, как только мог, что вы значили для нас всех. И лично для меня; вся моя карьера, шаг за шагом, проходила с ощущением вашего присутствия. От того прекрасного письма, которое вы написали 25-летнему юнцу, похвалив его первую книгу, до вашего согласия участвовать в издании «Ревижн» (Я сказал Джеку Криттендену, что не буду чувствовать себя спокойно, делая журнал, если в редколлегию не войдет Хьюстон), до надгробной речи на похоронах Трейи, которая довела меня до слез и оставила полностью растерянным. На этой стороне двойного осознания я (знаю, что не буду благоденствовать, когда твердыня разрушается).

Но вы должны простить меня за то, что я раньше времени хороню вас и говорю так, словно ваша кончина близка; даст Бог, пройдут десятки лет, прежде чем все мы соберемся, чтобы действительно произносить такого рода слова, в то время как ваш прах возвращается в космический танец, а ваша душа возвращается к тому, что она никогда не покидала. Но, как я предупреждал вас, слова «твердыня разрушается» пронзили меня такой грустью, что я хотел бы ошибаться, посылая вам эти слова сейчас; даже десятки лет — это слишком скоро. Именно из-за Трейи я в большей степени, чем большинство других людей, чувствителен к возможности скоропостижной смерти в самое неподходящее время — даже если она не была неожиданной.

Поэтому, пожалуйста простите меня за то, что я посылаю вам свою эвлогию (надгробную речь); в то же время мне всегда нравилось происхождение слова «эвлогия» — *eu*: подлинная, *logy*: история — правдивый рассказ. Я посылаю вам обратно самую большую часть, какую могу, той любви, которую вы щедро дарили всем нам и призывали всех нас воплощать. Вашу любовь, Божью любовь — вы научили нас, что это одно и то же, — я возвращаю вам, мой учитель, мой наставник, мой друг,

человек, которого я никогда не смогу забыть.

Всегда ваш,
Кен

Воскресенье, 9 февраля

Как раз перед тем, как я начал работать над книгой «Пол, экология, духовность» [ПЭД], несколько преподавателей Института Наропы в Боулдере просили меня встретиться с ними и их студентами. Как правило, я отказываюсь от предложений читать лекции или преподавать, что очень плохо, поскольку мне это нравится, но в этом случае мы достигли компромисса. Я просто пригласил студентов приходить ко мне домой — тремя или четырьмя группами, по 30—50 человек в каждой, — чтобы обсуждать любые темы, которые они хотели, и так долго, как они хотели. В период моего трехлетнего отшельничества [работы над ПЭД] эти семинары были отменены, но в этот год я согласился начать их снова. Коль скоро студенты приходят ко мне домой, я могу притворяться, что соблюдаю свое правило «никаких публичных выступлений», — вы понимаете, я не читаю лекции, ко мне просто заходят поболтать несколько студентов.

Так что сегодня у нас еще один семинар. Я дал согласие проводить эти семинары примерно дважды в месяц, более или менее нерегулярно. Кто-то предложил, чтобы мы начали записывать их на видеокамеру, и, возможно, мы будем это делать.

Понедельник, 10 февраля

На прошлой неделе пришли все аннотации к «Науке и религии» от нескольких очень любезных людей, которые сжалились надо мной. Я собрал их в комплект с хвастливым сопроводительным письмом и разослал всем агентам, которых рекомендовали мне различные друзья и издатели. Теперь я получил ответы от всех них. Вся идея весьма забавна. По сути дела, я провожу среди полудюжины агентов аукцион, победитель которого будет проводит аукцион среди полудюжины издательств, и то из них, которое победит на нем, затем будет публиковать книгу.

Это также несколько опасно, поскольку несколько этих агентов связаны с модными писателями Нового Века. Я ценю работы некоторых из них, но, как мне кажется, дух, который они предлагают, слишком часто оказывается дорациональным и нарциссическим, а не надрациональным и божественным. Эти авторы, считая, что Бог и

Богиня в нашем мире отсутствуют, решили занять их место, и их агенты страстно желают получить 15% Бога. Я уже чувствую, что это намного больше того, на что я рассчитывал.

Вторник, 11 февраля

ДУХОВНОСТЬ, КОТОРАЯ ПРЕОБРАЗУЕТ

Хэл Блейкер, издатель журнала «Что такое Просветление?», описал тему этого номера следующим образом:

Мы намерены рассмотреть деликатный вопрос, который тем не менее необходимо затронуть, — поверхностный характер, отличающий большую часть духовных исследований и дискурса на Западе, особенно в Соединенных Штатах. Слишком часто при переводе мистических традиций Востока (и других мест) в американские понятия их проникновенная глубина выравнивается, их радикальные требования ослабляются и их потенциальные возможности революционного преобразования уничтожаются. Часто это происходит, казалось бы, незаметно, поскольку *слова* учений нередко остаются теми же самыми. И в то же время посредством очевидной ловкости рук, связанной, возможно, с их контекстом и потому в конечном счете с их смыслом, содержание величайших учений зачастую оказывается превращенным из рева пламени освобождения во что-то, больше напоминающее успокаивающее бормотание калифорнийской горячей ванны. Хотя есть и исключения, радикальные следствия величайших учений в результате нередко утрачиваются. Мы хотим исследовать это ослабление духовности на Западе и выявить его причины и последствия.

Мне бы хотелось взять утверждение Хола и подробно развернуть его основные положения в силу моих возможностей, сопровождая их комментариями, поскольку, вместе взятые, они высвечивают сердцевину и суть кризиса американской духовности.

ТРАНСЛЯЦИЯ В ПРОТИВОВЕС ТРАНСФОРМАЦИИ

В ряде книг (например, «Общительный Бог», «Ввысь из Рая», «Око Духа») я попытался показать, что религия, как таковая, всегда выполняла две очень важные, но очень разные функции. Во-первых, она действует как способ создания *смысла* для отдельного «я»: она предлагает мифы и истории, рассказы и повествования, Ритуалы и возрождения, которые, вместе взятые, помогают отдельному «я»

понимать и терпеть превратности жестокой судьбы. Эта функция религии обычно не ведет к обязательному изменению уровня сознания человека; она не приносит радикального преобразования. Не приносит она и решительного освобождения от самого отдельного «я». Скорее, она успокаивает «я», укрепляет «я», защищает «я», содействует «я». Коль скоро отдельное «я» верит мифам, исполняет ритуалы, произносит молитвы или придерживается догмы, человек горячо верит, что «я» будет «спасено» либо сейчас, в славе спасения Богом или покровительства Богини, либо в загробной жизни, которая гарантирует вечное чудо.

Но, во-вторых, религия также выполняет — обычно в очень и очень незначительном меньшинстве — функцию радикального преобразования и освобождения. Эта функция религии не укрепляет отдельное «я», а полностью разрушает его, она несет не утешение, а опустошение, не укрепление, а пустоту, не удовлетворенность, а взрыв, не спокойствие, а революцию, короче говоря, не традиционную поддержку сознания, а радикальное превращение и преобразование самого глубочайшего центра сознания.

Есть несколько способов, которыми можно сформулировать эти две важные функции религии. Первая функция — функция создания смысла для «я» — это разновидность *горизонтального* движения; вторая функция — функция превосходения «я» — это *вертикальное* движение (в высоту или в глубину, в зависимости от выбранной метафоры). Первую я назвал *трансляцией*, а вторую — *трансформацией*.

При трансляции «я» просто получает новый способ мыслить о реальности или чувственно воспринимать ее. Оно получает новое убеждение, быть может, холистическое вместо атомистического, относительное вместо аналитического или прощение вместо осуждения. Затем «я» учится переводить свой мир и свое существо в понятия этого нового убеждения, или нового языка, или новой парадигмы, и эти новые и чарующие действия перевода, по крайней мере временно, облегчают или ослабляют ужас, присущий сердцевине отдельного «я».

Но при трансформации сам этот процесс перевода подвергается сомнению, свидетельствуется, подрывается и в конечном итоге устраняется. При типичной *трансляции* «я» (самость), или субъект, получает новый образ мышления о мире, или объектах; но при радикальной *трансформации* само «я» исследуется, рассматривается, берется за горло и буквально душится до смерти.

И еще одна последняя формулировка: при горизонтальной трансляции,

которая является значительно преобладающей, распространенной и универсальной функцией религии, «я», по крайней мере временно, делается счастливым в своей алчности, удовлетворенным в своем рабстве, самодовольным перед лицом кричащего страха, который в действительности представляет собой его глубинное состояние. При трансляции «я» сонно бродит в мире, в оцепенении и близорукости натывается на кошмар самсары и получает приправленную морфином карту для ориентации в мире. И это, по существу, общее состояние религиозного человечества — как раз то состояние, которое духовные искатели, стремившиеся к радикальному преобразованию, научились подвергать сомнению и в конечном счете уничтожать.

Ибо при подлинном преобразовании речь идет не о веровании, а о смерти верующего; не о трансляции мира, а о трансформации мира, не о нахождении утешения, а о нахождении бесконечности по ту сторону смерти. «Я» не делается удовлетворенным; «я» аннулируется.

Но хотя я очевидно отдал предпочтение трансформации и принизил трансляцию, факт состоит в том, что в целом обе эти функции невероятно важны и абсолютно необходимы. Индивидуумы по большей части не рождаются просветленными. Они рождаются в мире греха и страдания, надежды и страха, желания и отчаяния. Они рождаются как «я», готовые и страстно желающие замкнуться в себе, с голодом и жаждой, слезами и страхом. И они довольно рано начинают учиться транслировать свой мир, понимать его, придавать ему смысл и защищать себя от страха и муки, никогда не скрывающихся глубоко под счастливой поверхностью отдельного «я».

И сколь бы сильно мы, вы и я, ни могли желать превзойти простую трансляцию и достичь подлинной трансформации, тем не менее сама трансляция остается абсолютно необходимой и решающей функцией для большей части нашей жизни. Те, кто не способен адекватно транслировать с достаточной целостностью и точностью, быстро впадают в тяжелый невроз или даже психоз: мир *перестает иметь смысл* — границы между «я» и миром не трансцендируются, но вместо этого начинают рушиться. Это не прорыв, а распад, не превосхождение, а катастрофа.

Но на некотором этапе нашего процесса развития сама трансляция, сколь бы адекватной и уверенной она ни была, просто перестает утешать. Никакие новые убеждения, новая парадигма, но мифы или новые идеи не останавливают вторгающееся страдание. Единственное, что помогает, — это не новое верование для «я», а превосхождение самого «я».

И все же число индивидов, которые готовы для подобного пути, всегда

было и, скорее всего, всегда будет очень незначительным меньшинством. Для большинства людей любой вид религиозного верования будет относиться к категории утешения: это будет новая горизонтальная трансляция, создающая какой-то вид смысла посреди уродливого мира. И религия всегда по большей части выполняла эту первую функцию, и выполняла ее хорошо.

Поэтому я также использую для описания этой первой функции (горизонтальной трансляции и создания смысла для отдельного «я») слово «законность». И большая часть важной роли религии состоит в том, чтобы *обеспечивать законность* «я» — законность его убеждений, его парадигм, его мировоззрений и его образа жизни в мире. Эта функция религии — придание законности «я» и его убеждениям — неважно, насколько временной, относительной, не преобразующей или иллюзорной, — тем не менее была единственной величайшей и самой важной функцией мировых религиозных традиций. Способность религии обеспечивать горизонтальный смысл, законность и поддержку «я» и его верованиям — *эта функция религии исторически была единственным величайшим «социальным связующим», имеющимся у любой культуры.*

И нельзя легко или беспечно экспериментировать с основным связующим, которое обеспечивает целостность обществ. Поскольку чаще всего, когда это связующее разрушается — когда нарушается трансляция, — результатом, как мы говорили, становится не прорыв, а крушение, не освобождение, а социальный хаос (мы вскоре вернемся к этому важнейшему моменту).

Там, где транслирующая религия предлагает *законность*, трансформирующая религия предлагает *подлинность*. Тех немногих людей, которые готовы, то есть терзаются муками отдельного «я», и более не способны принимать узаконенное мировоззрение, все более и более настойчиво влечет преобразующее раскрытие к истинной подлинности, истинному просветлению, истинному освобождению. И в зависимости от вашей способности к страданию вы рано или поздно ответите на призыв подлинности, трансформации, освобождения на утраченном горизонте бесконечности.

Трансформирующая духовность стремится не укреплять или узаконивать какое бы то ни было существующее мировоззрение, а скорее обеспечивать истинную подлинность путем разрушения того, что мир считает законным. Узаконенное сознание санкционируется консенсусом, принимается стадным менталитетом, используется и культурой, и контркультурой, поощряется отдельным «я» как *способ* понимания смысла этого мира. Но подлинное сознание быстро

избавляется от всего этого и взамен приобретает качество взгляда, который видит только сияющую бесконечность в глубине всех душ и вдыхает только атмосферу вечности, слишком простой, чтобы в нее верить.

Поэтому трансформирующая духовность, подлинная духовность революционна. Она не узаконивает мир, она ломает мир, не утешает мир, а разрушает его. И она не делает «я» удовлетворенным, она его уничтожает.

И эти факты приводят к нескольким выводам.

КТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕТ ТРАНСФОРМАЦИИ?

Довольно широко распространено убеждение, что Восток просто наполнен преобразующей и подлинной духовностью, тогда как Запад — как исторически, так и в сегодняшней Новом веке — не имеет ничего большего, чем разнообразные виды горизонтальной, транслирующей, всего лишь узаконенной и потому умеренной духовности. И хотя в этом есть доля истины, действительная ситуация гораздо мрачнее и на Востоке, и на Западе.

Во-первых, хотя в целом верно, что Восток породил большее количество подлинных духовных адептов, реальная доля населения, занятого подлинной преобразующей духовностью, прискорбно мала и всегда была такой. Я как-то спросил Катагири Роши, с которым у меня был мой первый прорыв (надеюсь, не провал), сколько истинно великих мастеров дзен и чань существовало за всю историю. Он без промедления ответил: «Возможно, всего одна тысяча». Я спросил еще одного мастера дзен, сколько истинно просветленных — глубоко просветленных — японских мастеров дзен живы в настоящее время, и он ответил: «Не больше дюжины».

Давайте просто примем, в целях дискуссии, что это приблизительно верные ответы. Взглянем на цифры. Если мы предположим, что в течение всей истории существовал только один миллиард китайцев (а это крайне заниженная оценка), это все равно означает, что лишь одна тысяча из миллиарда достигла подлинной, преобразующей духовности. Для тех из вас, у кого нет калькулятора, скажу, что это 0,0000001 всего населения. (Даже если мы возьмем один миллион вместо одной тысячи, это по-прежнему всего 0,001 населения — жалкая капля в бочке.)

И это, без сомнения, означает, что все остальное население участвовало (и участвует) в лучшем случае в различных видах горизонтальной, транслирующей, всего лишь узаконенной религии: они занимались магическими практиками, мифическими верованиями, эгоической просительной молитвой, магическими ритуалами и так далее — иными

словами, трансляционными способами придания смысла отдельному «я», трансляционной функцией, которая, как мы говорили, была главным социальным связующим китайской (и всех других) культур, существовавших до настоящего момента.

Таким образом, никоим образом не принижая поистине ошеломляющие достижения славных восточных традиций, можно сказать совершенно прямо: радикальная трансформирующая духовность чрезвычайно редка повсюду в истории и повсюду в мире (цифры для Запада еще больше угнетают).

Итак, хотя можно весьма справедливо сетовать на то, как мало людей на Западе сегодня занимаются поистине подлинной и радикально преобразующей духовной реализацией, не будем прибегать к ложным доводам, утверждая, что ситуация была *принципиально* иной в более ранние времена или в других культурах. Иногда она была *чуть* лучше, чем мы видим здесь и сейчас на Западе, но факт остается фактом: подлинная духовность — это крайне редкое явление повсюду, в любое время и в любом месте. Поэтому давайте исходить из бесспорного факта, что вертикальная, преобразующая подлинная духовность — это одна из самых драгоценных жемчужин во всей человеческой традиции именно потому, что, подобно всем драгоценностям, она невероятно редкостна.

Во-вторых, даже хотя вы и я можем глубоко верить, что самая важная функция, которую мы способны выполнять, — это предлагать подлинную преобразующую духовность, фактически большая часть из того, что мы должны делать, будучи способны нести в мир подобающую духовность, на самом деле заключается в том, чтобы предлагать более *доброкачественные и полезные виды трансляции*. Иными словами, даже если мы сами практикуем или предлагаем подлинную преобразующую духовность, тем не менее большая часть того, что мы должны делать в первую очередь, сводится к обеспечению людей более адекватным способом трансляции их состояния. *Мы должны начинать с полезных трансляций, прежде чем сможем эффективно предлагать подлинные трансформации.*

Причина состоит в том, что, если у индивидуума (или культуры) слишком быстро, или слишком внезапно, или слишком неумело отнять трансляцию, результатом будет опять же не прорыв, а крушение, не высвобождение, а коллапс. Позвольте мне привести два наглядных примера.

Когда Чогьям Трунгпа Ринпоче — великий (хотя и вызывающий много споров) тибетский учитель — впервые приехал в эту страну, он прославился тем, что на вопросы о смысле Ваджраяны всегда отвечал:

«Есть только Ати». Другими словами, куда бы вы ни посмотрели, существует только просветленный ум. Эго, самсара, майя и иллюзия — от всего этого нет нужды избавляться, поскольку ничто из этого в действительности не существует: есть только Ати, есть только Дух, есть только Бог, повсюду существует только недвойственное Сознание. Практически никто этого не понимал, никто не был готов к этому радикальному и подлинному постижению истины «всегда уже», и поэтому Трунгпа в конечном итоге ввел целый ряд «меньших» практик, ведущих к этой радикальной и высшей «не-практике». Он ввел девять ян в качестве основания практики — иными словами, он ввел девять стадий или уровней практики, достигающей кульминации в высшей «не-практике» всегда-уже Ати.

Многие из этих практик были просто трансляционными, а некоторые были тем, что можно назвать «малыми преобразующими» практиками: миниатюрными трансформациями, которые делали ум-тело более восприимчивым к радикальному уже-осуществившемуся просветлению. Эти трансляционные и малые практики выливались в «совершенную практику» не-практики — или радикальное, внезапное, подлинное постижение того, что с самого начала существует только Ати. Поэтому, несмотря на то что первоочередной задачей и первоосновой была окончательная трансформация, Трунгпа был вынужден вводить трансляционные и малые практики, чтобы подготавливать людей к очевидности того, что есть.

В точности то же самое происходило с Ади Да — еще одним влиятельным (и вызывавшим не меньше споров) адептом (хотя на этот раз американского происхождения). Первоначально он не учил ничему, кроме «пути понимания»: не способу достижения просветления, а исследованию того, почему вы вообще хотите достичь просветления. Само желание стремиться к духовному просветлению это в действительности не что иное, как алчная тенденция эго, и, таким образом, сами поиски просветления препятствуют его обретению. Поэтому «совершенная практика» состоит не в поиске просветления, а в исследовании мотивов для самого этого поиска. Вы явно пускаетесь в поиск для того, чтобы избежать настоящего, и в то же время только настоящее содержит в себе ответ: вечно искать — значит вечно не понимать самой сути. Вы всегда *уже* просветленный Дух, и потому поиски Духа означают просто отрицание Духа. Вы можете обрести Дух не в большей степени, чем обрести свою ногу или свои легкие.

Никто этого не понимал. И тогда Ади Да точно так же, как Трунгпа, ввел целый ряд трансляционных или малых трансформирующих практик — в действительности семь стадий практики, — ведущих к

тому этапу, когда вы можете полностью отказаться от поисков, открывшись к всегда-уже наличной истине вашего собственного вечного и безвременного состояния, которое целиком и полностью присутствовало с самого начала, но грубо игнорировалось в лихорадочном желании искать.

Но что бы вы ни думали об этих двух адептах, факт остается фактом: они провели, возможно, первые два великих *эксперимента* в этой стране по введению понятия «Существует только Дух», и потому именно поиски Духа препятствуют постижению. И они оба обнаружили, что, как бы остро мы ни чувствовали Дух, сколь бы ясно ни представляли радикальную *трансформирующую* истину этого момента, тем не менее *трансляционные* и малые преобразующие практики почти всегда оказываются необходимым предварительным условием для этой окончательной и высшей трансформации.

Таким образом, мой второй довод состоит в том, что вдобавок к предложению подлинной и радикальной трансформации мы все равно должны внимательно и заботливо относиться к многочисленным полезным видам трансляционных и малых практик. Поэтому более плодотворная позиция требует «интегрального подхода» к всеобъемлющей трансформации — подхода, который почитает и включает в себя многие малые преобразующие и трансляционные практики, охватывающие физический, эмоциональный, интеллектуальный, культурный и социальный аспекты человеческих существ, в качестве подготовки и выражения высшего преобразования во всегда-уже наличное состояние.

И потому, несмотря на то что мы справедливо критикуем чисто трансляционную религию (и все меньшие формы трансформации), давайте также отдавать себе отчет в том, что интегральный подход к духовности сочетает в себе все лучшее из горизонтального и вертикального, трансляционного и преобразующего, узаконенного и подлинного, и, значит, давайте сосредоточим свои усилия на уравновешенном и здоровом обзоре человеческой ситуации.

МУДРОСТЬ И СОСТРАДАНИЕ

Но не является ли эта моя точка зрения ужасно элитарной? Видит Бог, я надеюсь, что да. Когда вы идете на баскетбольный матч, чью игру вы хотите смотреть — Майкла Джордана или мою? Когда вы слушаете поп-музыку, кого вы хотите услышать за свои деньги — меня или Брюса Спрингстина? Когда вы читаете великую литературу, предпочтете ли вы потратить вечер, читая меня или Толстого? Когда вы платите 64 миллиона долларов за картину, будет ли это моя картина

или картина Ван-Гога?

Все совершенное элитарно. И это в равной мере относится к духовному совершенству. Но духовное совершенство — это элитарность, доступная всем. Мы сперва обращаемся к великим учителям — к Падмасамбхаве, к Св. Терезе Авивильской, к Гаутаме Будде, к госпоже Цогьял, к Эмерсону, Экхарту, Маймониду, Шанкаре, Шри Рамана Махарши, Бодхидхарме, Гарабу Дордже. Но они всегда говорят одно и то же: позвольте быть в вас этому сознанию, которое есть во мне. Вы всегда начинаете с элитарности; вы всегда заканчиваете эгалитаризмом. Но в промежутке есть гневная мудрость, кричащая из глубины души: мы все должны не упускать из виду цель радикальной и высшей трансформации. И потому любой вид интегральной или подлинной духовности также будет всегда включать в себя критический, настойчивый и временами полемический крик из трансформационного лагеря в адрес чисто трансляционного лагеря.

Если мы используем цифры для китайского чань в качестве простого общего примера, это означает, что если 0,0000001 населения действительно вовлечены в настоящую или подлинную духовность, то 0,9999999 вовлечены в не трансформирующие, неподлинные, чисто трансляционные или горизонтальные системы верований. И да, это означает, что огромное, подавляющее большинство «духовных искателей» в этой стране (как и в других местах) заняты далеко не подлинным делом. Так было всегда. Так это и сейчас. Эта страна не исключение.

Но в сегодняшней Америке это вызывает гораздо большее беспокойство, поскольку это подавляющее большинство приверженцев горизонтальной духовности нередко претендует на то, чтобы представлять передний край духовной трансформации, «новой парадигмы», которая изменит мир «великого преобразования», авангардом которого они являются. Но чаще всего они представляют вовсе не глубокую трансформацию, а чистую, но агрессивную трансляцию — они предлагают не эффективные средства окончательного демонтажа «я», а всего лишь другой образ мышления для «я». Не способы трансформации, а всего лишь новые способы трансляции. По существу, то, что предлагает большинство из них, — это не практика; не *садхана* или *сатсанг* или *шикан-таза* или йога. Все, что они предлагают, — это просто указание: читайте мою книгу о новой парадигме. Это крайне возмутительно и глубоко тревожит.

Таким образом, сторонники подлинной духовности сердцем и душой верны великим преобразующим традициям, однако они всегда будут одновременно делать две вещи: ценить и использовать малые и

трансляционные практики (от которых, обычно, зависит их собственный успех), но также кричать из глубины души, что одной лишь трансляции недостаточно.

И потому я считаю, что все те, чью душу глубоко волнует подлинная трансформация, должны жить с абсолютным моральным обязательством взывать из глубины души, быть может, тихо и мягко, со слезами сопротивления; быть может, с неистовым огнем и гневной мудростью; быть может, с неспешным и тщательным анализом; быть может, посредством непоколебимого публичного примера — *подлинность* всегда и с необходимостью несет с собой потребность и обязанность: вы должны говорить в полную силу своих возможностей, и трясти духовное дерево, и светить своими фарами в глаза самодовольных. Вы должны позволить этому радикальному постижению стучать в ваших венах и волновать тех, кто вас окружает.

Увы, если вы этого не делаете, то предаете свою собственную подлинность. Вы скрываете свое истинное достояние. Вы не хотите расстраивать других, поскольку не хотите тревожить свое «я». Вы поступаете нечестно, в стиле дурной бесконечности, поскольку понимаете: тревожный факт состоит в том, что любое постижение глубины несет с собой ужасное бремя: те, кому позволено видеть, одновременно связаны обязательством недвусмысленно *передать* это видение: таково условие. Вам было позволено увидеть истину с уговором, что вы должны сообщать ее другим (в этом основной смысл обета бодхисатвы). И поэтому, если вы увидели, вы просто должны говорить. Говорить с состраданием, или говорить с гневной мудростью, или говорить, используя умелые средства, но вы должны говорить.

И это поистине кошмарное бремя, ужасное бремя, поскольку оно в любом случае не оставляет места робости. Тот факт, что вы можете ошибаться, просто не служит оправданием: ваше сообщение может быть верным или неверным, но это не имеет значения. Как столь резко напомнил нам Кьеркегор, важно то, что только если вы передаете и сообщаете свое видение со *страстью*, истина тем или иным образом может преодолеть сопротивление мира. Если вы правы или если вы неправы, одна лишь ваша страсть заставит обнаружить то или другое. Ваша обязанность — содействовать этому открытию, что бы оно ни показало, и потому ваша обязанность — провозглашать вашу истину с той страстью и отвагой, на которые вы только способны. Вы должны взывать любым доступным вам способом.

Вульгарный мир уже кричит, и с таким пронзительным неистовством, что более истинные голоса вообще едва слышны. Материалистический мир уже полон рекламных объявлений и соблазнов, воплей оболыщения

и криков торговли, завываний приглашения и призывных возгласов. Я не хочу здесь быть суровым, и мы должны уважать все мелкие занятия. Тем не менее вы, должно быть, заметили, что «душа» сейчас — самая злободневная тема в списке покупаемых книг, но все, что в действительности означает «душа» в большинстве этих книг, это просто — эго в женском наряде. В этом нарастающем неистовстве погони за трансляциями слово «душа» стало означать не то, что в вас безвременно, а то, что с самым большим шумом мечется во времени, и, значит «забота о душе» непостижимым образом означает не более чем интенсивное сосредоточение на вашем страстно отдельном «я». Точно так же у всех на устах слово «духовное», но обычно оно, в действительности означает не более чем любое глубокое эгоическое чувство, подобно тому как «сердце» стало означать любое искреннее чувство самоограничения.

Все это, честно говоря, все та же самая старая трансляционная игра, переодевшаяся и пустившаяся во все тяжкие. И даже это было бы более чем приемлемо, если бы не тот тревожный факт, что весь этот трансляционный обман агрессивно именуется «трансформацией», когда все, что он собой представляет, это, разумеется, новый ряд резвых трансляций. Иными словами, в игре принятия любой новой трансляции и провозглашения ее великой трансформацией, судя по всему, увы, скрывается глубокое лицемерие. И мир в целом — Восток или Запад, Север или Юг — был и остается по большей части совершенно глухим к этой беде.

И потому, учитывая меру вашей собственной подлинной реализации, вы действительно собирались тихонько шептать в ухо этого почти глухого мира? Нет, друг мой, вы должны кричать. Кричать из глубины того, что вы увидели, кричать, как только можете.

Но не без разбора. Давайте действовать с этим преобразующим криком осторожно. Пусть небольшие очаги радикально преобразующей духовности, подлинной духовности, сосредоточивают свои усилия и преобразуют своих учеников. И пусть эти очаги начинают медленно, осторожно, ответственно, скромно распространять свое влияние, проявляя *абсолютную терпимость* ко всем воззрениям, но тем не менее пытаюсь защищать истинную и подлинную и интегральную духовность примером, блеском, видимым облегчением, очевидным освобождением. Пусть эти очаги преобразования мягко убеждают мир и его сопротивляющиеся «я», ставя под сомнение их законность, бросая вызов их ограничивающим трансляциям и предлагая пробуждение перед лицом немоты, которая преследует мир в целом.

Давайте начнем прямо здесь, прямо сейчас — с вас и меня — и с

нашего обязательства провозглашать бесконечность до тех пор, пока бесконечность не станет единственным утверждением, которое будет признавать мир. Пусть сияет на наших лицах, кричит из наших сердец и гневно звучит из наших умов радикальное постижение — этот простой факт, очевидный факт: что вы и я, в самой непосредственности вашего наличного осознания, в действительности представляем собой весь мир, во всем его холоде и жаре, в его славе и его милости, в его триумфах и его слезах. Вы не видите солнце — вы и есть солнце; вы не слышите дождь — вы и есть дождь; вы не ощущаете землю, вы — земля. И в этом простом, ясном, очевидном отношении трансляция прекратилась во всех сферах, и вы преобразились в само Сердце Космоса, и там, прямо там, очень просто, очень спокойно, все это аннулируется.

Тогда вам будут чужды и удивление, и жалость, и собственное «я», и другие, внешнее и внутреннее не будут иметь для вас никакого смысла. И в этом очевидном шоке узнавания — где мой Учитель — это моя Самость, и эта Самость представляет собой весь Космос, и Космос — это моя Душа — вы очень мягко войдете в туман этого мира и полностью преобразуете его, не делая вообще ничего.

И тогда, и тогда, и только тогда вы окончательно, ясно, тщательно и с состраданием напишете на могильном камне «я», которое никогда не существовало: есть только Ати.

Среда, 12 февраля

Я окончательно выбрал в качестве агента Ким Визерспун (протеже моего старого знакомого Джона Брокмана). Мы выбрали семь главных «общепризнанных» издательств, на которые мы рассчитываем: «Рэндом Хаус», «Саймон и Шустер», «Даблдэй», «Бэнтам», «Бродвей», «Риверхед/Патнэм и Харпер СанФран». Сегодня Ким послала книгу во все эти издательства. Так что мы ждем.

Пятница, 14 февраля

Что ж, весьма хорошие новости. Все семь издательств ответили Ким в течение двух суток. Она говорит, что книга «пойдет с пылу с жару», но в издательском мире крикливой рекламы и пускания пыли в глаза приходится раздумывать, что это значит на самом деле. «Происходит вот что. Энн Годофф, главный редактор Рэндом Хаус, — ее мы выбрали первой — хочет заключить контракт на преимущественное право публикации».

«Сколько она предлагает?»

«Я не знаю; думаю, около \$500 000».

«Господи! Ладно, проблема в том, что я обещал другим издательствам, что они смогут присоединиться к переговорам. Мне как-то странно оставлять их за бортом».

«Они хотят участвовать, особенно, поскольку все четырнадцать ваших книг все еще в печати. Похоже, нас толкают к аукциону, и он может стать весьма бурным. Хорошо бы вам приехать в Нью-Йорк».

«Хм, ладно».

«Где-нибудь на следующей неделе».

«Хм, идет».

Пятница, 21 февраля — Боулдер — Нью-Йорк

Ранним утром самолет в Нью-Йорк стремительно несет меня в деловой мир. У меня глубоко двойственное отношение к происходящему: конечно, я хочу, чтобы книга имела успех; я надеюсь, что она — мегабестселлер, я просто не хочу быть частью всего этого. Я даже не уверен, взял ли я с собой всю одежду, которая мне может понадобиться. Мне нужно что-то, что не столкнется с сопротивлением. Я поделю свое пребывание в Нью-Йорке между домом Тони Шварца и отелем в деловой части города. Я предвкушаю встречу с Тони и его семьей — женой Деборой и двумя прелестными дочками-подростками — Эмили и Кейт. Но для аукциона мне нужно быть в центре событий, и отель на Манхэттене лучше всего подходит для этого. «Застегните ремни, этой ночью нам предстоит тряска».

Воскресенье, 23 февраля — Нью-Йорк

У Тони и Деборы очаровательный дом. Он расположен в Ривердэйле, необычно роскошной части Бронкса, к северу от Манхэттена. Я приехал в пятницу, и у меня было несколько дней отдыха перед аукционом, который начинается завтра. В первую ночь хозяева забыли показать мне, где включается обогреватель, и, поскольку сейчас в Нью-Йорке зима, я буквально замерзал до смерти и провел большую часть ночи, пытаюсь заставить двух их собак залезть ко мне в постель, чтобы немного согреться эскимосским методом. «Иди ко мне, можешь, ты хорошая собачка, прыгай прямо сюда!» Но маленькие негодницы были твердо приучены никогда не залезать в постели, и самое большее, чего я мог добиться, — это наполовину затащить одну из них к себе; она

упрямо продолжала стоять задними лапами на полу, таким образом формально не совершая проступка.

Должно быть, они учили этих собак палкой.

Итак, завтра все начинается.

Вторник, 25 февраля — Нью-Йорк

Тони воспользовался кое-какими связями и устроил меня в отель «Четыре времени года» — отмечу, что это единственный отель в Западном полушарии, который проектировал И.М. Пей. Отель шикарный.

Вчера и сегодня целый день деловые встречи. Все издатели любезно согласились встречаться со мной здесь, в ресторане отеля. Все встречи были рассчитаны на два часа, начинались в десять утра и продолжались до шести вечера. Я каждый день с утра до вечера сидел за одним и тем же столом, пил томатный сок и старался произвести впечатление на них, в то время как они старались произвести впечатление на меня. Терпеть не могу томатный сок.

Мы с Ким уже в начале знали, что вокруг книги начинается суета, и она продолжалась. Элис Мейхью, директорша «Саймона и Шустера», издавшая справочник «Команда президента» и т.п., заявила, что она определенно хочет получить права на публикацию. Филлис Грани, глава «Патнэма», издатель Тома Кленси и т.п., сказала: «Это первая научная книга, которую я действительно хочу опубликовать». Я слегка ошеломлен такой реакцией. Что происходит? Думаю, здесь действуют более крупные течения, и они подхватывают мою книгу. Когда мы встретились с Энн Годофф — это была последняя встреча сегодня вечером, — первое, что она сказала, было: «В моей профессиональной карьере я никогда не видела подобной суеты вокруг научной книги».

«Ну и ну!» И мы беседовали час или два. Что мне нравится в Энн даже больше, чем ее тонкое замечание, так это то, что когда я говорю: «Я не буду ничего делать для продвижения книги», — она отвечает: «Никаких проблем», в то время как другие издатели были явно потрясены отсутствием у меня интереса к коммерческой стороне дела.

«Послушайте, Энн, нам действительно необходимо посмотреть, что собираются предпринимать другие издательства. Но, пожалуйста, постарайтесь, чтобы «Рэндом Хаус» оставался в игре».

«Не беспокойтесь».

Среда, 26 февраля — Нью-Йорк

Аукцион начался сегодня утром, и мы почти сразу же столкнулись с чем-то вроде катастрофы. Ким начала читать мне по телефону различные предложения. К часу дня ставки приближались к \$400 000. Однако верхняя ставка издательства «Рэндом Хаус» составляла \$200 000, что означало, что они определенно выходят из игры. Я был полностью захвачен врасплох. Что происходит?

Мы не знали, что Гарри Эванс, глава «Рэндом Хауса», взглянул на книгу — как раз этим утром, когда начинался аукцион, — и решил, что сумма, превышающая \$200 000, — слишком много за научный труд. (Лично я считаю, что он прав.)

Это означало необходимость принимать трудное решение. Хотя деньги бы мнегодились, я решил — и Ким решительно согласна с этим, — что единственное издательство, которое действительно может сделать то, что я хочу для данной конкретной книги, — это «Рэндом Хаус». В середине заседания я сообщил Кейт свое решение, и она сразу же отменила аукцион, что всех крайне шокировало.

Но я очень рад иметь дело с «Рэндом Хаусом» и очень рад сотрудничать с Энн. Раздумываю над тем, кто ей об этом скажет.

Четверг, 27 февраля — Нью-Йорк

Я встретился с Энн в ее офисе. Она только что закончила выводить «Кодекс души» Джеймса Хиллмана на первое место в списке бестселлеров «Таймса» — немалый подвиг. И ее «Полночь в саду добра и зла» стала бестселлером десятилетия. Вчера вечером я послал ей цветы; они стояли у нее на столе.

«Гарри где-то здесь. Вы должны с ним познакомиться».

Вошел Гарри — низкорослый, резкий, живой и неупорядоченный. Гарри — главный претендент на право издания книги Эйснера, забавно, что мы с Тони остаемся вместе. Возможно, сейчас в этой комнате присутствуют оба наших издателя.

«Кен Уилбер, я рад с вами познакомиться! Энн, когда... когда... когда мы в последний раз видели подобную суматоху вокруг научной книги?»

«Никогда, Гарри».

«И верно, никогда. Мы очень рады этому».

Мы поболтали несколько мгновений, и затем Гарри исчез так же быстро, как появился.

Мы с Энн беседовали час или два — она мне ужасно нравится, — и я вернулся в «Четыре времени года». Ее замечание о суете вокруг книги оставило у меня теплое чувство, но она, вероятно, говорит это всем

авторам.

Пролетело несколько месяцев, почти день в день, с тех пор как я начал писать «Науку и религию». И теперь вдруг все это, кажется, закончилось.

МАРТ

Наше обычное бодрствующее сознание — это всего лишь особый вид сознания, в то время как рядом с ним, отделенные от него тончайшей из перегородок, лежат потенциальные формы совершенно иного сознания. Мы можем идти по жизни, не подозревая об их существовании, но стоит лишь применить необходимый стимул — и вот они, во всей своей полноте... Существует континуум космического сознания, в котором наша индивидуальность строит всего лишь второстепенные перегородки и в который наши отдельные умы окунаются как в первозданный океан или источник. Не может быть окончательным никакое объяснение вселенной во всей ее полноте, совершенно игнорирующее эти другие формы сознания.

Уильям Джеймс

Понедельник, 3 марта — Нью-Йорк — Боулдер

Лечу на самолете назад в Боулдер, обратно к жизни, которая каким-то образом кажется очень далекой от самой себя.

Действительно ли пришло время для этой темы? Для объединения науки и религии? Или я просто написал удачную книгу, которая временно произвела впечатление на несколько человек, а во всем остальном уйдет так же быстро, как пришла? Дата выхода в свет назначена на начало 1998 г.; все выяснится достаточно скоро.

Вторник, 4 марта — Боулдер

Работал все утро, сходил в бакалейную лавку, заплатил по счетам, посмотрел два видеофильма. Первый — «Семейный просмотр» Этома Эгояна, один из его первых фильмов, совершенно блестящий. Все фильмы Эгояна чрезвычайно интересны; его «Экзотика» поистине поразительный фильм. Я продолжаю надеяться, что он скоро выпустит что-нибудь новое. Второй — «Непрофессионал» Хэла Хартли, мой любимый из его фильмов (наряду с «Простым человеком» и

«Невероятной истиной»). Все фильмы Хартли такие лукаво-забавные. Сейчас идет небольшой снежок, танцующий над землей в солнечном свете. Мне кажется, что меня слегка окутывает своего рода светящееся космическое одеяло.

Среда, 5 марта

«Наука и религия» открывается кратким резюме вечной философии — общего ядра мировых традиций мудрости. Все они по-разному утверждают, что существуют различные уровни или измерения бытия, простирающиеся от *материи* к живому *телу*, к символическому *уму*, к *тонкой* душе и к каузальному и недвойственному *духу*. Мы, современные люди, без проблем принимаем материю, тело и ум; но душа и дух? Где доказательства того, что душа и дух действительно существуют? Ответ, по-видимому, связан с непосредственным духовным опытом — повторяющимся, воспроизводимым, допускающим подтверждение. Во всяком случае, это то, что я пытаюсь показать в «Науке и религии».

[См. рис. 1. Это так называемая Великая Цепь Бытия, хотя подобное название не совсем правильно. Каждый последующий уровень превосходит и включает в себя или объемлет и заключает в себе, предыдущие, так что на самом деле это — Великое Гнездо Бытия. По этой причине его правильнее называть не иерархией, а *холархией* — серией вложенных друг в друга сфер.]

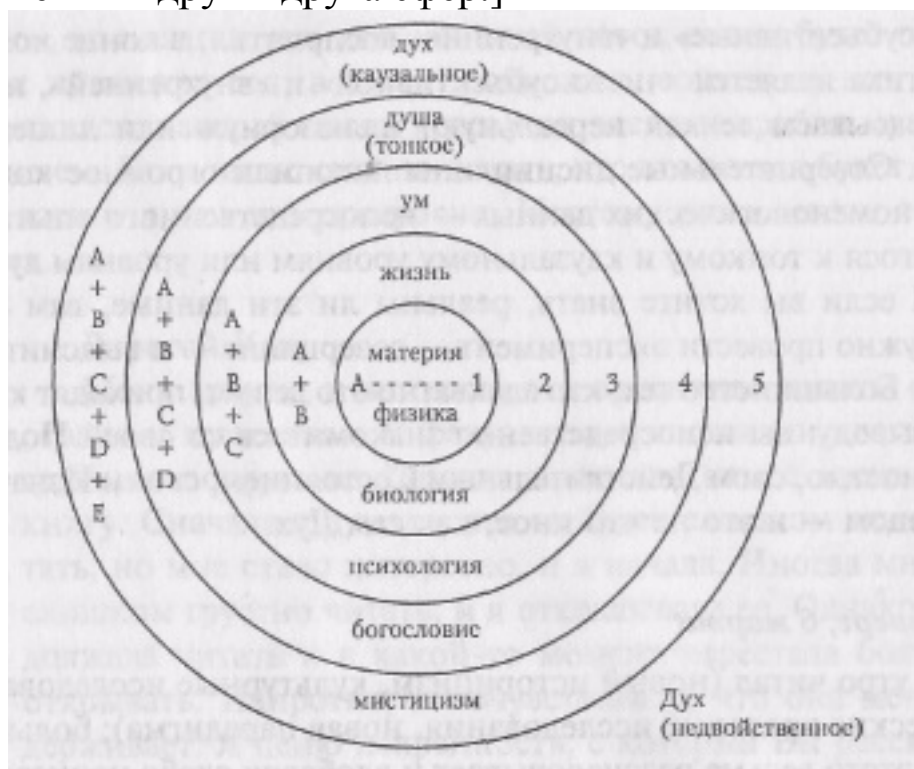

Рис. 1. Великое Гнездо Бытия. Дух представляет собой как высший

уровень

(каузальный), так и недвойственную Основу всех уровней

Огромное количество межкультурных данных убедительно свидетельствует: по-видимому, человеческое осознание и самоотождествление может *охватывать весь спектр сознания* — от материи до тела, ума, души и духа. Судя по всему, имеет место действительное развитие, или *эволюция сознания*, в этом необычайном континууме. На каждом уровне то, что мы считаем своим «я» или самостью, радикально меняется. Когда сознание отождествляется с живым телом, мы имеем тело-эго или телесную самость — мы отождествляемся со своими побуждениями, своими чувствами, своими непосредственными телесными ощущениями. Когда сознание отождествляется с умом, мы имеем эго — понятийное, мысленное, повествовательное представление о себе, связанное с принятием ролей и следованием правилам. Когда сознание отождествляется с тонким уровнем, мы имеем душу — сверхиндивидуальное ощущение самости, которая начинает вдыхать атмосферу, лежащую за пределами мирского и конвенционального. А когда сознание эволюционирует еще дальше и отождествляется с недвойственной реальностью, мы имеем сам Дух — Цель и Основу всего Гнезда Бытия.

Свидетельства в пользу существования этого Великого Спектра в каждом пункте основываются на *непосредственном опыте*, который может подтвердить или отвергнуть всякий, кто адекватно следует внутренним экспериментам в сознании. Эти эксперименты, известные под названием медитации или созерцания, нельзя сбрасывать со счетов на том основании, что они представляют собой «чисто субъективные» и «внутренние» восприятия, в конце концов, математика является «чисто субъективной» и «внутренней», но мы не отбрасываем ее как нереальную, иллюзорную или лишенную смысла. Созерцательные дисциплины накопили огромное количество феноменологических данных — непосредственного опыта, относящегося к тонкому и каузальному уровням или уровням души и духа. И если вы хотите знать, реальны ли эти данные, вам всего лишь нужно провести эксперимент — созерцание — и выяснить это самому. Большинство тех, кто адекватно это делает, приходят к простому выводу: вы непосредственно знакомитесь со своей Подлинной Самостью, своим Действительным Состоянием, своим Изначальным Лицом — и это не что иное, как сам Дух.

Четверг, 6 марта

Все утро читал (новый историцизм, культурные исследования, критические правовые исследования, новая парадигма); большинство из этого весьма разочаровывает и вдобавок слабо написано. Я не возражаю против того, что большинство авторов-теоретиков не могут писать, как Уильям Джеймс. Когда Уайтхеда спросили: «Почему вы не пишете понятнее?» — он ответил: «Потому что я не думаю понятнее». Ладно, нет проблем. Но возникает чувство, что столь немногие хотя бы пытаются...

Пятница, 7 марта

Мешок с почтой из издательства «Шамбала» — письма за последний месяц. Около четверти писем, которые я получаю, по-прежнему связаны с книгой «Милосердие и мужество: духовность и исцеление в жизни и смерти Треи Киллам Уилбер»; к настоящему моменту я уже получил свыше восьмисот писем. На многие из них я стараюсь отвечать, хотя бы кратко, поскольку они всегда такие глубоко трогательные.^{5*} Когда я написал «Милосердие и мужество», то полагал, что интенсивный поток писем будет продолжаться примерно год, а затем, возможно, сойдет на нет. Но он продолжался; каждый месяц я получал десятки крайне мучительных писем. Но я также стал понимать, что это всегда будет частью моей жизни и что это прекрасно. Поэтому раз в месяц я читаю письма.

Дорогой Кен,

Меня зовут... и я только что закончила читать «Милосердие и мужество». В феврале мне поставили диагноз рак груди, и подруга из Цюриха прислала нам с мужем Вашу книгу. Сначала я думала, что ее будет слишком тяжело читать, но мне стало интересно, и я начала. Иногда мне было слишком грустно читать, и я откладывала ее. Однако я продолжала читать и в какой-то момент перестала бояться ее' открывать. Напротив, я почувствовала, что она меня поддерживает. Я ценю искренность, с которой Вы рассказываете о том, что значит оказывать поддержку другому человеку, и мне было очень приятно узнавать Трею. Она была замечательным человеком и прекрасным примером для подражания. Я действительно верю, что узнала больше о любви, сострадании и прощении из этой книги, чем из всего другого, что я прочитала.

Ваша книга дала мне еще один шанс поплакать и снова найти себя. Спасибо.

С любовью

Дорогой м-р Уилбер.

Я хочу поблагодарить Вас за Вашу книгу «Милосердие и мужество». Я купил ее на Рождество 1994 г., после того как в сентябре умерла моя жена. У нее была ужасная злокачественная лимфома.

Она больше года провела в больнице, проходя химиотерапию. Моя жена приехала из Лаоса и с тридцати лет жила в Таиланде. Около шести лет мы провели в счастливом браке.

Она была буддисткой.

Я бросил работу и оставался в больнице вместе с ней, проводя рядом с ней день и ночь. В то время я не знал о Вашей книге, но теперь я могу найти в ваших словах немало истины.

Моя жена умирала в больнице, поскольку больше не могла вставать с постели. Для меня это была очень грустная ситуация, но мы были вынуждены оставаться в больнице. Я был бы счастлив привезти ее домой, но это было невозможно.

Когда она умирала после полудня, началась сильная буря и пошел проливной дождь. И я видел, как большое серое облако поднялось вверх от ее тела и выплыло в открытое окно. Примерно через двадцать минут буря кончилась.

Затем, неделю спустя, я привез ее тело обратно в Таиланд. Я не кремировал ее в Германии. Внутренний голос сказал мне — привези ее обратно домой, — и я так и сделал.

За последние недели я изучал Вашу книгу почти шесть или семь раз.

И каждый раз я находил что-то большее для своего духа. Я надеюсь, что многие люди будут читать Ваши книги и стараться что-то изменить в своей жизни.

Вы написали великую книгу. Она будет одной из важных книг в моей жизни. Я могу читать ее снова и снова. И за все это я должен сказать Вам огромное спасибо.

С поклоном,

Эти истории такие трогательные, просто сердце разрывается; этот милый человек, везущий свою жену обратно в Таиланд. Вот более легкое письмо от молодого человека:

Дорогой Кен,

Я только что закончил читать «Милосердие и мужество». Мне кажется, что я в каком-то смысле знаю Трейю или, быть может, следует говорить, что я чувствую ее. Мне бы хотелось

рассказать о том, что я переживал, заканчивая чтение.

Читая две последние главы, я мог ощущать подступающие слезы. Не знаю, почему я не заплакал до самого конца, но я сдержался. Затем, когда я дочитывал последнюю страницу, я *действительно* разрыдался, и все мое тело охватила неконтролируемая дрожь. Я подумал: «Что же происходит?» Встал и стал ходить вокруг дома, как будто движение каким-то образом должно было дать мне понимание. Примерно в это же время меня пронзило сознание-того, насколько драгоценна жизнь, и у меня возникло сильное желание взбежать по лестнице и разбудить своих спящих родителей, чтобы рассказать им, как сильно я их люблю. Меня что-то удержало, быть может, мое эго, быть может, позднее время — не знаю, — но я знаю, что не буду воспринимать их так же снова.

Потом я опять сел и просто спокойно сидел несколько минут. Теперь не было слез, просто покой. И ощущение мира.

Я очень благодарен Вам, Кен, и Трейе за то, что вы поделились со мной своим особым даром. Послание книги, мое послание — это Жизнь и Любовь.

Мир Вам,

Дорогой Кен,

В прошлый август мне поставили диагноз рак груди. Я подверглась операции по удалению опухоли, иссечению лимфатических узлов и трехнедельному лечению. Я нахожусь в постоянных взаимоотношениях с раком на всех уровнях. Несколько недель назад одна подруга рассказала мне о Вашей книге, и я поняла, что должна прочитать ее. Это была пугающая мысль, поскольку, в конце концов, я знала конец.

«Но, — подумала я, — у нее была какая-то другая разновидность более серьезного рака». Как вам нравится такое отрицание?^{6*} Суть в том, что у меня та же ужасная разновидность рака, что была у Трейи. Правда в книге была порой *ужасающей*, но совершенно *освобождающей*.

Читая записи Трейи и Ваши размышления, я слышала свой собственный голос и голоса людей, которых я знала и которые также меня любили. То же злоупотребление собственными силами, та же жизнь по принципу: «Большое спасибо, я могу это сделать». И мои друзья и родные были озадачены, как я не вижу, насколько я красива, как сильно они меня любят и какой

совершенной они меня считают. Я тоже годами мучилась над вопросом: «Какова моя роль, моя цель здесь?» Я тоже готова предоставить всему идти своим чередом и жить, зная, что жизнь — это не награда, а смерть — не наказание.

Я благодарю Вас, восхваляю Вас и благословляю Вас за Вашу отвагу и искренность при написании «Милосердия и мужества». Я посылаю Вам музыкальную запись как ответный подарок. Да останетесь Вы исцеленным и благословенным.

Мир Вам,

Я получил множество писем от женщин, которые ясно говорят насколько они отождествляются с Трейей, что ее проблемы и заботы были в точности теми же, с какими они борются в своей собственной жизни. А часто люди просто хотят рассказать свою историю, поделиться ею со мной, имеет ли она какое-то отношение к раку или нет.

Дорогой м-р Уилбер,
Привет из Польши!

Я только что прочитала Вашу книгу «Милосердие и мужество» и до сих пор нахожусь под впечатлением от нее. Книга тронула меня до глубины души. Я уже много лет не испытывала подобных чувств.

Много лет назад я интересовалась теорией психоанализа Фрейда, но, когда я стала матерью, мне пришлось поменять свои интересы. Хотя я была очень занята заботами о своих детях и работой в качестве учителя, я всегда старалась воспринимать других людей рядом с собой. Но я очень несчастлива в своей личной жизни и порой задаю себе вопрос: «Почему Я?» Ответ на него: «А почему нет?» я нашла и в Вашей книге. Мне бы хотелось жить полной жизнью, как Ваша Трейя, но это так трудно. Ее жизнь была столь необычной, что это кажется нереальным. Порой мне кажется, что это был лишь сон, а не книга, написанная Вами.

Я только что начала искать свой источник вдохновения и думаю, что должна кое-что изменить в своей жизни. Я сделала некоторые заметки о других Ваших книгах, а также о других авторах и философах, о которых Вы писали в своей книге.

Заканчивая письмо, я хочу сказать, что книга о Вашей жене Трейе и о Вас стала для меня самой прекрасной книгой о любви и жертвенности. Я очень счастлива, что прочитала ее.

Мне будет очень приятно, если это письмо дойдет до Вас.

С наилучшими летними пожеланиями из Польши.

Искренне Ваша,

Дорогой м-р Уилбер!

Я только что закончила «Милосердие и мужество». Я так похожа на Трейю. Она боролась с множеством тех же самых вещей, с которыми всегда боролась я, стараясь найти свой источник вдохновения, исследуя духовность и творчество, бытие в противовес действию, мужское в противовес женскому, чрезмерную самокритичность, — все это главные проблемы в моей жизни. Когда я читала книгу, она полностью меня захватила и, думаю, уже никогда не отпустит. Ваша открытость в том, что касается Ваших с Трейей чувств, была очень смелой и трогательной. Я восхищаюсь вами обоими, а то, как откровенно Вы говорите о своих слабостях, стало для меня хорошим уроком в науке не быть слишком строгой к себе. Спасибо. На меня произвело впечатление принятие и превосхождение Трейей своего рака и его последствий. Это стало для меня стимулом к тому, чтобы вкладывать больше сил в мою медитативную практику. При чтении «Милосердия и мужества» мне постоянно приходили в голову слова «невероятно» и «прекрасно»,^{7*} это было невероятно прекрасно. Я просто хотела сказать «спасибо!».

С признательностью и восхищением,

Дорогой Кен!

Мы с мужем прочитали книгу «Милосердие и мужество». Она настолько полна любви и эмоций и также очень поучительна. Когда мы читали ее, у нас стоял комок в горле и мы едва могли продолжать читать из-за слез, застилавших глаза. Если мне позволено сказать, она выражает такую неподдельную любовь! Сестра моего мужа проходит химиотерапевтическое лечение, и книга помогла нам понять, что она чувствует и переживает.

Искренне,

Меня удивило, как много писем я получил от семейных пар, которые читали книгу вслух друг другу. Думаю, потому, что я приводил много выдержек из дневников Трейи, предоставляя ей возможность говорить от своего лица, — парам нравится читать по очереди, сменяя друг друга. Я не ожидал, что так будет, но очень трогательно думать о любящих людях, которые используют наш опыт и смерть Трейи, чтобы

выразить свою любовь друг к другу в жизни, не ожидая, пока будет слишком поздно говорить те заветные слова, что должны быть сказаны сейчас.

Дорогой Кен!

Я пишу Вам несмотря на то, что не знаю, получите ли вы это и читаете ли вы вообще письма от незнакомых людей, чтобы от всего сердца поблагодарить Вас за книгу «Милосердие и мужество». Я был — и остаюсь сейчас, через 10 дней после того, как закончил читать, — глубоко тронут и взволнован вашей смелостью и любовью, позволившей вам так проникновенно и искренне писать о времени, проведенном вместе с Треией. Как вам, должно быть, не хватает ее физического присутствия и в то же время парадоксальным образом, как можно потерять кого-то, кто столь полностью с вами в этом океане любви?

Мне тоже известна эта любовь. Я познакомился с... в 1988 г., и через год после того, как мы поженились, у нее обнаружили чрезвычайно тяжелый случай болезни Лайма. Около года я круглые сутки ухаживал за ней, пока, наконец, не понял, что мне отчаянно нужна помощь, которую я нашел в лице чудесного терапевта, до сих пор регулярно посещающего нас. Через несколько лет моя жена избавилась от большинства своих изнуряющих симптомов, за исключением болей в спине, по-прежнему вынуждающей ее проводить в постели от доброй половины до двух третей времени бодрствования. Мы тоже вплотную познакомились со всеми уровнями, на которых гнездится заболевание, и со всеми уровнями, где может происходить исцеление. И мы тоже обижаемся и сердимся на наших знакомых, мыслящих в духе «нового века», которые могут говорить вещи наподобие: «Ах, у тебя боли в спине, чего ты пытаешься избежать?» Но хватит об этом; Кен, в действительности, все что я хотел сказать, — это спасибо и благослови Вас Бог за то, что Вы поделились со мной и всем миром своей невероятной и продолжающейся историей любви. Когда я заканчивал читать, я плакал так, как не плакал много-много лет, с такими глубокими, и грустными, и чистосердечными рыданиями и слезами.

С любовью и благодарностью,

Дорогой Кен,

От всей души пишу Вам спасибо за яркую историю «Милосердия и мужества», написанную с такой прямоотой,

любовью, искренностью и приятием. Я отложила Вашу книгу несколько дней назад, и ее история с огромной силой пронизывает все мое существо даже спустя много лет после описанных событий. То, что я пережила, читая ее, было для меня одним из тех возвышенных мистических событий, которые открывают во мне что-то новое и лучшее, снова меняя мою жизнь. Я чувствую такое родство с Трейей, поскольку наши жизненные пути столь во многом пересекались, что могу относиться к ней, как к близкому человеку. Поступала ли бы я так же? Раскрыло ли бы столь ужасающее заболевание благородную душу во мне?

Хотя я никогда не знала ее в жизни, я очень благодарна Вам за то, что Вы показали ее мне с такой ясностью. Меня неизмеримо тронули ее борьба и, в конце концов, приятие неприемлемого, чтобы до самой физической смерти сохранять «неистовое самообладание» (я нахожу этот термин совершенным), а также ее необычайная человечность. Я чувствую такую нехватку женщин, которые могли бы служить образцами для подражания и источниками вдохновения, столь многие духовные учителя — мужчины, и для меня это каким-то образом создает брешь в понимании. История Трейи говорит со мной на моем языке, и благослови Вас Бог за то, что Вы позволили ей рассказать о самой себе, своими собственными словами, и ни разу не говорили за нее.

Меня также очень тронул, очень взволновал Ваш процесс, Ваша борьба, Ваше приятие в служении ей, безоглядной любви к ней. Ваша преданность ей даже после смерти в те 24 часа — я так растрогана, я плачу — я никогда не знала подобной любви. Хотя я всегда представляла себе такую глубину, волею удачи, судьбы, кармы или бессознательных факторов мне не дано было пережить того, что нашли вы двое. Однако сам факт, что вы с Трейей нашли такую любовь, так меня утешает! Я не совсем сошла с ума. Она существует. Да. Существует.

Когда Вы пишете книгу, так необычно, что Вы допускаете в свою душу так много людей и при этом можете никогда не встретиться с ними и не получить от них никакого ответа. Я просто хотела, чтобы Вы знали — Вы помогли мне, повлияли на меня, пережив и рассказав свою историю. От всей души благодарю Вас.

С любовью,

Дорогой Кен,

Прошлый год у меня обнаружили далеко зашедший метастазированный рак груди. Мой друг сказал, что я должна прочитать эту книгу, «Милосердие и мужество», но когда я спросила, чем она заканчивается, он сказал: «Она умерла». Я долго боялась читать книгу.

Но, прочитав ее, я хочу от всего сердца поблагодарить Вас и Трейю. Я знаю, что, возможно, тоже умру, но чтение истории Трейи каким-то образом заставило меня перестать бояться. В первый раз я чувствую, что освободилась от страха. У меня было два сильных переживания, как я догадываюсь — сатори, просто от чтения Ваших описаний высшего осознания. Когда я читала в книге, как умирала Трейя, мне казалось, будто я сама умираю, так что теперь мне не нужно беспокоиться.

Еще раз большое, большое, большое спасибо Вам. Я действительно думаю, что умру, и действительно думаю, что встречу там Трейю.

Искренне Ваша,

Мне кажется, что я рядом с этими людьми и они рядом со мной. Стрaдание — это постоянное напоминание о боли человеческого бытия, но также самая фундаментальная сила, которая соединяет нас друг с другом, потому что все мы в какой-то момент жестоко страдаем. Стрaдание не только «отрицательно»; это связь, через посредство которой мы все соприкасаемся друг с другом. Поистине стрaдание — это высшая добродетель.

Дорогой Кен!

«Милосердие и мужество» буквально приостановило мою жизнь. Я должна была закончить ее или, я бы сказала, поглотить ее, прежде чем смогла делать что-либо еще. Когда я прочитала первые несколько глав, то села и довольно долго не могла справиться с рыданиями. Сейчас мне трудно передать глубину моих переживаний в тот момент. Я была совершенно ошеломлена, как будто поток сдерживаемых эмоций вырвался на волю и переполнил мое существо. Вам знакомы эти рыдания, что начинаются где-то глубоко внизу и сотрясают все тело. Я была так тронута. «Милосердие и мужество» показалось мне самой прекрасной историей любви, какую я когда-либо читала. Я рыдала о Вашей радости и Вашей утрате, о блаженстве, на которое мне удалось взглянуть лишь краешком глаза, о боли, которую я с трудом могу себе представить. И я рыдала от

чувства радости и утраты, которое они вызывали во мне.

Моя радость возникала от знания того, что возможно переживать такую связь с другим человеком, которую Вы так прекрасно показали, что священная любовь — это реальность, а не просто какая-то безумная фантазия и что человек, живущий столь глубокой и напряженной интеллектуальной жизнью, как Вы, способен на такую сильную эмоциональную связь. Думаю, из-за того, что мой отец, который был выдающимся человеком, никогда на самом деле не жил в своем теле (в основном только выше шеи), я всегда разделяла эти две вещи. Когда рыдания сотрясали мое тело, я в первый раз в жизни действительно почувствовала всем существом, что возможно соединить ум, и тело, и душу в глубоко чувствуемой связи.

Я скорбела, ибо, хотя я получила мимолетное впечатление такого рода связи, я никогда не переживала ее с человеком, который был готов или способен поддерживать такой уровень интенсивности вне пределов кратчайшего свидания. И даже в еще большей степени потому, что это мое заветнейшее желание, и после того, как я много лет лелеяла в душе надежду на его осуществление, я перестала верить, что это возможно.

И теперь ваши слова снова вернули меня к тому, что я считала Истинным на глубочайшем уровне — что я действительно совершенно права, не соглашаясь ни на что меньшее, чем глубина, о которой я мечтаю, и что *это возможно!*

Я понимаю, что у вас почти отшельнический образ жизни, но надеюсь, что мы когда-нибудь встретимся. С огромным уважением, восхищением и любовью,

Дорогой Кен!

Мне четырнадцать лет. Еще с тех пор, как я была маленькой девочкой, я всегда очень боялась смерти. Я прочитала историю Трейи и с тех пор больше не боюсь умереть. Я хотела рассказать Вам об этом.

Искренне,

Дневники Трейи поистине необычайны. Пролистывая их спустя какое-то время после ее смерти, я был поражен удивительным фактом — в них не было никаких секретов. Конечно, они были очень интимными и очень личными, но в них не было ничего, чем Трейя не делилась со мной или кем-нибудь еще. У нее просто не было границы между ее публичным и частным «я» — они были в своей основе тождественны. С

Трейей вы всегда точно знали, что она думает и чувствует, — она просто никогда не лгала и не затушевывала истину. Именно эту невероятную цельность люди считали в ней неотразимой и непреодолимо притягательной. Я думаю, эта искренность видна в моей книге, и люди благодарны, получив ее бескомпромиссно честный отчет о жизни с ужасной болезнью — и умирании от нее. Многие из них пишут мне в попытке поблагодарить Трейю, и это мне приятно; и они говорят милые вещи обо мне в попытке восхвалять Трейю, и это тоже хорошо.

Хотя это забавно. Я собирался уничтожить дневники Трейи после ее смерти и сперва решил, что я не должен их читать. Даже хотя, как я позднее обнаружил, в них не было никаких секретов, Трейя очень ценила те минуты одиночества, когда она делала записи в своем дневнике, и я был твердо настроен не нарушать этой традиции, читая их. Несмотря на все возможное любопытство, мое решение было совершенно определено — никто никогда не увидит ее дневники.

И затем, за 24 часа до ее смерти — как раз перед тем, как я в последний раз отнес ее наверх, — она указала на свои дневники и сказала очень просто: «Они тебе понадобятся».

За неделю до этого она попросила меня написать о выпавшем на нашу долю испытании — у нее обнаружили рак груди через десять лет после нашей свадьбы. Она высказала надежду, что все полученные нами тяжелые уроки помогут другим людям. Я пообещал ей, что напишу книгу. И потому фраза «Они тебе понадобятся» означала — тебе понадобятся мои дневники, если ты собираешься полностью рассказать обо всем, что происходило. Тогда я понял, что должен прочесть их — все, от первой до последней страницы, — и я прочитал, хотя не могу описать, как это было трудно.

Последней записью в этих дневниках — уместившихся в десять записных книжек — было: «Да, для этого нужно милосердие — и мужество!»

Суббота, 8 марта

Джойс Нильсен — автор книги «Пол и род в обществе», вероятно, самой лучшей индивидуальной работы о феминизме. Нильсен — одна из моих любимых авторов-феминисток, наряду с Дженет Чафец, Кэрол Джиллиген, Мартой Нуссбаум... Мне никогда не приходило в голову, что она преподает в университете штата Колорадо в Боулдере.

Сегодня я пришел домой и обнаружил на автоответчике сообщение: «Если это Кен Уилбер, написавший «Пол, экология, духовность», а я

совершенно уверена, что это так, то мне хотелось бы поговорить с вами. Я преподаю социологию в Университете Колорадо и использую эту книгу в качестве учебника на своих семинарах по спецкурсу для выпускников. Я тут раздумывала, не могли бы вы прийти побеседовать с нами. Пожалуйста, позвоните мне по телефону...»

Я снял трубку, набрал номер и наговорил ей на автоответчик: «Если это Джойс Нильсен, написавшая «Пол и род в обществе», а я совершенно уверен, что это так, то я ваш подлинный почитатель...» Я полагаю, она позвонит в ответ.

Воскресенье, 9 марта

На то, чтобы вернуть какое-либо медитативное осознание, включая осознанные сновидения, ушла почти неделя. В течение всего времени, пока я был в Нью-Йорке, у меня не было никакого доступа к чистому свидетельствованию, и я не переживал постоянства субъекта в состояниях сновидений и глубокого сна. То есть я не был в сознании во время сновидений и состояния глубокого сна — в сознании, своего рода потоке, в котором я периодически пребывал в течение последних трех или четырех лет.

Это постоянное сознание во всех состояниях — бодрствования, сновидений и глубокого сна, — как правило, случается после многих лет медитации; лично у меня ушло около 25 лет. Его признаки очень просты: вы пребываете в сознании в состоянии бодрствования и затем, засыпая и начиная видеть сон, вы по-прежнему остаетесь в сознании в сновидении. Это похоже на осознанные сновидения, но с небольшой разницей: при осознанном сновидении вы обычно начинаете манипулировать содержанием сна, вы выбираете, будут ли это сексуальные оргии, или великий потоп, или полет над горами, или что угодно еще. Но при постоянном свидетельствующем сознании нет никакого желания что бы то ни было менять: вы просто и бесхитростно свидетельствуете все, что возникает. Таким образом, вы остаетесь в сознании во время состояния сновидений, свидетельствуя его, не изменяя его (хотя вы можете, если захотите; обычно вы не хотите)^{8*}. Затем, переходя к глубокому сну без сновидений, вы все равно остаетесь в сознании, но теперь не осознаете ничего, кроме бескрайней чистой пустоты, не имеющей вообще никакого содержания. Но термин «осознаете» не вполне верен, поскольку здесь нет никакой двойственности. Это больше похоже на то, что есть просто само чистое сознание, без качеств или содержаний субъектов или объектов, безбрежная чистая пустота, которую нельзя определить «ничто», но

нельзя определить и как-либо иначе.

После этого, выходя из состояния глубокого сна, вы наблюдаете, как возникают и обретают форму ум и состояние сновидения. То есть из каузальной пустоты возникает тонкий ум (сновидения, образы, символы, понятия, видения, формы), и вы свидетельствуете их появление. Некоторое время продолжается состояние сновидения, и затем, по мере того как вы начинаете просыпаться, вы можете видеть, как непосредственно из состояния тонкого ума возникает вся грубая сфера, физическая сфера — ваше тело, постель, комната, физическая вселенная, природа.

Иными словами, вы только что совершили путешествие по Великой Цепи Бытия — от грубого тела к тонкому уму и каузальному духу — по обоим ее ветвям, *восходящей и нисходящей* (эволюции и инволюции). Засыпая, вы переходили от грубого тела (бодрствование) к тонкому уму (сновидение) и каузальной пустоте (глубокий сон) — это эволюция, или восхождение; а затем, пробуждаясь, вы двигались вниз — от каузального к тонкому и грубому — это инволюция, или нисхождение. Каждый человек проходит этот цикл каждые 24 часа. Но при постоянном сознании или непрерывном свидетельствовании вы сохраняете осознание во время всех этих изменений состояния, даже в глубоком сне без сновидений.

Поскольку эго существует главным образом в грубом состоянии, с немногими остатками в тонком, то, коль скоро вы отождествляетесь с постоянным сознанием — или с тем, что существует во всех трех состояниях, — вы вырываетесь из плена эго, так как оно едва существует в тонком и вовсе не существует в каузальной пустоте (или в состоянии глубокого сна, которое представляет собой одну из разновидностей каузальной пустоты). Вы перестаете отождествляться с эго и отождествляетесь с чистым бесформенным сознанием как таковым, в котором нет цвета, пространства, времени, формы — только чистая ясная пустота. Вы не отождествляетесь ни с чем в особенности, и потому вы можете охватывать абсолютно все, что возникает. Отбросив эго, вы едины со Всем сущим.

Вам по-прежнему полностью доступно эго состояния бодрствования, но вы больше не являетесь *только* им. Скорее самая глубинная часть вас едина со всем Космосом во всем его сияющем великолепии. Вы просто *являетесь* всем, что возникает от момента к моменту. Вы не видите небо — вы и есть небо. Вы не касаетесь земли — вы земля. Вы не слышите шум дождя — вы и есть дождь. Вы и вселенная представляете собой то, что мистики называют «Одним Вкусом».

Это не поэзия. Это *непосредственное постижение*, столь же

очевидное, как стакан холодной воды, выплеснутый вам в лицо. Как сказал великий мастер Дзен после своего просветления: «Когда я слышал звон колокола, не было колокола и не было меня — только звон». И в этом недвойственном звоне заключен весь Космос, где субъект и объект становятся Одним Вкусом и бесконечность радостно раскрывает свои тайны. Как напоминают нам исследователи, от Олдоса Хаксли до Хьюстона Смита, Один Вкус, или «космическое сознание», — ощущение единства с Основой всего сущего — представляет собой глубочайшее ядро почти всеобщего согласия великих мировых традиций мудрости. Один Вкус — это не галлюцинация, фантазия или порождение расстроенной психики, а непосредственное постижение и заповедь бесчисленных йогов, святых и мудрецов всего мира. Это очень просто, очень очевидно, очень ясно — конкретно, осязаемо, несомненно.

Понедельник, 10 марта

Разумеется, Олдос Хаксли написал знаменитую книгу «Вечная философия», в которой говорится об общей основе великих мировых традиций мудрости. Лучшим введением к ней до сих пор остается книга Хьюстона Смита «Забытая Истина». Я написал статью для «Журнала гуманистической психологии», которая начинается словами: «Известное под названием «вечной философии» — «вечной» именно потому, что она сохраняет, по существу, одни и те же черты в разные века и в разных культурах, — это мировоззрение действительно сформировало не только основу великих мировых традиций мудрости — от христианства до иудаизма, буддизма и даосизма, — но и образ мыслей некоторых из величайших философов, ученых и психологов Востока и Запада, Севера и Юга. Вечная философия столь повсеместно распространена — чуть позже я расскажу о ней подробно, — что она представляет собой либо величайшую интеллектуальную ошибку в человеческой истории — ошибку настолько общую, что это буквально потрясает воображение, — либо самое точное отражение действительности из всех, что до сих пор появлялись».^{9*}

Итак, каковы же подробности этой вечной философии? Все очень просто: Великое Гнездо Бытия, достигающее своей кульминации в Одним Вкусе, — такова в двух словах суть вечной философии.

Это не значит, что все, касающееся вечной философии, навсегда изваяно в камне или отчеканено в золоте. На самом деле я написал статью под названием «Нео-вечная философия», указывающую, что

очень многое в ней нуждается в обновлении и модернизации^{10**}. Тем не менее ядро великих мировых традиций мудрости составляет концептуальную основу, к которой мы обязаны серьезно и почтительно обращаться в своих собственных попытках понимания Космоса. А его сердцевину составляет опыт Одного Вкуса — ясный, очевидный, несомненный, непоколебимый.

Вторник, 11 марта

Конечно, непоколебимый при условии продолжения практики. Мне всегда любопытно, что прервет этот недвойственный поток, что замутит или разрушит постоянное сознание, вырвав тебя из Всего и бросив в когти твоего отдельного «я», где поджидает страдание. Интересно, что в моем случае ему препятствует один стакан вина (то есть если я выпиваю один стакан вина, то в эту ночь я не остаюсь в сознании в состояниях сновидений и глубокого сна. Я уверен, что великие йоги могут выпивать и все равно сохранять сознание во всех этих состояниях, но только не я). Стресс обычно не нарушает этот постоянный поток. Но в Нью-Йорке я почти все время выпивал по несколько стаканов вина в день, так что одно это может объяснить нарушение свидетельствования. С другой стороны, я был там с целью откровенной саморекламы — а это то, что я не умею делать приличествующим образом — я либо недостаточно стараюсь, либо перегибаю палку, главным образом потому, что мне неловко этим заниматься. Так что причиной мог быть тот простой факт, что я большую часть недели был во власти эгоистического самозамыкания, которое практически исключало устойчивый доступ к Свидетелю.

Судя по всему, прошлой ночью все это снова вошло в свою колею. Сперва у меня не было осознанного сновидения, мне просто снилось, что мы с какой-то женщиной сидим перед Раманой Махарши. При этом присутствует много людей, но в действительности я их не замечаю. Женщина объясняет, как нужно заниматься самоисследованием, которое состоит в том, чтобы спрашивать себя «Кто я» и пытаться ощутить сам источник сознания; это попытка найти чистого и вездесущего Свидетеля. По какой-то причине женщина объясняла все неправильно; она представляла это как *результат* совершения усилия быть осознающим. Я посмотрел на Раману и сказал: «Нет, тут нет никакого усилия, ты просто замечаешь, что уже осознаешь и что осознание — просто как оно есть — и есть то, что ты ищешь. Не нужно вообще никаких усилий. Рамана улыбнулся, и вдруг его ум и мой ум оказались едины. В этот момент у меня началось осознанное

сновидение, но это было в большей степени свидетельствование. Этот поток свидетельствования или постоянного сознания оставался у меня в течение нескольких дней и ночей, как это обычно периодически бывало вот уже несколько лет.

Это удивительный процесс. Это чистая Пустота, абсолютно неограниченная, сияющая, свободная, беспредельная, превыше света и превыше блаженства, радикально неопределимая. Рамана называл это глубокое свидетельствование (или постоянное сознание) «Я-Я», поскольку оно осознает маленькое «я» или отдельную самость. Кен Уилбер — это просто проявление на грубом уровне того, что в действительности представляет собой «Я-Я» — это вовсе не Кен, а просто Все. Кен родился и умрет, но «Я-Я» никогда не входит в поток времени. «Я-Я» — это великое Нерожденное, загадочное Неумирающее; весь Космос существует как простое ощущение моего собственного Бытия. И так может сказать всякое чувствующее существо во всей вселенной, коль скоро оно выступает как великое «Я-Я», которое вообще не «я».

(Веданта особо выделяет «Я-Я», буддизм подчеркивает «не-я», но оба они указывают на чистую, недвойственную, неопределимую Пустоту — *шуньяту* или *ниргу*ну, — которая представляет собой просто таковость или бытийность всего мира и является не чем иным, как чистым, естественным, спонтанным, вездесущим сознанием, — это ваше собственное подлинное состояние в данный момент — непрерывный недвойственный поток, сохраняющийся при всех возможных изменениях состояния — бодрствовании, сновидении, сне. В своей чистой форме Свидетель превращается во все, что он свидетельствует — ум-зеркало един со своими объектами, Пустота едина со всеми Формами. И потому, как подчеркивают и Веданта, и буддизм, само чистое сознание недвойственно, пусто и до конца не определимо).

Когда медитирующие впервые начинают развивать (или, скорее, замечать) это постоянное сознание, они, как правило, проходят через своеобразное осознание расщепления ума. С одной стороны, у вас развивается способность к прочному медитативному самообладанию, способность Свидетельствовать и боль, и наслаждение, не уклоняясь, не избегая одного и не хватаясь за другое. Чжуан Цзы говорил: «Совершенный человек использует ум как зеркало — он приемлет, но не привязывается, он воспринимает, но не удерживает». По мере того как это осознание ума-зеркала (или постоянное сознание) усиливается, грубое состояние бодрствования становится все более «подобным сновидению», в том смысле, что оно теряет свою способность

овладевать вами, потрясать вас, заставлять вас верить, что преходящие ощущения — это единственная реальность. Жизнь начинает быть похожей на один огромный кинофильм, а вы, как безразличный Свидетель, наблюдаете представление; возникает радость, и вы свидетельствуете ее; возникает боль, и вы свидетельствуете ее; возникает печаль, и вы свидетельствуете ее. Во всех случаях вы — Свидетель, а не какая-то преходящая поверхностная волна бессмысленного шума и ярости. И, находясь в центре циклона, вы пребываете в безопасности. У вас начинает появляться глубокий внутренний покой; вы больше не можете производить беспорядок с абсолютно той же убежденностью.

Но это не значит, что вы не можете чувствовать желание, обиду, боль, радость, счастье, страдание или грусть. Вы по-прежнему можете испытывать все эти эмоции; просто они вас не убеждают. Опять же это похоже на просмотр кинофильма. Порой вас так захватывает происходящее на экране, что вы забываете, что это всего лишь кино. Смотря триллер, вы, возможно, действительно пугаетесь; смотря мелодраму, вы можете заплакать. Затем ваш друг наклоняется к вам и говорит: «Эй, очнись, это только кино, это не на самом деле!» И вы освобождаетесь от наваждения.

Просветление — это ...освобождение от наваждения кинофильма жизни. Это значит очнуться, стряхнуть его с себя. Вы просто смотрите и всегда смотрели кино, как зритель, как Свидетель. Но когда вы принимаете жизнь всерьез — когда думаете, что кино реально, — то забываете, что вы — чистый и свободный Свидетель, и отождествляетесь с маленьким «я» — эго, — как если бы вы были частью фильма, который вы на самом деле просто смотрите. Вы отождествляетесь с кем-то на экране. И потому вы пугаетесь, потому вы плачете, потому вы вообще страдаете.

При медитации вы начинаете расслабляться в своем зрительском кресле и просто смотреть фильм жизни, не судя его, не избегая его, не цепляясь за него. Вы всего лишь Свидетель: вы используете ум-зеркало, пребывая в простом, ясном, спонтанном, не требующем усилий вездесущем сознании.

По мере того как вы продолжаете замечать беспристрастное осознание того, что есть (и пребывать в нем), это сознание начнет распространяться из состояния бодрствования в состояние сновидения — вы просто будете оставаться беспристрастным осознанием, умом-зеркалом даже при возникновении состояния сновидения. Вы будете замечать, что феноменологически грубый мир — физическое тело, сенсомоторный мир и строящееся на нем эго — начинает растворяться,

превращаясь в тонкий мир образов и видений. Так или иначе, вы остаетесь сознательным.

В ходе дальнейшей практики это беспристрастное осознание будет распространяться из состояния сновидения даже на состояние глубокого сна без сновидений. И поскольку «вы» все равно присутствуете (не как эго, а как «Я-Я», как чистое сознание без объекта), вы обнаружите гораздо более глубокую и подлинную самотождественность: вы по-прежнему молчаливо сознательны, когда нет никаких объектов, никаких субъектов и вообще никакого содержания — ни боли, ни наслаждения, ни желаний, ни целей, ни надежды, ни страха. В этом чистом Бесформенном состоянии вообще ничего не возникает — и все же вы есть, вы все равно существуете, но только как чистое сознание. Нет ни тела, ни эго, ни ума — и все же вы знаете, что существуете, и потому вы, очевидно, не являетесь ни одним из этих меньших состояний. Вы — это только вы, то есть нет ничего, кроме чистого Я ЕСМЬ, чистого недвойственного Сознания, которое настолько радикально свободно, беспредельно, ничем не связано и неопределимо, что, строго говоря, мы можем называть его только «Пустотой» — и это именно то, на что оно «похоже»: бесконечное Отсутствие или Бездна — просто еще одно название для бесконечной Пустоты.

Четверг, 13 марта

Только что закончил говорить по телефону с Майклом Мёрфи (наши многословные беседы редко продолжаются меньше двух часов). Он и его приятельница Сильвия Томпкинс работают над рядом проектов — включая компакт-диск и книгу, — посвященных интегральной (или сбалансированной) духовности — обновленному, модернизированному варианту вечной философии, что также близко к моей собственной работе. В конечном итоге они оказались в одной упряжке с Джеймсом Редфилдом, автором «Пророчества Целестины» и «Десятого Прозрения», который ввиду своего необычайного коммерческого успеха (свыше 50 миллионов читателей) сможет помочь этим проектам получить гораздо более широкую аудиторию.

Похоже на то, что я поеду в Сан-Франциско для выступления в Институте Фетцера, и потому я договорился с Майклом встретиться, когда я там буду. Майкл поистине удивительный человек. Он не только основал Эсаленский институт — авангард движения за реализацию потенциальных возможностей человека, — но и продолжает оставаться на переднем крае психологического и духовного развития. Он только

что закончил писать с нетерпением ожидаемое продолжение своего классического романа «Гольф в королевстве». Недавно я слышал, что Клинт Иствуд собирается делать по этой книге фильм и сниматься в нем вместе с Шоном Коннери. Господи, это, вероятно, отравит Майклу жизнь; у него больше не будет ни минуты покоя.

Пятница, 14 марта — Боулдер — Сан-Франциско

Пишу ранним утром в самолете, направляясь в Сан-Франциско. Институт Фетцера, основанный Джоном Фетцером, — это одна из немногих либеральных организаций, спонсирующих подлинно духовные проекты. Либералы не слишком ладят с Богом, так что в этой стране право говорить о Боге захватили консерваторы. И то и другое плачевно.

Именно поэтому Институт Фетцера в значительной мере уникален — либеральная благотворительная организация, не боящаяся Духа. Например, они спонсировали серию телепередач Билла Мойерса о здоровье и медитации. В настоящее время Институт Фетцера возглавляет Роб Леман, хотя он работает в тесном сотрудничестве с советом попечителей. Моя давняя приятельница Джудит Скатч (издатель «Курса Чудес») в течение долгого времени входит в совет, и она помогла ввести в него ряд других хороших людей, в том числе Френсис Воон. Институт переживает процесс реорганизации, и они просили меня поговорить с ними о различных направлениях их будущего развития.

И потому я здесь, на высоте 12 000 метров над всем этим, и вот-вот начну туда опускаться. Заседания совета проходят в течение всего дня в пятницу и субботу; по программе я должен выступать каждый день после обеда, примерно с 2 до 5. Выступление будет строиться в форме ответов на вопросы. Прямо с самолета я поеду на заседание, которое начнется через несколько часов.

Суббота, 15 марта — Сан-Франциско

Я предполагал, что для того, чтобы описать всесторонний, или интегральный, подход к преобразованию, мне придется потратить первые час или два на общую характеристику моих идей, наподобие той, что дана, например, в «Краткой истории всего». Но когда я вошел в конференц-зал, на стене были развешаны диаграммы из «Краткой истории», и все присутствующие были вполне знакомы с

соответствующей специальной терминологией. Потом я думал, что слишком перегнул палку в другую сторону. Во время первого перерыва я проходил мимо Роджера [Уолша], сидевшего в холле, — он присутствовал здесь в качестве консультанта, — и он шепнул мне: «Не усложняй».

Сегодня опять заседания, и я опять выступал во второй половине дня. Вопросы — и мои ответы или попытки ответов — сосредоточивались на характере подлинно интегрального, холистического или всестороннего подхода и на том, как лучше всего проводить его в жизнь или попросту делать его доступным отдельным людям и культуре в целом.

Есть много способов объяснять «интегральное» или «холистическое». Наиболее распространенный из них состоит в том, что это подход, который пытается включить в себя и объединять материю, тело, ум, душу и дух, то есть пытается включить в себя все Великое Гнездо Бытия. Физика имеет дело с материей, объект биологии — живое тело, психология работает с умом, богословие ориентировано на душу, а мистицизм имеет дело с непосредственным переживанием духа, и потому интегральный подход должен включать в себя физику, биологию, богословие и мистицизм (и не только их). [См. рис. 1 к записи от 5 марта.]

Хотя в первом приближении это неплохое определение «интегрального», в своих работах попытался немного усложнить эту схему, указав, что каждый из этих *уровней* в действительности имеет по меньшей мере четыре важных аспекта или *измерения*. Каждый уровень можно рассматривать как изнутри, так и снаружи и как в индивидуальных, так и в коллективных формах.

Например, ваше сознание можно рассматривать изнутри — в качестве субъективности, вашего собственного осознания в данный момент, — которое переживается как первое лицо и «я» (все образы, побуждения, понятия и желания, проплывающие у вас в уме в данный момент). Кроме того, можно изучать сознание объективным, эмпирическим, научным образом в третьем лице — как «оно» (например, мозг содержит ацетилхолин, дофамин, серотонин и т.д., которые описываются на объективном языке «оно»). Вдобавок и то и другое существует не только в единичных, но и во множественных формах — не просто, как «я» или «оно», но как «мы». Эта коллективная форма тоже имеет внешнюю и внутреннюю сторону: культурные ценности, разделяемые изнутри (например, моральные нормы, мировоззрения, культурный смысл), и внешние конкретные социальные формы, рассматриваемые снаружи (например, способы производства,

технология, экономический базис, общественные институты, системы информации).

Таким образом, каждый уровень Великой Цепи в действительности имеет внешнюю и внутреннюю стороны в индивидуальных и коллективных формах, и это дает нам четыре измерения (или «четыре сектора») каждого уровня бытия. [На рис. 2 показаны некоторые подробности четырех секторов; терминология будет объясняться по ходу изложения.]

Поскольку оба сектора Правой стороны представляют собой объективные «оно», их можно считать одним, так что я часто упрощаю четыре измерения до всего трех: «я», «мы» и «оно»; или первое лицо, второе лицо и третье лицо. [Это тоже показано на рис. 2.]

Есть легкий способ запомнить эти три основных измерения. *Красота* существует в глазах созерцающего, принадлежит «я» созерцающего. *Добро* (или благо) относится к моральным и этическим действиям, которые происходят между вами и мной, к «нам». *Истина* обычно относится к объективным эмпирическим фактам, или к «оно». Таким образом, три основных измерения — «я», «мы» и «оно» — также относятся к Красоте, Добру и Истине. Или иначе к искусству, морали и науке.

Поэтому подлинно интегральная точка зрения не должна ограничиваться только материей, телом, умом, душой и духом, поскольку каждый из этих уровней имеет измерения искусства, морали и науки, и нам необходимо явным образом включать в нее их все. Так, например, мы имеем искусство сферы материи/тела (натурализм, реализм), искусство сферы ума (сюрреализм, концептуализм, абстракционизм), искусство сферы души и духа (созерцательное, преобразующее). Сходным образом у нас есть мораль, которая вытекает из чувственной сферы (гедонизм), из сферы ума (взаимность, честность, справедливость) и из духовной сферы (вселенская любовь, сострадание). И так далее.

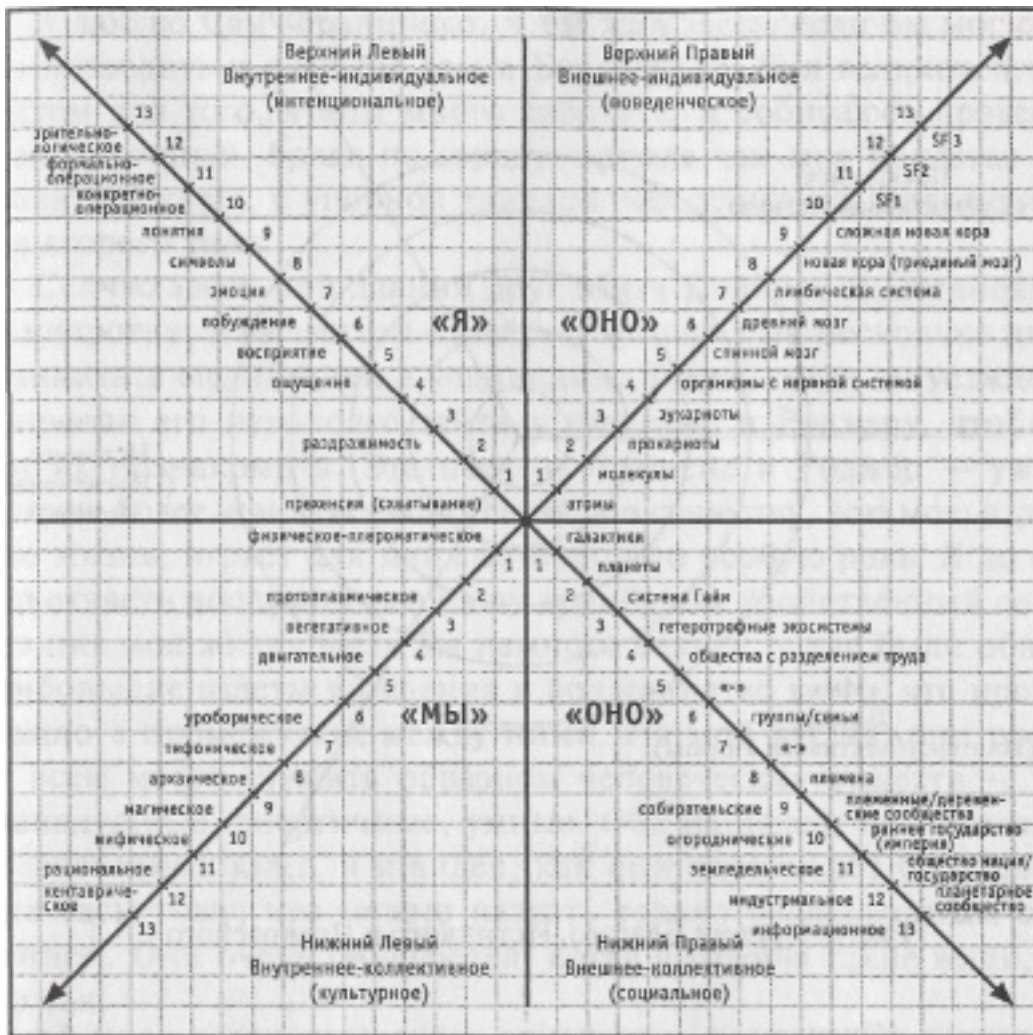

Рис. 2. Четыре сектора

Таким образом, соединение этих трех измерений («я», «мы» и «оно»; или искусства, морали и науки; или Красоты, Добра и Истины) с основными *уровнями* бытия (материей, телом, умом, душой и духом) должно дать нам в значительно большей мере подлинно интегральный или холистический подход к реальности. [См. рис. 3. Дальнейшее обсуждение этой темы см. в книге «Союз разума и души».]

Институт Фетцера хочет поддерживать и пропагандировать интегральный подход к миру — в образовании, медицине, духовности, естественных науках, исследованиях сознания и т.д. Члены совета сочли мои измерения/уровни полезными для развития широкого обсуждения, и в течение нескольких часов наша беседа сосредоточивалась на этой теме.

Судя по всему, сегодня я справлялся лучше, поскольку никто не шептал мне на ухо в холле важные наставления.

Понедельник, 17 марта — Сан-Франциско

Сегодня я переехал из гостиницы «Над волной» в Саусалито, куда всех нас поселила администрация Института Фетцера (мы предполагали, что она лучше гостиницы «Под волной») в высотный отель в деловой части Сан-Франциско. Я сижу здесь, на тридцать шестом этаже, в ресторане наверху отеля, откуда открывается вид на самый красивый город в Америке. Слева от меня мост Золотые Ворота, соединяющий изящество города с зеленью пригорода Мэйрин; справа — Бэй-Бридж, протянувшийся в скучный Окленд; прямо впереди — тюрьма Алькатрац, скалистый монумент мужской агрессивности.

Я люблю Сан-Франциско. Я бы жил здесь, если бы мог себе это позволить и если бы дом в Боулдере не был великолепным местом для того, чтобы много работать. Я собираюсь провести несколько дней, бродя по городу, прежде чем мне придется отправиться назад, к упорной тяжелой работе над исследованиями для второго тома.

Сейчас здесь мой давний друг Митч Кэйпор; он остановился напротив, в «Кэмптон-Плейсе», но уехал на несколько дней заниматься

медитацией в уединении. Вчера, когда он уезжал, я попросил его ненадолго зайти к Френсис и Роджеру, чтобы я мог их познакомить. Эта пара — Френсис и Роджер — уже в течение более чем двух десятилетий, по существу, всю мою взрослую жизнь, играет для меня совершенно особую роль. Я до сих пор отчасти воспринимаю нашу дружбу как тройственный союз. Без них моя жизнь была бы намного беднее; у нас были общие наибольшие взлеты и падения и большинство всего, что происходило в промежутках между ними. На мой взгляд, они почти во всем могут служить образцом человеческих существ — равнодушные, энергичные, умные. Оба написали по несколько превосходных книг, и я видел, как они посвящают бесчисленные часы тому, что можно назвать только бескорыстным служением. Они очень смущаются, когда я говорю такие вещи, но это так.

Мы с Митчеллом познакомились в Линкольне. Он прочитал «Спектр сознания» и пару раз зашел ко мне поговорить. Он мне сразу понравился — у Митча очень язвительный ум, но это не отталкивает; в нем есть что-то, сразу вызывающее симпатию. Он тогда был другом — и учителем медитации — Джека Криттендена. Мы с Джеком были в процессе организации журнала «Ревижн», и это, в конце концов, привело меня в Бостон, где жили и Джек, и Митч. Тем временем Митч вернулся в аспирантуру для получения степени в области деловой администрации в Массачусетском институте технологии, затем основал фирму программного обеспечения «Лотос» — по тем временам самую успешную. В конце концов, он продал «Лотос» за много миллионов, стал сооснователем «Электроник фронтир фаундейшн» и создал «Кэйпор энтерпрайзес». Всегда приятно знакомить друзей, так что Митч, Френсис с Роджером и я провели вместе вторую половину дня, беседуя о том и о сем.

Среда, 19 марта — Сан-Франциско

В это утро я взял напрокат машину и поехал в Мюир-Бич, к дому Сэма Кина, где мы с Трейей впервые поселились вместе после свадьбы (мы сняли у него дом; сегодня там никто не живет). Я час или, быть может, два сидел на крыльце. Это по-прежнему со мной. Она еще здесь. Печаль осязаема, как часть туманной атмосферы над пляжем, затрудняющей дыхание.

Примерно две недели после ее смерти я пребывал в том же состоянии красоты и благодати, в котором она ушла. Было только сияющее осознание без субъекта или объекта, но все возникало точно так, как должно, прекрасно. Я уверен, мы тогда были вместе. И затем, как это

обычно бывает, вернулось самозамыкание, и я снова, по большей части, был Кеном.

Я смотрел поверх пляжа; сцены нашей совместной жизни возникали из облаков и проплывали передо мной. Я всегда много думаю о нашей с Трейей жизни вместе в этом доме. У нас было несколько месяцев до того, как рак нанес свой удар; это была единственная свободная от рака зона во всей нашей совместной жизни. Так что именно здесь я видел ее целиком и полностью, поразительно прекрасную — сияние, проникавшее до самых глубин и захватывавшее душу, говорившее слишком нежные слова, чтобы их повторять. Именно здесь мы танцевали и плакали, занимались любовью и смеялись, держались друг за друга, словно за саму жизнь. И именно здесь эти ужасные слова — «У Терри рак» — были впервые сказаны по телефону мне, семье и друзьям в ту первую страшную, отвратительную ночь.

Но я больше не думаю о ней так много, поскольку она часть того, что думает. Она течет в моей крови и бьется в моем сердце; она — часть меня, всегда, так что мне не нужно зрительно представлять ее, чтобы вспомнить. Она по эту сторону моей кожи, но по ту, не вдали от меня. Мы с Трейей вместе росли и вместе умирали. Мы всегда были двумя сторонами одного и того же человека. И я думаю, так будет всегда.

Четверг, 20 марта — Сан-Франциско — Боулдер

Пишу на самолете, по пути обратно в Боулдер. Прошлый вечер обедал с Майклом Мёрфи и Сильвией. Мы говорили о центрах Интегральной Преобразующей Практики, которые организовали Майкл и Джордж [Леонард]. Майкл договорился о сотрудничестве со Стенфордским центром исследований в области профилактической медицины, который будет помогать документировать ход и эффективность интегральной подготовки. Я полагаю, что это поистине важная работа, пионерская работа, и она поможет определить совершенно новый подход к психологической и духовной трансформации, который будет включать в себя все лучшее из древней мудрости и современного научного знания. Неудивительно, что Мёрфи снова на передовом рубеже.

Пятница, 21 марта — Боулдер

Великолепное утро — Боулдер может быть красивым. Ходил за покупками, пополнил запасы в холодильнике, начал перебирать горы

почты, прослушал 62 телефонных сообщения и т.п.

Закончил читать «Дневники Энди Уорхола». Что ж, теперь мы знаем скорость мелководья. В действительности Уорхол мне весьма понравился. Равно как и его живопись. Уорхол — превосходный художник флатландии. Все его работы — сплошная поверхность, яркая и энергичная, волнующая и возбуждающая — поверхность, под которой нет абсолютно ничего. Я не люблю флатландию, но мне нравится, как поразительно он ее изображает. «Поверхность, поверхность, поверхность — вот и все, что все считали значительным». Уорхол действительно великий предтеча агрессивной, заразной, непреклонной ограниченности постмодернизма.

Воскресенье, 23 марта

Сажу здесь, на крыльце, наблюдая заход солнца. С тем исключением, что здесь нет наблюдателя — только солнце, опускающееся, заходящее. Из чистейшей Пустоты сияет ослепительная ясность. Звуки птиц там. Несколько облачков прямо наверху. Но нет ни «верха», ни «низа», ни «там», ни «здесь», потому что нет «меня» или «я», для которого эти направления имеют смысл. Есть только *это*. Простое, ясное, легкое, не требующее усилий вездесущее *это*.

Я стал чрезвычайно серьезно относиться к медитативной практике, когда прочитал следующую строку прославленного Шри Раманы Махарши: «То, что не присутствует в глубоком сне без сновидений, не реально».

Это шокирующее заявление, поскольку в состоянии глубокого сна без сновидений, по существу, нет ничего — буквально ничего. Вот что он хотел сказать. Рамана говорил, что предельная реальность (или Дух) не может быть чем-то, что входит в сознание, а затем выходит из него. Это должно быть нечто такое, что постоянно, неизменно или с более формальной точки зрения что, будучи *безвременным, полностью присутствует* в любой момент времени. Следовательно, высшая реальность также должна полностью присутствовать в глубоком сне без сновидений, и все, что *не* присутствует в глубоком сне без сновидений — это НЕ предельная реальность.

Это меня глубоко беспокоило, поскольку у меня уже было несколько *кеншо*, или переживаний, сходных с сатори (проблесков Одного Вкуса), но все они, как правило, были ограничены состоянием бодрствования. Более того, большинство вещей, которые меня заботили, существовали в состоянии бодрствования. И все же состояние бодрствования явно не постоянно. Оно приходит и уходит каждые двадцать четыре часа. В то

же время, по словам великих мудрецов, в нас есть нечто такое, что *всегда сознательно*, что буквально сознательно или осознает во все моменты и во всех состояниях — бодрствования, сновидения, сна. И *такое вездесущее осознание* — это Дух в нас. Этот глубинный поток постоянного сознания (или недвойственного осознания) — прямой и непрерывный луч самого чистого Духа. Это наша связь с Богиней, наш канал прямо к Богу.

Поэтому, если мы хотим реализовать свою высшую тождественность с Духом, мы должны подключиться к этому потоку постоянного сознания и придерживаться его при всех изменениях состояния — в бодрствовании, сновидении и сне, — что (1) избавит нас от исключительного отождествления с любым из таких состояний, как тело, ум, эго или душа; и (2) позволит нам отождествляться с тем, что оказывается постоянным — или безвременным — во всех этих состояниях, а именно Сознанием, как таковым, иначе говоря, с безвременным Духом.

К тому времени, как мне встретилась эта строка из Раманы Махарши, я уже около двадцати лет довольно интенсивно занимался медитацией. Я изучал дзен у Катагири и Мицуми; Ваджраяну у Калу и Трунгпа; дзогчен у Пема Норбу и Чакдуда; кроме того, я изучал — порой краткое порой в течение продолжительного времени — Веданту, трансцендентальную медитацию, кашмирский шиваизм, христианский мистицизм, каббалу, даосизм, суфизм... — всего не перечислишь. Когда мне попало на глаза утверждение Махарши, я был на напряженном ритрите по дзогчену со своим первым учителем дзогчена Чакдудом Тулку Ринпоче. Ринпоче тоже подчеркивал важность распространения ума-зеркала на состояния сновидения и глубокого сна. У меня начали появляться кратковременные периоды этого постоянного недвойственного осознания во всех состояниях, и Ринпоче это подтверждал. Но лишь год спустя, во время очень интенсивного одиннадцатидневного периода — в котором отдельное «я», казалось, радикально, глубоко, полностью умирало, — все это, судя по всему, начало приносить свои плоды. В эти одиннадцать дней я совсем не спал или, точнее, оставался сознательным одиннадцать дней и ночей, даже хотя тело и ум проходили через состояния бодрствования, сновидения и сна: я оставался неизменным посреди изменений; не было никакого «я», которое могло бы меняться; было только непоколебимое пустое сознание, ясный ум-зеркало, свидетель, единый со всем свидетельствуемым. Я просто вернулся к тому, что я есть, и с тех пор это более или менее всегда было так.

Когда в вас становится явным это постоянное недвойственное

сознание, посреди проявленного мира пробуждается новая судьба. Вы обнаружили свой Ум Будды, свое собственное Божество, свою собственную Пустоту вне формы, пространства и времени, свой Атман, который тождествен Брахману, свой Кетер, сознание Христа, сияющий Шекхинах — иными словами, Один Вкус. Это, несомненно, так. И именно это — ваша подлинная сущность — чистая Пустота или чистое неопределимое Сознание, как таковое, — и, значит, вы освободились от страха и муки, которые неизбежно возникают, когда вы отождествляетесь с маленьким субъектом в мире маленьких объектов.

Как только вы находите свою бесформенную самотождественность, как ум Будды, Атман, чистый Дух или Божество, вы снова входите с этим постоянным, недвойственным, вездесущим сознанием в меньшие состояния — тонкий ум и грубое тело — и сиянием вдыхаете в них новую жизнь. Вы не остаетесь только Бесформенным и Пустым. Вы Опустошаете себя от Пустоты: вы изливаетесь в ум и мир, создавая их в этом процессе, и в равной степени входите в них все, но особенно и в отдельности в те конкретные тело и ум, которые называются «вы» (которые в моем случае называются «Кен Уилбер»); эта меньшая самость становится сосудом Духа, каковым вы являетесь.

И тогда всё, включая ваши собственные маленькие ум, и тело, и мысли, и чувства, будет возникать в беспредельной Пустоте, которую вы из себя представляете, и по мере своего возникновения они будут само-высвободиться в свою подлинную природу именно потому, что вы больше не отождествляетесь ни с чем из них, а, скорее, позволяете им играть, позволяете им всем возникать, в Пустоте и Открытости, которой вы теперь стали. Тогда вы будете пробуждаться как радикальная Свобода и петь песни сияющего освобождения, излучать бесконечность, слишком очевидную, чтобы ее видеть, и пить океан блаженства. Вы будете смотреть на луну, как на часть своего тела, и кланяться солнцу, как части своего сердца, и все это именно так. Ибо вовеки и всегда, вовеки и всегда есть только *это*.

Но вы не нашли эту Свободу и не обрели каким-либо способом. По сути дела, это та же Свобода, что с самого начала жила в доме чистого Свидетеля. Вы просто узнаете чистую и пустую Самость, радикальное «Я-Я», которое с самого начала было вашим естественным осознанием, но которое вы не замечали из-за того, что потерялись в одурманивающем кинофильме жизни.

Понедельник, 24 марта

С пробуждением постоянного сознания вы становитесь чем-то вроде

божественного шизофреника в расхожем смысле «раздвоения личности», поскольку у вас есть доступ и к Свидетелю, и к эго. В действительности у вас «цельный ум», но кажется, будто он раздвоен, поскольку вы осознаете в себе постоянного Свидетеля или Дух, то также полностью осознаете фильм жизни, эго и все его взлеты и падения. Поэтому вы по-прежнему чувствуете боль, страдание и печаль, но они больше не убеждают вас в своей важности — вы больше не жертва жизни, а ее Свидетель.

На самом деле, поскольку вы больше не боитесь своих чувств, вы можете переживать их с гораздо большей глубиной. Кинофильм жизни становится более ярким и живым именно потому, что вы больше не хватаетесь за него и не избегаете его, и потому больше не пытаетесь его притуплять или разбавлять. Вы больше не приглушаете звук. Возможно, вы даже плачете горше, смеетесь громче, подпрыгиваете выше. Беспристрастное осознание не означает, что вы перестаете чувствовать; она означает, что вы чувствуете полно, чувствуете глубоко, чувствуете до самой бесконечности, и смеетесь, и плачете, и любите до боли. Жизнь сходит с экрана, и вы едины со всем, что в ней, поскольку больше не отшатываетесь от нее.

Если вам снится сон и вам кажется, что он реален, он может стать очень страшным. Скажем, вам снится, что вы канатоходец, идущий через Ниагарский водопад. Если вы упадете, то неминуемо погибнете. Поэтому вы идете очень медленно, очень осторожно. Предположим, что затем у вас начинается осознанное сновидение, и вы понимаете, что все это вам только снится. Что вы делаете? Становитесь еще осторожнее? Нет, вы начинаете подпрыгивать на канате, вы кувыркатесь, вы пускаетесь во все тяжкие и от души веселитесь именно потому, что знаете: все это не на самом деле. Когда вы осознаете, что это сон, то можете позволить себе забавляться.

То же самое происходит, когда вы осознаете, что обычная жизнь — это просто сон, просто кино, просто игра. Вы не становитесь более осторожным, более робким, более сдержанным. Вы начинаете прыгать и кувыркаться именно потому, что все это — сон, все это — чистая Пустота. Вы не чувствуете меньше, вы чувствуете больше, поскольку вы можете это себе позволить. Вы больше не боитесь умереть и потому не боитесь жить. Вы становитесь радикальным и несдержанным, эксцентричным и пылким, шокирующим и глупым. Вы позволяете всему этому свободно изливаться, поскольку все это — ваш сон.

Тогда жизнь приобретает свою подлинную глубину, свою живую яркость, она пенится и брызжет через край. Боль становится болезненнее, а счастье — счастливее; радость более радостна, а грусть

— еще грустнее. Все это с сияющей остротой предстает уму-зеркалу — уму, который ни за что не цепляется и ничего не избегает, а просто свидетельствует игру и потому может позволить себе играть даже в то время, как наблюдает.

Что будет вас мотивировать, если вы видите все как сон вашей собственной высочайшей Самости? Что будет действительно трогать вас в этом игривом мире сновидения? На каком-то глубинном уровне все в этом сновидении в основном забавно, кроме одного: когда вы видите, как ваши друзья страдают потому, что считают сновидение реальным, вам хочется облегчить их страдания, вам хочется, чтобы они тоже пробудились. Наблюдать их страдания совсем не забавно. И потому в сердце пробужденных людей возникает сильное и глубокое сострадание, и они превыше всего остального стремятся пробуждать других и таким образом избавлять их от скорби и жалости, мучения и боли, страха и терзаний, которые происходят от ужасающе серьезного восприятия глупого сна жизни.

Таким образом, вы — божественный шизофреник, у вас «раздвоение личности», в том смысле, что вы одновременно соприкасаетесь как с чистым Свидетелем, так и с миром эго-фильма. Но на самом деле это означает, что у вас по-настоящему «цельный ум», поскольку эти два мира в действительности недвойственны. Эго — это просто сновидение Свидетеля, кинофильм, который Свидетель создает из своей собственной полноты, просто для того, чтобы ему было что смотреть на экране.

На этом этапе весь спектакль возникает в вашем собственном постоянном сознании. Не существует ни внутреннего, ни внешнего, ни «здесь», ни «там». Недвойственная вселенная Одного Вкуса возникает как спонтанный жест вашей собственной подлинной природы. Вы можете вкушать солнце и глотать луну, и столетия умещаются в вашей ладони. Чистое «Я-Я», великое Я ЕСМЬ вдыхает бесконечность и создает космос как Песнь самой своей Самости, и океаны сострадания льются как слезы с вашего собственного Изначального Лица.

Прошлой ночью я видел отражение луны в холодном кристально прозрачном пруду, и больше вообще ничего не происходило.

Пятница, 28 марта

Позади моего дома, нежно журча, сбегает небольшой ручеек; если слушать ушами света, можно услышать, что на самом деле он поет. Солнце играет на зелени, сверкающей изумрудами росы, и в такие времена Дух говорит чуть громче: «Я становлюсь прозрачным глазным

яблоком; я — ничто, я вижу Все». Здесь нет ничего плотного — все твердое плавится, растворяясь в воздухе, все жесткое смягчается до прозрачности, мир прозрачен не внешне, а по сути. Я исчезаю в прозрачном шоу, и мы все — свет в свете, образы в образах, легко парящие в море безмятежности.

Природа — это внешняя форма Будды, это материальное тело Христа. Примите, вкусите, ибо сие есть моя плоть; примите, испейте, ибо сие есть моя кровь. Бедная милая природа, выражение Реального, побуждение Бесконечного, прозрачная до Вечности — она всего лишь сияющая поверхность океана нескончаемого Духа, танцующего в дневном свете Божественного, кроющегося в ночи неведения. Ибо у тех, кто не знает Безвременного, есть только природа; тех, кто не вкушает Бесконечности, природа собирает на Тайную вечерю. Тех, кто нуждается в спасении, природа обманом заставляет думать, что только она реальна. Но для тех, кто достиг освобождения, природа — это сияющая оболочка, в которой заключена более глубокая истина. Так оно есть — природа, ум и дух — Нирманакайя, Самбхогакайя и Дхармакайя — грубое, тонкое и каузальное — это вечная троица в лоне Космоса, никогда не утерянная, никогда не найденная.

За исключением сегодня, где все мы — свет в свете и образы в образах, легко парящие в море безмятежности.

АПРЕЛЬ

Теперь я расскажу вам о природе этого абсолютного Свидетеля. Если вы распознаете ее, то избавляетесь от оков неведения и обретаете освобождение.

Есть самобытная Реальность, лежащая в основе нашего сознания эго. Эта реальность является Свидетелем состояний сознания эго и тела. Эта Реальность — постоянный Свидетель во всех трех состояниях сознания — бодрствовании, сновидении и сне без сновидений. Это ваша подлинная Сущность. Эта реальность пронизывает всю вселенную. Она одна сияет — вселенная светит Ее отраженным светом.

Ее природа — непреходящее осознание. Она знает все, свидетельствует все, от эго до тела. Она — Свидетель наслаждения, и боли, и чувственных объектов. Это ваша подлинная Самость, Высшее Существо, Предвечный. Она никогда не перестает переживать бесконечное освобождение. Она непоколебима. Это сам Дух.

Шанкара

Среда, 2 апреля

Пребывание в качестве бесформенного Свидетеля несет с собой как радикальное *освобождение*, так и непреодолимый долг: освобождение, поскольку вы свободны от кабалы мира объектов, которые только живут и умирают, страдая при этом; и *долг*, так как в этом бесконечном пространстве свободы вы чувствуете себя обязанным помогать другим находить то же спасение, которое представляет собой их собственную подлиннейшую Самость и глубочайшее Состояние — чистую Пустоту, чистый Дух, чистое Божество. Высшая метафизическая тайна состоит в том, что нет никаких других, которых нужно спасать; беда в том, что они этого не осознают, и это неведение движет безжалостное колесо рождения и смерти и невыразимого страдания.

«Неведение — напоминает нам Патанджали, — это отождествление Видящего с инструментами видения». Вместо того чтобы Свидетельствовать телом, мы отождествляемся с ним. Вместо того чтобы Свидетельствовать эго, мы отождествляемся с эго. Вместо того чтобы быть Свидетелем страдания, мы отождествляемся с ним. Но при этом мы неизбежно оказываемся во власти того, с чем отождествляемся; нас терзает все то, что мы не превзошли. Так, привязывая самих себя к позорному столбу страдания, мы терпим произвол пространства, времени и страха. Один поэт так выразил суть учения Будды:

Лишь сами вы, никто иной не властен,
Заставить вас, живя и умирая, крутиться вечно
На колесе страданий, радостно цепляясь
За спицы муки, обод слез и втулку
Небытия...

Четверг, 10 апреля

Алек Цукатос — давний друг Трейи, с которым я подружился. Он преподает экономику и бизнес в разных колледжах в округе и время от времени ведет группы по изучению работ КУ. Он привел свою группу познакомиться, и я пригласил еще двоих друзей — Кейт Олсон, продюсера телестудии Пи-би-эс, и Фила Джекобсона, директора отделения дальнейшего образования в Институте Наропы.

Вечером у нас в какой-то момент возникла дискуссия о медитации и вызываемых ею изменениях биоэлектрической активности мозга. Один молодой человек, готовящийся стать психиатром, попросил меня показать видеофильм об электроэнцефалографических исследованиях моего мозга во время медитации. Он не верил ничему из говорившегося

о том, как сильно медитация способна изменять электрическую активность мозга, и хотел «доказательства».

Фильм показывает, как электрическая активность моего мозга измеряется с помощью электроэнцефалографа, который регистрирует альфа-, бета-, тета- и дельта-волны из правого и левого полушарий. Альфа-волновая активность связана с бодрствующим, но расслабленным осознанием; бета-волны — с напряженным и аналитическим мышлением; тета-волны обычно возникают только в состоянии сновидения и иногда при интенсивной творческой деятельности; а дельта-волны в нормальных условиях возникают только в глубоком сне без сновидений. Таким образом, альфа- и бета-волны связаны с грубой сферой; тета-волны — с тонкой сферой, а дельта-волны — с каузальной сферой. Или можно было бы сказать, что альфа- и бета-активность, как правило, показывает состояния эго, бета-активность — состояния души, а дельта-активность — состояния духа. Вероятно, дельта-активность имеет какое-то отношение к чистому Свидетелю, которого большинство людей переживают только в глубоком сне без сновидений.

Фильм начинается с того, что я присоединен к энцефалографу и нахожусь в нормальном бодрствующем сознании, так что можно видеть значительное количество альфа- и бета-активности в обоих полушариях. Но, кроме того, можно видеть большое количество дельта-волн в обоих полушариях; показатели дельта-активности максимальны, вероятно, из-за постоянного или устойчивого свидетельствования. Затем я пытаюсь войти в состояние нирвикальпа самадхи — или полного прекращения деятельности ума, — и за четыре или пять секунд все кривые энцефалографа полностью сходят к нулевой линии. Это похоже на клинически регистрируемую смерть мозга. Нет ни альфа-, ни бета-, ни тета-активности, но по-прежнему наблюдается максимум дельта-активности.^{11*}

Спустя несколько минут я начинаю выполнять разновидность техники визуализации мантры: медитация йидам, которую я всегда практикую, представляет собой преимущественно практику тонкого уровня, — и действительно, на энцефалографе немедленно появляется большое количество тета-волн наряду с максимумом дельта-активности. Тот факт, что и тета-волны, которые обычно возникают только при сновидении, и дельта-волны, обычно характерные только для глубокого сна, наблюдаются у человека в состоянии бодрствования, судя по всему, указывает на одновременное присутствие грубого, тонкого и каузального состояний (так называемый *турьятита*). Это в любом

случае привлекает внимание.

Я достал видеофильм, и мы все его посмотрели. Сэм говорит, что я ставлю себя в абсолютно дурацкое положение, показывая такие вещи, поскольку это выглядит такой саморекламой, таким бахвальством. Возможно, и так. Но для меня это просто объективное событие. Очень жаль, что испытуемым не был кто-нибудь еще, поскольку среднего зрителя результаты просто поражают. Они действительно привлекают внимание, причем гораздо больше, чем мои книги. Фильм вполне убедил будущего психиатра, как убеждает практически любого ученого, которому я его показываю.

Я начал делать эти видеофильмы — входить в различные виды медитативных состояний и записывать на пленку соответствующие картины электрической активности мозга на электроэнцефалографе — в качестве части интегрального подхода к изучению более высоких состояний и уровней сознания (для выявления корреляций между тем, что я называю Верхним Левым сектором — субъективным сознанием — и Верхним Правым сектором — объективным мозгом). Я уже обнаружил, что действительно существуют отчетливо различающиеся картины волн мозга для различных видов и уровней медитации. Это как минимум могло бы служить простым предварительным проектом для более контролируемых и адекватных исследований. И разумеется, Чарльз Александер и специалисты по трансцендентальной медитации (ТМ) проводят такого рода исследования на гораздо более высоком уровне, и я большой поклонник их работы. Большинство моих друзей, видевших фильм — Роджер Уолш, Френсис Воон, Майкл Мёрфи, Тони Шварц, Леке Хикстон, — сразу же оценили полезность этого общего типа исследований.

Так или иначе, посмотрев фильм, люди, как правило, становятся очень серьезными — я думаю, серьезными в хорошем смысле, поскольку он показывает им, что происходит нечто поистине значительное, что изначальное осознание — это не просто идея, которую вы заучиваете, а результат реальной практики, действительно изменяющей все ваше существо. Видя это, некоторые люди приходят в уныние, поскольку думают, что они на это не способны, но у большинства фильм вызывает воодушевление и желание заниматься подлинной духовной практикой и следовать поток постоянного сознания во всех состояниях — бодрствования, сновидения и глубокого сна, — таким образом, находя тот неизменный луч Духа, который недвусмысленно говорит со всеми и каждым из нас.

Суббота, 12 апреля

Утром собирается ненадолго зайти Сэм. Я пригласил заглянуть ко мне рабби Залмана Шахтер-Шаломи с его женой Евой, чтобы познакомиться с Сэмом. Залман — сияющий, красивый, благословенный. Он — лидер движения Иудейского возрождения и большой ученый, особенно в области Каббалы и еврейского мистицизма. Кроме того, именно он привлек к иудаизму Майкла Лернера. Майкл поражает меня как идеальный духовный наследник Залмана — у них обоих один и тот же огонек в глазах. Новая книга Майкла «Политика смысла» — важная попытка соединить либерализм и духовность (как и его журнал «Тиккун»). Но когда Майкл последний раз был в Боулдере, он рассказал мне, как он разочарован книгой, поскольку ее пришлось так радикально редактировать, чтобы сделать более «доходчивой» (он больше доволен своей предыдущей книгой «Возрождение иудаизма»).

История Майкла — настоящий рассказ-предостережение о том, что либеральные средства массовой информации в этой стране стремятся сделать со всем «духовным». Мою собственную политику можно вполне точно охарактеризовать как постконсервативную, постлиберальную. Я работаю над несколькими книгами как раз на эту тему. И у консерватизма, и у либерализма есть свои достоинства и недостатки, и нам необходимо сочетать их лучшие стороны и отбрасывать худшие.

Главное достоинство либерализма — его акцент на индивидуальных правах человека, а главный недостаток — его оголтелый страх перед Духом. Современный либерализм формировался в эпоху Просвещения, главным образом в качестве противодействия мифической религии, что было естественно и необходимо. Но либерализм впал в типичное до/над заблуждение: он посчитал *всю* духовность не более чем дорациональным мифом и потому отбрасывал и всю надрациональную духовность, что было абсолютной катастрофой. (Как сказал бы Рональд Рейган, «он выбрасывал ребенка вместе с посудой».) Либерализм пытался убить Бога и заменить надличностный Дух эгоическим гуманизмом, и хотя я придерживаюсь многих либеральных социальных ценностей, это его прискорбная оборотная сторона, этот страх всего Божественного.

Одно из достоинств типичного консерватизма состоит в том, что он полагается на Дух, а один из его недостатков в том, что этот «дух» почти всегда оказывается дорациональным, мифическим, фундаменталистским, этноцентрическим. В результате консерваторы

немного чересчур стремятся навязывать вам свои убеждения и свои «семейные ценности», и, поскольку Бог на их стороне, они вполне уверены в правильности своей программы, от более настойчивого проведения которой совсем недалеко до охоты на ведьм.

Фокус заключается в том, чтобы взять лучшее у них обоих — индивидуальные права и духовную ориентацию — и сделать это, показав, что либеральные ценности укоренены в надрациональном, а не дорациональном Духе. Такая духовность будет постлиберальной, эволюционной и прогрессивной, а не долиберальной, реакционной и регрессивной.

Она также будет политической в самом широком смысле, в том, что ее единственное главное побуждение — сострадание — выливается в общественное действие. Однако постконсервативная, постлиберальная духовность *не* может служить государственной политикой (надрациональная духовность сохраняет рационалистическое разделение Церкви и государства, равно как и либеральное требование, чтобы государство не защищало и не пропагандировало какой-то один излюбленный вариант правильного образа жизни). Те, кто хочет «преобразовать» мир, заставив нас всех принять их новую парадигму, либо их Бога или Богиню, либо их вариант Геи, либо их любимую мифологию, должны, по определению, считаться реакционными и регрессивными в наихудшем смысле — долиберальными, а не постлиберальными, — и потому от их глобальной программы всегда недалеко до их собственных вариантов охоты на ведьм. Напротив, подлинно постлиберальная духовность существует как культурное воодушевление, как фоновый контекст, который не принуждает к подлинной духовности, а скорее создает возможность для ее возникновения. [Дальнейшее обсуждение этой темы см. в записи от 10 декабря.]

Майкл Лернер работает над этой важнейшей проблемой, и я оказываю ему решительную поддержку. Его организация хотела присудить книге «Пол, экология, духовность» свою премию по этике, но я не слишком стремлюсь к известности, и потому мы стараемся выработать какой-то способ моего сотрудничества в «Тиккуне» в качестве постоянного обозревателя. Я не уверен, могу ли я с этим справиться, но это очень соблазнительно.

Рассказ-предостережение. Майкл в дружеских отношениях с Биллом и Хилари, и его «политика смысла» встретила у Хилари особенную поддержку. Либеральные средства массовой информации, узнав об этом, подняли шум. Святая Хилари, Майкл — «гуру Хилари» и тому подобное. Это все очень давило на Майкла и никак не прекращалось,

пока ...на сцену не выступила Джин Хьюстон. Простую технику визуализации, ежедневно используемую тысячами психотерапевтов, превратили в «духовный контакт» Хилари с Элеанор Рузвельт, хотя она занималась всего лишь творческой визуализацией. Но все *внутреннее* столь крайне, радикально, отталкивающе чуждо либеральным журналистам, что они вряд ли могли обсуждать эту тему без придыхания или хихиканья.

Именно поэтому «Наука и религия» в такой степени представляет собой прецедент, по крайней мере, как это видится мне. Она специально написана с учетом страхов либералов и в попытке убедить их не отвергать с порога то, что может казаться им чуждым. В последней главе подчеркнута важность сохранения достижений либерального Просвещения и намечены общие черты постлиберального — а не антилиберального — мировоззрения, которое требует объединения западного Просвещения (или политической свободы) с восточным Просветлением (или духовной свободой). Разумеется под «восточным Просветлением» я подразумеваю любое воистину подлинное духовное преобразование, будь то западное или восточное, северное или южное. Суть в том, чтобы использовать юридические, политические и гражданские свободы современного Запада в качестве защитной платформы, создающей возможность расцвета духовного преобразования — и неотделимого от него сострадания. Поэтому я рассматриваю «Науку и религию», заканчивающуюся этим призывом, как прецедент, призванный показать, насколько далеко могут пойти либералы в направлении надрациональной духовности.

Воскресенье, 13 апреля

Вчера вечером у меня было свидание с по-настоящему славной женщиной, очень красивой, Марси Уолтерс. Мы ходили в ее любимый ресторан «Матаам Фез» (марокканский), сидели на полу, ели руками, и я старался не пускать ей пыль в глаза. Она учится в аспирантуре в Институте Наропы, в то же время продолжая работать (с людьми, страдающими пороками развития). Она поступила в Корпус мира сразу после окончания школы. Она увлеченно занимается медитацией, участвовала в более чем полудюжине марафонских забегов и шести соревнованиях по триатлону. Я подозреваю, что, если я выйду за рамки, она просто меня поколотит.

Среда, 16 апреля

Вернулся к своему обычному расписанию. Я просыпаюсь между тремя и пятью часами утра, час или два занимаюсь медитацией, затем сразу сажусь за стол и работаю до часу или двух дня. Я использую разные техники медитации, но в их основе лежит «утренняя практика» или «йога высшего учителя», где в качестве высшего учителя выступает истинная природа ума человека. Практика состоит в том, чтобы при пробуждении или при переходе от сновидения к бодрствованию всматриваться непосредственно в ум, глубоко исследуя сам источник сознания, если угодно, задавать вопрос «Кто я?» или всматриваться в смотрящего. При глубоком исследовании самости она исчезает, снова растворяясь в сияющей пустоте, и остается сознание, как абсолютная Свобода, ничем не связанное и беспредельное, нерожденное и не умирающее, невидимое и неизведанное.

В этой бескрайней Пустоте возникает тонкая душа, но вы — не она. В этой огромной Пустоте возникает грубое эго, но вы — не оно. В этой Пустоте возникают грубое тело, природа и материя, но вы — и не они. Вы сияющее Я ЕСМЬ, предшествующее всем мирам, но не чуждое всем мирам, которые вы охватываете единым взглядом, и вашей милостью будет вставать солнце, и луна будет отражать вашу славу, и вы вообще не будете существовать в этом бескрайнем пространстве Пустоты, что лишь одна и существует.

Четверг, 17 апреля

В этом трансцендентальном состоянии, предположительно, имеет место мощная дельта-активность, и если у вас остается определенный доступ к этому уму-зеркалу или устойчивому свидетельствованию при переходе к состоянию бодрствования, дельта-волны также, вероятно, должны сохраняться. Это как будто так в видеофильме; но в любом случае это богатое поле для исследований.

Когда вы «выходите» из каузального или непроявленного состояния — состояния чистого прекращения, глубокого сна без сновидений, нирвикальпа самадхи, джняна самадхи или чистого сознания без объекта — это лишь несколько его названий у разных авторов и в разных традициях, — то можете непосредственно воспринимать, как возникают тонкая и ментальная сферы, и эти сферы явно представляют собой своего рода сгущение, кристаллизацию или стягивание каузальной. То есть такая сфера *воспринимается* как жест каузального духа, во многом подобно тому, как если вы сжимаете кулак, то это жест вашей руки.

Точно так же, если вы, продолжая свидетельствовать, выходите из

тонкого состояния — по-разному называемого савикальпа самадхи, архетипическим озарением, состоянием сновидения или творческим видением, — то вы можете непосредственно воспринимать возникновение грубой сферы — сферы физического тела, материи, природы, а также грубого-отражающего эго, которое возникает в этом сенсомоторном мире. Эти грубые сферы также воспринимаются как жест тонкого: они ощущаются как что-то, что *делает* тонкое.

Общий результат этой инволюционной дуги — где каузальный дух сокращается до тонкой души, а тонкая душа сокращается до грубого мира эго и природы — состоит в том, что весь проявленный мир представляет собой жест вашего собственного изначального осознания, вашего собственного Духа, вашего Божества, вашего Изначального Лица. Поэтому все и вся в Космосе — это проявление Великого Совершенства, проявление Изначальной Чистоты во всем ее бесконечном очаровании.

Проявление — это не грех; грех — потеряться в проявлениях. Мы думаем, что эго и природа — единственная реальность во всем Космосе, и в этом наш грех и наше страдание. Мы потерялись в грубом кинофильме жизни, забыв, что и проектор, и свет, и экран — это всего лишь формы Одного Вкуса, сверкающая рябь на поверхности сияющей Пустоты.

Когда вы восстанавливаете хотя бы умеренную способность к уму-зеркалу и устойчивому свидетельствованию и добиваетесь минимальной непрерывности между состояниями (так что вы не всегда утрачиваете сознание при переходе от состояния к состоянию, например, от бодрствования к глубокому сну), начинает становиться очевидным, что все состояния и уровни — высокие или низкие, священные или мирские, мелкие или глубокие — в действительности представляют собой разнообразные проявления вашего собственного изначального Духа. И следовательно, все, казалось бы, «меньшие» события, которые ортодоксы сочли бы «грехом», становятся не *отвлечением* от Духа, а *прославлением* буйной, обильной, бьющей через край, вездесущей творческой природы Духа.

Разумеется, в этом вся суть Тантры: каждое «загрязнение» — гнев, зависть, алчность, невежество, ревность — *скрывает в самой глубине себя трансцендентальную мудрость* — ясность, равенство, открытость, пронизательность. Тантра основана на бескомпромиссном прозрении: есть только Бог, есть только Дух, есть только Богиня, есть только Дао. Не метафорически, а *буквально*. Как говорит дзен: «То, от чего можно отклоняться — не истинное Дао». Нельзя отклоняться от Него, поскольку есть *только* Оно — любое «отклонение» по-прежнему

представляет собой не что иное, как Оно. (Вот почему книги, претендующие на то, чтобы рассказать нам, как мы отклонились от Богини, или от Дао, или от истинного Пути, совершенно не относятся к делу.)

Это переживание Одного Вкуса, где все вещи и события в Космосе, высокие или низкие, священные или мирские, имеют один и тот же вкус, один и тот же аромат, и этот аромат — Божественное. Все они — жесты Бога, то есть жесты вашего изначального Совершенства, проявления вашей сияющей Пустоты, волны вашего недвойственного Сознания. Вся Вселенная уместится в вашей ладони, вы можете держать луну двумя пальцами, вы можете передать солнце в подарок на Рождество, и в действительности вообще ничего не происходит.

Пятница, 18 апреля

Солнечный свет изгоняет остатки снега, клочками рассеянные повсюду и скапливающиеся под темными зелеными соснами, льнущими к дому. Все это возникает в светящемся зазоре Пустоты, великолепии Божества, неопишуемой шири Всего Пространства, которое представляет собой не что иное, как ваше собственное беспристрастное осознание в каждый текущий момент. Есть *только это*. Ослепленный, я смиряюсь, у меня захватывает дух, я вынужден отдаться своему глубочайшему состоянию, где я полностью растворяюсь в Красоте всего этого.

Именно поэтому *Красота* обретает такой глубокий смысл. В таком беспристрастном осознании, в абсолютной простоте Одного Вкуса, все сферы — от каузальной бесформенности до тонкой светимости и до грубых тела, ума и природы — обретают мучительную красоту, поистине болезненную красоту. Совершенно новое значение приобретает эстетика, эстетика во всех областях — красота тела, красота ума, красота души, красота духа. Когда все воспринимается просто, как оно есть, как совершенное проявление духа, все становится глубоко, мучительно прекрасным.

Вчера я часами сидел в торговом пассаже, наблюдая проходящих мимо людей, и все они были столь же драгоценны, как зеленые изумруды. Редкие нотки радости в их голосах, но чаще боль на их лицах, печаль в их глазах, тяжкая медлительность их шагов — ничего этого я не замечал. Я видел лишь великолепие зеленых изумрудов, сияющих будд, ходящих повсюду, и не было никакого «я», видящего все это, но изумруды все равно были. Грязь на тротуаре, камни на улице, крики детей, там и тут — райский уголок в торговом пассаже, и кто бы мог

заподозрить такое?

Суббота, 19 апреля

Только что получил весьма необычное письмо от Джойс Нильсен [автора книги «Пол и род в обществе»]. На шести страницах, через один интервал и тщательно продуманное от начала до конца. Она пишет конкретно о главе под названием «Интегральный феминизм» в «Оке Духа». В этой главе я указываю, что существует по меньшей мере дюжина школ феминизма, и единственное, в чем они все согласны, — это что женщины существуют. Во всем остальном они высказывают чрезвычайно разные взгляды в отношении того, в чем особенности феминизма (а фактически и женщин). Используя «всеуровневый, всесекторный» подход, я пытаюсь показать, что каждая из этой дюжины школ берет свое начало из разного сектора (с разного уровня) или делает на нем особый акцент. В результате *все* они могут сказать нам нечто важное, хотя и ограниченное, и единственным здравым подходом может быть «интегральный феминизм», который соединяет их сильные стороны и отбрасывает их предубеждения. Поэтому подлинно интегральный феминизм должен включать в себя все секторы (интенциональный, поведенческий, социальный и культурный), *каждый из которых* имеет доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный уровни, что дает нам поистине многомерный феминизм, а не флатландию, не только один сектор, не только один уровень. Во всяком случае, я пытаюсь показать это в «Оке Духа», и Джойс говорит, что ей нравится этот всеобъемлющий подход (и она по большей части с ним согласна).

Тем не менее Джойс полагает — и в этом главное различие, о котором она мне пишет, — что при объяснении расслоения общества по половому признаку биологическими факторами можно пренебречь, и хуже того, те идеи, которые я высказываю на этот счет, могут способствовать развитию как раз того расслоения, которого мы стараемся избежать. Я понимаю ее беспокойство, но все же не согласен. Кроме того, я думаю, что она намеренно преувеличивает значение, которое я придаю биологическим половым различиям. На мой взгляд, они безусловно важны (например, то, что женщины беременеют, оказывает огромное влияние на производительные роли мужчин и женщин в аграрных обществах — и сам факт беременности не является социальной конструкцией). Но я не считаю биологию единственным или даже самым важным фактором. Вдобавок к биологическим различиям полов (Верхний Правый сектор) существуют социальные

силы (Нижний Правый сектор), индивидуальные различия (Верхний Левый сектор) и исторически сложившиеся культурные ценности (Нижний Левый сектор). Культурно конструируемые ценности играют чрезвычайно большую роль в расслоении общества по половому признаку — и я это решительно подчеркиваю, — но я отказываюсь, подобно конструктивистам, сводить все другие секторы к одному этому. Все секторы в равной степени важны.

Вероятно, Джойс можно убедить просмотреть второй том («Пол, Бог и род: экология мужчин и женщин») в процессе его написания. Надеюсь, она может помочь мне не попасть в совершенно дурацкое положение, хотя это и означает просить у нее слишком многого.

Понедельник, 21 апреля — Денвер

Мы с Марси провели выходные в Денвере, в «Оксфорд-отеле» — в районе, именуемом ЛоДо (LOWer DOWntown), который намеренно скопирован с Сохо^{12*}. Я люблю это место и этот старомодный отель. На другой стороне улицы располагается старый железнодорожный вокзал, шестиэтажное здание, занимающее полквартала. За углом — филиал известного букинистического магазина «Рваная обложка», который несколько служб новостей назвали лучшим букинистическим магазином на планете. По соседству мой приятель Дейв Квери, который два года был шеф-поваром на яхте Малкольма Форбса, только что открыл ресторанчик. Здесь дюжина художественных галерей, магазинов, кафе, баров и ресторанов... Это действительно похоже на маленький кусочек Сохо.

В последние пять или шесть лет меня стала особенно привлекать эстетика, красота в любой сфере, что я непосредственно связываю с медитативным осознанием. Великие созерцательные традиции не испытывали неприязни к этому миру, они изо всех сил стремились приносить в него красоту (наряду с состраданием, ясностью и заботой). Подумайте о великолепных садах дзен, изысканно украшенных рукописях средневекового мистицизма, ошеломляющей красоте архитектуры всего от Тадж Махала до Ангкор Уот. Истинные недвойственные мистики не ненавидят этот мир, а прославляют его. Как сказал св. Фома, добродетель совершенствует мир, а не разрушает его.

Физическая эстетическая красота — это просто один из способов проявления сияющего Духа в сенсомоторном мире. И, как доказывал Томас Манн, для многих людей видеть нечто физически красивое — это максимально возможное приближение к Красоте Божественного.

Это миниатюрная версия, уменьшенная версия бесконечной Красоты — сияющего Лица Бога. Да, уменьшенный, но все равно луч Божественного. Безусловно, «Пир» Платона — это напоминание, что мы можем начинать с этого луча физической красоты и использовать его для подъема к видению Добра, самой высшей Красоты.

Но в этой стране существует прискорбное, агрессивное, пуританское представление, что эстетическая красота — в архитектуре, в людях, в одежде — это некоторым образом грех. Что за несчастное представление.

Конечно, в равной степени справедлива и обратная сторона. Для многих людей в этой стране физическая красота — это *все*, что есть. На не известна никакая более высокая красота — красота умственного видения, ошеломляющая красота архетипического озарения, блаженная мучительная красота подлинной и сияющей души, запредельная красота бесконечного непроявленного. И потому мы поклоняемся супермоделям. А они все выходят замуж за рок-звезд или знаменитых спортсменов, — господи, неужели это никогда не кончится?

ЛоДо нравится мне именно из-за эстетики; он просто красив и потому служит прекрасным напоминанием. Мы с Марси прекрасно проводили время — художественные выставки, книжные магазины, беззаботные капучино, обнаженные тела ночью. Марси хотела кое-какую новую косметику и остановилась на «Диор», так что мы с продавщицей затеяли беседу о том, что Брит Джон Галлиано будет руководить «Диор» вместо Жана-Поля Готье; я выступал за Жана-Поля, она — за Джона; но, в конце концов, она там работает. Мартини в «Круиз-баре» — гигантские салаты в ресторанчике Дейва. Когда вы проводите так много времени за письменным столом, можно найти чудесные удовольствия.

Вторник, 22 апреля — Боулдер

Позвонил Сэм и сказал, что «Шамбала» планирует издавать собрание моих сочинений начиная со следующего года. Я полагаю, что они собираются выпустить все тома сразу. Вот их предполагаемое содержание:

- Том 1 — «Спектр сознания» и «Никаких границ».
- Том 2 — «Проект Атман» и «Ввысь из рая».
- Том 3 — «Общительный Бог» и «Глаза в глаза».
- Том 4 — «Трансформации сознания» и разные статьи (включая введения к «Голографической парадигме» и «Квантовым вопросам»).

- Том 5 — «Милосердие и мужество».
- Том 6 — «Пол, экология, духовность» (том 1 «Трилогии Космоса»).
- Том 7 — «Краткая история всего» и «Око Духа».
- Том 8 — «Наука и религия» [*Союз разума и души*] и разные статьи.

Воскресенье, 27 апреля

Еще один семинар Института Наропы у меня дома. Обычно эти семинары продолжаются три или четыре часа и проходят в форме вопросов и ответов. Больше всего мне нравится слушать, как студенты путаются, поскольку это указывает на то, какие вопросы мне нужно рассмотреть в моих работах. Кроме того, они говорят о проблемах, возникающих у них при изучении моих работ, что помогает мне их разъяснить.

В этот раз студентов особенно интересовал Свидетель. Теперь мы записываем эти семинары на видеопленку; вот несколько выдержек из них.

Я знаю, что уже говорил о свидетельствующем осознании, сохраняющемся в состояниях бодрствования, сновидения и глубокого сна. Но Свидетель *полностью* доступен в *любом* состоянии, включая ваше текущее состояние осознания прямо сейчас. Поэтому я намерен «уговорить» вас в это состояние или попытаться это сделать, используя так называемые «указующие инструкции». Я *не* собираюсь пытаться вводить вас в другое состояние сознания, или измененное состояние, или неординарное состояние. Я хочу просто указать нечто, уже происходящее в вашем теперешнем, обычном, естественном состоянии. Итак, давайте начнем с простого осознания мира вокруг нас. Взгляните на небо и просто расслабьте свой ум, пусть ваш ум и небо смешаются. Замечайте облака, проплывающие в небе. Обратите внимание, что для этого не нужно никакого усилия с вашей стороны. Ваше теперешнее осознание, в котором плывут эти облака, — очень простое, очень легкое, не требующее усилий, спонтанное. Вы просто замечаете, что налицо *не требующая усилий осведомленность* об облаках. То же самое справедливо в отношении вон тех деревьев, птиц и скал. Вы просто и без усилий свидетельствуете их.

Теперь взгляните на ощущения в своем собственном теле. Вы можете осознавать любые имеющиеся телесные ощущения — быть может, давление там, где вы сидите, быть может, тепло в животе, быть может, напряжение в шее. Но даже если эти ощущения напряженные, вы их

легко осознаете. Эти чувства возникают в вашем теперешнем осознании, и это осознание — очень простое, расслабленное, не требующее усилий, спонтанное. Вы просто и пассивно свидетельствуете их.

Взгляните не мысли, возникающие у вас в уме. Возможно, вы замечаете различные образы, символы, понятия, желания, надежды и страхи — все они *спонтанно* возникают в вашем осознании. Они возникают, ненадолго задерживаются и уходят. Эти мысли и чувства возникают в вашем теперешнем осознании, и это осознание очень простое, расслабленное, не требующее усилий, спонтанное. Вы просто и пассивно свидетельствуете их.

Итак, обратите внимание: вы можете видеть проплывающие облака потому, что вы — *не* эти облака, вы — свидетель этих облаков. Вы можете чувствовать телесные ощущения потому, что вы — *не* эти ощущения, вы — свидетель этих ощущений. Вы можете наблюдать проплывающие мысли потому, что вы — *не* эти мысли, вы — свидетель этих мыслей. Все эти вещи спонтанно и естественно, сами собой, возникают в вашем наличном *пассивном* осознании.

Кто же вы? Вы — не внешние объекты, не чувства, не мысли — вы без усилий осведомлены о всех них, и значит, вы — не они. Так кто же вы или что?

Скажите себе так: *у меня есть* чувства, но я — не эти чувства. Кто же я? *У меня есть* мысли, но я — не эти мысли. Кто же я? *У меня есть* желания, но я — не эти желания. Кто же я?

Так вы отступаете к источнику вашего осознания. Вы отступаете к Свидетелю, и вы пребываете в Свидетеле. Я — ни объекты, ни чувства, ни желания, ни мысли.

Но потом люди обычно делают большую ошибку. Они думают, что если они пребывают в Свидетеле, то увидят или почувствуют нечто действительно замечательное или особое. Но вы ничего не увидите. Если вы что-то увидите, то это будет просто еще один объект — еще одно чувство, еще одна мысль, еще одно ощущение, еще один образ. Но все это — объекты; это то, чем вы не являетесь.

Нет, когда вы пребываете в Свидетеле, сознавая: я — не объекты, я — не чувства, я — не мысли, — все, что вы заметите, — это ощущение Свободы, ощущение Освобождения, ощущение Избавления — избавление от ужасного ограничения отождествления с этими ничтожными маленькими конечными объектами — вашим маленьким телом, и маленьким умом, и маленьким эго; все это объекты, которые могут быть видимы и потому не являются подлинным Видящим, истинной Самостью, чистым Свидетелем — тем, что вы есть на самом

деле.

Так что вы не увидите ничего особенного. Что бы ни возникало, так оно и должно быть. Облака проплывают в небе, ощущения проплывают в теле, мысли проплывают в уме — и вы можете без усилий свидетельствовать все это. Все это спонтанно возникает в вашем собственном наличном расслабленном, пассивном осознании. И само это свидетельствующее осознание не что-то конкретное, что вы можете видеть. Это просто огромное фоновое ощущение Свободы — или чистой Пустоты, — и в этой чистой Пустоте, каковой вы являетесь, возникает весь проявленный мир. Вы — эта Свобода, Открытость, Пустота — а не любая из крошечных вещей, которые в ней возникают. Пребывая в этом пустом, свободном, расслабленном, пассивном свидетельствовании, замечайте, что облака возникают в безбрежном пространстве вашего осознания. Облака возникают в вас настолько, что вы можете пробовать их на вкус, вы едины с облаками, они так близко, как если бы они были по эту сторону вашей кожи. Небо и ваше осознание стали одним, и все в небе без усилий проплывает в вашем собственном осознании. Вы можете целовать солнце, глотать горы — они так близко. Дзен говорит: «Выпей Тихий океан одним глотком» — и это легче всего на свете, когда внутреннее и внешнее более не различны, когда субъект и объект недвойственны, когда и смотрящий, и то, на что он смотрит, — это Один Вкус. Понимаете?

МАЙ

Еще с отроческих лет, когда я бывал предоставлен самому себя, у меня часто случался своеобразный транс наяву. Как правило, это происходило, когда я два или три раза повторял себе в уме свое собственное имя, пока вдруг, как бы от глубины сознания собственной индивидуальности, сама индивидуальность не растворялась и не угасала в безграничном бытии; и это было не спутанное или помраченное, но в высшей степени ясное и уверенное состояние... абсолютно невыразимое, где смерть была чем-то невозможным и почти смешным, и утрата личности (случись такое) казалась не исчезновением, а единственно подлинной жизнью.

Альфред, лорд Теннисом

Пятница, 2 мая

Солнечный свет играет в каплях дождя, превращая их в цветные

бриллианты, которые взрываются энергией, падая на землю. Временами мне кажется, что, падая, они разговаривают друг с другом, но затем я снова прихожу в себя.

В «Оке Духа» я впервые после «Трансформаций сознания» мог охватить области психологии развития и духовности, приведя свою работу в соответствие с современными данными (и сопоставив ее со многими новыми и важными достижениями других исследователей). Кроме того, это была возможность более открыто написать о моей собственной духовной жизни и еще раз попытаться передать сияние всегда-уже наличной истины. В книгу также вошли главы по философии, антропологии, эпистемологии, медитации и феминизму, рассматриваемых с интегральной точки зрения. И наконец, я написал пространное эссе об искусстве и его интерпретации, которое, пожалуй, больше всего нравится мне из всех моих сочинений. Его происхождение довольно интересно.

В течение некоторого времени я занимался «герменевтикой» — искусством и наукой истолкования или того, как мы обнаруживаем смысл высказывания, смысл сновидения, приснившегося нам прошлой ночью, смысл математики, произведения искусства, пьесы, кинофильма или вообще чего угодно. Даже в данный момент можно задаться вопросом: что означает эта фраза? Что такое герменевтика? И в этом нелегко разобраться. В нашу способность понимать вообще какой бы то ни было смысл — и, значит, понимать жизнь, или Бога, или литературу, или даже друг друга — входит поразительное количество факторов. Я нашел, или думал, что нашел, способ объединения обозначающего (письменного слова), обозначаемого (его внутренний смысл), синтаксиса (его формальных правил) и семантики (его оснований в культуре) в интегральное представление о символическом значении и истолковании^{13*}.

Кроме того, это вело к определенным конкретным выводам в отношении искусства и его интерпретации. Примерно в то же время впервые увидели свет несколько ранее не выставившихся живописных полотен Эндрю Вайса из анонимного частного собрания — что было значительным событием, — и в числе мероприятий, связанных с проведением Олимпийских игр в Атланте, планировалась большая выставка. Меня попросили написать эссе для посвященной ей книги, и я был рад взяться за эту работу^{14**}. Я думаю, они обратились ко мне потому, что были сыты по горло стандартной постмодернистской «теорией», которая путано говорит обо всем, кроме самого произведения искусства. Так что я избрал новый и странный для теоретика искусства подход и писал о самом изобразительном

искусстве.

Вначале я давал краткий исторический обзор основных школ изобразительного искусства и его интерпретации, включая предметно-изобразительную, интенционально-экспрессивную, симптоматическую, формалистскую и восприятия-реакции. Затем я пытался показать — с помощью холонов^{15*}, спектра сознания и четырех секторов, — что существует очень ясный и точный способ объединения всех этих школ. Более того, в этом случае методы интерпретации, используемые каждой из них, могли бы с пользой и по праву войти в общий репертуар интегральной интерпретации любого произведения искусства.

Далее следовал вывод: если наука дает нам объективную Истину, или «оно» Духа, а мораль дает нам Благо, или «мы» Духа, то Красота — которая существует в «оке» созерцающего — помогает нам открываться к «Я» Духа. Эссе завершалось так:

Подумайте о самом красивом человеке, которого вы когда-либо встречали. Подумайте именно о том моменте, когда вы взглянули в его или ее глаза и на краткое мгновение оцепенели: вы не могли отвести взгляд от этого видения. Вы смотрели, застыв во времени, захваченные этой красотой. Теперь представьте себе, что точно такой же красотой светится каждая отдельная вещь во всей вселенной — каждый камень, растение, животное, каждое облако, каждый человек, каждый объект, каждая гора, каждый ручей, даже мусорные кучи и разбитые мечты — все они излучают эту красоту. Вы безмолвно замираете перед лицом спокойной красоты всего, что возникает вокруг вас. Вы освобождаетесь от хватания и избегания, освобождаетесь от времени, всецело пребывая в оке Духа, где вы созерцаете бесконечную красоту произведения Искусства, каковое представляет собой весь Мир.

Эта пронизывающая все красота вовсе не упражнение в творческом воображении. Это реальная структура вселенной. Эта универсальная красота поистине сама природа Космоса прямо в этот момент. Это не что-то такое, что вам приходится воображать, поскольку это реальная структура восприятия во всех сферах. Если вы пребываете в оке Духа, каждый объект — это объект сияющей Красоты. Если двери восприятия очищены, весь Космос становится вашей утерянной и вновь найденной Любовью, Подлинным Ликом изначальной Красоты, ныне и присно и во веки веков. И перед лицом этой ошеломляющей Красоты вы окончательно погрузитесь в свою смерть. Вас

больше никто не увидит, о вас никто не услышит, кроме как в те ласковые ночи, когда ветер легко пробегает меж холмов и гор, тихонько напевая ваше имя.

Понедельник, 5 мая — Денвер

Мы с Марси опять провели выходные в Денвере. Снова ЛоДо, снова «Оксфорд-отель», снова эстетическое восхищение.

Как правило, я внимательно слежу за поп-культурой — музыкой, книгами, фильмами, модой, увлечениями, — во-первых, потому, что мне это нравится, и, во-вторых, чтобы чувствовать дух времени, общую когнитивную структуру, играющую роль основы, на которой формируется среднее массовое восприятие, а почувствовать и понять это можно, только наблюдая массовую культуру. В настоящее время общей тенденцией становится медленное движение от рационального модернизма к постмодернистскому аперспективизму, и это нигде не видно так ясно, как в массовой культуре, особенно в моде.

Например, Джорджио Армани — чистый модернист: его модели изящны, скупы, элегантны, красивы, зачастую однотонны. С другой стороны, Версаче и Готье — по самой основе постмодернисты: буйные, роскошные, плюралистичные, растрепанные — разнообразие на грани фрагментарности, попытки найти единство, граничащее с распадом. Центральная когнитивная структура постмодернизма получила название интегрально-аперспективной (я также называю ее зрительно-логической): аперспективной потому, что ни одна точка зрения не занимает привилегированного положения, а интегральной потому, что, несмотря на это, необходима определенная согласованность, иначе все разваливается на части. В этом, например, великолепии Фрэнка Гери — он выдающийся гений постмодернизма; он создает поразительные образцы интегрально-аперспективного видения — его архитектурные проекты представляют собой собрание изгибов, поворотов, плюралистических фрагментов на самой грани разобщения и полного распада, — и в то же время все они неизбежно, чудесным образом связаны в изысканно целостную и единую форму — подлинное интегрально-аперспективное видение, истинное «единство в разнообразии».

Проблема большей части постмодернизма состоит в том, что он вначале так увлекся разнообразием, что позабыл о единстве, и потому просто распадается на разрозненные фрагменты, мечущиеся и задыхающиеся в своих собственных изолированных маленьких мирах. Это просто патологическая форма интегрально-аперспективного,

болезнь, которую я называю аперспективным безумием, — сплошное разнообразие, никакого единства; шизофреническая раздробленность. И почти весь постмодернизм пока что представляет собой не более чем аперспективное безумие, ожидая появления подлинно великих гениев — подобных Гери, но также и в других областях, — которые объединят фрагменты, свяжут не связанное, заново соткут ткань реальности, разорванную на лоскуты бездумными движениями за разнообразие. Но к черту все это, мне кажется, я влюбился.

Воскресенье, 11 мая — Боулдер

Сегодня День матерей, звонил маме. Она такая милая, но ее приводит в ярость глава, которую Тони Шварц посвятил мне в «Что действительно важно», поскольку Тони мимоходом делает несколько затрагивающих ее замечаний с позиции фрейдистской концепции эдипова комплекса. Она надеется, что книгу постигла ужасная судьба и ее никто никогда не покупает. Во всем остальном у нее все в порядке. После того как я гостил у них в прошлом году, и мама, и папа теперь упражняются с гантелями — им сейчас за семьдесят. Я привел их в тренажерный зал и заставил записаться, и им это очень понравилось.

Получил эссе от Майкла Циммермана, большого знатока Хайдеггера и чудесного человека — живого, умного, искреннего. В прошлом году он выступал на конференции в Сан-Франциско, посвященной моей работе, и, как я слышал, больше всех понравился аудитории. Эссе озаглавлено «Хайдеггер и Уилбер об ограничениях духовной глубинной экологии». Майкл увлеченно и глубоко занимается теорией экологии, что показывает его книга «Радикальная экология». Но при этом он признает основные ограничения большинства разновидностей «духовной экологии».

Вот что он пишет в эссе: «На мой взгляд, Уилбер в своем анализе современности, ретроромантизма и экологического кризиса достигает очень многого. Ему удастся взять из воззрений Хайдеггера на трансцендентную сферу большую часть всего стоящего, в то же время отбросив антимодернистские настроения, которые привели Хайдеггера к таким политическим неприятностям [сотрудничеству с нацистами]. Более того, представления Уилбера о трансцендентном включают в себя важные аспекты духовных традиций, которые Хайдеггер либо полностью отвергал, либо принимал в урезанном виде. Точка зрения Уилбера, что и модернисты, и борцы за сохранение окружающей среды в равной степени стоят на позициях материалистической системы мира современной науки, позволяет ему сделать вывод, что

предпринимаемые из лучших побуждений попытки вернуть природе «сакральный» статус не принесут ничего хорошего без предварительного повторного открытия и повторного утверждения трансцендентного измерения природы, человечества и божественного». Как бы это ни было мило, все равно сегодня это всего лишь нагоняет на меня грусть и сомнения. «Я твердо убежден, что Уилбер внес огромный вклад в современную дискуссию о божественном, природе и человеке. В частности, он может сказать нечто важное как модернистам, так и сторонникам глубокой духовной экологии, что преодоление экологического кризиса зависит от разрешения кризиса смысла, вызванного принятием одномерной материалистической онтологии [а именно флатландии]. Уилбер ясно дает понять, что этот кризис могут разрешить не потуги жизнеотрицающего трансцендентализма и страстного желания потустороннего, а развитие иного мерной [то есть интегральной] недвойственной онтологии, которая дает место тому, что так долго исключалось из рассмотрения. Подлинно духовная экология должна признавать глубинное измерение реальности, а не утверждать, что все бесконечные аспекты божественного исчерпываются материальной природной системой — «паутиной жизни». Уилбер играет важную роль в создании такой глубоко духовной экологии». Это только вызывает у меня печаль. По какой-то причине все, о чем я в данный момент думаю, — это какой ничтожный шанс вообще чего-нибудь добиться есть у любого из нас. Не только у моей работы, но у любого из подлинно интегральных авторов — у собственной хорошей работы Циммермана, у Роджера, Френсис, Тони, Джека, Мёрфи и команды; просто кажется, что там так пусто. Я полностью свыкся с Пустотой, но пустота просто засасывает.

Понедельник, 12 мая

Мы с Марси решили устроить себе короткий импровизированный отпуск. По существу, у меня не было настоящего отпуска уже много лет. В Нью-Йорке и Сан-Франциско было весело, но это была работа, и я делал все что угодно, только не расслаблялся. Поскольку сейчас я ничего особенного не пишу, а занимаюсь анализом литературы, я ничуть не возражаю против того, чтобы оторваться от этого на несколько дней.

Нам нужно место, удовлетворяющее нескольким трудным требованиям. Мы с Марси оба любим солнце, и песок, и пляж. Но поскольку я провожу большую часть времени, работая в одиночестве, я также хочу быть в гуще толпы, чтобы меня теснили и толкали. Кроме

того, мы оба любим культуру не меньше, чем природу, и потому нам не хочется быть вдали от крупного города. Я не хочу просто валяться на солнце, я хочу вдыхать выхлопы автомобилей и слышать, как меня ругают. Что за веселый отпуск без подлинной возможности быть застреленным или на худой конец ограбленным? И наконец, поскольку и я, и Марси все время исследуем глубинное, нам, ради смены обстановки, хочется чего-нибудь в высшей степени поверхностного, притягательного, блестящего и бессодержательного.

С этим нет проблем. Мы направляемся в Саус-Бич, в Майями.

Воскресенье, 18 мая — Саус-Бич

О, это восхитительно. Какое буйство. В нашей настоящей жизни Саус-Бич — это все, чего мы не хотим и даже меньше. Что означает — он прекрасен.

На самом деле здесь очень, очень красиво. Саус-Бич расположен примерно в двадцати кварталах к югу от Майми-Бич; некогда он был совершенно запущенным и обветшалым, но в последнее десятилетие претерпел впечатляющее развитие, главным образом под влиянием избранной публики, модельных агентств, кинозвезд и больших денег. Ресторан в отеле «Делано» принадлежит Мадонне; Слай Сталлоне владеет танцевальным клубом; Майкл Кейн держит пивной бар; дом Версаче на Оушен-Драйв выглядит как посольство. Здесь свыше двух десятков реставрированных отелей в стиле артдеко, окрашенных в нежнейшие пастельные тона и просто сияющих неоновыми рекламами — все они просто великолепны. Отели смотрят на океан — прямо через улицу расположен пляж из чистейшего песка без камней или раковин, о которые можно поранить ступни. Океан, в отличие от большей части Атлантического океана, не холодный серо-голубой, а прекрасный голубовато-зеленый и бирюзовый, и просто смотреть — уже удовольствие. Океан полон прозрачности и мерцания, в нем нет ничего вещественного, только сверкание, светящееся возникновение, вспыхивающие орнаменты на поверхности первобытного осознания; здесь, на краю земли, ум и мир не двойственны.

Мы зарегистрировались в «Кэвалье» — модном отеле не Оушен-Драйв, и он, надо сказать, весьма крутой. В Саус-Бич каждый либо гей, либо актер, либо фотомодель, либо и то, и другое, и третье. Отели чередуются с роскошными и очаровательными ресторанами, у большинства из которых есть уличные кафе, так что можно сидеть и наблюдать проходящие мимо полуобнаженные тела. Марси, включившись в ритм окружающей жизни, проколола себе пупок.

Теперь она официально принадлежит к «поколению X». Мы чередуем пребывание на пляже с посещением ресторанов и баров, походами по бутикам и откровенной праздностью. Мы оба настроены выпивать в день по бутылке вина — она крепкого красного, я — слабого сухого белого. До свидания, Свидетель, здравствуй, суровый мир.

Каждый день мы приходим на пляж около одиннадцати утра и остаемся там примерно до четырех часов дня. Это поистине один из самых хороших пляжей, которые мне доводилось видеть. Помимо того что он состоит из чистого песка — можно бродить без конца и не встретить камня или раковины, — вода имеет прекрасную температуру, что-то около 25 градусов, так что можно оставаться в ней сколь угодно долго и не замерзнуть. И я на самом деле каждый день провожу в воде около трех часов, погрузившись по шею, мягко покачиваясь вверх и вниз, едва касаясь дна пальцами ног, чтобы оставаться на плаву. Марси, первоклассная пловчиха, буквально плавает вокруг меня кругами. Где эта женщина прячет все свои мышцы? Она слишком округлая, чтобы быть такой спортивной. Разве у женщин, занимающихся триатлоном, в теле совсем нет жира? Может, они живут в отрицательном пространстве жира? Разве они не должны миру немного жира?

Учитывая нашу винную программу, я был полностью готов к утрате всякого доступа к Свидетелю. И в первые день и ночь так и было. Но свободное парение в воде не только вернуло Свидетеля, но как будто облегчало исчезновение Свидетеля в недвойственном Одном Вкусе, по крайней мере иногда. (Свидетель, или чистое свидетельствующее осознание, как правило, относится к каузальной сфере, поскольку в нем обычно сохраняются примитивные следы субъект-объектного дуализма: вы невозмутимо Свидетельствуете мир как прозрачный и мерцающий объект. Но с дальнейшим развитием сам Свидетель исчезает во всем, что свидетельствуется, субъект и объект становятся Одним Вкусом или простой Таковостью, и это — область недвойственного. Короче говоря, от эго к душе, от души к чистому Свидетелю и от него — к Одному Вкусу.) Так что я в высшей степени приятно удивлен, плавая здесь в крови природы и погружаясь в Один Вкус, который в данном случае оказывается соленым.

В этом состоянии нет времени, хотя время проходит через него. По небу проплывают облака, в уме проплывают мысли, по океану катятся волны, и я — все это. Я не смотрю ни на что из этого, поскольку нет никакого центра, вокруг которого организуется восприятие. Просто все возникает, момент за моментом, и я — все это. Я не вижу небо — я небо, которое видит само себя. Я не ощущаю океан — я океан, ощущающий сам себя. Я не слышу птиц — я птицы, который слышат

сами себя. Нет ничего вне меня, нет ничего внутри меня, поскольку нет никакого меня — есть просто все это, и так было всегда. Ничто меня не толкает, ничто меня не тянет, так как никакого меня нет — есть просто все это, и так было всегда.

У меня болит лодыжка от вчерашних вечерних танцев, так что существует боль, но боль не ранит меня, ибо никакого меня нет. Есть просто боль, и она возникает, подобно всему прочему — птицам, волнам, облакам, мыслям. Я — ничто из этого, я — все это, все это — тот же Один Вкус. Это совсем не транс и не ослабление сознания, а скорее его усиление — не подсознание, а сверхсознание, не дорациональное, а надрациональное. Налицо кристально ясное осознание всего, что возникает от момента к моменту, это просто не случается с каждым. Это не внетелесный опыт; я не нахожусь наверху, смотря вниз; и вообще не смотрю, и я не выше и не ниже чего бы то ни было: я — все. Просто есть все это, и это и есть я.

Более всего, Один Вкус — это абсолютная простота. Мистические переживания в тонкой и каузальной сфере часто сопровождаются чувствами грандиозности, испуганного благоговения, сверхъестественного потрясения, света, блаженства и счастья, благодарности и слез радости. Но не при переживании Одного вкуса, которое чрезвычайно обычно и абсолютно просто: просто это.

Я нахожусь здесь, по шею в воде, три часа. Я не знаю, какую часть этого времени я провожу как эго, как Свидетель или как Один Вкус. В состоянии Одного Вкуса всегда присутствует ощущение, что вы постоянно остаетесь в нем, что бы с вами ни происходило, и потому вы в действительности никогда не чувствуете, что входите в него или покидаете его. Это просто так, всегда и навеки, даже сейчас, даже в конце мира.

Но в этом конкретном сейчас пришло время раннего обеда, и пора заняться неприятным делом перемещения этого конкретного ума-тела из одного места в другое. Кроме того, я уверен, что Марси собирается проколоть себе еще что-нибудь, и никто — эго, душа или Бог — не хочет это пропустить.

Вторник, 20 мая — Саус-Бич

Для смены обстановки мы переселились из «Кэвалье» в «Каса Гранде» — не менее потрясающий отель. «Кэвалье» — модный и популярный, «Каса Гранде» — изысканный. Но ни тот ни другой не принадлежат к категории мегаотелей вроде «Хайат» или «Четыре времени года»; подобно большинству отелей в Саус-Бич, они представляют собой

относительно небольшие, самое большое трех- или четырехэтажные здания в стиле артдеко с причудливо-изысканной архитектурой.

Накануне мы совершили поход по бутикам, нам обоим понравился магазин Николь Миллер, но в округе десятки потрясающих маленьких магазинчиков. Мы вели жаркие споры с продавцами о том, кто сейчас самый модный новый дизайнер. Я выступал за Тома Форда, который возглавил тяжеловесный старый дом Гуччи и вызывает небывалый интерес (особенно среди американцев); его одежда, как мужская, так и женская, шикарна, сексуальна и элегантна. Они, глупые, стояли за Галлиано, Марси нравится Исаак Мицрахи и его «забавные веселые цвета». Очень жаль, что Голливуд сделал Армани расхожим шаблоном, поскольку по-прежнему нет никого, подобного ему; он — гений модернизма, оплот против более бестолковых элементов постмодернизма у Лакруа, Готье, Версаче, Дольче и Каббана, хотя многие из их моделей мне определенно нравятся. Но постмодернизму пока еще только предстоит породить своего гения моды, подобного Гери в архитектуре, хотя Готье вплотную подходит к этому, и кто знает, быть может, с этим справятся Галлиано или Маккуин. Замечательный обед — какая-то рыба, не могу точно вспомнить, не знаю почему, ах, да, вино.

Прошлый вечер мы стояли перед домом Версаче и встретили очень милую пару; завязался разговор, и мы вместе отправились обедать. Постепенно выяснилось, что женщина — они оба были очень живые и чуткие, но несколько консервативные люди — собирается сделать себе татуировку. Чем больше она пила, тем больше укреплялась в этом намерении.

Мы пошли в то же место, где Марси прокалывали пупок. Я полагаю, это что-то вроде конторы, занимающейся всевозможным членовредительством на все вкусы, что-нибудь под вывеской типа «Мы уродуем». Марси весело подначивала женщину: «Ах, посмотрите на этого великолепного американского орла», — указывая на изображение размером с обеденную тарелку. Я уже начинал волноваться за эту женщину. «Ой, взгляните на это прелестное маленькое сердечко!» — размером примерно с горошину. Она остановилась на сердечке, и через две минуты все было сделано.

В понедельник снова на пляже, но на этот раз — никакого Свидетеля и никакого Одного Вкуса, только эго, слегка страдающее от похмелья. Но вода изумительная, и мы едим сандвичи и жаримся на солнце среди по большей части полуголой публики. Марси не только ходит в купальнике без верхней части, но все больше проникается духом Саус Бич, что значит отсутствием всякого духа, просто атмосферой веселья и

блеска и порока. В этот вечер она решила проколоть себе оба соска. Я произнес очень серьезную речь о безответственности, после чего мы оба поспешили прямо в «Мы уродуем». Сотня долларов — и несколько картин, которые я не скоро забуду, — и у Марси в каждом соске по кольцу, которые чем-то напоминают мне нависающие вешалки для полотенец. (Каждый раз, когда я рассказываю это людям послевоенного поколения, они испытывают беспокойство, отвращение или легкую тошноту; «поколение X» говорит «Круто!».)

Завтра мы улетаем домой, но все это было забавно. И с Марси чудесно путешествовать. Она никогда не сердится, она по-настоящему счастлива и радуется жизни, она очень искренна, но без тени серьезности. На самолете, глядя вниз, я наблюдал океан, мерцающий в Пустоте; отпуск пролетел, как чудесный сон, буквально сон.

Воскресенье, 25 мая — Боулдер

Очередной семинар для Института Наропы. Студенты затрагивали такие темы, как сострадание в противовес дурацкому состраданию, до/над заблуждение, медитация и невроз, поразительно злобная реакция некоторых теоретиков на попытки введения интегральных представлений... Вот несколько выдержек:

СТУДЕНТ: Я обсуждал интегральную точку с некоторыми другими студентами, и они говорили, что, высказывая суждения, я демонстрирую реальное отсутствие сострадания. Я так не считаю.

К.У.: Да, в этом вопросе в духовных кругах, вероятно, существует больше путаницы, чем в любом другом. В основном большая часть затруднений происходит от смешения сострадания с идиотским состраданием — такие термины для описания этого важнейшего различия использовал Тругпа Ринпоче. У нас в этой стране — и особенно среди представителей идеологии «нового века» — бытует разновидность безразличной уравниловки и политкорректности, согласно которой никакая точка зрения в действительности не лучше любой другой, и потому следует в равной степени лелеять их все как свидетельство богатого разнообразия. Если мы не высказываем никаких суждений о том, что лучше, а что хуже, то, значит, демонстрируем реальное сострадание. Таким образом, согласно распространенному мнению, можно либо судить, либо проявлять сострадание.

Но как вы понимаете, эта позиция по самой своей основе внутренне противоречива. С одной стороны, она утверждает, что все точки зрения — равноправные части богатого разнообразия, и потому никакая точка

зрения не лучше другой. Но с другой стороны, она настойчиво провозглашает, что само такое представление лучше, чем его альтернативы. Таким образом, это «сострадание» заявляет, что никакая точка зрения не лучше других, за исключением его собственной точки зрения, которая является наилучшей в мире, где, по идее, не может быть вообще ничего наилучшего. Это — ранжирование, которое отрицает ранжирование, и суждение, что все суждения плохи. Поэтому, хотя эта позиция нередко бывает продиктована благими намерениями, она все равно представляет собой разновидность лицемерия, поскольку делает именно то, что решительно осуждает во всех остальных.

Это лицемерие не имеет ничего общего с настоящим состраданием; на самом деле это идиотское сострадание. Идиотское сострадание считает себя добрым, но в действительности очень жестоко. Если ваш друг — алкоголик и вы знаете, что еще одна выпивка, возможно, его прикончит, но он все равно молит вас о выпивке, будет ли настоящим состраданием угостить его? Ведь, в конце концов, быть добрым — это значит дать ему то, чего он хочет, верно? Кто вы такой, чтобы навязывать ему свою точку зрения, ведь так? И значит, угостить его выпивкой — это проявление сострадания, да? Нет. Абсолютно нет.

Настоящее сострадание включает в себя мудрость и потому производит суждения любви и заботы: оно говорит, что некоторые вещи хороши, а некоторые — плохи и следует совершать только те поступки, что диктуются мудростью и заботой. Дать тяжелому алкоголику бутылку виски потому, что ему хочется выпить, а вам хочется быть «добрым», — это вовсе не доброта. Это идиотское сострадание, а не настоящее сострадание.

В дзен это называется различием между «бабушкой дзен» и «настоящим дзен». Чтобы пробудиться от сна самсары, необходимо действительно понукать эго, зачастую весьма сурово. В ином случае вы будете просто продолжать играть в свои излюбленные игры. Бабушка дзен не бросает вам вызов. Чтобы быть «доброй», бабушка дзен будет позволять вам спать чуть дольше, если вам того хочется, заканчивать занятие медитацией раньше, если вам не нравится, как оно проходит, и позволять вам потворствовать себе. Но настоящий дзен использует очень большую палку и много громкого крика, и иногда бывают сломанные кости и, конечно, разрушенные эго. Настоящее сострадание требовательно и сурово и порой бывает неприятным. Если вы не готовы к этому огню, тогда найдите себе обаятельного, обходительного, постоянно улыбающегося учителя «нового века» и учитесь переименовывать свое эго псевдодуховными названиями. Но держитесь подальше от тех, кто практикует подлинное сострадание,

поскольку они зададут вам перцу. Большинство людей под «состраданием» подразумевают: «пожалуйста, будьте милы с моим эго». Но ваше эго — это ваш злейший враг, и всякий, кто с ним мил, вовсе не проявляет к вам сострадания.

Но, быть может, вы и я недостаточно опытны и потому, возможно, не всегда знаем, что является подлинным состраданием, а что — нет. Но мы должны начать усердно учиться проявлять настоящее сострадание вместо идиотского сострадания. Нам нужно учиться проводить качественные различия. Они представляют собой иерархические суждения, связанные с ранжированием ценностей. Если вам не нравится иерархия — ладно, такова ваша иерархия: вы иерархически оцениваете отсутствие иерархий выше, чем иерархии. Я не возражаю, только будьте достаточно честны, чтобы правильно называть то, что вы действительно делаете. Если вам не нравится ранжирование ценностей — ладно, таково ваше ранжирование ценностей: вы ранжируете отсутствие ранжирования как лучшее, чем ранжирование, и это само по себе ранжирование, ваше ранжирование. По крайней мере, будьте честны насчет этого. Суть в том, что ранжирование ценностей неизбежно, — так, по крайней мере, делайте его осознанно, честно и открыто и откажитесь от этой лицемерной позиции, будто вы «воздерживаетесь от суждений», что само по себе является колоссальным суждением.

СТУДЕНТ: Но разве беспристрастное осознание не означает отсутствия суждений?

К.У.: Беспристрастное осознание принимает абсолютно все, что возникает, включая как суждение, так и отсутствие суждения. Понимаете, воздержание от суждений само по себе представляет выбор между двумя крайностями — судить или не судить, — и именно поэтому «воздержание от суждений» вовсе не то же самое, что беспристрастное осознание, в котором выбор отсутствует. Беспристрастное осознание — это абсолютное зеркало, которое пассивно отражает все возникающее, оно не пытается выбирать воздержание от суждения в противовес суждению.

В действительности беспристрастное осознание относится к тому, что буддисты называют абсолютной бодхичитта^{16*} или Пустотой тогда как совершение суждений называют относительной бодхичитта или состраданием. Имеется в виду настоящее сострадание, а не идиотское сострадание, а настоящее сострадание использует мудрость для того, чтобы делать суждения! Так что *в обоих случаях* — абсолютном и относительном — «воздержание от суждений» не является мудрой

позицией. В абсолютном случае мы пребываем в Пустоте, которой безразлично, делаем ли мы суждения, или нет, поскольку и то и другое в равной мере возникает в чистой Пустоте. В относительном случае мы делаем суждения, основанные на мудрости и сострадании, а это значит — суждения, основанные на качественных различиях, ранжировании ценностей и глубине.

Поэтому, когда вы слышите, что кто-нибудь «воздерживается от суждений» и «избегает ранжирования», держитесь от них подальше! Нам нужно учиться осознанно проводить количественные различия. Нам нужно делать суждения, основанные на степенях глубины. Идиотское сострадание почти разрушило эту область и сделало подлинное духовное развитие очень трудным.

СТУДЕНТ: Эти люди дружно осуждали меня за качественные суждения, а на самом деле они лицемерили...

К.У.: Знаете, есть большая разница между тем, чтобы высказывать качественные суждения и заслуживать порицания. Так что я советую, когда вы с этим сталкиваетесь, сперва проверить свою собственную позицию и свою мотивацию. Нам не к лицу тоже становиться лицемерными. Видите ли, мы обладаем настоящим состраданием, а эти зануды проявляют идиотское сострадание. Мы все можем на это попасться; я знаю, что со мной такое бывает. Это неумелое суждение, и оно просто оскорбительно. Так что следите за этим. Но вы сказали, что подвергались нападкам за то, что говорили о более интегральной точке зрения?

СТУДЕНТ: Да.

К.У.: Это особая проблема. Хорошее практическое правило состоит в том, что люди не склонны расширять существующее у них мнение или мировоззрение больше чем на 5 процентов за раз. Так что, если вы попытаетесь навязывать им слишком широкую картину, они, вероятно, закроются и, возможно, рассердятся, а затем начнут вас поносить — у вас нет сострадания, вы заносчивы и т.д. Если вы продолжаете давить, то на таком этапе это действительно ваша проблема. Возможно, вашему эго нравится им это навязывать. Я знаю, что иногда вел себя подобным образом, и от этого ней никакого проку. В любом случае, если вы действительно стараетесь помочь — если это настоящее сострадание, — тогда не набирайте в ложку больше, чем можно проглотить, ладно?

Кроме того, помните, что системы убеждений — это не просто убеждения; они служат пристанищем эго, пристанищем самозамыкания. Даже холистическое убеждение, наподобие «паутины жизни», всегда служит приютом эго, поскольку убеждения представляют собой всего лишь ментальные (умственные) формы, и

если надментальное не открыто, то любые умственные построения становятся пристанищем упорного эго. Когда вы ставите под сомнение любую систему убеждений, отдельное «я» переживает это как смертельную угрозу, и это активизирует все его инстинкты выживания. Вы не обсуждаете истинность или ложность теории — вы ввязываетесь в смертельную схватку. Поступая так, мы всякий раз имеем дело с крысой, загнанной в угол, — в других людях и в самих себе, так что будьте осторожны.

СТУДЕНТ: Почему идиотское сострадание столь популярно?

К.У.: О, потому, что оно ничему не угрожает. Оно так распространено в духовных кругах, поскольку эго по самой своей основе не хочет, чтобы ему бросали вызов. Оно хочет иметь дело с бабушкой дзен. Поэтому эго охотно заплатит большие деньги за воскресный семинар, где будут «уполномочивать» эго, говорить ему, что на самом деле оно — Бог или Богиня, где ему дадут новое умственное понятие под названием «дух», включают его в «паутину жизни» и пообещают высшее единство на основе этой чисто умственной идеи. По существу, огромный рынок духовной литературы в этой стране в основном подогревается одним глубоким побуждением: потребители хотят, чтобы им говорили, что их эго — Бог, их самозамыкание — Дух. Самозамыкание просто переименовывается в «священное», и бабушка дзен благосклонно улыбается всем.

Но я вовсе не считаю любой из этих подходов плохим или низким. Я просто думаю, что все они несколько сбиты с толку. Я думаю, что, поскольку у них нет действительно всесторонней карты Космоса, они немного сбились с пути в своем благородном поиске. И потому я надеюсь, что более интегральное воззрение поможет прояснить кое-что из этой путаницы.

СТУДЕНТ: Почему интегральная точка кажется такой угрожающей столь многим людям?

Ну, потому, что она всегда требует более чем 5 процентов расширения убеждений, а на это пойдут немногие.

СТУДЕНТ: Меня поразило, как они на меня рассердились.

К.У.: Да, это прискорбно. Когда-то я думал, что если вы берете подход А, подход Б и подход В и показываете, что все они в равной степени важны, то все должны быть довольны и осыпать вас благодарностями. На деле, и А, и Б, и В, как правило, начинают на вас сильно сердиться, поскольку вы показали, что их область не единственная самая важная область на свете. Как только вы показываете, что для понимания сознания важны и Фрейд, и Пиаже, и Будда, буддисты говорят: «Почему вы поносите буддизм?» Как только вы показываете, что

важны и грубая сфера природы, и тонкая сфера души, и трансцендентальный дух, экологи говорят: «Почему вы ненавидите природу?»

Конечно, следует добавить, что некоторые люди могут отрицательно относиться к интегральной точке зрения потому, что она неверна! Я имею в виду, возможно, что те из нас, кто верит в более интегральную картину, просто ошибаются, и потому разумные и здравомыслящие люди будут относиться к ней отрицательно. Так что нам следует всегда иметь в виду и такую возможность. Совершенно необязательно, что они чувствуют угрозу потому, что мы правы, а они неправы, — все может быть в точности наоборот.

Вторник, 27 мая

Все утро работал — читал, читал, читал. Мы с Марси сходили в бакалейную лавку, а потом вместе работали. Семья, которая вместе занимается тяжелой атлетикой... остается вместе? Вместе заканчивается в палате реанимации?

Среда, 28 мая

Недавно вышел номер «Noetic Sciences Review», посвященный его десятой годовщине. Меня просили написать для него обзор и резюме последнего десятилетия исследований сознания. Он сопровождался отзывами Олвина Скотта, Дюэйн Элджин, Джин Ахтерберг, Питера Рассела и Уилла Кипина. Все отзывы очень содержательные и проницательные, и, на мой взгляд, весь номер сделан весьма неплохо, главным образом благодаря усилиям главного редактора Барбары Мак-Нейл и дирекции в лице Дэвида Джонсона, Кэрол Гион, Кристиана де Квинси и Кита Томпсона.

В редакционном введении говорится: «В специальном обзоре области исследований сознания, написанном для юбилейного номера нашего издания, Уилбер намечает 12 важнейших составных частей подлинно интегрального подхода к этой наиболее многообещающей теме нашего времени». И это более или менее то, что я старался сделать — обрисовать дюжину различных областей исследований сознания, которые необходимо объединить в интегральное воззрение. Я дал резюме двенадцати основных школ: когнитивной психологии, интроспекционизма, нейропсихологии, индивидуальной психотерапии, социальной психологии, клинической психиатрии, психологии развития, психосоматической медицины, изучения неординарных

состояний сознания, восточных и западных созерцательных традиций, квантовых подходов к сознанию и исследования тонких энергий. Суть заключалась в следующем:

«В области исследований сознания (как и в других областях) бросается в глаза то, что исследователи еще в самом начале своей карьеры, как правило, выбирают один или два из этих подходов — обычно, под влиянием уважаемого наставника, организации или научной кафедры. И в силу человеческой природы им после этого крайне трудно принимать, а порой даже признавать существование других подходов. Они жадно накапливают данные, подкрепляющие их собственную позицию; другие данные игнорируются, обесцениваются или получают поверхностное объяснение».

«Но что, если вместо этого мы бы исходили из такого допущения: человеческий ум не способен на 100%-ную ошибку. Иными словами, никто не умен настолько, чтобы все время ошибаться.

Это бы попросту означало, что ни один из этой дюжины подходов не может состоять из одних ошибок и что каждый из них может сказать нечто чрезвычайно важное и ценное. И это бы неизбежно значило, что мы должны измерять прогресс в направлении подлинно интегральной ориентации, основываясь именно на способности учитывать, синтезировать и обобщать все двенадцать этих важных подходов. Ясно, что это — устрашающая задача; но столь же ясно, что ничто меньшее просто не имеет права называться интегральным».

После подробного обсуждения этой темы эссе заканчивается словами:

«Насколько далеко мы продвинулись по этому интегральному пути? В последнее десятилетие — если не считать некоторых важных исключений — у нас по большей части были двенадцать кусков, каждый из которых объявлял себя целым пирогом».

«В ряде книг (в частности, в «Оке Духа») я попытался обрисовать один вариант интегральной теории сознания, в явном виде включающей в себя эти двенадцать основных подходов. Но важен не мой частный вариант интегрального воззрения, а то, что все мы начинаем вступать в этот удивительный диалог относительно возможности интегрального подхода в целом: подхода, который — это можно выразить несколькими разными способами — объединяет трезвый расчет с отзывчивостью и добротой, естественные науки с умозрительными науками, объективную реальность с субъективной реальностью, эмпирическое с трансцендентальным».

«И потому давайте надеяться, что еще через десятилетие кто-нибудь, возможно, заметит в исследованиях сознания общую фундаментальную тенденцию — а именно движение в направлении подлинно

интегрального подхода, — и пусть оно начинается уже сейчас со всех нас, кто разделяет этот интерес к холизму, к охвату, синтезу и обобщению: пусть этот прорыв начинается с нас, здесь и сейчас».

«Возможна ли вообще подлинно интегральная теория сознания? Что ж, пусть это будет мой вопрос ко всем вам, пусть это будет мой вызов. Насколько велики наши силы? Насколько широко и насколько глубоко мы можем раскинуть нашу сеть доброй воли? Скольким голосам мы дадим место в этом хоре сознания? Сколько ликов Божественного будут благосклонно смотреть на наше предприятие? Сколько цветов мы будем по-настоящему признавать в нашем многоцветном союзе?»

«И когда мы останавливаемся передохнуть от всех этих исследований и на время откладываем в сторону теорию, когда мы погружаемся в изначальную основу своего собственного внутреннего осознания, что мы там найдем? Когда малиновка радостно поет ясным утром, где тогда наше сознание? Когда солнечный свет отражается от великолепия заснеженных горных вершин, где тогда сознание? В забытом временем месте, в это мгновение без даты и длительности, в тайном уголке сердца, где время соприкасается с вечностью и пространство молит о бесконечности, где капли дождя стучат по крыше храма и с каждым ударом провозглашают красоту Божественного, где лунный свет отражается в простой капле росы, напоминая нам, кто и что мы есть, и когда во всей вселенной нет ничего, кроме звука одинокого водопада где-то в тумане, тихонько повторяющего ваше имя, — где тогда сознание?»

Четверг, 29 мая

В это утро мир бесшумно возникает, мерцая в сияющем море прозрачной Пустоты. Есть только это, бескрайнее, открытое, пустое, ясное, абсолютно понятное. В этом единственном Ответе тают все вопросы, в этом одиночном возгласе разрешаются все сомнения, все заботы — лишь рябь на поверхности этого Моря безмятежности.

Этот Один Вкус совместим с любым миром и всеми мирами, но, парадоксальным образом, он счастливее всего, когда заключает в себе все. Именно поэтому вся суть *интегральной теории сознания* состоит в том, чтобы включать в себя и объединять все уровни во всех секторах — или попросту все уровни Большой Тройки «я», «мы» и «оно»; или описаний сознания с точки зрения первого лица, второго лица и третьего лица.

Сейчас бушует большая война между интроспективными описаниями *от первого лица* (которые подчеркивают непосредственное наблюдение

содержания ума, по мере того как оно открывается вашему осознанию) и объективными описаниями *с позиции третьего лица* (которые стремятся перевести все сознание в объективные сущности или «оно», открываемые эмпирической наукой). Оба этих подхода упускают из виду важность описаний *от второго лица* — интерсубъективной сферы лингвистических структур, моральных контекстов, разделяемой семантики и культурного фона, без которых вообще нельзя говорить ни о «я», ни об «оно». С другой стороны, гуманитарные науки и культурные исследования делают акцент *только* на культурном фоне, пытаясь сводить все субъективное осознание («я») и все объективное знание (различных «оно») к одним только культурным конструкциям («мы»).

Все три этих подхода неверны, поскольку все они верны, то есть частично верны, и все три *в равной мере* нуждаются в интеграции. Я не знаю никого, кто бы развивал подобный интегральный подход (в равной степени охватывающий сферы первого, второго и третьего лица), разумеется, за исключением умнейшего человека на земле — Юргена Хабермаса. Но Хабермас не допускает ни одной из надрациональных, надличностных областей, и потому его подход, по крайней мере на мой взгляд, является всесекторным, но не всеуровневым.

Как бы то ни было, я конкретно разъяснил этот подход в «Оке Духа» и более научным языком — в статье «Интегральная теория сознания», опубликованной в «Журнале исследований сознания». Это исключительный журнал, который выходит всего четыре года, но тем не менее уже стал центральной трибуной для этих важных дискуссий с участием таких светил, как Джон Сирл, Дэниэл Дэннет, Франциско Варела, Джон Экклз, Роджер Пенроуз, Дэвид Чалмерс, Чарчленды и т.п. На обложке этого конкретного номера написано «Таксономия или таксидермия?», что весьма удачно: следует ли признавать и классифицировать сознание в качестве реального (таксономия) или это мертворожденная проблема (пригодная только для таксидермии)^{17*}.

Суббота, 31 мая

Сегодня утром во время медитации вместо пребывания в беспристрастном, ясном, вездесущем осознании — стандартной «непрактики» — я занимался старой тантрической визуализацией *ябьюм* (ее специальное название *ануттаратантра йога*) — «старой», поскольку когда-то я много ею занимался. Она включает в себя преобразование сексуальной энергии в сияющее блаженство и

всеобъемлющее сострадание. Все это в основном практики тонкого уровня (они начинаются в психической сфере, ведут к тонкой и иногда растворяются в каузальной. Они редко достигают недвойственной области *Одного Вкуса*, или *сахаджи*, но служат прекрасными упражнениями для развития психической и тонкой областей). Стандартное ядро такого рода практики можно резюмировать так: «Блаженство постижения Пустоты возникает как сострадание».

Это происходит следующим образом. В процессе медитации вы визуализируете самого себя в сексуальном соединении со своим супругом. Вы визуализируете себя и своего партнера как бога или богиню, ангела или бодхисаттву, будду или святого — того, что служит символом вашей высочайшей или глубочайшей природы. Но вы должны очень интенсивно и очень ясно визуализировать себя и своего партнера в виде прозрачных сияющих божеств, занимающихся любовью. У вас возникает действительное сексуальное возбуждение, и вы координируете его с дыханием: на вдохе вы представляете, что дыхание-Свет проходит по передней стороне тела вниз к гениталиям — центру Жизни; на выдохе вы представляете, что дыхание-Жизнь проходит по задней стороне тела — вверх по позвоночнику — к Свету в макушке головы и над ней. (Это просто еще один вариант инволюции/эволюции, или схождения высшего в низшее и затем возвращения низшего к высшему, образующих великий круг нисходящей и восходящей энергии. Если вы занимаетесь этим с реальным партнером, то можете координировать с ним дыхание.)

Любое удовольствие, возникающее в области гениталий, при выдохе направляется вверх по позвоночнику и высвобождается в Свет в макушке головы — вы просто выдыхаете любое телесное удовольствие прямо в макушку головы и в пространство над ней — центр бесконечного Света и Высвобождения. Затем, на вдохе, вы прямо вдыхаете Свет вниз, в тело, особенно вдоль передней линии тела, от лица к горлу, груди, животу и основанию гениталий. Так протекает цикл, приносящий небесный Свет вниз, в земную Жизнь, и затем возвращающий Жизнь к Свету, таким образом, с каждым вашим вздохом соединяя нисходящую Агапе и восходящий Эрос, Нисхождение и Восхождение, Сострадание и Мудрость.

Когда все ваше ум-тело наполняется циркулирующим удовольствием-блаженством, вы просто, но непосредственно берете любое наличное блаженство и используете его для медитации на Пустоте — или на абсолютной Тайне бытия, или на простой Прозрачности мира, или на Боге, как неопределимом пространстве — что вам больше подходит. На практике простой способ делать это состоит в том, чтобы пребывать

как «Я-Я», пребывать как великий Видящий, который сам не может быть видим, чистый Свидетель, совершенно открытый и пустой. И затем, пребывая как «Я-Я», позвольте блаженству распространяться в это открытое и пустое пространство, каковое вы теперь из себя представляете, позвольте блаженству расширяться и наполнять бесконечность «Я-Я», которой вы являетесь. Небосвод вашего осознания наполняется блаженством божественного единения, которым вы являетесь.

Когда вы пребываете в этом состоянии всеобъемлющего блаженства Я ЕСМЬ и вы полны до бесконечности, не имея ни желаний, ни потребностей, позвольте возникнуть кроткой, маленькой ряби мысли: «Я клянусь освободить все чувствующие существа в это свободное и открытое пространство». И вместе с ней из этого безбрежного океана блаженства возникает волна сострадания. Такое сострадание буквально *состоит из этого бесконечного пустого блаженства*, оно создается из него, как волны рождаются из океана. Сострадание — это бесконечное пустое блаженство в действии.

Итак, блаженство постижения пустоты возникает как сострадание — иными словами, блаженство, распознающее свою собственную божественную основу (дух или пустоту) и воссоединяющееся с ней, испытывает побуждение распространить эту освобождающую и экстатическую благодать на все существа, и потому возникает как сострадание в служении другим.

Я выбираюсь из постели, готовлю завтрак и возвращаюсь к работе.

ИЮНЬ

Почему ты несчастлив? Потому, что 99,9 процента всего, что ты думаешь, и всего, что ты делаешь, ты думаешь и делаешь для себя самого — а такового не существует.

Вей Ву Вей

Воскресенье, 1 июня

Только что зашли Т. Джордж Харрис и Кейт Олсон. Кейт — продюсеру «Часа новостей Джима Лерера» на Пи-би-си — в основном принадлежит заслуга организации некоторых очень хороших духовных передач, например, об отце Томасе Китинге, далай-ламе и т.п. Кейт — чудесный человек: очень живая, привлекательная, преданная духовной практике, — так что мы встречаемся при любой возможности.

Т. Джордж в данный момент путается начать издавать общенациональный журнал, посвященный духовности. Я полагаю, что если кто-то и может это делать, так это он. В свое время он основал «Сайколоджи тудей», и пока он руководил им, это был замечательный журнал. Казалось, его читали все; для многих из нас он был настоящим спасательным кругом. Это было двадцать лет назад; у меня до сих пор сохранились многие экземпляры. После этого Джордж основал «Американский журнал здоровья», а сейчас готовится выпускать «Духовность и здоровье». Ему уже за семьдесят, и он, как и Хьюстон Смит, — настоящий пример того, как не давать возрасту сломить тебя. Мы уселись на балконе с видом на равнины и начали не спеша есть ланч. Обычная тема наших с Т. Джорджем дискуссий — как сделать журнал доступным и популярным, но в то же время достаточно глубоким и содержательным. Это типичная коммерческая дилемма — чем глубже издание, тем обычно меньше его аудитория. Мое неубедительное предложение состоит в том, чтобы ввести в журнал, наряду со многими простыми и доступными разделами, несколько более сложных и рассчитанных на подготовленных читателей. Неудовлетворительное потому, что неясно, как это реально сделать. Как бы то ни было, Джордж все еще работает над получением финансирования; он говорит, что в данный момент ведет переговоры с «Тайм Уорнер». Я надеюсь, что из этого что-нибудь выйдет, поскольку нам действительно необходим общенациональный форум подлинной духовности.

Так что мы затеяли длинную дискуссию на тему «до/над заблуждение». Это простое понятие было предложено в «Проекте Атман» и получило дальнейшее развитие в эссе под названием «До/над заблуждение» (вошедшем в книгу «Глаза в глаза»). Его суть в том, что, поскольку и дорациональное, и надрациональное относятся к области нерационального, их легко спутать. И тогда происходит одна из двух очень плачевных вещей: либо зрелые, духовные, надрациональные состояния *сводят* к инфантильным дорациональным состояниям, либо инфантильные, нарциссические, дорациональные состояния возвышают до надрационального блаженства. Редукционизм или наоборот. Фрейд был типичным редукционистом: в «Будущем иллюзии» он пытался сводить глубокие недвойственные мистические состояния к первичному нарциссизму и инфантильному океаническому слиянию. А для Юнга была характерна противоположная тенденция — он нередко возвышал дорациональный миф до трансцендентального величия. (Миф — это история, которую те, кто в нее верит, как правило, всегда считают буквально и конкретно истинной: Моисей действительно

заставил расступиться Красное море, Иисус действительно был рожден девственницей и т.д. С другой стороны, когда миф сознательно используют аллегорическим, символическим или толковательным образом, он действительно апеллирует к более высоким когнитивным способностям — от рациональных до зрительно-логических — и в этом модусе иногда допускает проблески надличностного. Если не оговорено специально, говоря о мифе, я имею в виду конкретно-буквальные мифы, которые, как правило, носят дорациональный характер.)

Некогда реальной угрозой для подлинно духовных исследований были редуccionисты, однако движения «нового века» породили еще большую угрозу — редуccionизм наоборот. Приверженцы этой идеологии, с самыми добрыми и благородными намерениями, тем не менее берут некоторые совершенно инфантильные, детские, эгоцентрические состояния и только из-за того, что они являются «нерациональными», провозглашают их «священными» или «духовными», и вот это действительно становится проблемой.

Реальное развитие идет от дорационального к рациональному и надрациональному; от подсознательного к самосознательному и сверхсознательному; от доконвенционального к конвенциональному и постконвенциональному; от доличностного к личностному и надличностному; от «ид» к эго и к Богу. Но в результате путаницы, обусловленной до/над заблуждением, «до» зачастую возвеличивают до «над», и нарциссическое погружение занимает место трудного процесса подлинного роста и преобразования.

Увы, мне представляется, что большая часть «духовного возрождения», якобы охватившего эту страну, в действительности представляет собой дорациональную регрессию, а не надрациональный рост. Это вызывает глубокую тревогу. Дорациональное отреагирование путают с надрациональным осознанием; дословесные чувства и побуждения возвеличивают до невыразимого прозрения; аморальное своеволие эго смешивают с надморальной Самостью; доконвенциональную природу возвышают до постконвенционального Духа; дорациональное «ид» ошибочно принимают за надрационального Бога.

Объемы выпуска и продаж «духовной» литературы достигают астрономических величин. Но я боюсь, что представление, будто мы вступаем в эпоху подлинно «интегральной культуры» или «духовного обновления», несколько сомнительно. По оценке Уильяма Ирвина Томпсона, около 80% этого «духовного» ренессанса носит дорациональный и менее 20% — надрациональный характер. Я склонен с ним согласиться, но в действительности дело обстоит намного хуже.

Мой собственный анализ показывает, что подлинно надрационального уровня достигло менее 1% населения^{18*}. Исследователи сходятся в том, что количество тех, кто достиг наивысших стадий *личностного* развития, составляет менее 5%, — представьте себе, насколько меньше людей идут *еще дальше*, в области надличностного развития!

В любом случае это кошмар маркетинга, и именно о нем мы говорили с Джорджем и Кейт. Если подавляющее большинство потребителей «духовного рынка» привлекают дорациональная магия и миф, как добраться до небольшой группы тех, кого интересует подлинная, утомительная и требовательная надрациональная духовная практика? Это очень трудно, поскольку обе части рынка считаются «духовными», но в действительности обе группы потребителей не слишком ладят друг с другом — одна заинтересована главным образом в трансляции, другая — главным образом в трансформации, и они, как правило, неодобрительно относятся друг к другу, а потому, как соединить их в одном журнале, не вызвав отчуждения тех и других? Более того, значительная часть тех, кто увлечен дорациональными поисками, искренне желают открыть для себя подлинные надличностные, надрациональные состояния, и потому очень важно дать место всем. Т. Джордж глубоко чувствует эту проблему, что очень хорошо, поскольку должно изменить ситуацию на существующем рынке «духовности».

Понедельник, 2 июня

Раннее утро, медленно всходит оранжевое солнце, сияя в пустой прозрачной ясности. Ум и небо едины, солнце всходит в бескрайнем пространстве изначального осознания, и существует *только это*. Ясутани Роши, говоря о сатори, как-то сказал, что это — самое драгоценное постижение в мире, поскольку все великие философы пытались понять предельную реальность, но не смогли этого сделать, однако при сатори или пробуждении все ваши глубочайшие вопросы получают окончательный ответ: это *просто так*.

Вторник, 3 июня

И мы беспокоимся о состоянии искусства в постсовременном мире? Из журнала «5280»: Когда в программе «60 минут» зашел разговор о нелепом мире постмодернистского искусства, Морли Сейфер упомянул двухметровую пепельницу, наполненную настоящими сигарными и сигаретными окурками, как один из самых отвратительных образцов того, что в наши дни считается искусством. В качестве послесловия

Сейфер отметил, что Денверский музей изобразительных искусств недавно приобрел это произведение за 60 тысяч долларов».

И мы беспокоимся о деловой этике в сегодняшнем мире? В «Мужском здоровье» сообщается:

«Качества, которые следует проявлять на работе: *лучшее* — лояльность. В недавнем опросе руководителей 86% из них указали, что больше всего ценят это качество в своих подчиненных. *Худшее* — честность и прямота. Только 3% оценили это качество выше всего».

Среда, 4 июня

Работал все утро; решил совершить пробежку за домом. Если во время пробежки вы остаетесь Свидетелем, движетесь не вы, а земля. Вы, как Свидетель, неподвижны, точнее, у вас нет вообще никаких качеств, никаких признаков, никакого движения и никакого волнения — вы пребываете в бескрайней Пустоте, каковую вы из себя представляете. Вы осознаете движение, следовательно, вы как Свидетель — не движение. Поэтому, когда вы бежите, в действительности это ощущается, как если бы вы вообще не двигались — Свидетель свободен от движения *и* неподвижности, — так что просто движется земля. Как будто вы сидите в кинотеатре и, не вставая со своего места, видите, как вокруг вас разворачивается все действие.

(Это легко почувствовать, когда вы едете на машине по шоссе. Вы можете просто откинуться на сиденье, расслабиться и притвориться, будто движетесь не вы, а окружающий мир. Этого нередко бывает достаточно, чтобы действительно войти в состояние Свидетеля, и тогда вы будете просто пребывать как беспристрастное осознание, наблюдая, как мимо движется мир, а вы остаетесь совершенно неподвижным. Этот *неподвижный* центр вашего собственного чистого осознания на самом деле представляет собой центр *всего* Космоса, «глаз» или «Я-Я» Космического циклона. Этот неподвижный центр — он только один во всем мире, и он тождествен во всех существах: круг, центр которого находится везде, а окружность нигде, также является центром тяжести вашей души.)

Вот почему дзен скажет: «В Нью-Йорке кто-то пьет водку, а в Лос-Анджелесе кто-то пьянеет». Один и тот же Большой Ум, пребывающий вне времени и пространства, присутствует в обоих местах. Поэтому для неподвижного, *внепространственного* Свидетеля выпивка в Нью-Йорке и опьянение в Лос-Анджелесе — это одно и то же. Вот почему дзен скажет: «Не двигаясь, отправляйся в Нью-Йорк». Ответ: «Я уже

там».

Будучи Свидетелем, «Я-Я» не двигаюсь во времени — время проходит через меня. Подобно тому как облака плывут по небу, время течет через открытое пространство моего изначального осознания, и «Я-Я» остаюсь незатронутым временем и пространством с их тяготами. Вечность означает не бесконечную жизнь во времени — это страшно себе представить, — а жизнь в *безвременном* мгновении, существующем до времени и всей его суеты. Точно так же бесконечность означает не реальное огромное пространство, а *полное отсутствие* пространства. Как Свидетель, «Я-Я» пребываю вне времени и пространства; «Я-Я» живу в вечности и обитаю в бесконечности просто потому, что Свидетель свободен от времени и пространства. И именно *поэтому* я могу пить водку в Нью-Йорке и становиться пьяным в Лос-Анджелесе.

Так что этим утром я отправился на пробежку, и ничто вообще не двигалось, кроме декораций в фильме моей жизни.

Четверг, 5 июня

Как указывали исследователи от Ананды Кумарасвами до Хьюстона Смита, ядро вечной философии составляет Великая Цепь Бытия, Великое Гнездо Бытия. Однако теперь очевидно, что в традиционном понимании Великой Цепи есть по меньшей мере три несоответствия и, для того чтобы принести ее в современный и постсовременный мир — и разработать *подлинно* интегральный подход — необходимо детально заняться этими недостатками.

Великую Цепь традиционно представляли как материю, тело, ум, душу и дух [см. рис. 1 к записи от 5 марта]. Многие традиции используют значительно более сложное деление. Например, сферу души часто делят на *психический* и *тонкий*, а сферу духа — на *каузальный* и *недвойственный* уровни. Следовательно, расширенная схема Великого Гнезда должна включать в себя материю, тело, ум, душу (психическую и тонкую) и дух (каузальный и недвойственный).

Прекрасно. Но предполагается, что эти уровни включают в себя *всю реальность*. Однако в такой формулировке эта схема применима в основном только к Верхнему Левому сектору (спектру внутреннего сознания), и в этом ее первое несоответствие. Поэтому, как я уже часто старался указать, в каждом из *вертикальных уровней* Великой Цепи необходимо различать четыре *горизонтальных измерения* (четыре сектора). Таким образом, к субъективному спектру сознания нам следует добавить объективные корреляты (Верхний Правый сектор),

интерсубъективные культурные предпосылки (Нижний Левый сектор) и коллективные социальные системы (Нижний Правый сектор) [см. рис. 1, 2 и 3]. В ином случае Великая Цепь не может противостоять гневной критике, которой ее (справедливо) подвергла современность. Например, великие традиции редко отдавали себе отчет в том, что состояния сознания (Верхний Левый сектор) имеют корреляты в органическом мозге (Верхний Правый сектор), тогда как именно этот факт привел к революции в нашем понимании психофармакологии, психиатрии и исследований сознания. Точно так же традициям в значительной мере недоставало понимания того, что на индивидуальное осознание (ВЛ) оказывают глубокое влияние как фоновые культурные мировоззрения (НЛ), так и технико-экономические способы производства (НП) общества, в котором оно формируется. Это делало идею Великого Гнезда беззащитной перед опустошительной критикой со стороны современной биологии, марксизма, а также культурно-исторических исследований — не считая других подходов, — которые показывали, что сознание представляет собой не просто бестелесный трансцендентальный ноумен, а неразрывно связано с контекстами объективных фактов, культурных предпосылок и социальных структур. У теоретиков Великой Цепи не было убедительных ответов на эти обвинения (именно потому, что у них недоставало знаний в этих областях). С этими возражениями можно справиться только при разграничении тела, ума, души и духа на четыре сектора (или просто Большую Тройку)^{19*}.

Второе несоответствие состоит в том, что *сам уровень ума* необходимо подразделять с учетом его *раннего развития*. Здесь решающее значение имеют достижения западной психологии. Попросту говоря, сам ум проходит по меньшей мере четыре основных стадии роста: *магическую* (2—5 лет), *мифическую* (6—11 лет), *рациональную* (после 11 лет) и *интегрально-аперспективную* или *зрительно-логическую* (может достигаться во взрослом возрасте).

Если собрать воедино все имеющиеся данные, как западные, так и восточные, то более полная схема Великого Гнезда Бытия должна содержать следующие десять сфер, каждая из которых включает в себе предыдущую (предыдущие) в развитии, представляющем собой расширяющийся охват:

1. *Сенсомоторная* — физическое тело, материальный уровень, физиосфера
2. *Эмоционально-сексуальная* — биологические влечения, ощущения, восприятия, чувства; жизненная энергия, *elan*

vital, либидо, прана, биоэнергия.

3. *Магическая* — ранняя форма ума («дооперационная», или ранние символы и понятия), где субъект и объект слабо разграничены. Ее характеризуют эгоцентризм, артифициализм, анимизм, антропоцентризм и магия слова. Поскольку внутреннее и внешнее недостаточно разграничены, физические объекты пропитываются человеческими эгоическими интенциями. Сходным образом нарциссическое эго верит, что оно способно непосредственно магически изменять мир (преимущественно магическую структуру имеют субботные утренние мультфильмы для детей: сверхгерои могут одним взглядом двигать горы; они способны летать, плавить сталь, поражать врагов или как-то иначе подчинять себе мир чисто магической силой). Короче, поскольку между субъектом и объектом еще нет ясного различия, магическое эго рассматривает мир как продолжение себя и наделяет его собственными эгоическими характеристиками. Царят нарциссизм и эгоцентризм.
4. *Мифическая* — промежуточная стадия развития ума («конкретно-операционная», или конкретный ум правила/роли), где магическая сила переходит от эго к множеству мифических богов и богинь; если эго не может чудесным образом изменять мир по своей воле, то боги и богини на это способны. Если в магической сфере способностью творить чудеса всегда обладает само эго, то в мифической сфере эта способность всегда принадлежит великому Другому, причем совершенно конкретно-буквальным образом (например, Иегова действительно заставил расступиться воды Красного моря). Таким образом, магический ум использует *ритуалы* для того, чтобы продемонстрировать свою собственную чудесную силу; а мифический ум прибегает к *молитве* в попытке заставить бога или богиню сотворить чудо за него. Тем не менее миф знаменует начало понимания того, что само эго не может магически помыкать миром; поэтому он ведет к уменьшению нарциссизма, к снижению эгоцентризма.
5. *Рациональная* — высокодифференцированная стадия развития ума («формально-операционная», или формально-рефлексивная), которая отказывается от

конкретно-буквального мифа и вместо этого пытается удовлетворять свои нужды посредством понимания наглядных фактов. Ни эгоцентрическая магия, ни мифические божественные фигуры не будут чудесным образом вмешиваться в течение космических событий только для того, чтобы удовлетворить ваши эгоические желания. Если вы чего-то хотите от Космоса, то должны понимать его на его собственных условиях, следуя его собственным фактам; дальнейшее уменьшение нарциссизма, рождение подлинно научного подхода.

6. *Зрительно-логическая* — наивысшая стадия развития ума грубой сферы; синтезирующий, обобщающий способ познания. Зрительно-логическое мышление достигает единства, не игнорируя различия, а включая их в себя — оно является интегрально-аперспективным, обнаруживая универсальный плюрализм и единство в разнообразии.
7. *Психическая* — первая из надличностных, сверхиндивидуальных или духовных сфер. Этот уровень нередко бывает отмечен глубоким мистическим единением со всей грубой сферой — царством природы, Гайи, Мировой Души. Это область *мистицизма природы*.
8. *Тонкая* — собственно тонкая сфера содержит в себе ни мифологические фигуры бога и богини грубой сферы, сосредоточивающиеся на вашем эго, а непосредственно постигаемые, жизненно яркие и онтологически реальные Формы вашей собственной Божественности. Это область подлинного *божественного мистицизма*.
9. *Каузальная* — каузальная сфера, как таковая, бесформенное непроявленное, *нирвикальна*, нирвана, чистая Пустота, Бездна, *айин*, Источник Свидетеля. Область *бесформенного мистицизма*.
10. *Недвойственное* — одновременно высочайшая *Цель* и вездесущая *Основа* всех стадий. Единство Пустоты и Формы, Нирваны и Самсары — Один Вкус, сахара самадхи, турьятита. Средоточие интегрального или *недвойственного мистицизма*.

Это гораздо более полная схема Великой Цепи или спектра сознания (более полный Верхний Левый сектор)^{20*}. В действительности каждый из этих уровней имеет четыре измерения или четыре сектора, но даже сама по себе эта более полная схема Великого Гнезда позволяет нам

делать сразу несколько важных вещей:

- Перестать возвеличивать магическое и мифическое до психического и тонкого. Это возвеличение магического нарциссизма до трансцендентального осознания, пожалуй, служит главной отличительной особенностью большей части движения «нового века», сколь бы благими намерениями оно зачастую ни диктовалось.
- Перестать путать мифологические истории с непосредственным и трансцендентальным осознанием. Это возвышение мифа до тонкого озарения типично для контркультурной духовности.
- Перестать путать магическую неразделенность с холистической зрительной логикой. Это возвышение магического познания, *смешивающего* целое и часть, до статуса зрительно-логического мышления, которое *интегрирует* целое и часть, преобладает в экопримитивизме (или мнению, что племена собирателей интегрировали «я», культуру и природу, тогда как в действительности — как показали теоретики от Ленски до Гейсера и Хабермаса — они прежде всего не проводили между ними ясного различия).
- Перестать смешивать биосферу, биоэнергию и прану (уровень 2) с Мировой Душой (уровень 7). Это возвеличение экологии до Мировой Души зачастую оказывается одной из определяющих характеристик экопсихологии, экофеминизма и глубинной экологии. (Оно нередко сочетается с предыдущей путаницей — смешивания магического со зрительно-логическими, — порождая призывы вернуться к мировоззрениям собирательских или садоводческих сообществ.)

Эти примеры можно умножать почти до бесконечности. Достаточно сказать, что с точки зрения более полной Великой Холархии Бытия мы оказываемся способными замечать регрессивную природу многих движений. Таким образом, великие традиции мудрости, будучи дополнены западной психологией, помогают нам идти вперед, а не назад.

Вот проблема, которую может исправить западная психология

развития: в *традиционном* изображении Великой Цепи (а именно материя, тело, ум, психическое, тонкое, каузальное и недвойственное) уровень «ума» почти всегда означал логическую или рациональную способность, и все нерациональное *должно* было помещаться на более высокие, *надрациональные* уровни, поскольку не существовало адекватного понимания ранних *дорациональных* стадий развития. Эти ранние дорациональные уровни могут быть поняты только путем глубокого изучения младенческого и детского развития, а это почти исключительная заслуга современного Запада.

Иными словами, традиционное Великое Гнездо Бытия (в христианстве, индуизме, буддизме, суфизме, даосизме, язычестве, культах Богини и т.д.) было — и почти наверняка остается — в плену массовых до/над заблуждений, поскольку у него нет способа отличать магическое и мифическое от психического и тонкого — оно помещает их все в надличностную/надрациональную сферу. Эта прискорбная путаница была в немалой степени ответственна за то, что западное Просвещение целиком и полностью отвергло духовность, поскольку столь большая ее часть (и большая часть Великой Цепи) была явно полна догматической магии и мифа. Запад официально выплеснул из ванночки грязную воду дорационального, но, к несчастью, выплеснул вместе с ней и надрационального ребенка.

Третий недостаток: поскольку теоретики традиционной Великой Цепи не обладали достаточным пониманием ранних, инфантильных, дорациональных стадий человеческого развития, они точно так же не могли понять разновидности психопатологии, которые нередко проистекают от осложнений на этих стадиях. В частности, психоз зачастую может быть следствием проблем на стадиях 1—2; пограничные и нарциссические расстройства могут проистекать от осложнений на стадиях 2—3; а психоневроз — от нарушений на стадиях 3—4^{21*}.

Западная глубинная психология накопила убедительные данные об этих патологиях и их происхождении, и Великая Цепь отчаянно нуждается в дополнении этими находками. Пока что всякий раз, когда теоретики Великой Цепи сталкивались со случаем умственного помешательства — и не имели понимания дорациональных стадий, — они были вынуждены видеть в этом неконтролируемое нисхождение надрационального Бога, тогда как чаще всего речь могла идти о пугающем возрождении дорационального «ид». Эти бедные больные люди редко бывали «опьяненными Богом» — они страдали тяжелыми пограничными расстройствами. Понимание безумия как Божьего дара

было подстать обожествлению животных и *ничем* не могло успокоить подозрение современности, что любая духовность безумна. Если лепечущие идиоты и коровы считаются просветленными, что толку слушать Экхарта, или св. Терезу, или Руми?

Четвертый недостаток традиционной Великой Цепи — отсутствие понимания эволюции, которое также стало почти исключительным достижением современного Запада. Забавная вещь — подмеченная многими теоретиками — состоит в том, что если положить Великую Цепь набок и дать ей развертываться во времени, вместо того чтобы статично представлять ее всю целиком, как было традиционно принято, вы получите общие черты эволюции. Плотин, развернутый во времени = эволюция.

Иными словами, эволюция — начиная с Большого Взрыва и до настоящего времени — уже развернула примерно три пятых Великой Цепи в точном соответствии с предсказываемым ей порядком — от неодушевленной материи к живым телам и понятийному уму (или от физиосферы к биосфере и ноосфере). Все, что требуется, — это понять, что Великая Цепь существует не в качестве полностью данной и статично неизменной, а эволюционирует или развивается в течение больших промежутков времени, причем каждый из более высоких уровней возникает через более низкий (не из него). Суть в том, что, несмотря на утверждения западных биологов, никто по-настоящему не понимает, каким образом в эволюции возникают более высокие стадии, если только мы не допускаем, что это происходит через посредство Эроса, или Духа в действии.

Эволюция в *культурной* области, разумеется, считается политически некорректной темой — а это почти несомненно означает, что она существует. К этой точке зрения склоняются многочисленные теоретики. В последнее время в пользу культурной эволюции так или иначе высказывались Юрген Хабермас, Джеральд Хёрд, Майкл Мёрфи, У.Г. Рунсиман, Сисиркумар Гхозе, Элистер Тэйлор, Герхард Ленски, Джин Хьюстон, Дуэйн Элджин, Джей Эрли, Дэниэл Деннет, Роберт Белла, Эрвин Ласло, Кишор Гандхи, Жан Гебсер и многие другие. Образцом здесь может служить новаторская работа Жана Гебсера: по его словам, культурные мировоззрения эволюционируют от архаических к магическим, мифическим и далее к ментальным и интегральным. Звучит знакомо, не так ли?

Суть в том, что, коль скоро Великая Цепь рассматривается в перспективе развития, она прекрасно может уживаться с большей частью всего, что сделал своим Богом современный Запад, а именно с

теорией эволюции^{22*}. Более того, при этом открывается поразительная возможность: если до сих пор эволюция развернула первые три пятых Великой Цепи, разве не вероятно, что она будет продолжаться в грядущие годы и разворачивать более высокие две пятых? Если это так, то Бог находится дальше по пути, а не в его начале; Дух можно найти, идя вперед, а не назад; сад Эдема лежит в нашем будущем, а не в прошлом.

Таковы четыре недостатка Великой Цепи, которые делали ее полностью неприемлемой для современности (она не охватывает четыре сектора; не учитывает раннее дорациональное развитие и потому подвержена массовым до/над заблуждениям; не понимает ранние патологии; не отражает эволюции. И наоборот, исправление этих недостатков может сделать — и, я полагаю, сделает — Великую Холархию полностью согласующейся с современными исследованиями, данными и информацией, таким образом соединив все лучшее из древней мудрости и современного знания, и именно в этом суть интегрального подхода.

Я не могу здесь не вспомнить о Хьюстоне. Великая Цепь — это его наследие, идея, которую он всеми силами старался ввести в современный мир. Но чтобы действительно выжить, Великая цепь должна предстать в этой обновленной, реконструированной и интегральной форме.

Пятница, 6 июня

Когда я обрисовывал Великое Гнездо [в предыдущей записи], мне снова пришло в голову, как утомительно писать об уровнях сознания на языке «оно» третьего лица. Сколь бы он ни был полезным (и необходимым), он весьма далек от сути дела. Я собираюсь написать небольшое произведение — думаю, я назову его «Воспоминание», — где каждый уровень будет описан изнутри, на языке «я» первого лица: не как выглядит каждый уровень, а как мир выглядит с каждого уровня.

Суббота, 7 июня

Работал все утро, ходил в бакалейную лавку, занимался с гантелями. Снова сижу за своим столом и вижу своего приятеля — лисенка. Он поселился у меня под крыльцом, так что я время от времени подбрасываю ему яйца. Несколько месяцев назад я обнаружил, что у него есть подружка, когда я работал, а они оба вылезли и уселись перед моим окном, я поднял глаза и увидел, что они смотрят на меня. Они

были прелестны; они выглядели как близнецы. Хотя я давно ее не видел — интересно, где она?

Воскресенье, 8 июня

В это утро только безбрежная Пустота,
только «Я-Я», наедине с Одиночеством, один во Всем.
Полнота изгоняет меня из бытия,
сияние делает меня слепым к этому миру,
я вижу только бесконечную Свободу,
что означает — я не вижу вообще ничего.
Идет борьба за то, чтобы оживить душу,
замедлить сознание, вернуть его в тонкое,
затянуть его вниз в эго и в тело,
и таким образом вообще выбраться из постели.
Но Свобода все еще здесь, в этих легких сумерках рассвета,
и Освобождение обитает даже в малейших движениях,
делая очевидным это великолепное Состояние.

Четверг, 12 июня

Интервью со Скоттом Уорреном. Скотт — аспирант Майкла Махони, автора превосходной книги «Процесс человеческого изменения» (и буквально сотен других публикаций исключительного достоинства). Кроме того, Скотт — увлеченный практик дзен и трансперсональный психолог, так что я согласился с ним встретиться. Вот несколько выдержек из интервью.

СУ.: Как выглядит ваш обычный день? Какое у вас расписание?

К.У.: Я просыпаюсь около трех или четырех часов утра, час или два медитирую и примерно в пять или в шесть часов сажусь за письменный стол. Я почти без перерывов работаю примерно до двух часов дня. Затем я час или два упражняюсь с гантелями, после чего делаю домашние дела и обедаю около пяти. После обеда я выхожу из дома, обычно в кино либо смотрю фильм дома, встречаюсь с друзьями или занимаюсь перепиской и легким чтением, звоню по телефону и около десяти часов вечера ложусь в постель. Если я кого-то навещаю, мы проводим вечера вместе.

С.У.: Вы сказали, что работаете до двух. А что это за работа?

К.У.: Ну, это зависит от того, занимаюсь ли я исследованиями или пишу. В случае исследований это простая старомодная домашняя работа — ты просто читаешь, читаешь и читаешь. Обычно я стараюсь

прорабатывать за день от двух до четырех книг, и это означает, что я просматриваю их очень быстро, при необходимости делая некоторые заметки. Если я нахожу действительно важную книгу, то снижаю темп и трачу на нее неделю или больше, делая подробные записи. Действительно хорошие книги я перечитываю три или четыре раза.

Когда я пишу, дело обстоит несколько иначе. Я работаю в очень напряженном темпе, в своего рода измененном состоянии сознания, в котором я, судя по всему, перерабатываю информацию с ужасающей быстротой. Порой я пишу по пятнадцать часов в день. В любом случае это поистине изматывает, физически изматывает, и это основная причина, почему я упражняюсь с гантелями.

С.У.: Сколько времени уходит на написание книги?

К.У.: Обычно я пишу по такой схеме: за год я прочитываю сотни книг, и у меня в голове формируется будущая книга — я пишу ее в уме. Затем я сажусь и набираю ее на компьютере, что обычно занимает один или два, возможно, три месяца.

С.У.: Так что на все эти книги вы потратили какие-то месяцы?

К.У.: Да, за исключением «Пола, экологии, духовности». Эта книга отняла у меня три года, поистине мучительных года. Но само написание все равно заняло совсем немного времени, несколько месяцев.

С.У.: Почему мучительных? Что происходило?

К.У.: Ну, если взять книгу наподобие «Спектра сознания» или «Проекта Атман», то это были трудные книги, поскольку я старался связать воедино десятки разных школ психологии. Но эти книги охватывали только Верхний Левый сектор. В ПЭД я пытался соединить десятки разных дисциплин во всех четырех секторах, и это казалось нескончаемым кошмаром. Поэтому я действительно замкнулся в себе и в течение трех лет вел именно такой образ жизни, который, по мнению многих людей, я веду всегда, — я действительно стал отшельником. По существу, помимо походов за продуктами и всего такого, я за три года встречался ровно с четырьмя людьми. Это оказалось очень близко к традиционному трехгодичному молчаливому уединению. Это было самое трудное из всего, что я когда-либо делал по своей воле.

С.У.: Вы не сходили с ума?

К.У.: Наихудшая часть наступила примерно через семь месяцев уединения. Я обнаружил, что больше всего мне недостает не секса и не разговоров, а телесного контакта — простого человеческого прикосновения. Я жаждал простого прикосновения, у меня было то, что я начал называть «кожным голодом». Казалось, все мое тело испытывало кожный голод, и на протяжении примерно трех или

четырёх месяцев каждый день, закончив работу, я просто садился и начинал плакать. Я плакал около получаса. Это просто по-настоящему больно. Но что вы можете делать в подобных случаях, кроме как свидетельствовать это. Поэтому со временем начала развиваться своеобразная медитативная невозмутимость в отношении этого кожного голода, и я обнаруживал, что эта очень глубокая потребность как будто выгорает, именно из-за осознания, которое я был вынужден ей уделять. Затем в моей медитации произошел квантовый скачок вперед, именно вскоре после этого у меня начали появляться проблески постоянного сознания, своего рода зеркального осознания, которое продолжается в состояниях сновидения и глубокого сна. Я думаю, все это произошло из-за того, что у меня не было возможности действовать под влиянием этого кожного голода, я был вынужден его осознавать, направлять на него сознание, свидетельствовать его, а не просто отреагировать на его. Этот кожный голод представляет собой очень примитивный тип цепляния, очень глубинную разновидность желания, субъективной самотождественности, и, свидетельствуя его, делая его объектом, я переставал с ним отождествляться, я до некоторой степени превосходил его и тем самым освобождал свое сознание от этого самого древнего из биологических влечений. Но в течение некоторого времени это была поездка по очень крутым американским горкам.

С.У.: Ладно, теперь несколько теоретических вопросов. Основываясь на широких межкультурных соотнесениях, вы подразделили надличностное или духовное развитие на четыре высших волны или сферы, которые вы называете психической (соответствующей грубому состоянию бодрствования), тонкой (соответствующей тонкому состоянию сновидения), каузальной (соответствующей состоянию глубокого сна без сновидений) и недвойственной (соединяющей в себе их все). Этому также соответствуют четыре различных типа мистицизма: природный мистицизм, божественный мистицизм, бесформенный мистицизм и недвойственный мистицизм.

К.У.: Да, это в основном верно. Но суть в том, чтобы приносить их все в осознание, чтобы базовое внимание и беспристрастное осознание пронизывали все сферы жизни — бодрствование, сновидение и сон — и на этом этапе вас вполне обоснованно называют Пробужденным, что в действительности совершенно обыденно означает только это.

СУ.: Многие из трансперсональных и духовных психотерапевтов, которых я знаю, используют ваш материал весьма рациональным образом. Они говорят, что им нужно всего лишь запомнить ваши высшие стадии. Они считают, что им нет нужды заниматься духовной практикой, наподобие дзен, или йоги, или сосредоточивающей

молитвы, поскольку вы уже описали все результаты.

К.У.: Они не занимаются практикой из-за меня? Господи, да это прямо противоположно тому, чего я добивался. Я постоянно подчеркиваю, что необходима практика, выполнение предписаний, чтобы действительно видеть и понимать эти более высокие стадии развития. Признайтесь, что вы шутите.

С.У.: Да нет, серьезно, они полагают, что для того, чтобы быть хорошим трансперсональным терапевтом, требуется всего лишь заучить ваши высшие стадии.

К.У.: Поистине нельзя придумать ничего более бессмысленного. Это все равно что говорить — я составил прекрасную карту Багамских островов, и потому вам нет нужды действительно ехать на Багамы в отпуск; вы можете просто сидеть дома и смотреть на карту. Это ужасно.

С.У.: Судя по всему, когда люди решают заняться практикой, это чаще всего оказывается та или иная разновидность сосредоточения на теле и чувственного осознания. По-видимому, это чувственное осознание тела путают с духовным осознанием.

К.У.: Да, это очень распространенная ошибка. Чувственно осознание тела очень важно, но это не то же самое, что духовное осознание. Начнем с того, что недвойственное или духовное осознание связано с «отказом» от «тела-ума», то есть вы перестаете отождествляться исключительно с «телом-умом» и его мыслями и чувствами. Они по-прежнему присутствуют и полностью действительны, но вдобавок к ним вы обнаруживаете более широкую тождественность со всем проявленным миром, а сосредоточение на теле определено *не* дает такого результата.

С.У.: Эти терапевты говорят, что эмпирическое телесное сосредоточение приводит к тому же состоянию просветления.

К.У.: Враки. Верно, что медитация часто начинается с осознания тела — прослеживания дыхания, сосредоточения на различных телесных чувствах и ощущениях, — но она *никогда* не останавливается просто на этом. Медитативное осознание — способность одинаково свидетельствовать все возникающее или уделять всему чистое внимание — постепенно расширяется с нескольких минут до нескольких часов, а в интенсивные периоды сохраняется почти весь день. Как только вы добиваетесь устойчивого свидетельствования в течение большей части дня, это подобное зеркалу медитативное осознание распространяется на состояние сновидения, и возникает нечто вроде осознанных сновидений, а оттуда оно переходит и в глубокий сон без сновидений, так что в, конце концов, вы

обнаруживаете *турийя* — четвертое состояние, которое представляет собой состояние чистого Свидетеля выше и за пределами трех состояний бодрствования, сновидения и сна, а затем и *турийятита* — за пределами четвертого, что означает Один Вкус, или *вездесущее осознание*, или *постоянное сознание*, или *базовую внимательность*, или *беспристрастное осознание*, которое превосходит и включает в себя все возможные состояния и потому не ограничено ни одним. Это не Свидетель, а недвойственное сознание — не что иное, как сам изначальный Дух. Говорить, что все это можно найти в эмпирическом телесном сосредоточении в состоянии бодрствования — полная нелепица. Точно так же нельзя найти и следов этого постоянного сознания в глубинной экологии, экофеминизме, неоязычестве, юнгианстве, экопсихологии, в теориях «паутины жизни» или «новой парадигмы», а это значит, что бы еще они ни делали — а я высоко ценю многое в их работе, — они не имеют дела с постоянным сознанием, зеркальным осознанием или вездесущим недвойственным Духом.

С.У.: Как раз этого касается мой следующий вопрос. Еще один распространенный подход к духовной терапии — это разновидность системного мышления, или идеологии Гайи, или экопсихологии, или теорий «паутины жизни» и так далее. Они утверждают, что, начиная мыслить холистически, вы становитесь лучше. А главная идея сводится к тому, что Гайя или «паутина жизни» — это и есть Дух.

К.У.: Но ведь «паутина жизни» — это просто понятие, просто мысль. Предельная реальность — не эта мысль, а Свидетель этой мысли. Исследуйте этого Свидетеля. Кто осознает и аналитические, и холистические понятия? Кто или что в вас в данный момент осознает все эти теории? Вы видите, что ответ нужно искать в этом Свидетеле, а не во всех этих объектах мысли. Дело не в том, правильны они или неправильны. Дело в Самости, в Свидетеле, который сам, по сути, является чистой Пустотой. Если возникает аналитическое понятие, мы свидетельствуем это; если возникает холистическое понятие, мы свидетельствуем и это. Предельная реальность заключена в Свидетеле, а не в понятиях, будь они верными или неверными. Пока вы работаете на уровне мыслей, понятий, представлений и образов, вы никогда до нее не доберетесь.

С.У.: Чистое сознание — это чистая Пустота?

К.У.: Да, изначальное сознание неопределимо, что можно метафорически выразить, назвав его чистой Пустотой. Но, повторяю, Пустота — это не понятие, а простое и непосредственное осознание. Например, сейчас вы можете видеть различные цвета — вон то дерево зеленое, вон там земля красная, небо голубое. Вы можете видеть цвет,

значит, само ваше осознание лишено цвета. Это как с роговицей вашего глаза — если бы роговица была красной, вы бы не могли видеть красное. Вы способны видеть красное потому, что роговица «лишена красного», или бесцветна. Точно так же ваше наличное сознание видит цвет и, следовательно, оно само *бесцветно*. Вы можете видеть пространство, так что ваше наличное сознание внепространственно. Вы осознаете время, поскольку ваше сознание *вневременно*. Вы видите форму, а ваше сознание *бесформенно*.

Поэтому ваше базовое, непосредственное сознание — не объекты сознания, а само сознание, свидетельствующее осознание, — лишено цвета, формы, пространства, времени. Оно пусто в отношении формы, цвета, пространства и времени. Ваше сознание в данный момент представляет собой чистую Пустоту, но в то же время Пустоту, в которой возникает вся вселенная. Голубое небо существует в вашем сознании в данный момент. Красная земля существует в вашем сознании в данный момент. Форма того дерева существует в вашем сознании в данный момент. Время течет в вашем сознании в данный момент.

Таким образом, весь мир Формы прямо сейчас возникает в вашем собственном Бесформенном осознании. Иными словами, Пустота и Форма недвойственны. Обе они сейчас представляют собой Один Вкус. И вы и есть Это. Воистину. Пустота и Сознание — это просто два названия одной и той же реальности, представляющей собой эту беспредельную Открытость и Свободу, в которой от момента к моменту возникает вся вселенная — Пустоты, каковой является ваше изначальное Осознание в данный момент, Пустоты, которую иначе можно назвать только самым изначальным Духом.

И тогда возникает совершенно отдельный вопрос: а что в действительности представляет собой *проявленный* мир? Лично я полагаю, что это взаимосвязанная сеть взаимопроникающих процессов или холонов, что, разумеется, является разновидностью холистической модели. Но мы судим об истинности этой модели — и истинности проявленного мира, — исследуя проявленный мир. Мы судим об истинности Духа, исследуя внутреннее «Я-Я». Верно, что в конечном счете они недвойственны, но *единственный* способ, которым вы можете обнаружить ту реальность, заключается в том, чтобы следовать внутреннему «Я-Я», а не выискивать в объективном мире «паутину жизни». Поступая так, вы ничего не добьетесь. Поступая так постоянно, вы никогда ничего не добьетесь.

С.У.: Так какой же, по-вашему, должна быть роль духовного терапевта? Мы говорили о вещах, которые, судя по всему, не дают результатов —

о заучивании более высоких стадий без их практики, о смешении чувственного осознания тела с духовным осознанием, о путанице теорий «паутины жизни» и экопсихологии с непосредственным духовным осознанием. Так от чего же будет толк?

К.У.: У меня есть, на мой взгляд, фантастическая идея [смеется], так что она вряд ли кого-то заинтересует. В медицине существует чудесное понятие «врач общего профиля». Таковы семейные врачи. Они имеют подготовку в области общей медицины, а не специализированной медицины. Они не могут делать операции на мозге, заниматься тонченной дифференциальной диагностикой или работать в лаборатории, но они знают специалистов, которые могут это делать, и их учили в случае необходимости направлять вас к этим специалистам. Я думаю, духовные терапевты должны быть чем-то вроде врачей общего профиля в области Духа. Они должны хотя бы теоретически знать все уровни спектра сознания — *материю, тело, ум* (магический, мифический, рациональный и интегрально-аперспективный), *душу* (психическую и тонкую) и *дух* (каузальный и недвойственный). Они должны быть знакомы с разновидностями патологий, которые могут иметь место на каждом из этих уровней. Они должны владеть основными методами телесного сосредоточения и психологического истолкования. Им следует знать, как работать с проблемами эго, «маски» и «тени». И они должны сами заниматься той или иной высшей или созерцательной практикой. Но, кроме того, они должны уметь обнаруживать специфические патологии на всех уровнях спектра сознания — от низших до высших — и в случае проблем, с которыми они не могут справиться сами, *направлять своих клиентов к соответствующим специалистам* — скажем, в области дзен, випассаны, тай цзи, веданты, Трансцендентальной медитации, христианской сосредоточивающей молитвы, суфийских и иудейских практик, Алмазного подхода, йоги — в том, что касается верхней части спектра, — а также атлетики, аэробики, диетологии, рольфинга, биоэнергетики и т.п. в его нижней части. Суть в том, что они не должны пытаться сами заниматься «нейрохирургией». Их основные обязанности таковы: во-первых, заниматься с клиентом общей психотерапией и отчасти трансперсональной терапией; во-вторых, при необходимости рекомендовать специалистов; и, в-третьих, *помогать координировать все имеющиеся у клиента инструменты преобразования*. Но они не могут действительно заниматься всеми видами терапии. Сейчас слишком многие трансперсональные и духовные психотерапевты полагают, что они могут и должны делать все сами, отчего страдают их клиенты. Так что вот в чем состоит моя

дурацкая идея, которая, по-видимому, никому не нравится.

Пятница, 13 июня

Ходил смотреть «Детей революции», главным образом из-за Джуди Дэвис — удивительная актриса. Она была очень смешной в «Мужьях и женах» Вуди Аллена, блестящей в роли мадам Жорж Санд в «Импровизации», прекрасно сыграла много других ролей. «Дети революции» — черная комедия, которая пользуется умеренным успехом, несмотря на неровный стиль. Но игра Дэвис захватывает. В сценарии мне нравится то, как в нем удачно подмечено, что марксизм-ленинизм был религией — мощной фундаменталистской религией для многих миллионов людей во всем мире. По существу, он был подлинно великой *современной* религией, то есть религией, которая пыталась превратить научный материализм, натурализм грубой сферы и холизм флатландии в Бога-освободителя. Бога мира Правой стороны, Бога и Богиню флатландии. В этом отношении он был предвестником многих религиозных движений флатландии в сегодняшнем мире, включая большую часть глубинной экологии, экофеминизма, поклонения Гайе, неоязычества и идеологии «паутины жизни». Чем более «плоской» оказывается религия, тем сильнее фанатизм.

Суббота, 14 июня

«Мои проблемы начинаются, когда более умные медведи сталкиваются с более глупыми посетителями», — служащий Йосемитского парка Стив Томпсон.

Воскресенье, 15 июня

Издательство «Рэндом Хаус» попросило придумать литературное название для книги «Наука и религия» (и не мог бы я использовать слова «душа» или «дух» или что-то вроде этого?). А, ладно. Я вспомнил великую цитату из Оскара Уайльда [«Ничто не излечит чувств, кроме души, и ничто не излечит душу, кроме чувств»] и предложил несколько вариаций на тему «разума и души», и они, в конце концов, остановились на названии «Союз разума и души: объединение науки и религии». Так тому и быть. Вот вам и мои обличительные речи против злоупотребления словами «душа» и «дух» — теперь я и сам в этом виновен.

Вторник, 17 июня

Почти двадцать лет я использовал хатха-йогу в качестве основного вида физических упражнений. Пять лет назад я начал, кроме того, заниматься тяжелой атлетикой, что чрезвычайно помогало мне писать и медитировать, а также способствовало укреплению иммунной системы, — вот веский довод в пользу интегральной практики. Мне сорок восемь лет, и я не помню, чтобы мое тело когда-либо чувствовало себя так комфортно. Что только облегчает его преодоление. Я по опыту знаю: когда тело-ум сильно и здорово, а не замучено голодом и аскезой, о нем легче забыть, превзойти его, освободиться от него. Именно потому, что ум-тело работает ровно, без каких-либо отвлекающих сбоев, оно не заставляет осознание постоянно возвращаться к нему. Вы можете легче забыть его и плавно войти в Свидетельствование или даже Один Вкус.

Разумеется, в более высоких состояниях ни эго, ни тело не оказываются забыты. Они по-прежнему присутствуют, по-прежнему функционируют, выполняя свои обычные обязанности. Если кто-то окликнет вас по имени, вы отзоветесь. Вы знаете, где начинается и где кончается ваше тело, это не психотическая или пограничная неразделенность. Просто ваша самотождественность больше не связана исключительно с этими носителями. Когда они функционируют гладко, а не подобно скрипучему колесу, требующему масла вашего осознания, оно вольно переходить в более глубокие и высокие области. Разумеется, это можно делать почти при любых обстоятельствах, но от здорового и работающего без сбоев тела-ума легче освободиться и, таким образом, обнаружить, что оно плавает в океане бесконечности — своем подлинном месте обитания.

Среда, 18 июня

Что касается интегральной практики, это, безусловно, будет «очередным увлечением» в духовных кругах; но это «увлечение» сохранится, по крайней мере, у тех немногих, которые серьезно относятся к трансформации.

Есть много способов говорить об интегральной практике. Ауробиндо (и его ученик Чаудхури) впервые использовали термин «интегральная йога» для обозначения практики, которая объединяет как восходящие, так и нисходящие течения в человеческом существе — не только преобразование сознания, но и преобразование тела. (Тем печальнее, что Калифорнийский институт интегральных исследований,

основанный Чаудхури, сегодня почти не занимается интегральной практикой; именно поэтому я в настоящее время не могу рекомендовать его студентам.) Книга Майкла Мёрфи «Будущее тела» представляет собой прекрасное резюме интегральной точки зрения; то же можно сказать и о «Что действительно важно» Тони Шварца. Я обрисовал свой собственный интегральный подход в «Оке Духа». Я очень рекомендую книгу Мёрфи и Леонарда «Жизнь, которая нам дана» в качестве практического руководства по одной разновидности интегральной практики.

Но любой может сочинить свою собственную интегральную практику. Идея состоит в одновременной тренировке всех основных *уровней и измерений* человеческого тела-ума — физического, эмоционального, умственного, социального, культурного, духовного. Чтобы дать несколько примеров, мы обойдем секторы по кругу и перечислим соответствующие уровни и способности, указав для них типичные практики.

ВЕРХНИЙ ПРАВЫЙ СЕКТОР

(индивидуальное, объективное, поведенческое)

Физический уровень

- **ДИЕТА:** Притикин, Орниш, Аткинс; витамины, гормоны.
- **ФИЗКУЛЬТУРА:** тяжелая атлетика, аэробика, ходьба, рольфинг и т.д.

Неврологический уровень

- **ФАРМАКОЛОГИЯ:** различные препараты, когда это уместно.
- **НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ:** биологическая обратная связь для выработки способности вызывать тета- и дельта-состояния сознания.

ВЕРХНИЙ ЛЕВЫЙ СЕКТОР

(индивидуальное, субъективное, интенциональное)

Эмоциональный уровень

- **ДЫХАНИЕ:** тай цзы, йога, биоэнергетика, циркуляция праны или чувственной энергии, ки гон.
- **СЕКС:** тантрическое сексуальное соединение, самотрансцендентная сексуальность всего тела.

Умственный уровень

- **ТЕРАПИЯ:** психотерапия, когнитивная терапия, работа с тенью.
- **ВИДЕНИЕ:** осознанная философия жизни, визуализация,

утверждения.

Духовный уровень

- **ПСИХИЧЕСКИЙ** (шаман/йог): шаманские практики, мистицизм природы, начальная тантра.
- **ТОНКИЙ** (святой): йога божества, йидам, созерцательная молитва, продвинутая тантра.
- **КАУЗАЛЬНЫЙ** (мудрец): випассана, самоисследование, чистое внимание, свидетельство.
- **НЕДВОЙСТВЕННЫЙ** (сиддха): дзогчен, махамудра, шиваизм, дзен и т.п.

НИЖНИЙ ПРАВЫЙ СЕКТОР (социальное, интеробъективное)

Системный уровень: выполнение обязательств перед Гайей, природой, биосферой и геополитическими инфраструктурами всех уровней.

Организационный уровень: исполнение образовательных, политических и гражданских обязанностей по отношению к семье, городу, государству, нации, миру.

НИЖНИЙ ЛЕВЫЙ СЕКТОР (культурное, интересубъективное)

Взаимоотношения: с семьей, друзьями, любыми чувствующими существами; превращение взаимоотношений в часть собственного роста; децентрирование самости.

Служение обществу: добровольные общественные работы, приюты, хосписы.

Мораль: участие в интересубъективном мире Добра, практика сострадания по отношению ко всем чувствующим существам.

Общая идея интегральной практики достаточно ясна: *выберите базовую практику из каждой категории* либо из стольких категорий, из скольких сможете, и выполняйте их все совместно — по принципу «все уровни, все секторы». Чем больше категорий входит в практику, тем более действенными все они становятся (поскольку все они тесно взаимосвязаны как аспекты вашего существа). Занимайтесь ими усердно и координируйте свои интегральные усилия для развертывания различных потенциальных способностей тела-ума, пока само тело-ум не развернется в Пустоту, и все остальное не будет смутным воспоминанием о путешествии, которого никогда не происходило.

Пятница, 20 июня

Все время получаю от друзей только что вышедшие книги. М. Скотт Пек — все зовут его Скотти — прислал «Отрицание Души». В своем письме он пишет: «Я не касаюсь слишком многих тем, но меня чрезвычайно заботит проблема эвтаназии, или помощи в самоубийстве». Он утверждает, что за движением за эвтаназию, кажущимся таким разумным и целесообразным, нередко скрывается благовидный предлог для отказа от уроков, которые могут быть получены от осознанного умирания и смерти. Он, как и я, поддерживает движение хосписов, где стандартной процедурой является почти полное устранение боли (с помощью препаратов, не притупляющих ум), так что человек может сознательно встретить смерть в присутствии родных и близких. Я полностью согласен с таким подходом.

Майкл Крайтон надписал свой роман «Аэроплан»: «Для следующего раза, когда тебе захочется почитать что-нибудь в самолете». Это очень забавно и имеет такую предысторию: прочитав его «Путешествия», где одна глава заканчивается словами о том, что он сидел на пляже на Гавайях и читал Уилбера, я послал ему экземпляр «Пола, экологии, духовности» — этого 800-страничного монстра — с надписью: «Для следующего раза, когда ты будешь на пляже». Почти единственное, для чего бы пригодилась эта двухтонная книга на пляже, — это отбиваться от акулы, если она нападет, и читать ее там было бы примерно так же забавно, как... читать «Аэроплан» во время полета на самолете, отсюда и надпись («В «Аэроплане» рассказывается о буквально тысяче причин, по которым самолет может потерпеть аварию).

Майкл Мёрфи шлет сигнальный экземпляр «Королевства клюшек Шивы» [«The Kingdom of Shivas Irons»]. Это прекрасное, живое чтение. Я не могу поверить, что Мёрфи подсовывает такую огромную дозу мистицизма в отделы гольфа всех книжных магазинов «Барнз и Нобль» в стране — не отдельные намеки там и тут, а целые страницы. Джон Апдайк сказал о романе «Гольф в Королевстве»: «Классика гольфа, если такая вообще существует в наше время», и похоже, что «Клюшки» продолжают эту традицию. Я искренне рад за него. Все это помогает разбить корку устойчивой враждебности прагматичной Америки ко всему трансцендентальному.

А вот книга Шурьи Даса «Пробуждение Будды внутри», и она действительно весьма неплоха. Те из нас, кто следили за ее написанием, были слегка озабочены ее фрагментарностью, но Шурье удалось собрать ее воедино.

Я довольно давно не виделся с Шурьей. Он, Шэрон Зальцберг, Митч Кэйпор и сын Митча, Эдам, четыре дня гостили у меня прошлым

летом. Я с огромным уважением отношусь к тому, чего пытается добиться Шурья, — сделать тибетский дзогчен доступным для американской культуры, что тревожит как большинство американцев, так и большинство тибетцев.

Похоже, что книгу ждет большое будущее, ее поддерживают все — от Ричарда Гира до Алена Дершовица, ее продвижение частично финансируют «Книжный клуб Единого Духа» [«One Spirit Book Club»] и студия «Томми Бой Рекордз». «Томми Бой» была основана Томом Сильверманом, когда он был еще парнишкой (отсюда и название), но теперь мы зовем его «Томми Мужчина». Он со своей неизменной спутницей Сьюзен Пайвер (которая учится медитации у Сэма) недавно заходили ко мне во второй половине дня; мы с Томом провели большую часть времени, обмениваясь опытом занятий атлетикой. Он создал отделение «Томми Бой» — «Упайя», — чтобы помочь распространению духовной ориентации в более широкой аудитории. Именно он делает передачи Дипака на Эм-Ти-Ви, записи Эндрю Вейла и т.д. О нем говорится в статье «Суэта вокруг Бога: новая духовность в Нью-Йорке и Голливуде — божий дар или просто божественное безумие?». Том и Сьюзен знают, что я скептически отношусь к возможности «популяризации духовности» без ее разбавления и выхолащивания, но это стоит попытаться сделать, и это всегда может служить для возбуждения аппетита большой и голодной аудитории.

Вторник, 24 июня

Вот четыре или пять главных препятствий для интегральной ориентации и интегральной практики. Я говорю не о представителях основного направления — либералах-атеистах и консерваторах-фундаменталистах — и те и другие в любом случае будут игнорировать интегральную духовность. Я говорю об угрозах изнутри самого авангардистского сообщества контркультуры и альтернативной духовности.

Первая помеха, во всяком случае, как она мне видится, исходит от сторонников чистой трансляции, которые сосредотачиваются на новых идеях или новых парадигмах реальности. Некоторые из этих идей и понятий поистине важны, и я часто соглашаюсь с ними; но заучивание нового понятия не приведет к постоянному недвойственному сознанию — это может сделать только длительная и напряженная практика. К этому лагерю трансляции относятся многие аспекты теории систем, экопсихологии, экофеминизма, теорий «паутины жизни», неоязычества, астрологии и неoaстрологии, глубинной экологии и культа Богини/

Гайи. Существуют кое-какие замечательные исключения, но большинство этих походов в основном остаются в плену грубого сенсомоторного мира, приниженого мира флатландии, и предлагают просто новые способы *трансляции* этого мира, а не способы *трансформации* сознания в тонкую, каузальную и недвойственную сферы. В лучшем случае они имеют доступ к психическому уровню природного мистицизма и Мировой Души, что прекрасно, но тем не менее представляет собой лишь начало надличностных сфер.

Конечно, они часто говорят, что эти более высокие сферы отрицают и вытесняют земное, но это справедливо только в отношении *патологий* высших состояний; нормальные высшие состояния *превосходят и включают в себя* низшие, а потому Дух превосходит и включает в себя природу, а не отрицает ее. Однако верно, что некоторые духовные пути действительно подавляют низшие сферы, и эти пути составляют второе главное препятствие для интегральной или сбалансированной практики. Эту угрозу можно сформулировать следующим образом.

В великий *узловой период* (примерно VI в. до н.э.), на переднем крае эволюции человечества произошел колоссальный прорыв: некоторые выдающиеся мудрецы — Парменид, Кришна, Иисус из Назарета, Гаутама Будда, Лао Цзе — обнаружили, что они могут проследить сознание до его источника; на этом этапе *общение* с Духом, возможное на психическом уровне, и *единение* с Духом, достигаемое на тонком уровне, сменяется *тождеством* с Духом на каузальном уровне: Атман есть Брахман, Я и Отец едины, отдельная самость растворяется в Пустоте, сознание находит невыразимое Одно. Этот прорыв — от наивысших *Форм* сознания (тонкий уровень) к чистому Бесформенному сознанию (каузальный уровень) — был ошеломляющим достижением, величайшей мутацией в сознании, существовавшем до того времени, и силой, которая привела в движение практически все основные мировые традиции мудрости, по-прежнему процветающие и поныне.

(Привнесение в этот конкретный вопрос политики пола только запутывает дело. Каузальный уровень — это подлинное состояние, достижимое для людей обоего пола; само по себе оно *нейтрально по отношению к полу*. Монополизация этого состояния мужчинами была плачевной по сегодняшним стандартам и неизбежной по вчерашним. Сама структура аграрного общества в среднем отбирает мужскую сферу ценностей, в которой центральное место занимают предприятия вне дома, в том числе строгие религиозные уединения, где происходило большинство из этих прорывов. В нашей индустриальной и постиндустриальной структуре, которая не делает обязательной

подобную стратификацию полов, мы можем начать уравнивать доступ к этим сферам, не будучи вынуждены в качестве прелюдии к этому поносить мужчин.)

Огромным недостатком этих узловых открытий было то, что в своем стремлении находить Бесформенное за пределами мира Формы они, как правило, начинали презирать весь мир Формы. Целью было находить нирвану, отдельную от самсары, неземной рай, царство не от мира сего, Одно, исключаящее Многое. Парадигматическим образцом этих подходов были нирвикальпа самадхи, *айин*, *ниродх* — иными словами, чистое прекращение, чистое бесформенное поглощение. Короче, целью было каузальное или непроявленное состояние. Путь был чисто Восходящим и потусторонним, и почти все, отождествлявшееся с «этим миром» — секс, деньги, природа, плоть, желание, — провозглашалось грехом, невежеством, иллюзией.

В определенном смысле в этом немало истины. Если вы гонитесь *только* за вещами этого чувственного мира, то никогда не откроете для себя более высокие или глубокие реальности. Но если вы хватаете через край и отрицаете или подавляете этот мир, то никогда не найдете Недвойственное — изначальное состояние, которое включает в себя *и* Одно, *и* Многое, потустороннее и посюстороннее, Восходящее и Нисходящее, Пустоту и Форму, Нирвану и Самсару как равные жесты Одного Вкуса.

Великая узловая эпоха началась и на Востоке, и на Западе примерно в VI в. до н.э. Во всех передовых религиях того времени преобладали йогический уход от мира, чисто восходящие практики, отрицание жизни, аскетизм, умерщвление плоти и «возвышенность». Все они, почти без исключения, были глубоко дуалистичными: дух, оторванный от тела, нирвана, отдельная от самсары, бесформенное как война с формой. Но ко II столетию н.э. ограничения каузальной и недуалистической нирваны становились совершенно очевидными, и передовое (или наиболее эволюционировавшее) сознание начало великое движение за пределы каузального непроявленного — движение, которому предстояло превзойти, но включить в себя каузальную Бездну. Иными словами, Дух начал распознавать свое собственное чисто Недвойственное состояние, и впервые это произошло в особенности в двух необычайных душах — у Нагарджуны на Востоке и у Плотина на Западе.

«Форма — это не что иное, как Пустота, а Пустота — не что иное, как Форма» — вот, пожалуй самое знаменитое резюме этого Недвойственного прорыва (говорят, что эта цитата из «Сутры Сердца» обобщает всю суть буддизма Махайяны — революции, совершенной в

основном Нагарджуной). Нирвана и Самсара, Одно и Многое, Восходящее и Нисходящее, Мудрость и Сострадание, Свидетель и все свидетельствуемое — все они недвойственны. Но эта недвойственность — *не* идея или понятие; это *непосредственное постижение*. Если оно превращается в понятие, в простой символ веры, то всех вас ждет хороший удар палкой мастера дзен. По этой причине о недвойственности часто говорят «ни два, ни одно» (просто чтобы гарантировать, что мы не превратим ее в чисто концептуальный монизм, теорию «паутины жизни» или холизм флатландии).

Суть дела была вполне ясна: то, что чисто Восходящие пути считали загрязнениями, грехами или иллюзиями, теперь рассматривалось как сияющие проявления самого Духа. Как говорил Плотин: «Многое не существует отдельно от Единственного, Многое суть проявления Единственного» (не в качестве теории, которую представляете себе оком ума, а как что-то непосредственно воспринимаемое оком созерцания). Поэтому духовная практика состояла не в отрицании всего проявленного, а в «приведении всего на путь». Согласно Тантре, еще одному цветку Недвойственной революции, даже худший грех скрывает в своей глубине сияние собственной мудрости и спасения. В центре гнева скрыта ясность; в середине вожделения — сострадание; в глубине страха — свобода.

Все это основывалось на простом принципе: высшее превосходит и включает в себя низшее, а не превосходит и отрицает его. Дух превосходит и включает в себя душу, которая превосходит и включает в себя ум; ум превосходит и включает в себя тело; тело превосходит и включает в себя материю. И поэтому подлинный духовный путь должен включать в себя, преобразовывать, впитывать и охватывать все уровни. Это была по существу та же Великая Цепь восходящих школ, но теперь она понималась не как маршрут побега из тюрьмы плоти, а как схема охвата всего проявленного Духом, из которого оно исходит. Так начиналась необычайная Недвойственная революция. На Западе ее отважно продвигала великая неоплатоническая традиция, но она повсюду встречала сопротивление Церкви, которая официально поклялась в верности Восходящему пути, ибо «царство мое не от мира сего, и отдай кесарю... Но для тех, у кого были глаза, чтобы видеть, и души, чтобы слышать, неоплатоническое течение прокладывало путь Недвойственности через первое и второе тысячелетия. Когда было осознано, что Велико Гнездо в действительности разворачивается или развивается во времени, неоплатоническая традиция непосредственно питала великое идеалистическое видение Фихте, Шеллинга и Гегеля (в котором вся вселенная представала как результат Духовного развития и

эволюционного развертывания — как порождение Духа в действии), хотя сегодня от всего этого поразительного видения осталась одна лишь научная теория эволюции — истинное, но бледное и малокровное дитя своих родителей-исполинов.

На Востоке Недвойственная революция дала начало буддизму Махаяны, Веданте, неоконфуцианству, кашмирскому шиваизму и буддизму Ваджраяны, которые можно свободно обобщить под именем «Тантры». Наивысшего расцвета недвойственная Тантра достигла в VIII — XI вв. в Индии, откуда она (начиная уже с VI в.) распространялась в Тибет, Китай, Корею и Японию. Когда и на Востоке поняли, что Великая Цепь действительно развертывается или эволюционирует во времени, это представление с несравненным талантом развил великий Ауробиндо.

Сегодня мы живем в крайне благоприятный момент истории, когда два этих великих Недвойственных течения в своей эволюционной и интегральной форме начинают сливаться воедино. Неоплатонические и идеалистические течения Запада, надлежащим образом дополненные западным научным пониманием эволюции, соединяются с великими Недвойственными и тантрическими школами Востока, для которых также характерна решительная ориентация на развитие.

Результатом становится общий интегральный подход, в разработке различных форм которого в настоящее время участвуют сотни исследователей по всему миру. В этот сплав современный интегральный подход привносит приверженность глубинной психологии — почти исключительному завоеванию современного Запада — и желания позволить совершенству сиять на каждом уровне, в каждом измерении, в каждом секторе, в каждой сфере человеческого и божественного мира. Этот интегральный подход пока еще находится в младенчестве, но растет с радующей глаз быстротой.

Если первое препятствие для интегрального подхода — это приверженность флатландии (или чисто Нисходящим школам), то второе препятствие, как я начал говорить, представляет собой противоположную ошибку — чисто Восходящий путь. Этот подход — пережиток узловой эпохи — включает в себя буддизм Теравады, некоторые разновидности Веданты (которые останавливаются на нирвикальпа или джняна самадхи и не доходят до сахаджи), многие формы астханга и хатха-йоги (когда они нацелены только на прекращение деятельности ума). Опять же эти подходы нельзя назвать неправильными; их просто необходимо дополнить Путем Нисхождения, чтобы прийти к более недвойственной позиции.

Третье препятствие представляет собой школа «духовного обходного

пути», которая воображает, что если вы находите Дух, или Богиню, или свою Высшую Сущность, то все остальное будет волшебным образом происходить само собой. Трудоустройство, работа, взаимоотношения, семья, общество, деньги, пища и секс перестанут вам досаждать. Безнадёжно грустно то, что для того, чтобы обнаружить, что все это определено не так, обычно требуется десять или двадцать лет, и тогда на что же вы потратили свою жизнь? Так что первая половина жизни проходит в заблуждении, а вторая в огорчении.

Этот «духовный обходной путь» может быть очень коварным, особенно — и по иронии судьбы — если вы имеете дело с самыми высочайшими Недвойственными школами. Один Вкус — это *вездесущее* сознание (это естественный и спонтанный ум в его наличном состоянии: если вы в данный момент осознаете эту страницу, у вас полностью присутствует 100% этого высшего сознания). Именно потому, что Один Вкус «всегда уже» присутствует, у многих людей могут быть мимолетные, но чрезвычайно мощные проблески этого высшего состояния, если им на него осторожно указывает опытный учитель. И действительно, во многих великих Недвойственных школах, подобных дзогчену и Веданте, существуют целые тексты, посвященные таким «указующим инструкциям» [см. пример в записи от 27 апреля].

Как только ученики добиваются прочного успеха в этом всегда-уже присутствующем осознании, могут случаться кое-какие прискорбные вещи. С одной стороны, они, в некотором очень важном смысле, освобождаются от сковывающей природы более низких уровней тела-ума. С другой стороны, это не означает, что низшие уровни перестают иметь свои собственные потребности или проблемы, сколь бы относительными они ни были. Вы можете пребывать в сознании Одного Вкуса и все равно заболеть раком, все равно иметь неудачный брак, все равно потерять работу, все равно быть тупицей. Достижение более высокой стадии развития *не* означает, что более низкие уровни куда-то деваются (будды все равно должны питаться) или что вы автоматически подчиняете себе более низкие уровни (просветление не сделает вас способным пробегать милью за четыре минуты). В действительности оно часто означает совершенно противоположное, поскольку вы можете начать невнимательно относиться к низшим уровням или даже игнорировать их, воображая, что они теперь уже не обязательны для вашего благополучия, тогда как на самом деле они являются средствами выражения вашего благополучия и носителями Духа, каковым вы теперь являетесь. Пренебрежение этими носителями равносильно «духоубийству» — вы обрекаете на смерть свои собственные божественные проявления.

Все еще хуже. Вам не приходится становиться великим вождем для того, чтобы пройти через оральную стадию психосексуального развития. Вам не нужно быть Шекспиром, чтобы открыть для себя надвербальное. Иными словами, вам абсолютно нет нужды в совершенстве овладевать предыдущей стадией, прежде чем вы сможете перейти на последующую — требуется лишь определенная степень общей компетенции. Но это означает, что вы можете достичь каких-то очень высоких стадий и *по-прежнему иметь всевозможные проблемы на различных более низких стадиях*. И простой переход на более высокую стадию не обязательно приведет к исчезновению этих низших проблем^{23*}.

Это становится сущим кошмаром в случае школ всегда-уже, поскольку, как только вы получаете прочное впечатление *Одного Вкуса*, вы можете утратить всякую мотивацию заделывать эти дыры в своем психологическом фундаменте. У вас мог быть глубокий и болезненный невроз, но это вас больше не волнует, поскольку вы больше не отождествляетесь с телом-умом. В этом есть определенная истина. Но тем не менее такая позиция — это полное нарушение обета бодхисаттвы, обета передавать *Один Вкус* чувствующим существам так, чтобы это могло освободить всех. Вы можете быть счастливы не работать над своим невротическим мусором, но все вокруг видят, что вы — жалкий невротик, и потому, когда вы объявляете, что на самом деле пребываете в *Одном Вкусе*, они запомнят лишь, что этого состояния следует избегать любой ценой. Вы можете быть счастливы в своем *Одном Вкусе*, но вы совершенно неспособны передавать его любым способом, который может быть услышан, именно потому, что вы не поработали над всеми низшими уровнями, *через посредство которых* вы должны передавать свое понимание. Разумеется, одно дело, если вы неприятны потому, что занимаетесь гневной мудростью или конфликтом дхармы, и совсем другое, если вы просто невротический зануда. *Один Вкус* не передать ничем, поскольку он является всем. Скорее, это ваши душа, и ум, и тело, ваши слова, и дела, и поступки будут передавать ваше *Достояние*, и если они не в беспорядке, вам повезло.

И снова, это не значит, что школы *Одного Вкуса* или сахаджи неверны. Они занимаются высочайшим из мыслимых состояний, но их необходимо дополнять пониманием того, что можно (и нужно) вести работу и на более низких уровнях и стадиях (включая психотерапию, диету и физкультуру, взаимоотношения, средства к жизни и т.д.), чтобы могла возникнуть подлинно *интегральная* ориентация. Только таким

образом человек может передавать Один Вкус всем чувствующим существам, которые сами живут на более низких уровнях и охотнее всего откликаются на *здоровые* послания, адресованные этим уровням, а не на высшие послания, процеженные сквозь невротические и изломанные низшие уровни.

Последнее основное препятствие для интегрального подхода, как я его себе представляю, — это эпидемия «нового века», которая... ну ладно, перечислим: возвеличивает магию и миф до психического и тонкого, путает эго и Самость, прославляет дорациональное как надрациональное, смешивает доконвенциональное исполнение желаний с постконвенциональной мудростью, хватается за свою самость и называет ее Богом. Я желаю им всего наилучшего, но... Пусть их желания исполнятся побыстрее, чтобы они могли обнаружить, сколь воистину неудовлетворяющими они оказываются на самом деле.

Итак, вот какими мне представляются основные препятствия для недвойственного интегрального подхода: флатландия и ее чисто трансляционные школы; исключительно Восходящие пути с их неприязнью к этому миру; духовный обходной путь; самодостаточность Одного Вкуса, которая оставляет зануд и тупиц такими, какими они были до этого; и «редукционизм наоборот», или возвеличивание низшего до высшего, присущее движениям «нового века». Если добавить к этому конвенциональный мир в целом — либеральных атеистов и консервативных мифических фундаменталистов, — то есть полдюжины дорожных застав на пути к интегральной самореализации, это означает лишь, что Дух определенно еще не устал от этого кона Космической Игры в Прятки, ибо он согласен продолжать прятаться в самых неподходящих местах.

Четверг, 26 июня

Рам Дасс поправляется, и есть надежда, что наступит значительное улучшение. Последний раз я виделся с ним на вечеринке в честь пятидесятилетия Роджера. Мы с Френсис планировали эту вечеринку в качестве подарка Роджеру на его полувековой юбилей. Мы думали, что лучшим подарком будет встреча со всеми, кто его горячо любит. Роджер вызывает чрезвычайную любовь. Хьюстон Смит, Стэн и Кристина Гроф, Джек Корнфильд, Джим Фейджимен, Майлз Бич, Брайен Уиттин, Джон О'Нил, Роберт Мак-Дермотт, Кит Томпсон, Филипп Моффет, Рам Дасс... свыше пятидесяти человек, и мы проводили все это в «Кэмптон-Плейсе», справа от Юнион-сквер в Сан-Франциско.

Мы с Рам Дассом сидели вместе с Роджером и Френсис, и он был полон жизни, полон задора. Затем, когда я был в Нью-Йорке, Френсис оставила сообщение на автоответчике Тони: У Рам Дасса сильный инсульт, он почти полностью парализован и не может ни двигаться, ни разговаривать. Было слышно, как Френсис взволнованна; в последние годы они с Роджером и Рам Дассом стали особенно близки. Но теперь Рам Дасс уже немного разговаривает, и после примерно двух лет лечения достаточно поправился. Я молюсь, чтобы ему действительно удалось «пустить это зерно на мельницу»^{24*}. Кроме того, я на собственном печальном опыте знаю, что сколь бы прочной и непоколебимой ни казалась ваша духовная самореализация, жизнь может выдернуть ковер у вас из-под ног, когда вы отвернетесь, или, хуже того, прямо у вас на глазах.

Суббота, 28 июня — Денвер

Обедал в Денвере с двумя из моих здешних лучших друзей — Уорреном Беллоузом и Уилли Кентом, и мне грустно, что они переезжают. В округ Сонома, к северу от Сан-Франциско. Я познакомился с Уорреном через Трейю; они познакомились в Файндхорне. Я пишу об Уоррене в «Милосердии и мужестве»; он был единственным не членом семьи, присутствовавшим при смерти Трейи. На самом деле именно мы с Уорреном ухаживали за ней в эти последние несколько недель, и он был абсолютным божьим даром. Его давний любовник Уилли — талантливый врач; я люблю их обоих. Уоррен склонен к более духовной ориентации, особенно в своей практике акупунктуры, а Уилли — в большей степени скептический ученый. Мне очень близки оба лагеря, так что нам всегда нравилось общаться. У меня никогда не было гомосексуального опыта, но я всегда чувствовал себя комфортно в культуре геев, вероятно из-за эстетики. Нормальные мужчины в среднем обделены в эстетическом отношении. «Тебе действительно грустно, что они уезжают?» — спросила Марси. «Да, конечно. Почему ты спрашиваешь?» «Ну, знаешь, я думала, что ты просто заставляешь свои эмоции сойти к нулю и не беспокоить тебя». «Пустота означает, что ты любишь больше, а не меньше. Мне очень грустно». «Да, я знаю. Я рада».

Понедельник, 30 июня

Страх, страх, страх.

Гнев, ярость, взрываться, поглощать, вцепляться, ужас.

3

Я вижу, слышу, ощущаю. Я не одинок. Здесь есть другие моей крови, и мы заодно против иных.

Природа засыпает вместе с нами и просыпается вместе с нами, и мы порой веселы, порой напуганы этой властью над нами. Очень часто наше сильное желание недостаточно сильно. Земля, воздух, огонь и вода ведут себя, как хотят, порой они помогают, чаще ранят.

Жизнь коротка, идя путем всего живого на земле. Здесь есть другие, некоторые светлые, некоторые черные. Те, что моей крови — со мной. Те, что нет — не со мной. С нами смерть, и мы предаем смерти тех, что не с нами.

Семья нашей крови, она с нами. Я — четвертый в этой семье. Восемнадцать солнц привели меня сюда. Теперь луна несет мне смерть. Луна, змея, вода — они заодно.

Все соприкасается со всем. Здесь, на земле, нет деления. Касаться чего-то — значит быть им; есть какую-то вещь — значит быть этой вещью. Мы не касаемся того, что иное, мы не едим того, что иное. Жизнь нашей крови, она на этой стороне. Смерть на той стороне, стороне иного. Мы не касаемся того, что иное, мы не едим того, что иное. Теперь луна напускает на меня смерть, поскольку змея, луна и вода — заодно. Когда змея кусает, в меня входит луна и в меня входит смерть.

Я научился этому от тех, кто знает. Моя семья продолжается, наша кровь смешана с этой землей.

4

Парень и девушка убиты вместе, мы жарим их и тщательно съедаем их, ибо они от Матери. Кровь — от Матери, мы жертвуем Ей кровь, и она возвращается как наша пища.

Я — Тиамат из пятого дома, сеятельница семян, что были принесены нам предками в дни до начала времен. Моя кровь — от Матери, мои кости — от Матери, в моем сердце бьется время, призывая нас к Матери. Мое тело смешивается с землей, с Матерью.

Немногие понимают Мать. Она — жизнь, ее кровь создает жизнь. Мы жертвуем ей кровь, парень и девушка убиты, и мы едим их для Матери, а иначе семена не взойдут. Каждый четвертый лунный сезон мы приносим Матери жертву, которая возвращается как наша пища. Если мы не будем приносить жертвы, мы все погибнем. Я, Тиамат, знаю это от предков, которые принесли нам семена в дни до начала времен.

5

Отец моего отца произошел от Творца, который обитает не здесь, а в Небесах, и его пути нам неведомы. У жрецов в нашем городе есть способы устанавливая связь с нашим Отцом, но моя семья их не понимает. Отец моего отца понимал Отца, ибо они были родственниками, но мы забыли. Это не имеет значения, наши жизни в Его руках. Есть много богов и богинь, и Он временами просто вождь их всех, хотя мы не знаем как.

Жрецы рассказывают нам, что были времена, когда наши предки были вместе с Творцом, но потом случилось что-то ужасное. Мы дважды в день молимся о возвращении к временам до ошибки. Я молюсь очень усердно, но в последний раз, когда я усердно молился, моя сестра все равно умерла. Мой дядя сказал, что я должен молиться усерднее, так что со мной, наверное, что-то не так.

Я учусь на горшечника, поскольку у меня очень умелые руки, и я понимаю, как делать вещи. Мой брат был горшечником; другой мой брат — пахарь. Одна из моих сестер умерла; они не расскажут мне, что случилось с моей второй сестрой.

Нам повезло, ибо у нас прочный дом. Это потому, что отец моего отца происходил от Творца. Кроме того, наша семья хорошо сражалась в кровавой битве, чтобы отобрать этот город у других, и потому мы владеем этим домом.

Самый лучший день — это день жертвоприношения, поскольку все приходит от Творца, и мы должны отдавать обратно кое-что из этого. Моя семья приносит в жертву красивых птиц, которых мы для этого выращиваем. О том, что происходит в Храме, ходят мрачные слухи, но я им не верю. Мы совершаем жертвоприношения здесь, птицами. Кровь птицы возвращается к земле. Кровь — это жизнь, которая нам дана, и потому мы возвращаем ее обратно. Есть что-либо — значит быть этим, и потому после того, как жрец благословит птицу, мы съедаем ее, так как теперь это пища богов и в ней пребывают боги. Поэтому таким образом мы становимся сильными, и духи оставляют нас в покое. И все же, когда я последний раз молился за свою сестру, она все равно умерла, так что со мной, должно быть, что-то не так.

6

Этот мир, безусловно, имеет смысл. И я постоянно борюсь с теми, кто хочет скрывать свет рациональности под какой-либо невразумительной коллекцией обмана. НЛЮ, астрология, алхимия, астральные путешествия, восточный мистицизм.

...Что за хаос.

Однако большинство этих людей, какими бы благими намерениями они ни руководствовались, судя по всему, не сознают, что они живут в

относительно надежном и защищенном мире именно благодаря рациональной науке и ее плодам — медицине, стоматологии, физике, материальному производству и изобилию, увеличению средней продолжительности жизни с тридцати до семидесяти лет. Критики предают анафеме то, что их защищает. Я уже больше тридцати лет работаю инженером-электриком, поскольку это реально, это осязаемо, это улучшает жизнь людей. Вокруг — реальный мир со своими реальными истинами, и нужна настоящая упорная работа, чтобы их отыскать. Нельзя просто созерцать свой пупок и надеяться выяснить что-либо сколько-нибудь стоящее.

Крепость науки — вот как мне это видится. Она будет стоять вечно, постоянно обновляясь. То есть при условии, что власть не захватят антирациональные безумцы.

Быть может, мне не следует сердиться, но я сержусь. С тех пор как в прошлом году погиб в автомобильной катастрофе мой сын, мне было трудновато. Но от погони за эфемерным Богом вообще нет никакого толку. Хорошо это или плохо, но мы, человеческие существа, — единственные боги на свете, единственный источник рациональной цели и доброй воли. И мы спасем сами себя, если нас вообще можно спасти. Библия права в одном: истина освобождает. И наука — это единственный способ открытия истины. Что же еще тут может быть?

В любом случае я не беспокоюсь. Да, знаете, порой мне не спится. Я лежу без сна, всматриваюсь в темноту и размышляю.

7

Все связано со всем. Когда ко мне впервые пришло это осознание — вероятно, когда я была еще подростком, примерно в четырнадцать лет, — оно полностью изменило мою жизнь! Позднее мне предстояло узнать, как это называется — холизм и так далее, — но в то время я знала лишь, что все на свете соотносится, связано со всем на свете. С тех пор прошло двадцать лет, у меня было два мужа и не было детей, я сменила три работы и позднее получила Национальную книжную премию, но я и поныне в это твердо верю.

Моя книга — «Заново соткать Паутину» — представляет собой подробное изложение этого холистического воззрения, основанного не только на всех новейших научных открытиях — ох, как их много! — от теории хаоса до квантовой физики, теории сложности и теории систем, у меня просто кружится голова, это так захватывающе! — но у нас также есть и холизм коренных культур всего мира, которым все это было известно задолго до того, как на это натолкнулась современная наука. Великая Богиня возвращается! Гайя жива! Все связано со всем. Это чудесно, не правда ли? Теперь, когда наука идет в ногу с этим

холистическим представлением о всеобщей взаимосвязанности — а ведь я писала об этом много лет назад! — меня воспринимают как в некотором смысле первопроходца. Так что я стала героиней, только представьте! Меня просят войти то в один, то в другой совет, работать то в одном, то в другом журнале, приехать то на одну, то на другую конференцию. Меня! Подумать только!

Да, я забыла. Не только верования коренных культур, но и восточный мистицизм тоже. Все говорят об одном и том же, о паутине жизни, о связи всего со всем и все такое. Поэтому я не могу понять, почему эти приверженцы дзен не перестают досаждать мне и спрашивать, занимаюсь ли я медитацией. Я все время спрашиваю их: а какая тут разница? Если вы верите, что все связано со всем, чего же еще? Вы делаете это своим способом, который называется медитацией, а меня свой способ, который называется холистическим мышлением. Они говорят, что это просто идея, а не могла ли бы я прямо сейчас показать им это единство? А это мне вообще непонятно. Они ведут себя просто вызывающе, будто им все это известно. Вы только представьте!

8

Прогулка в горах с женихом была всем, чего мне хотелось. Страстно влюбленные, слегка сумасшедшие, мы откровенно дурачились. Мы были как дети, но это не важно. Целый час Джон покорно нес корзину для пикника, все время подшучивая, что это так и должно быть, чтобы он нес еду главного администратора «Диджитал Дэйт корпорейшн», и я сказала: нет, это подходит для раба любви, каковым ты должен быть. И не успела я закончить фразу, как внезапно я исчезла, и был только вид, открывавшийся передо мной, и Джон, и это тело... но не я, или не-я, или ...в общем, я точно не знаю. Я была едина со всей этой сценой, едина с горой, едина с небом — это было возбуждающе, слегка жутко, но в основном совершенно спокойно, будто приходишь домой. Я никогда никому об этом не рассказывала, поскольку в понедельник я уже вернулась в офис и руководила компанией, да и в любом случае, кто бы мне поверил?

Больше это никогда не случалось. Я иногда читаю о подобных вещах — единство и все такое, космическое сознание, — но никакие слова не передают точно, что происходило со мной. Я слышала, что некоторые люди могут оставаться в этом состоянии постоянно, но я не понимаю, как это может быть, и, по правде говоря, сомневаюсь в этом. Мне кажется, что при этом теряешь всякое чувство ориентации. Так или иначе, это пришло и ушло. Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что это могло быть что-то вроде небольшого припадка. В то время мне так не казалось, но теперь кажется. В конце концов,

говоря всерьез, чем же еще это могло быть?

9

Это был обычный день, я до сих пор могу вспомнить это, как если бы все происходило прямо сейчас — яркое, возбуждающее, фантастическое. Я была одна дома, и было поздно, возможно, около полуночи. У меня возникло отчетливое ощущение, что в доме кто-то или что-то есть, — вам знакомо такое чувство? Поначалу это меня по-настоящему испугало, я была действительно напугана. В конце концов, я взяла себя в руки и решила пройти по дому, чтобы хорошенько все проверить. Потом я снова села, и тут оно случилось.

Эта ослепительная шаровая молния — я не знаю, как еще ее назвать, — просто материализовалась прямо передо мной, среди гостиной. Я знаю, что это звучит безумно, но раньше со мной такого никогда не бывало. Понимаете, у меня не бывает галлюцинаций. Но это не было что-то просто электрическое. Это звучит дико, но эта штука была живой. Я могу лишь сказать — это была Любовь. Это был живой огонь Любви и Света. Это так же верно, как то, что я здесь сижу. Он как бы перемещался, то находясь передо мной, то оказываясь у меня на макушке. Когда он находился у меня на макушке, весь мой позвоночник начинал вибрировать и по нему снизу вверх до самой макушки пробегали простреливающие потоки. Полное безумие, а? И затем, как только я поняла, что это Любовь, это просто исчезло, как будто и не было. Оно просто пропало, до смерти напугав меня. Но тогда нет, я имею в виду оно меня не пугало. Оно заставляло меня чувствовать себя в полной безопасности, у меня буквально никогда не было такого ощущения.

Мне доводилось слышать, вы, наверно, знаете, о том свете в конце тоннеля. С той разницей, что я не умерла. Но я знаю то, что я знаю, а я знаю, что где-то там — Любовь. Все мое тело ощущается как-то по-другому. Мой позвоночник болит, будто кто-то подключал его к электрической розетке, я точно не знаю. Но истина — там. Я знаю это. Ох, и я знаю, что начала молиться просто из благодарности.

10

Природа отступает перед своим Богом, Свет находит свое Обиталище. Это все, что я не перестаю думать, входя в эту необычайную ширь. Я двигаюсь внутрь и вверх, внутрь и вверх, и я перестал испытывать вообще какие бы то ни было телесные ощущения. На самом деле я даже не знаю, где мое тело или есть ли оно у меня. Я знаю только мерцающие оболочки светящегося блаженства, сменяющие одна другую, причем каждая последующая мягче и в то же время прочнее предыдущей, ярче и в то же время тусклее, интенсивней, но

неразличимей.

Превыше всего я полон. Я полон до бесконечности в этом океане света, я полон до бесконечности в этом океане блаженства. Я не могу помыслить о том, чтобы чего-либо хотеть, к чему-либо стремиться, за что-либо хвататься. Я не могу вместить больше, чем уже во мне, полном до бесконечности. Я нахожусь за пределами самого себя, за пределами этого мира, за пределами боли и страдания и «я» и самости, и я знаю, что это жилище Бога, и что я нахожусь в Присутствии Бога. Я един с Присутствием, это очевидно. Я един с Богом, это несомненно. Я един с Духом, это — данность. Я никогда не буду снова ни в чем испытывать недостатка, ибо этот светящийся туман бесконечности переполнен Благодатью.

По краям этой любви-блаженства — кроткие слезы, как едва заметное напоминание о том, что я так хотел этого, так жаждал этого, так отчаянно стремился к этому, чтобы быть насыщенным до пределов вселенной, быть полным и свободным и окончательным. Все годы, все жизни, ища только этого, ища и страдая и моля только об этом. И потому кроткие слезы остаются на краях моей бесконечности, напоминая мне.

Из этого Света и этой Любви выходит все сущее — теперь я в этом уверен, ибо видел это глазами своей собственной подлинной души. И в этот Свет и эту Любовь все вернется — теперь я в этом уверен, ибо видел это глазами своей собственной подлинной души. И я вернулся с посланием: мир вам, мои братья и сестры — люди; и мир вам, мои братья и сестры; и мир вам, мои неодушевленные братья и сестры — ибо все хорошо, и все в порядке, и все сущее пребудет в порядке. Мы все приходим от одних и тех же Света и Любви — теперь я в этом уверен, ибо видел это глазами своей собственной подлинной души.

11

Я не могу точно сказать, как долго я был Светом. Я не могу точно сказать, как долго существовала Форма. Я не могу точно сказать, как долго я не был ни тем, ни тем.

По ту сторону Света — Бездна. По ту сторону Любви — Бездна. Я не могу сказать, как долго.

Некогда я был камнем, я помню это, и толчком рывком ударом, я помню это. Я скитался по вселенной самого себя в дремлющей несдержанности, и сказать по правде, это всегда было весело.

Некогда я был растением, затем животным, и голодом, и жаждой, я помню это. Я стремился к формам своей собственной страсти и прочь от них. Я скитался гонимый, голодающий, умирающий. Но, сказать по правде, это всегда было забавно.

Однажды я проснулся человеческим существом и поступил в школу своего собственного становления. Сначала я поклонялся себе в форме своего другого, я поклонялся своей собственной дремлющей самости. Я двигался по направлению к своей собственной возлюбленной природе и подходил к самому себе то с удивлением, то со страхом, и с нескончаемым трепетом возносил ритуальные мольбы, чтобы справиться с ужасом, который я вызывал своим собственным сном. И сказать по правде, это всегда было забавно.

Однажды я проснулся как человеческое существо в поисках себя как небесного другого, в моей собственной форме как смутной мифической тайне, все еще во сне, но уже на грани пробуждения. Я приносил в жертву аспекты своей все еще дремлющей сущности, чтобы умиротворять ужас, который все еще вызывали мои собственные сумерки. Но, понимаете, если пробудиться сразу, то на этом все и кончится. И сказать по правде, это было забавно, всегда, даже когда я резал себя по-живому.

Вскоре я проснулся как человеческие существа, которые в стремлении быть светом для самих себя, смутно ощущали след того Света, который я из себя представляю даже в своей инаковости. За один огромный шаг я перестал искать себя вне себя. За один огромный шаг я проснулся к сознанию света. За один огромный шаг я обратился или начал обращаться вовнутрь, и я мог чувствовать, что эта игра устаревает, поскольку теперь я напал на след «Я». Сказать по правде, это было забавно, даже хотя это начинало кончаться.

И затем, однажды, сидя в одиночестве в своей инаковости, я увидел шар Света и Любви и понял, что наступает Великое Пробуждение.

Следующим шагом в школе себя самого, я вошел в Меня, как эти Свет и Любовь, и Я был с Я до бесконечности. И это я полностью узнавал в шепоте дыхания, что охватывало все пространство, и во вспышке света, что вмещала в себе все время.

А потом — Бездна за пределами всего запредельного. Некоторые бы назвали это радикальной Свободой, бесконечным Избавлением, предельным Освобождением, великим Спасением, безграничным Бытием. Я не знаю, ибо нет никакого «я», чтобы знать, ни в какой форме, священной или мирской, и потому есть только это радикальное Бесформие, которое остается своей собственной приметой. Это не блаженство, это не Бог, это не любовь. Оно не холистично, оно — не Богиня и не что-либо взаимопереплетенное. Оно не бесконечно, оно не вечно, это не какое бы то ни было понятие, состояние или объект. «Я-Я» — не свет, не любовь, не блаженство и не дух. «Я-Я» не связан и не свободен, не пребываю в неведении и не освобожден.

Но одно можно сказать: там, где не эта Пустота, там только страдание. Все это я помню в школе самого себя. Все это я видел в истории своего собственного открытия. Обо всем этом я пою сейчас, перед аудиторией самого себя. Все это я обещаю другим, которые являются формами моего собственного сна. Все это другие тоже увидят, когда пробудятся от своей инаковости и вернут свои спящие сущности к Пробужденное™, которая всегда существовала в нерушимой цельности в самой глубине того, что они собой представляют.

Я не могу точно сказать, как долго я был Светом. Я не могу сказать, как долго существовала Форма. Я не могу сказать, как долго я не был ни тем, ни тем.

По ту сторону Света — Бездна. По ту сторону Любви — Бездна. Как долго — я не могу сказать.

Но я знаю, что я буду опустошать даже эту Пустоту и, следовательно, создавать Космос и потому воплощаться как мир Формы и входить с Бодрствованием в детей моего собственного Осознания.

12

Вокруг моря Пустоты — неясная кромка блаженства.

Из моря Пустоты — мерцание сострадания.

Едва заметное освещение заполняет пространство осознания

По мере того, как светящиеся формы сливаются в сознании,

Мир принимает очертания,

Рождается вселенная.

«Я-Я» выдыхаю тончайшие образцы, которые кристаллизуются в плотнейшие формы, с физическими цветами, вещами, объектами, процессами,

Врывающимися в осознание во тьме его ночи,

Чтобы встать великолепным солнцем, напоминанием о своем источнике,

И спящей земле, обителице потомства Духа.

13

Звонит телефон, и я бегу, чтобы снять трубку. «Да?»

«Привет, это Марси».

«Привет, дорогая. В чем дело?»

«Я думаю, нам следует отправиться в отпуск, прямо так, экспромтом».

«Хм, ладно, но знаешь, у меня масса работы, это вроде...»

«Давай, ты не умрешь, если устроишь себе несколько выходных».

«Хорошо, хорошо. Мы никогда не были в Саус-Бич, и нам хотелось там побывать, так почему не сделать это сейчас, верно?»

«Да!»

И вот две недели спустя мы не где-нибудь, а здесь, в Саус-Бич, в

Майями. И отдыхая в океане, погрузившись в воду, я повсюду нахожу отблески Одного Вкуса.

Пустота, ясность и забота — вот имена этого момента настоящего, в точности как он возникает сейчас, сейчас и сейчас. Тела Будды, руки Христа, лица Кришны, груди Богини — это все аспекты именно этого момента. Я знаю, что все это как-то связано с заявлением, которое я сделал в самой глубине своей души, как и когда — не имеет значения. Просто на тех, кто помнит путь своего собственного сознания — от минерала к растению и к животному, от магического к мифическому, к ментальному и сверхментальному, от тела к эго, к душе, к Пустоте и к Радикальному Одному Вкусу, — налагается дополнительное обязательство — передавать то, что они увидели, и что они запомнили, и что они нашли — чему каждое «я» научилось в школе «Я», возвращаясь к самому себе, сияющему и свободному, пустому и ясному, призванному и любящему, просто так и снова просто так.

И сказать по правде, это было весело, всегда.

14

Марси плавает. Я приканчиваю свою колу и свой сэндвич. Сейчас полдень. Безоблачное небо, синий океан, волны свободно набегают на пляж, смачивая мягкий белый песок.

Среда, 2 июля

Все утро читал, ответил на несколько срочных телефонных сообщений, потратил час на распаковку и расстановку по полкам книг, пришедших за неделю. Книги — на самом деле, кому они нужны? Люди считают, что быть пробужденным — значит понимать все на свете, но в действительности это означает совсем противоположное. Это означает, что ты ничего не понимаешь. Все, все это — полная Тайна, обескураживающий поток нескончаемой бессмыслицы.

Просветление — это *не* всезнание, а незнание — не познание всего, а непознавание — предельное освобождение от спазма познания, которое всегда остается в мире формы, тогда как вы все поистине бесформенны. Не облако знания, а облако незнания. Не божественное знание, но божественное неведение. Видящего невозможно видеть; Познающего *невозможно* познать; Свидетеля *невозможно* свидетельствовать. Поэтому то, что вы собой представляете, — это просто свободное падение в божественном неведении, безграничная свобода от всего познаваемого, видимого, слышимого и ощущаемого, бесконечность Свободы по ту сторону познания, вечность Высвобождения по ту сторону времени.

Знание обязательно в конвенциональном, относительном мире, и я рад распаковывать эти конкретные книги и пытаться общаться через них вследствие определенных обязательств и правил, действующих в этом мире. Но все это, по правде говоря, просто серия узоров на изначальном осознании, рисунок отражений в пустом зеркале. Кен Уилбер — это просто короста на моем Изначальном Лице, и этим утром я смахиваю ее, как мелкое насекомое, и снова исчезаю в бесконечном пространстве, которое является моим истинным обиталищем.

Но это бесконечное пространство импульсивно. Оно поет свои песни проявления, оно танцует танец творения. Из чистейшего прозрачного ничто сейчас и сейчас и всегда сейчас возникает это великолепный мир, подмигивание и кивок из сияющей Бездны. Так что я заканчиваю распаковывать книги и принимаюсь за утренние дела.

Пятница, 4 июля

Получил экземпляр «Новостей Ассоциации трансперсональной психологии» (Association for Transpersonal Psychology Newsletter) и нашел там такую заметку: Американская ассоциация медицинской литературы Новой Англии присудила свою премию за выдающиеся достижения в медицинской коммуникации «Руководству по трансперсональной психиатрии и психологии» (Basic Books, 1996), составленному психиатрами Брюсом Скоттоном, Аленом Хиненом и Джоном Батистой.

Они это заслужили; в этой книге они проделали абсолютно первоклассную работу. Они попросили меня написать к ней предисловие, и я был рад это сделать, причем с дополнительной пользой для всех нас: я сел писать предисловие, унесся мыслями далеко и спустя пятьдесят страниц имел то, что показалось мне замечательной статьей, но в качестве предисловия она никуда не годилась из-за своей ужасающей длины. Безусловно, они никак не смогли бы ее использовать. Поэтому потом я написал надлежащее короткое предисловие на четыре страницы, которое как раз подошло, а длинное эссе стало одной из моих любимых работ под названием «Интегральное видение», теперь опубликованной в качестве Введения к «Оку Духа». Так что от моей неловкости все что-то выиграло.

Но более того, сам факт присуждения премии книге по духовной и трансперсональной психиатрии консервативным медицинским истеблишментом Новой Англии был необычайным, поистине паразитическим явлением. Медицинская психиатрия этой страны, по

существо, *политическим* актом *определяет*, какие состояния сознания являются «реальными», а какие — «патологическими», «нездоровыми», «иллюзорными». И скажите пожалуйста — похоже, Бог больше не считается психическим заболеванием.

Суббота, 5 июля

Пожалуй, стоит сделать несколько пояснений к «Воспоминанию». В нем я пытался описать, как каждый основной уровень сознания выглядит изнутри, с внутренней точки зрения первого лица или «я». Поскольку в научных сочинениях вы всегда вынуждены говорить на объективном языке «оно», мне ради разнообразия захотелось говорить на языке «я». Конечно, одна из основных причин, почему научные авторы, пишущие о религии, придерживаются языка «оно», состоит в том, что он освобождает их от необходимости трансформировать сознание («я»), чтобы видеть что-либо из этого. Вместо того чтобы ехать на Бермуды, они читают книги о Бермудах и обсуждают книги! Очень странно.

Для более низких уровней (вплоть до раздела 9) я создал короткие истории, отражающие то, как выглядит мир на каждом уровне. Начиная с раздела 10, описания являются феноменологическими: я входил в различные состояния, записывая свой опыт. Я совершенно произвольно ограничил «Воспоминание» 14 разделами, и, поскольку я обычно использую десять основных уровней сознания, корреляции таковы:

- Раздел 1 — это *сенсомоторный* мир (уровень 1), мир материи и физики. Я описал его не слишком художественно, но что есть, то есть.
- Раздел 2 — *пранический* или *эмоционально-сексуальный мир* (уровень 2). Также не слишком художественно, но достаточно очевидно.
- Раздел 3 — *магический* мир (уровень 3). В магически-анимистическом мышлении субъекты со сходными предикатами нередко приравниваются, и целые сплавляются с частями, так что царят конденсация и замещение. И все же это по-своему одно из наиболее красивых мировоззрений, и его законы метафоры (употребления слов в переносном смысле на основании сходства, сравнения и т.д.) и метонимии (замены одних слов другими, смежными по значению) представляют собой важные основы языка и до сих пор намеренно используются в поэзии; нетрудно видеть, как романтики

ошибаются в отношении его действительных характеристик.

- Разделы 4 и 5 изображают *мифический* мир (уровень 4), подразделяющийся на *садоводческую* мифологию (раздел 4), которая нередко бывает матриархальной, и *земледельческую* мифологию (раздел 5), которая почти всегда патриархальна. Исторически переход от предыдущей магической/собирательской стадии к мифологической/садоводческой произошел, когда была открыта посадка растений. В садоводческих обществах посадка осуществлялась с помощью простой палки-копалки либо ручной мотыги; поскольку при этом физическая нагрузка была умеренной, в работе могли участвовать беременные женщины, и до 80% всех продуктов питания в таких обществах производилось женщинами. Вследствие этого около одной трети садоводческих обществ имели только женские божества (Великая Мать); еще примерно у одной трети были и мужские, и женские божества; и у оставшейся одной трети были только мужские божества. (За исключением приморских районов, все общества, поклонявшиеся Великой Матери, имели садоводческую основу.) Когда было обнаружено, что животное может тянуть большой и тяжелый плуг, оказалось возможным проводить сев в гораздо больших масштабах, однако эта работа была физически тяжелой (у женщин, принимавших участие в пахоте, значительно чаще случались выкидыши; для выживания в процессе дарвиновского отбора им нужно было не участвовать в таких работах). Поэтому почти все производство пищи осуществлялось мужчинами; соответственно у более чем 90% земледельческих обществ были преимущественно мужские божества.

В матриархальных садоводческих обществах особенно поражают единичные случаи человеческих жертвоприношений. Великая Мать-Земля требовала крови, чтобы рождала новые злаки; как установили такие исследователи, как Джон Кэмпбелл, «неистовство жертвоприношений» характеризовало подъем многих матриархальных садоводческих сообществ по всему миру (начиная примерно с 10 000 г. до н.э.). Хотя в некоторых случаях практика жертвоприношений усиливалась в более поздних культурах, представляется несомненным, что она

началась именно на этой стадии. Я использовал особенно выразительный и четко документированный пример из Кэмпбелла, в котором юношу и девушку убивают во время полового акта, их тела зажаривают и съедают. Это поклонение земле плотью и кровью типично для религий Великой Матери.

Подъем патриархальных земледельческих обществ нередко сопровождался резким отказом от человеческих жертвоприношений, но с сохранением многих их тем в уменьшенной или символической форме (как в католической мессе — «примите, вкусите, сие есть мое тело; примите, испейте — сие есть моя кровь»). Патриархальные мифические религии считали себя более нравственными, чем предыдущие языческие религии, поклонявшиеся земле, по большей части из-за запрета человеческих жертвоприношений.

Именно этот мифический уровень в целом юнгианская психология часто путает с надрациональными духовными сферами. В нем есть своя запоминающаяся красота, но она дорациональна, а не надрациональна. Тем не менее у нас по-прежнему есть определенный доступ ко всем этим ранним уровням, и при правильной категоризации они предлагают немало жизненности и художественного богатства. Но мой общий вывод состоит в том, что ни садоводческая, ни земледельческая мифология — ни мифология вообще — не могут служить подлинно надрациональными, духовными ориентирами для современного и постсовременного мира

- Раздел 6 соответствует *рациональному* миру (уровень 5). Способность к рационал-перспективизму приносит огромный прирост блага, истины и красоты — огромный рост света понимания, — неудивительно, что его почти сразу назвали «Просвещением». Но в рациональности также немало гордыни; лишь изредка, при трагедии, наружу прорываются сомнение и раскаяние.
- Раздел 7 — это зрительно-логический или интегрально-аперспективный мир (уровень 6). В этой истории я немного хватил через край; я разыгрывал типичное изобилие новой парадигмы Нового Века, которая берет важные истины зрительной логики и холизма, но затем вносит в них множество путаницы: теория систем не раскрывает ту же «паутину жизни», которую видит магический мир (системные теоретики не думают, что вулкан извергается потому, что он лично на них

рассержен); холистическое мышление — это не то же самое, что восточное созерцание (первое относится к уровню ума, а второе — к над-умственному уровню); Гайя — это не то же самое, что Богиня (первая конечна, вторая бесконечна). В общем и целом женщина в этой истории становится жертвой заблуждений, которые часто преследуют программу новой парадигмы Нового Века: холизма флатландии (только Правая сторона), ретроромантизма, чистого Нисхождения, биоцентризма, многочисленных до/над заблуждений и т.п. [Я называю это «Парадигмой-415», поскольку ее эпицентр находится в области Бискайского залива и в таких организациях, как Калифорнийский институт интегральных исследований (CIIS). Я всегда резко критиковал «Парадигму-415», и многие ее приверженцы отвечали не менее резко. См. запись от 23 сентября, где даны уточнение и критика этой точки зрения.] Но более высокой истиной, скрытой за всем этим, безусловно следует считать зрительно-логическое и интегрально-аперспективное воззрение.

- Раздел 8 представляет собой разновидность опыта *психического* уровня (уровень 7); говоря конкретнее, это типичный пример космического сознания или временного чувства единства со всей грубой сферой. Заметьте, что оно не постоянно и не связано с более высокими тонким или каузальным уровнем, — иными словами, это классический случай *мистицизма природы*. Это самый высокий тип мистицизма, который обычно признают глубинные экологи, экопсихологи, неоязычники, экофеминистки, приверженцы философии Гайи и поклонения Великой Матери, хотя это самая низшая из мистических сфер — сфера Мировой Души или Эконоэтической Самости. Тем не менее это глубокое и мощное измерение сознания, краткий опыт которого может необратимо изменить всю жизнь.

Опыт на психическом уровне (мистицизм природ) почти всегда имеет *эмоциональный оттенок глубокого почтения*; это чувство *благоговения* перед бытием, и ощущение *незначительности* людей вообще и себя в частности.

- Раздел 9 — это еще один тип опыта на психическом уровне (уровень 7), достигаемого на пути *шаманов/йогов*, а именно пробуждение психических потоков, известных под

названием кундалини. Эти потоки начинаются с развитием эфирного тела (эмоционально-сексуального тела), но обычно становятся осознаваемыми на психическом уровне (как в этой истории) и сохраняются на тонком. Эта женщина переживает пробуждение кундалини и, будучи не способна его сдержать, воспринимает его как внешнего другого, который лишь медленно возвращается в потоки ее собственного тела-ума. Эти виды психического опыта нередко служат вратами к следующему, тонкому уровню; в кундалини-йоге практикующий движется по этим потокам к их источнику в *сахасраре* — сиянию света в макушке головы и над ней (воплощению высшего тонкого)^{25*}.

Эмоциональный тон этих переживаний нередко начинается как почтительный (когда священная сила выносится вовне в качестве Великого Другого), но в конечном итоге становится ощущением *силы и полномочия* (когда человек осознает, что священная сила — это внутренний поток его собственного тела-ума). Традиционно говорится, что этим уровнем силы легко злоупотребить — это своего рода шаг Кастанеды или Дарта Вейдера.

- Раздел 10 представляет типичный опыт тонкого уровня (уровень 8), достигаемый на *пути святых*. О грубой сфере временно забывают до такой степени, что ее нередко даже не распознают. Энергетические потоки тела-ума возвращаются к своему источнику в тонком теле (и особенно в сахасраре, бесконечности Света и Блаженства Превыше всякой грубой ориентации; «святость» нередко символизирует ореол света вокруг головы). В переживаниях этого типа всегда присутствует ощущение «внутри и вверх» не в метафорическом, а в буквальном смысле. Свет и Блаженство, которые бесконечно Превыше, переживаются, как таковые; это — Форма Божества, которая является собственной глубочайшей Структурой человека. Это — Самбхогакайя, сфера *божественного мистицизма*, единения души с Богом.

Эмоциональный тон этих переживаний обычно бывает *экстатическим, визионерским, апокалиптическим, умиротворенным и пророческим*.

- Раздел 11 представляет каузальный уровень (уровень 9),

достигаемый на *пути мудрецов*. Это сфера (первоисточник) Свидетеля, сознания без объекта, чистого прекращения, классической нирваны и нирвикальпы, айина, непроявленного, Бесформенного, великого Нерожденного, Божества, Первоосновы, Дхармакайи, чистой Пустоты. В то время как психическое предполагает общение души с Богом, а тонкое — единство души с Богом, каузальное представляет собой тождественность души и Бога в изначальном Божестве. То есть когда сознание восходит к бесконечности тонкого Света и Блаженства Превыше (то есть к тонкой сфере), оно в какой-то момент «падает» в каузальное Сердце, и ощущение отдельной самости окончательно разрушается в радикальной Пустоте, ниргуна Брахмане или неопределимом Божестве. (Каузальное Сердце, расположенное справа, не следует путать с сердечной чакрой, представляющей собой энергетический центр тонкого уровня — центр любви, располагающийся на центральном меридиане; первое олицетворяет чистую Пустоту или абсолютного бодхисаттву, а вторая — сострадание или относительного бодхисаттву; см. Шри Рамана Махарши.)

Во всех меньших мистических состояниях всегда есть ощущение вхождения в состояние или выхода из него, неперемнное чувство того, что происходит *нечто иное* (видение Света, чувство Любви, познание Божества, достижение умиротворенности и т.д.). Но в некоторой точке этих восходящих или нисходящих потоков, которые представляют собой переживания грубого или тонкого уровней, внезапно наступает Свидетельствование всего и вся, что возникает, и человек больше не испытывает побуждения искать вообще каких бы то ни было переживаний. Он сходит с линии восхождения и нисхождения (которая, сама по себе, является самсарой) и выступает Свободным как Свидетельствующее Сердце. Вместо погони за объектами — священными или мирскими, земными или небесными — он просто пребывает как ум-зеркало, в котором равно и беспристрастно отражаются все объекты. Человек больше не движется вверх к бесконечному Свету или вниз к животворной Жизни — он просто Свидетельствует любые и всякие движения. Это — выход из Великого Цикла Восхождения (Эроса) и Нисхождения (Агапе), и

хотя Свидетель полностью охватывает оба этих движения, они больше не мотивируют само сознание. Как сознание — как пустой Свидетель — человек является Неподвижным Движителем.

Центры животворной жизни внизу (то есть нижние чакры) сами по себе являются сгущением тонкого Света, находящегося вверху (в высших чакрах), а сама наивысшая чакра (сахасрара) представляет собой просто проявленное *отражение* Непроявленного — она *сияет* силой каузального Сердца, даже хотя само каузальное Сердце — это не Свет (или какое бы то ни было другое проявленное качество). Иными словами, все восходящие и нисходящие потоки имеют своим конечным источником каузальное Сердце, которое само не принадлежит ни к одному из этих потоков — вот почему Свидетель может беспристрастно свидетельствовать любые проявления, будучи сам свободен от всего происходящего.

(Однако самому Свидетелю внутренне присущ последний остаток разделения, самости и двойственности, присутствующий в качестве противоречия между Свидетелем и всем свидетельствуемым, противоречия — и разделения — между непроявленным и проявленным, нирваной и самсарой, пустотой и формой; эта последняя двойственность исчезает, когда сам Свидетель растворяется в недвойственном Одном Вкусе, где Пустота заключает в себе все Формы, нирвана и самсара едины, и Свидетель становится всем свидетельствуемым.)

Я решил включить в этот раздел память о прошлых этапах роста. Подобно тому как при околосмертном переживании человек может видеть обзор всей своей жизни, так и при каузальной смерти можно «увидеть» обзор всего витка космической истории, представляющей собой историю развертывания твоей глубочайшей Сущности. (Подобного рода опыт, который произошел со мной в двадцать семь лет, лег в основу книги «Ввысь из рая»). Сам этот «обзор» происходит не в каузальной сфере — в каузальной сфере не существует *ничего*, — а скорее по ту или иную сторону от нее (при вхождении или выходе.)

Каузальное вызывает *субъективное ощущение* камня — оно неподвижно и недвижимо; огромная гора непроявленного, — но также и ощущение *беспредельности, свободы, простора, избавления, освобождения*. Кроме того — и это довольно трудно передать, — *ни одно* из этих «ощущений» не воспринимается как переживание. Переживания приходят и уходят, но пустое

Зеркало представляет собой бескрайнее пространство, в котором приходят и уходят все переживания, а само оно ни в малейшей мере не является эмпирическим.

- В разделе 12 показано нисхождение из каузального в тонкое, или начало инволюции, эманации или самого проявления. Разделы 1—11 представляют собой историю *восхождения* или *эволюции* сознания от материи к телу, уму, душе и каузальному духу. Но как только сознание возвращается к своему первоисточнику в каузальном Сердце, тогда может начаться *осознанное* нисхождение, или инволюция, идущая от духа к душе, уму, телу и материи. Разумеется, постоянно происходят видоизменения этого цикла, и это в высшей степени многослойный процесс (эволюция и инволюция происходят с каждым вздохом и даже каждую микросекунду). Суть просто в том, что в точке возврата в каузальное Сердце можно сознательно и намеренно исследовать весь цикл, таким образом преодолевая и разрушая его способность зачаровывать). Разделы 12—14 представляют собой очень сокращенный вариант истории инволюции, рассказанной с точки зрения этого конкретного ума-тела (то есть КУ).

Большинство людей «переживают» это превращение каждую ночь, когда переходят от глубокого сна (одной из разновидностей каузального) к состоянию сновидения (одной из разновидностей тонкого), но они не могут этого вспомнить. Одна из целей медитации состоит в том, чтобы сделать все эти переходы осознанными и, таким образом, стать прозрачным для самого Источника движения.

- Раздел 13 представляет собой продолжение нисхождения от тонкого к грубому, завершающего цикл эволюции и инволюции (того, что Плотин называл эманацией и обратным потоком [efflux и reflux]). Когда существует непрерывность сознания во всех трех основных сферах или состояниях (каузальном, тонком, грубом), в восходящей и нисходящей дугах, тогда простой потрясающей очевидностью становится Одна Суть или Один Вкус всех сфер.

Субъективную тональность Одного Вкуса — и *пути сиддх* — традиционно описывают одним из двух способов, которые оба, как правило, вводят людей в заблуждение. Первый из них — это

тон абсолютной *скуки*, огромного зевка перед лицом всего мира. Причина состоит в том, что поскольку Один Вкус — это вкус абсолютно всего сущего, то, испробовав Один Вкус, вы вкусили все. Были там, видели То. И потому, например в буддизме дзогчен, Адепта по традиции изображают бесконечно скучающим на вид.

Второй — это легкомысленный тон, почти шуточный и безусловно непочтительный. Когда Бодхидхарму спрашивали о природе реальности, он говорил: «Бескрайняя пустота, ничего святого, ничего священного». Иными словами, ничего, что можно высмеивать. Когда все вещи в равной степени видятся как Дух, благочестию нет места. В то время как шаман/йог психического уровня воплощает великую силу, святой тонкого уровня воплощает мирное сияние, а мудрец каузального уровня воплощает каменную невозмутимость, сиддха недвойственного уровня воплощает беспредельный юмор. Возвращается великий смех, все поступки окружает легкость. Нечего и говорить, что не всякий, обладающий чувством юмора, обосновался в Одном Вкусе; юмор обычно вызывается эгоическими побуждениями. Просто когда ничто не свято, все воспринимается легко.

- Что общего у обоих этих тональностей — так это безжалостная обыденность, ничего особого. Это *просто есть*, и ничего больше (раздел 14).

Воскресенье, 6 июля

Фил Якобсон — его полное имя Филипп Рабинов-Якобсон, это старая и уважаемая русско-еврейская фамилия — только что вернулся после месячного пребывания в Вене у Эрнста Фухса, основателя Венской школы фантастического реализма и главного наследника Сальватора Дали. Поскольку я довольно много написал об искусстве и эстетике, со мной часто связывались художники со всего мира, которые присылали мне свои материалы и просили о помощи в их продвижении. Поэтому я в течение какого-то времени пытался думать о том, как помочь этой ситуации. Казалось, что хорошо было бы начать с создания своего рода распределительного центра — современного музея — для трансперсонального или духовного искусства. Я подумал, что из Фила вышел бы хороший координатор для проекта этого музея, и он согласился. Вопрос состоял в том, где его расположить и как его финансировать.

Итак, Фил едет в Вену. Оказывается, Фухс тоже думал о музее

духовного искусства, и, когда Фил упомянул о нашей аналогичной идее, Фухс пришел в такое возбуждение, что они отправились в Вену и Фухс приобрел здание для музея! Сейчас Фухс собирается приобрести замок, в котором могли бы работать сами художники, тогда как в здании в Вене разместятся архивы, сеть обмена информацией и т.п. Прямо сейчас дело идет к тому, что Фил проведет около шести месяцев в Вене, организовывая музей и руководя им, а затем вернется в Штаты, чтобы создать здесь его отделение, и в дальнейшем будет делить свое время между Штатами и Европой.

Дом в Вене в действительности представляет собой особняк в стиле барокко, судя по всему, довольно красивый и очень большой. А замок — сейчас они находятся в процессе его приобретения — это летний дворец Франца-Иосифа. Это поразительно. Если все получится — конечно, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, — это будет настоящее благо для трансперсональных художников всего мира ^{26*}.

Вторник, 8 июля

Стучат дождевые капли, здесь на балконе образуется большая лужа. Все это плавает в Пустоте, в чистейшей Прозрачности, и это некому наблюдать. Если и существую «я», то это все, что возникает сейчас и сейчас и сейчас. Мои легкие — небо; вон те горы — мои зубы; мягкие облака — моя кожа; гром — это биение моего сердца, отсчитывающее время безвременного; сам дождь — это слезы нашего общего состояния здесь, где в действительности вообще ничего не происходит.

Среда, 9 июля

Прибыли Сэм и его дочь Сара. Всегда удивительно видеть, как маленькая девочка, которую ты знал всю ее жизнь, внезапно оказывается молодой женщиной. Саре сейчас девятнадцать, и она просто прекрасна. Она очень способная, с глубоким и пронизательным умом и собирается изучать ни много нимало, как философию.

«Сара хотела побеседовать с тобой насчет того, где ей учиться в колледже».

«Да, — говорит она, — либо здесь, в заведении наподобие колледжа Сары Лоуренс или Брауна, либо, возможно, в Канаде или где-то еще».

«Проблема гуманитарного образования здесь, в Штатах, состоит в том, что — стыдно сказать — мое поколение сделало его очень ненадежным делом. В моде крайний постмодернизм, а беда крайнего постмодернизма — то, что им во многом движут нигилизм и

нарциссизм. Иными словами, он не верит ни во что, кроме себя самого. Слишком много сегодняшних диссертаций в гуманитарных науках представляют собой просто попытку нового поколения продемонстрировать свое моральное превосходство, предав анафеме все предшествующие работы в области искусства, науки, литературы и философии. Поэтому культурологические исследования зачастую превращаются, по существу, в терапию самооценки для нового поколения, способ продвижения себя за счет всех тех, кто был раньше». Это суровые слова, но мне вспомнилась недавняя статья в «Lingua Franca»: «Обзор научной жизни» профессора Франка Лентриччиа, в которой он разоблачает эпидемию нигилизма и нарциссизма, ныне выступающую в качестве культурологических исследований в американских университетах. Она «проистекает из чувства морального превосходства по отношению ко всем авторам, которых человек предположительно описывает». «Эта позиция превосходства, — говорит он, — рассматривает все, что было до нее, как «клоаку, которую литературные критики выставляют на свет божий для блага человечества». Затем он разоблачает ее: «Основная суть является лицемерием, которое принимает такую форму: «Т.С. Эллиот ненавидит гомосексуалистов, а я — нет; значит, я лучше, чем Эллиот». На что надлежит отвечать: «Но Т.С. Эллиот действительно умел писать, а ты не умеешь»». Неудивительно, что Лентриччиа так завершает свой обзор современного состояния гуманитарных наук в Америке: «Ясно одно — невозможно преувеличить напыщенное самодовольство научной литературной и культурной критики». Ох.

«А есть ли что-то хорошее в постмодернистских движениях?» — интересуется Сара.

«О, безусловно. Я критикую экстремистов. Но постмодернизм в целом привнес три, на мой взгляд, очень важных истины: конструктивизм, контекстуализм и плюрализм. *Конструктивизм* означает, что мир, который мы воспринимаем, не просто *изначально дан* нам, а частично *конструируется* нами. Многие — но не все — из того, что мы считали универсальной данностью, в действительности социально и исторически конструируется и потому различается от культуры к культуре. *Контекстуализм* показывает, что смысл зависит от контекста. Например, в предложениях «спортивный лук» и «лук на грядке» слово «лук» означает совершенно разные вещи — смысл определяется контекстом. Это отводит интерпретации (также именуемой герменевтикой) центральное место в нашем понимании мира, поскольку мы не просто воспринимаем мир, а интерпретируем его. А плюрализм означает, что именно из-за зависимости смысла и

интерпретации от контекста — а *всегда* существует множество контекстов — мы в своем поиске понимания не должны ставить в привилегированное положение ни один отдельный контекст. (Это также называется интегрально-аперспективным, зрительно-логическим или сетевым логическим подходом.)

«Поэтому эти три истины составляют ядро различных постмодернистских движений, и я решительно поддерживаю эти основные истины. В этом смысле я, безусловно, постмодернист. Проблема, как и в случае любого движения, состоит в том, что вы можете взять эти истины и непропорционально раздуть их, в результате чего они становятся внутренне противоречивыми и обреченными на провал. Так, крайние постмодернисты не просто говорят, что *некоторые* истины являются социально конструируемыми и относительными, а утверждают, что таковы *все* истины и потому универсальных истин не существует. Но в действительности они претендуют на то, что *их собственная* истина универсальна. Таким образом, они защищают себя от обвинений, которые выдвигают в адрес всех остальных, и снова мы видим, что в основе их нигилизма лежит нарциссизм».

«Понимаю, — говорит Сара, — так что мы хотим избежать не столько постмодернизма, сколько его крайней разновидности».

«По моему мнению, да. К сожалению, сегодня экстремисты играют заглавные роли на гуманитарных факультетах большинства американских университетов». Еще одно воспоминание из недавней статьи, на этот раз статьи Ричарда А. Познера в «Нью рипаблик»: «Постмодернистский левый край определяется своей оппозицией к ценностям, убеждениям и культуре «Запада», причем «Запад» понимается как сфера физически полноценных гетеросексуальных белых мужчин европейского происхождения и их восточно-азиатских и западно-азиатских «подражателей», наподобие японцев (по Гитлеру, «почетных арийцев») и евреев. Постмодернистский левый край радикально поликультурен, но даже больше того, поскольку «Запад», который он очерняет, не является исторически конкретным: он включает в себя либерализм, капитализм, индивидуализм, логику, науку, ценности, связанные с иудео-христианской традицией, понятие личных достоинств, и возможность объективного познания». Иными словами, нигилистическое отрицание всего на свете, кроме своей собственной ценности: нигилизма, нарциссизма. И унылый вывод: «Левый постмодернизм прочно засел в американских университетах». «Так где же можно получить хорошее гуманитарное образование?» — с естественной озабоченностью спрашивает Сара.

«Ну, один хороший профессор может превратить почти любой университет в стоящее место. В Штатах их множество, нужно просто поискать».

«Я уже думала о нескольких университетах в Канаде, например, Университете Виктории».

Тут снова вступает Сэм.

«Всегда есть Кембридж и Оксфорд».

«Что скажешь, Сара?»

«Я поеду в Лондон в этом году, так что, возможно, я подумаю о них».

«Огромное преимущество таких мест, как Кембридж или Оксфорд, состоит в том, что ты можешь помогать планировать и создавать свою собственную учебную программу, так что сможешь превратить ее в настоящее поликультурное образование, изучая все лучшее, что могут дать Запад и Восток, Север и Юг, не рискуя увязнуть в массовых идеологических программах и глупости крайнего постмодернизма. Мы медленно движемся в этом направлении в Штатах, но пока что...»

Четверг, 10 июля

Сэм затевает проект, который представляется мне исключительным; я согласился быть консультантом. Это документальный сериал под названием «Паломничество», состоящий из шести часовых серий. Каждая серия посвящена человеку, совершающему паломничество в одно из главных религиозных мест и представляет собой рассказ от его лица. Пока намечено таких шесть мест: Шри-Ланка для индуизма, Бодхгайя для буддизма, Гренландия для религии инуитов, Конийя для традиции исламских дервишей, Австралия для традиции аборигенов и Иерусалим для христианства/иудаизма/ислама. Фильм будет распространяться по всему миру путем показа по обычному, кабельному и спутниковому телевидению, а также в кинотеатрах.

За сценарий отвечает Руди Вурлитцер, за музыкальное сопровождение — Филип Гласс. Идея сериала состоит в том, чтобы избежать «антропологического туризма», характерного для фильмов «Нэшнл Географик», и вместо этого постараться дать сочетание *субъективного* путешествия и *объективного* места паломничества. По пути к святыне каждый герой отдельной серии будет делиться своими надеждами, страхами, желаниями и заботами. Таким образом, подробные красочные съемки объективного места будут соединяться с очень личным рассказом о духовных исканиях. И что самое главное, фильм позволит показать каждую из великих традиций не как пережиток отдаленного и приуменьшаемого прошлого, а как

приглашение заняться подлинной духовной практикой и, таким образом, открыть для себя великолепие приближающегося большего будущего.

Пятница, 11 июля

Вечеринка в честь Алекса Грея у меня дома, с Марси, Сэмом, Сарой, Тамми, Кейт, Филом и т.д. Алекс — удивительный человек. И дело не только в том, что он блестящий художник-новатор. У него золотое сердце, и его доброта — признак не слабости, а великой силы. Кроме того, он способен почти самозабвенно восхвалять других, что болезненно редко встречается в нашей ироничной культуре.

Я знал, что Алекс уже в течение некоторого времени работал над книгой об искусстве. Он удивил меня, показав готовый вариант рукописи. В прилагавшемся к ней отдельном томе содержались десятки его поразительных художественных произведений. Сэм предложил опубликовать оба тома, и Алекс был просто ошеломлен. Он едва мог говорить.

Я очень рад за Алекса. Я думаю, он вскоре получит международное признание. Ах, если бы все вечеринки были такими веселыми и такими полезными.

Суббота, 12 июля

Приближается конференция по экопсихологии в Институте Наропы. Экопсихология может гордиться кое-какими замечательными достоинствами. Среди всего прочего, она пытается исцелить болезненное разобщение между познающим субъектом-человеком и познаваемой объективной природой; она стремится покончить с высокомерным антропоцентризмом; она хочет защищать окружающую среду не как «Другого», а как часть нашей глубочайшей Самости. Она считает, что человеческий невроз обусловлен именно этим (необязательным) разрывом между организмом и средой, и ищет пути избавления от многих из наших бед в исправлении этого (самонадеянного) раскола между человеком и природой.

Все это убедительно говорит в пользу экопсихологии. Но меня заботит то, что экопсихология, пытаясь быть подлинно холистическим подходом, в действительности соскальзывает на чисто Нисходящий путь мира флатландии (или «холизма флатландии»), в чем ее и обвиняет Майкл Зиммерман [см. запись от 11 мая]. Вот что меня беспокоит (и это, по существу, касается практически всех

разновидностей экофилософии — глубинной экологии, экофеминизма, неоязычества, неоастрологии, экопсихологии):

1. Экопсихология в лучшем случае прекрасно имеет дело с Мировой Душой, Гайей или Эконоэтической Самостью, как бы ее ни называть (уровень 7). Иными словами, это самое большее, подлинный мистицизм природы грубой сферы. Но она полностью игнорирует божественный мистицизм тонкой сферы, бесформенный мистицизм каузальной сферы и интегральный мистицизм недвойственного. (Кажется, экопсихология привлекает некоторых буддистов, но они должны отдавать себе отчет в том, что она имеет дело только с Нирманакайей и не учитывает Самбхогакайю, Дхармакайю и Свабхавикакайю.)
2. Хотя экопсихология в своих лучших вариантах ориентируется на Мировую Душу или Эконоэтическую Самость, в основной массе она, под влиянием до/над заблуждения, путает Мировую Душу (уровень 7) с биосферой (уровень 2). Судя по всему, она не понимает, что Мировая Душа — это то, что *превосходит* физиосферу (материю), биосферу (жизнь) и ноосферу (ум), — и потому может *включать в себя и объединять* их все. Вместо этого она просто пытается сводить все к биосфере (что многие критики называют экофашизмом).
3. Даже тем экопсихологам, которые понимают действительную природу Мировой Души, как правило, недостает внутренней технологии преобразования, то есть у них нет каких бы то ни было предписаний, образцов или парадигм для подлинного преобразования сознания на уровень Мировой Души. Они пропагандируют цель, не зная пути к ней. В такой ситуации экопсихология, даже в своих лучших проявлениях, склонна к вырождению в системную теорию и карты флатландии — чисто *ментальные* понятия, не способные вести к *надментальному*.
4. Магическую структуру собирательских племен зачастую путают с холистическим охватом зрительно-логического и возвеличивают до такового, и в результате регрессивный экопримитивизм сочетается с системной теорией флатландии, что нередко представляют в качестве «новой парадигмы», которая, скажем, довольно сомнительна.

Короче говоря, по-видимому, лишь немногие экопсихологические подходы понимают природу Мировой Души или Экономической Самости, и среди таковых лишь немногие располагают надежной методикой достижения этого уровня. Почти вся экопсихология под влиянием до/над заблуждения путает Мировую Душу с биосферой, что сводит к нулю внутренние измерения сознания, отвращает людей от подлинно преобразующих практик, способствует регрессии к чисто сенсорно-витальному уровню и содействует распространению точки зрения флатландии, которая и вносит основной вклад в экологический кризис.

Эти критические замечания уже высказывались в ряде пространственных примечаний в книге «Пол, экология, духовность» и были повторены в «Краткой истории Всего». Но большинство экопсихологов предпочли игнорировать эту критику и вместо этого сосредоточились на двух тривиальных моментах в «Поле, экологии, духовности», касающихся интерпретации Эмерсона и Плотина. В случае Эмерсона я в одной длинной цитате заменил слово «природа» многоточием, поскольку Эмерсон использует это слово по меньшей мере в трех различных смыслах, что далее становится совершенно очевидно (я дал ссылку на источник цитаты, так что ученые могут проверить это сами; тем не менее я охотно признаю, что это следовало сделать в более явном виде). В случае Плотина я указал, что, если не оговорено иначе, везде используется перевод Уильяма Инге, а затем привел цитату: «Божественное в нас переходит в Божественное во Всем», которая в действительности является переводом Карла Ясперса, а не Инге. Эти незначительные, но прискорбные ошибки были не исправлены во всех последующих изданиях, хотя ни одна из них нисколько не меняет обоснованность выводов.

Увы, и поныне, когда многие экотеоретики обсуждают книгу «Пол, экология, духовность», то говорят лишь о том, как я искажил Эмерсона и Плотина (я уже отвечал на это ложное обвинение в «Оке Духа», гл. 11, примечания 1, 2 и 3), и в качестве доказательства указывают именно на эти мелочи. Прискорбно, что это позволяет им игнорировать не только мою основную и существенную критику, но и критику самих Эмерсона и Плотина, направленную *против мистицизма природы* (и потому против почти всех современных форм экопсихологии, глубинной экологии, экофеминизма и неоязычества).

Вот взятое из «Ока Духа» резюме общепризнанной интерпретации точки зрения Эмерсона: 1) природа — не Дух, а символ Духа (или проявление Духа); 2) само по себе чувственное осознание не раскрывает, а затмевает Дух; 3) для раскрытия Духа необходимо

Восходящее (или трансцендентальное) течение; Дух может быть понят только при выходе за пределы природы (то есть Дух имманентен природе, но полностью раскрывается только в превосхождении природы, короче говоря, Дух превосходит, но включает в себя природу). Эти положения безоговорочно признают все исследователи Эмерсона.

И Плотин бы полностью согласился с ними. Поэтому забудьте мою критику этих экологических движений: и Эмерсон, и Плотин осудили бы — как верные, но частичные и потому не подлинно холистические — практически все разновидности экопсихологии, поклонения Гайе, неоязычества, глубинной экологии и экофеминизма. Мои критические замечания просто конкретизируют их критику. Но многие экофилософы пытаются избежать всей этой убийственной критики, сосредоточиваясь на том, как в «Поле, экологии, духовности» «искажены» мысли тех, от кого она первоначально исходила.

Главная причина, по которой я об этом упоминаю, состоит в том, что, если бы экопсихология была более последовательной в своих важных попытках понять Мировую Душу, она могла бы в своем заслуживающем уважения духовном проекте пойти еще глубже — в подлинно надличностные области тонких, каузальных и недвойственных явления. Но чтобы это сделать, она должна перестать цепляться за грубый сенсомоторный мир так, будто он представляет собой единственную фундаментальную реальность Космоса. Существуют более глубокие области, более высокие события, более широкие восприятия — от грубых до тонких, каузальных и недвойственных, — ожидающие тех, кто проникнет в Мировую Душу и найдет ее Свидетеля, а оттуда — Один Вкус.

На этом этапе величественные обещания экофилософий могли бы достичь своего осуществления и завершения в Одном Вкусе, который зачастую с самого начала был их замечательным интуитивным предвидением.

Вторник, 15 июля

Господи Боже, Джианни Версаче сегодня рано утром был застрелен прямо около своего дома в Саус-Бич. Сперва думали, что это могло быть как-то связано с его предполагаемыми связями с мафией, — на протяжении многих лет ходили слухи, что он занимался отмыванием денег гангстеров. Но теперь, похоже, что это был Эндрю Кананен, серийный убийца гомосексуалистов.

Это огромная потеря для мира массовой культуры, и грустно, что ему

пришлось умереть так бессмысленно. Счастливых смертей не бывает; но многие обретают искупление в моменте трансценденции, ясности, любви или страдания, переживаемого с достоинством. Но бедняге Версаче не досталось ни милосердия, ни славы — только две пули в голову и внезапная темнота.

Это особенно печально потому, что Версаче — помимо своего потрясающего влияния на мир моды — способствовал обновлению Саус-Бич. Причем в такой степени, что, по словам одного телекомментатора, дом Версаче стал «самым знаменитым домом на самой знаменитой аллее самого знаменитого в мире курорта». Впрочем, небольшое преувеличение никогда никому не вредило. Но Версаче удалось объединить миры развлечений и моды, и его смерть стала поистине прискорбной утратой.

В то же время я не могу не вспомнить, насколько мелкой является и, вероятно, всегда будет массовая культура. Когда эстетика грубой сферы осознанно соединяется с тонкой или каузальной глубиной, чувственное разнообразие моды и формы становится богатым выражением Духа, а не его жалким заменителем. Но такова массовая культура — изобилие удовольствий-заменителей, попыток выжать из тела наслаждение, которое можно найти только в полноте Духа, — море желаний, жаждущих бесконечности, океан страстных желаний Всего, находящих взамен жалкие капли временного облегчения — то оргазм, то минуты славы, то элегантную моду, то понюшку кокаина, приготовленные поставщиками глянцевого, притягательного сияющих поверхностей, один из которых был сегодня жестоко убит.

Очень жутко смотреть телевизионные репортажи, поскольку Версаче был застрелен в точности на том месте, где мы с Марси стояли, любуясь его домом, — прямо на ступеньках за железными воротами. Там, где мы стояли, сейчас небольшая лужица крови.

Суббота, 19 июля

Роджер и Френсис заехали погостить на несколько дней по пути в Фетцер, где Френсис организовала конференцию на тему «Духовный интеллект». Завтра приезжает Тони, чтобы отойти от Эйснера и Аспена, так что здесь немноголюдно, но это приятно.

Понедельник 21 июля

Роджер и Френсис уехали в Фетцер, оставив нас с Тони. Тони несколько лет был практиком и пропагандистом Алмазного Подхода —

метода психодуховного роста, основанного Хамидом Али. На самом деле Тони в своей книге «Что действительно важно» дал Алмазному Подходу одну из высочайших оценок. Но теперь, несмотря на то что он продолжает ценить этот подход, у него, кажется, появились некоторые сомнения.

(В «Оке Духа» я посвятил тринадцать страниц критике Алмазного Подхода [гл. 11, примечание 11]. Я считаю, что он является очень важным и крупным шагом вперед в объединении психологии и духовности. Но он содержит и несколько до/над заблуждений, которые делают его опасно неустойчивым, и я решительно подчеркнул это в своей критике. Тони пришел к аналогичному мнению.)

Говоря очень упрощенно, Алмазный Подход предполагает, что в младенчестве мы в принципе начинаем свою жизнь в тесном контакте со своей духовной Сущностью, однако процесс взросления подавляет или приглушает эту Сущность. Такое подавление Сущности оставляет в нашем существе различные «дыры» — разнообразные симптомы, защиты и страдания. Использование *психологических* методов для устранения этого подавления позволяет нам восстановить контакт с утраченной Сущностью и таким образом привносит в нашу жизнь *духовное* осознание. Поэтому Алмазный Подход стремится объединить психотерапию и духовность в одну систему. Сейчас он пользуется растущей популярностью.

«Но ты полагаешь, что Алмазный Подход впадает в до/над заблуждение», — говорит Тони.

«Да, безусловно. Он путает доэгоическую импульсивность с надэгоической Сущностью просто потому, что они обе являются неэгоическими. Это классическая ошибка».

«Но они бы сказали на это что-нибудь вроде того, что, наблюдая за игрой маленьких детей, можно видеть их реальную связь с Сущностной Радостью. Они — спонтанные, живые, энергичные, они светятся чистой радостью. Но, подрастая, они начинают утрачивать контакт с этой чистой радостью, они...»

«Одну секунду. Ты уже передергиваешь, используя слово «чистая» применительно к «радости». Кто говорит, что это чистая радость, имея в виду чистую духовную радость? Она не чистая и не духовная. Она просто импульсивная. Здесь огромная разница».

«Но почему?»

«Как ты знаешь, решающий перелом в психологическом развитии происходит где-то между пятью и семью годами, когда маленькие дети научаются *принимать на себя роль другого*. Существует ряд известных экспериментов, которые это показывают. Если ты возьмешь мячик,

зеленый с одной стороны и красный с другой, повернешь его зеленой стороной к ребенку и спросишь его, на какой цвет он смотрит, он правильно ответит: «На зеленый». Но если ты спросишь его: «На какой цвет я смотрю?», — он скажет, что на зеленый, даже хотя ты смотришь на красный. Он не может поставить себя на ваше место, он не умеет принимать роль другого».

«Да, я знаю. И примерно в семь лет дети начинают давать правильный ответ. Они могут начинать принимать на себя роль другого».

«Да, и это означает, что ребенок перешел от *эгоцентрической* способности к *социоцентрической* — от «я» к «мы» — от нарциссизма к социальному участию, к принятию роли других и к включению других в свою орбиту. Это огромное преобразование в сознании, известное также, как переход от *доконвенционального* к *конвенциональному* осознанию. И наконец, затем, примерно в подростковом возрасте, происходит переход от конвенционального к *постконвенциональному* осознанию, означающий, что осознание более не замкнуто и не ограничено группой, племенем или нацией, а раскрывается к универсальному, глобальному, *мироцентрическому* осознанию, когда ко всем людям относятся честно и справедливо, вне зависимости от расы, пола, религии или убеждений. И как ты знаешь, в моей системе это глобальное мироцентрическое осознание служит вратами к подлинно духовным состояниям».

«Да, — говорит Тони, — но как все это применимо к Алмазному Подходу?»

«Ну, если воспользоваться твоим примером, Алмазный Поход путает доконвенциональную, нарциссическую, эгоцентрическую радость с постконвенциональной, мироцентрической, духовной радостью. Он смешивает «до» и «пост».

«Но в чем именно состоит различие?» — спрашивает Тони.

«Радость не бывает духовной, если только она не может принимать во внимание радость *других* людей. Радость, ограниченная исключительно твоим собственным эго, может быть радостью, но это вовсе не духовная радость или сущность радости или что-либо в этом роде. Она сосредоточена на себе, поглощена собой, прославляет себя, и если кто-то так представляет себе Дух, то он глубоко заблуждается».

«Таким образом, радость должна — что? — развиваться в более высокие формы?»

«Да, верно. Подобно большинству черт характера, радость эволюционирует — от доконвенциональных к конвенциональным, постконвенциональным и духовным формам».

«И как выглядела бы радость на конвенциональном уровне?»

«В большинстве случаев, когда человек счастлив, ему не бывает по-настоящему радостно, пока он не может с кем-нибудь разделить свое счастье, особенно с близким человеком — партнером или другом. Это не просто «моя», а «наша» радость — не эгоцентрическая, а социоцентрическая. Ты не счастлив, если счастлив только ты, ты хочешь, чтобы твои друзья и семья были счастливы, и ты страдаешь, если это не так. По существу, если на этом уровне твоя радость остается замкнутой на себя, это, вероятно, какая-то глубокая патология».

«А радость на постконвенциональном уровне?»

«По мере того как твое сознание растет и эволюционирует в глобальные и мироцентрические модусы, ты больше не можешь быть по-настоящему счастлив, по меньшей мере не думая о том, чтобы распространить эти счастье и радость на *всех* других. Ты становишься идеалистом в наилучшем смысле этого слова, желая избавить от страдания и сделать счастливыми *всех* людей — а не только своих друзей, свою семью, свое племя, своих единоверцев, свой народ (все социоцентрические и этноцентрические ценности), — всех людей, независимо от национальности, пола или вероисповедания. Ты, по крайней мере, в какой-то степени сознаешь, что не можешь быть глубоко и по-настоящему счастлив, если кто-то где-то страдает. Твое осознание начинает беспокоить мысль о страданиях других — сперва понемногу, потом все больше — мучительная мысль, которая портит твой праздник и не дает тебе радоваться, — и ты начинаешь действовать, в меру своего побуждения и в соответствии с имеющимися у тебя способностями и ресурсами, ради того, чтобы улучшить долю всего человечества. Твое счастье не может быть подлинным счастьем, если только ты не можешь разделить свою радость со всеми другими людьми».

«Если использовать твои слова, — говорит Тони, — отсюда должно начинаться раскрытие к подлинно духовным модусам счастья, распространяющегося на все чувствующие существа — вроде обета бодхисаттвы».

«Да, думаю, что так. И именно здесь мы начинаем видеть Сущностную Радость, или подлинно духовную Радость, а не на нарциссической и эгоцентрической стадии! Их смешение — настоящий кошмар, и оно само глубоко нарциссично. Это пародия — возвеличивать подобные нарциссические модусы до духовного статуса».

«Ладно. Но ты все же признаешь, что радость маленького ребенка может подавляться и приглушаться?»

«О, безусловно, абсолютно. Разумеется, можно вытеснить радость

детства, но это доконвенциональная радость, а не постконвенциональная радость».

«И ты всегда утверждал, что вытеснение первой уменьшает вероятность возникновения второй», — добавляет Тони.

«Именно так. Если ты наступишь на желудь, то повредишь его и ему будет трудно вырасти в дуб, каким бы он мог быть. Но ты повреждаешь и подавляешь желудь — ты *не* подавляешь или затаптываешь дуб, поскольку он еще не появился, — нет никаких корней, ветвей, листьев и т.д., на которые ты бы мог наступить. Поэтому ты безусловно можешь подавлять или повреждать радость на любой стадии ее роста, и это делает менее вероятным возникновение Сущностной Радости в ходе последующего развития. Но эта Сущность представляет собой *эмерджентное* (вновь возникающее) качество, появляющееся сверху, а не поднимающееся снизу младенческое состояние, с которым снова устанавливается контакт. Это нисходящий Бог, а не восходящее «ид».

«Да, я согласен, — говорит он. — Но пропагандисты Алмазного Подхода могут сказать, что у них есть эмпирические данные, подтверждающие их правоту. Когда ты начинаешь психотерапевтическую работу, используя Алмазный Подход, то начинаешь с ощущения или переживания любых «дыр», которые у тебя могут быть, — любого чувства пустоты, чувства скуки, чувства беспокойства, чего бы то ни было. Когда ты снимаешь свои защиты и стараешься просто прочувствовать эту «дыру», то рано или поздно появится соответствующая Сущность и «дыра» будет заполняться положительной теплотой и мудростью. По их словам, это показывает, что ты *заново устанавливаешь контакт* с Сущностью, которая подавлялась во время взросления».

«Ничего подобного это не показывает. Здесь происходят две очень разные вещи, и они их полностью смешивают. Начнем с того, что если ты подавляешь доконвенциональный импульс — скажем, детскую радость, — то это подавление становится стеной, которая отгораживает не только низшие импульсы, пытающиеся подняться вверх, но и более высокие побуждения, пытающиеся спуститься вниз. Иными словами, сильное подавление, направленное против «ид», будет иметь тенденцию блокировать и Бога, просто потому, что и «ид», и Бог могут угрожать эго, и потому защита от одного помогает защищаться от другого. Таким образом, если ты снимаешь стену подавления — подавления, первоначально создававшегося против *низшего* импульса, когда тебе было, возможно, два или три года, — ты одновременно можешь открыться для нисхождения *более высокого* побуждения, которое само *никогда* не подавлялось в прошлом, а впервые *возникает*

сейчас. Сущность — это эмерджентное качество, а не отрывка младенчества. В отношении Сущности возникает вневременное чувство, которое создает впечатление восстановления связи с ней, что вполне правильно, но это восстановление связи с вневременным настоящим, а не раскапывание младенческого прошлого. Устраняя и обезоруживая подавление, направленное против доконвенциональных импульсов, ты можешь легче открываться постконвенциональным и духовным модусам. Но смешение одного с другим представляет собой классическое до/над заблуждение».

Вторник, 22 июля

«Я по прежнему думаю, — возвращается к разговору Тони, — что Алмазный Подход — это полезный путь, но он, судя по всему, определенно запутался в этих до/над заблуждениях. Меня также начинает беспокоить, что при всех его разговорах о травмах раннего детства ему не слишком удастся *действительно* добираться до этих травм, не говоря уже о том, чтобы их исцелять. И насколько мне известно, эта проблема типична практически для всех духовных подходов к развитию».

«Как так?» — спрашиваю я.

«Ты говорил, что ослабление защит, предназначенных для того, чтобы не давать «ид» подниматься вверх, может позволять Духу спускаться вниз».

«Да. Существуют другие, отдельные защиты, нередко устанавливаемые против Духа, и с ними нужно разбираться отдельно. Но ранние защиты, созданные против низших импульсов, имеют тенденцию не пропускать и высшие, и тогда необходима регрессия на службе трансценденции».

«Возвращение назад и демонтаж этих ранних защит, чтобы могло продолжаться более высокое развитие. Я полностью согласен. Проблема состоит в том, что очень немногие подходы возвращаются назад достаточно далеко или достаточно эффективно, чтобы действительно ослаблять и демонтировать эти примитивные защиты и подавления. Я не думаю, что на это способен Алмазный Подход. А большинство школ духовного роста даже не обращаются к этой проблеме, так что они тоже не способны».

«Верно. Почти единственные школы, которые эффективно работают с ранними травмами, — это психология объектных отношений, например Кернберг, и психология самости, например Кохут, а также аналогичные подходы Мастерсона, Стоуна и так далее. Алмазный Подход опирается на эти источники в теоретическом понимании, что замечательно, но он

по-настоящему не использует ни одного из мощных инструментов этих подходов, и это крайне прискорбно».

«Да, это так. И потому ослабление ранних защит, которого он достигает, весьма недолговечно. Однажды, по окончании периода интенсивной работы с помощью Алмазного Подхода, я пребывал в состоянии совершенной Радости в течение двух часов, это было чудесно. Затем это прошло и с тех пор больше никогда не случилось. Это так, будто ты открываешь двери, а они снова захлопываются, как на пружине. Алмазный Подход достаточно мощен, чтобы ненадолго растянуть пружину, но она всегда возвращается в прежнее положение», — заключил Тони.

«И как ты сказал, Тони, практически все школы духовного роста даже не обращаются к этой проблеме — даже не пытаются понимать и демонтировать эти ранние защиты — и потому вообще не растягивают пружину. В результате твое индивидуальное тело-ум не может действительно становиться просторным сосудом для Духа. Твое существо слишком зажато, слишком замкнуто, слишком защищено, чтобы полностью открыться Божественному».

«Согласно твоей системе, Алмазный Подход имеет дело, главным образом с уровнями 7 и 8 — уровнями души», — говорит Тони.

«Да, думаю, так. Что само по себе очень впечатляет. И Хамид, по крайней мере, принимает во внимание обширную теоретическую работу, проделанную на уровнях 1, 2 и 3 в том, что касается ранних объектных отношений и примитивных защитных механизмов. Но, как мы говорили, у Алмазного Подхода, по-видимому, нет инструментов, которые позволили бы добираться до этих ранних повреждений осознания и исцелять их. Но меня очень ободряет то, что они осведомлены о больших исследованиях, выполненных на ранних уровнях, и я приветствую это в своем обзоре».

Затем я рассказал Тони о своей идее «духовных терапевтов общего профиля» — терапевтов полного спектра, которые даже если и не могут самостоятельно проводить все виды терапии, обучены выявлять проблемы, происходящие с любого из уровней спектра сознания, и потому могут направлять своих клиентов к психотерапевтам, духовным учителям, психоаналитикам, йогам и так далее, сосредоточивающимся на тех отдельных уровнях, где у клиента имеются проблемы.

Тони отвечал в своей типичной манере: «Однажды я спросил Хамида, что он делает, когда изучающие Алмазный Поход по-настоящему нуждаются в психотерапии, и он ответил: «О, когда они нуждаются в ней, мы рекомендуем терапевта». Я сказал: «Но они все в ней нуждаются». И это действительно так».

Среда, 23 июля

Получил электронную почту от Лео Бурке из Пекина. Лео возглавляет в «Мотороле» команду, ответственную за подготовку около двадцати тысяч менеджеров по всему миру. Деловая администрация — одна из последних областей, которые я рассматривал, и Лео помог разжечь этот интерес, когда два года назад прислал мне по факсу захватывающее сообщение с блестящим анализом состояния бизнеса в современном мире. Они используют в своих курсах в университете Моторолы мою книгу «Пол, экология, духовность». После факса Лео я стал более непредвзято относиться к почте, приходящей мне от деловых людей со всего мира, и я ожидаю, что этот интерес возрастет после публикации тома 2, где я конкретно рассматриваю техноэкономическую основу социальной эволюции — «бизнес» в широком смысле.

Лео пишет: «Мое собственное путешествие в данный момент интересно. В пятницу, на совещании в Институте Санта-Фе, я поставил такие вопросы: «Какую роль в эволюции нашего вида играют институты торговли, особенно многонациональные корпорации? И способен ли бизнес и в какой степени оказывать поддержку представлениям о человечестве, объединяющим тело, ум и дух на индивидуальном, организационном и социальном уровнях?» Никаких ответов не ожидалось, но постановка вопросов в контексте бизнеса — это небольшой шаг вперед. В то же время любые попытки рассмотрения подобных вопросов весьма слабы, если спрашивающие не имеют фундаментальной приверженности к собственному преобразованию. Разумеется, в конечном счете это должна быть приверженность не к все большему самосовершенствованию, а к подлинному самопревосхождению».

Аминь.

Вторник, 29 июля

Роджер сейчас втянулся в общенациональный спор об астрологии. Мне это очень нравится, поскольку до сих пор только я привлекал на себя массированный огонь приверженцев «новой парадигмы» и идеологии «Нового Века», а теперь и те и другие переключатся на Роджера. Это здорово.

Благослови их Бог, многие пропагандисты «Нового Века», судя по всему, не понимают, что в этой стране существуют не *две* основные группы — рациональная (которой они не доверяют) и нерациональная (которую они защищают). Скорее, есть *три* основные группы —

дорациональная, рациональная и надрациональная. И подавляющее большинство подходов «Нового Века» тяготеет к сползанию в дорациональный лагерь. Что еще хуже, надрациональный лагерь — включая Роджера — в действительности имеет больше общего с рациональным, чем с дорациональным (хотя цель, разумеется, состоит в соединении всех трех).

Поэтому пропагандистов «Нового Века» удивляет, ранит и сердит, когда их начинает критиковать подлинный надрациональный мистик вроде Роджера, поскольку предполагается, что все мы, «нерациональные мистики», должны быть в одной лодке и сражаться с рациональными, конвенциональными, антидуховными противниками. Но надрациональные мистики наиболее упорно сражаются с дорациональной регрессией и только затем с чистой рациональностью, пытаясь открыть тех и других к подлинному надрациональному подходу.

И теперь Роджер оказался прямо на линии огня. Он публично выступает со своей критикой астрологии. По словам Роджера, он пришел к этому выводу, а именно что практически вся традиционная астрология граничит с откровенным вздором в результате систематического изучения огромного количества тщательно контролируемых исследований данного вопроса. Он хотел написать книгу под названием «Мошенничество века», или «Жульничество веков», или что-нибудь вроде этого (но с тех пор уже передумал).

Поэтому «Журнал умозрительных наук»^{27*} пригласил Роджера и Уилла Кипина провести обсуждение этой темы на своих страницах. Уилл — очень знающий автор с легким стилем и продуманной манерой изложения. Он получил физическое образование и первоначально считал астрологию бредом сумасшедшего, но позднее пришел к твердой вере в нее на том же основании, на которое ссылается Роджер: к этому выводу его привели имеющиеся свидетельства. Уилл так много пишет на эту тему, что журнал «Лайф» изобразил его в центральной статье номера, посвященной астрологии, где теоретик убеждает журналиста в ее истинности. Это будет интересный матч достойных противников. По существу, в этой области еще никогда не было ничего настолько похожего на сенсацию в Маниле^{28**}.

Я получаю статьи по мере их написания, и вот как пока обстоят дела. Роджер начал первый раунд с обзора имеющихся исследований: «Большинство людей удивляются, узнав, как много экспериментальных исследований было посвящено астрологии. Имеется более сотни работ, некоторые из которых проводились астрологами или в сотрудничестве

с астрологами. Вместе взятые, они дают достаточно качественный и количественный массив данных для обеспечения строгой оценки достоверности утверждений астрологии».

Что же было обнаружено? — спрашивает Роджер. Вот выдержки из его статьи:

Исследователи изучали пять способностей, которые, по утверждениям астрологов, необходимы для того, чтобы считать астрологию законной.

- В первой группе исследований рассматривалась степень согласия между астрологами при интерпретации одних и тех же карт рождения. Результаты поразительны! *Фактически нет вообще никакого совпадения между интерпретациями одной и той же карты разными астрологами.* Это постоянно обнаруживалось во всех исследованиях, включая те, что проводились экспертами по астрологии, самими астрологами и учеными в сотрудничестве с астрологами.
- Само это открытие уже опустошительно и практически опровергает любые утверждения о надежности или достоверности астрологических интерпретаций. Как заключил один критик: «Если астрологи не могут прийти к согласию даже в отношении того, что *означает* карта рождения, то вся их практика сводится к абсурду».
- Субъекты астрологических интерпретаций не способны найти данные, относящиеся к ним самим среди других профилей, выбранных наудачу. Иными словами, субъекты с тем же успехом могут думать, что профиль другого человека является столь же точным их описанием, как и их собственный.
- Изучение свыше 3000 астрологических предсказаний показало, что их достоверность не выше, чем у случайных догадок или совпадений.
- Свыше трех десятков исследований показывают, что астрологические интерпретации не совпадают и не коррелируют с результатами твердо обоснованных психометрических тестов личности более чем на уровне случайных совпадений. Это происходило даже в тех случаях, когда астрологи

были уважаемыми специалистами, помогали планировать исследование, считали исследование хорошей мерой своего мастерства и выражали высокую степень уверенности в своих интерпретациях.

- Астрологи обычно заявляют, что полная интерпретация карты точнее, чем расчет индивидуальных факторов. Однако исследования никак не подтверждают точность как полной интерпретации, так и расчета индивидуальных факторов.

«Короче говоря, — заключает Роджер, — исследования не обнаруживают никаких фактов в поддержку надежности или достоверности астрологических интерпретаций».

Уух, какое мощное начало! Несколько ошеломляющих ударов. Мы могли бы оказаться в полном нокауте, если бы не весьма необычные исследования Гокелина. Начиная с 50-х годов, французский исследователь Мишель Гокелин в течение нескольких десятилетий проводил исчерпывающий анализ статистических данных, относящихся к астрологии. «К своему удивлению, — указывает Роджер, — анализ все же показал небольшие, но значимые корреляции между успехами в различных профессиональных областях и положением определенных планет при рождении. Например, существует вероятность того, что в момент рождения знаменитых ученых, журналистов и спортсменов планеты Сатурн, Юпитер и Марс соответственно находились непосредственно над горизонтом или в зените неба».

Ууух, тут Роджер сильно открывается, и Уилл сразу пользуется этим. Для начала он указывает на то, что несколько скептически настроенных научных организаций попытались опровергнуть исследования Гокелина, но безуспешно. Глубоко уважаемый авторитет в области статистической психологии Ганс Айзенк так резюмировал, что это означает: «Эмоционально я бы предпочел, чтобы исследования Гокелина не подтвердились, но разумом я должен признать, что они подтверждаются... Мы не можем высказать никаких серьезных критических замечаний в отношении их выводов, методов или статистики. От них нельзя отмахнуться из-за того, что они неприятны или не согласуются с законами сегодняшней науки... Пожалуй, пришло время совершенно недвусмысленно заявить, что рождается новая наука».

Ого! Мощный хук слева в конце первого раунда. Поразительно, но Роджер даже не моргнул. Он начинает второй раунд, прямо соглашаясь

с общими результатами Гокелина. Но, по его словам, все дело в интерпретации.

«Во-первых, схемы Гокелина не соответствуют традиционным астрологическим схемам». Иными словами, если это так, и поскольку исследование Гокелина — это единственное крупное исследование, показавшее достоверность прогнозов, если мы соглашаемся с его результатами, то должны отбросить большую часть традиционной астрологии, поскольку для нее не найдено никакой или почти никакой поддержки. «Во-вторых, результаты Гокелина применимы *только* к знаменитым людям. У тех, кто не достиг такой известности — иными словами, у подавляющего большинства, — не наблюдается никакой корреляции с положением планет при рождении». Снова мощный удар по традиционной астрологии. «В-третьих, корреляции *крайне* малы, около 0,05, а это означает, что они объясняют менее 1% вариабельности». Это значит, например, что вероятность нахождения Марса в нужном положении при рождении у знаменитых спортсменов лишь на 5% выше, чем у других людей. Каков бы ни был эффект, он явно очень слаб. Роджер считает, что «это слишком, слишком мало, чтобы иметь какое бы то ни было значение для астрологических интерпретаций или предсказаний».

Уух. Так кончается второй раунд. Что ни говори, традиционная астрология получила очень крепкую взбучку. Единственные безусловно достойные уважения исследования, на которые могут ссылаться обе стороны, — это исследования Гокелина. Но согласно их результатам, большая часть заявлений традиционной астрологии вообще не выдерживает критики. Уилл утверждает, что *некоторые* из них обоснованны, хотя оба соглашаются, что с зодиакальной и газетной астрологией покончено. Но Роджер возвращается с мощным правым прямым по корпусу: «Вы [Уилл] подразумеваете, что результаты Гокелина поддерживают традиционную астрологию, в то время как я по ряду соображений доказываю, что эти результаты вообще ничего не говорят в пользу конкретных заявлений традиционной астрологии. Действительно, помимо немногих очень общих принципов, которые, как вы утверждаете, он поддерживает (например, что меридиан важен), сам Гокелин совершенно ясно заявлял, что его данные не соответствуют традиционным астрологическим схемам». Затем Роджер делает то, что представляется несомненным выводом, по крайней мере, на данном этапе: «Я подчеркиваю абсолютную необходимость проведения ясного различия между результатами Гокелина и традиционной астрологией», поскольку есть убедительные свидетельства в пользу первых и почти нет таковых в пользу

последней.

Но даже те астральные связи Гокелина, что оказываются верными, очень, очень слабы. Согласно Роджеру, фатально слабы. Но Уилл заявляет, что даже если эти влияния слабы, они представляют собой факт — что Роджер не оспаривает — и потому их *необходимо объяснить*. Опираясь на некоторые из моих идей, Уилл предлагает метод их объяснения. «Следствия [исследований Гокелина] ошеломляющи. Используя понятия Уилбера, можно сказать, что астрология свидетельствует о безграничной «холархии», которая не только объединяет физиосферу, биосферу и ноосферу, как заявляет Уилбер, но делает это в более крупном небесном контексте, который «превосходит, но включает в себя» систему Гайи. Действительно, идя глубже внутрь, мы обнаруживаем более широкое беспредельное: живую «Космическую» холархию, в которой Земля представляет собой всего лишь один из многих более высоких планетарных «суперхолонов». Астрологические транзиты соответствуют эффектам этих небесных суперхолонов, «ограничивающих неопределенность» холонов более низкого уровня, то есть изменяющих структуры вероятности земных событий. Весь процесс в целом не подчиняется механической причинности, а скорее представляет собой объединяющий процесс, который одновременно голографически развертывается на множественных холонных уровнях тем самым давая начало наблюдаемым временным корреляциям».

Уилл точно использует мои термины, что впечатляет; и я нахожу его теорию правдоподобной. Однако я полагаю, что в рамках той же «уилберовской» схемы существует еще одно объяснение, которое более понятно.

Вопрос в том, имеем ли мы дело с восходящей или с нисходящей причинностью? Иными словами, порождаются ли эти слабые астральные влияния на уровне Мировой Души («небесных суперхолонов») и затем налагаются на меньшие холоны отдельных человеческих существ за счет «нисходящей причинности» или «нисходящего влияния», как считает Уилл? Или они действуют на чисто физическом уровне — физические планеты влияют на физическое человеческое тело, — и последнее оказывает мягкое «восходящее влияние» на появление более высоких уровней, включая эмоции и ум? Я сильно подозреваю последнее, и вот по каким причинам.

Во-первых, как отмечают и Уилл, и Роджер, эти влияния очень, очень слабы. Это часто указывает на восходящее, а не на нисходящее влияние. Нисходящее влияние нередко бывает очень сильным, почти

причинным. Например, когда более высокий холон «Я» решает двинуть более низкий холон — мою руку, все молекулы моей руки подчиняются и движутся. Двигутся не 5% из них, они *все* движутся как миленькие.

Во-вторых, есть тот интересный факт, что астральные ассоциации Гокелина не соблюдаются при стимулированных родах или кесаревом сечении. Что же это за «Космический суперхолон», который зависит от кесарева сечения?

В-третьих, эти астральные ассоциации действуют только для знаменитых людей. Это крайне убедительный, и, на мой взгляд, решающий момент, и его очень трудно объяснить, если считать, что влияния исходят с уровня Мировой Души. Если Мировая Душа или Космический суперхолон шутя видоизменяет вероятность более низких холонов, то почему это делается только для выдающихся, могучих и знаменитых?

Но эти астральные ассоциации с известностью становятся понятными, если они исходят с физического уровня и оказывают свое относительно слабое восходящее влияние на более высокие уровни эмоций и ума (и черт характера), поскольку следует ожидать, что только *самые сильные* из этих уже слабых сил будут иметь вообще какое бы то ни было заметное влияние. То есть только действительно сильным влияниям удастся преодолеть ослабление, которое происходит при восходящем влиянии: низшему приходится из всех сил бороться, чтобы не принимать во внимание высшее, или оказывать на него решающее влияние. У среднего человека, который предположительно не получает очень большой дозы этих заведомо слабых астральных сил, такие едва заметные влияния должны полностью рассеиваться.

Заканчивая третий раунд, я должен сказать, что Роджер нанес сокрушительный удар большей части типичной астрологии. Сам я, уже некоторое время оставаясь агностиком в этом вопросе, нахожу многие из его доводов неотразимыми. И Уилл соглашается, что зодиакальной астрологии, астрологии внешних планет и газетной астрологии пришел конец. Так что это чистый нокаут всем этим формам типичной астрологии.

Однако оба согласны, что астральные ассоциации Гокелина реальны, но очень слабы: 0,05 — это просто слишком мало, чтобы об этом много рассуждать. Однако, как указывают Уилл и Айзенк, эта аномалия разрушительна для любого мировоззрения, которое не может ее объяснить. И Уилл, и я согласны, по крайней мере на данном этапе, что на это способна только какая-то разновидность холонической (или холархической) концепции. Раньше я думал, что это объяснение

должно исходить с уровня Мировой Души (или суперхолона психического уровня), но теперь я полагаю, что самое вероятное объяснение связано с воздействием на физическом уровне — физических планет на физические человеческие тела, — и оно переносится через посредство восходящего влияния в ходе развития на более высокие уровни эмоций и ума (возможно, посредством гравитационного/гормонального взаимодействия, либо геомагнитного/нейронного взаимодействия, либо их сочетания), причем только самые сильные из относительно слабых сил сохраняются в наблюдаемых формах как известность в различных областях.

Мой знак Зодиака — Водолей, хотя я пытаюсь его законным образом изменить. Посмотрим, что говорится в моем гороскопе на сегодняшний день. «У прекрасного создания, за которым я наблюдаю, по-видимому, развивается наркотическая зависимость от блаженства. Здесь роскошная и чувственная обстановка. Воздух насыщен сочными феромонами. И в то же время присутствует безошибочно *священное* ощущение. Не исключено, что Водолей готов побить все предыдущие рекорды Духовного Роста под Влиянием Вожделения».

Я беру свои слова назад — я верю всему, что касается знаков Зодиака.

АВГУСТ

Что такое мир? Вечное стихотворенье,
Из которого льется теплое сияние Божьего духа,
Сверкает и пенится вино мудрости,
И звучит для нас голос любви.

Гуго фон Хофманшталь

Новый дух, становясь более сознательным, все более способен превращать моменты созерцания в один момент, в постоянное видение.

Пит Мондриан

Суббота, 2 августа

«Привет, Кен, это Френсис».

«О, привет, Френсис. Теперь, когда Роджер на целый месяц уехал заниматься медитацией, тебе стало чуть легче дышать?»

«Слишком много дел. Я только что вернулась с ежегодной конференции Ассоциации Трансперсональной Психологии».

«Они попросили тебя выступить с заключительным словом».

«Да. Я приехала накануне и общалась со старыми друзьями, что было

очень славно и навевало ностальгические воспоминания. Впервые я была здесь на конференции 32 года назад! Это было большое событие в моей жизни; оно буквально изменило мою жизнь. Хьюстон Смит, Джим Фейдимэн, первоначальный состав ассоциации. Во всяком случае, я увиделась с одним из тех людей и была очень рада встретиться с ней спустя столько лет. Это была Лаура Хаксли».

«Ты шутишь!»

«Ей, должно быть, за восемьдесят, она очень маленькая и хрупкая, но полная жизни. Она говорила мне о том, как ей нравятся мои работы, я говорила, как я восхищалась ее работами, это было очень мило».

«Как прошло выступление?»

«Вполне хорошо, я говорила о творчестве».

«Готов спорить, это было лучше, чем просто хорошо».

«Творчество может быть для людей способом устанавливать связь со своим духовным разумом, так что я говорила об этом. Это было интересно».

«Как обстоят дела с Всемирным форумом?»

Аппарат Всемирного форума — весьма замечательная организация, основанная Джеймсом Гаррисоном и Михаилом Горбачевым; в него входят Десмонд Туту, Эли Уизел, Джеймс Бейкер, Йен Сад от, Тед Тернер и сотни других известных людей. В этом году форум будет проходить с 4 по 9 ноября в Сан-Франциско. Френсис попросили подготовить сессию на тему «Разум и эволюция»; она разделила ее на три подсессии: «Человеческий разум и эволюция», «Практика и внутренняя работа» и «Наследие мудрости». Она собрала звездный состав участников для первых двух, но с последней, которая планировалась как совет старейшин для обсуждения значения наследия и традиции, дело не ладилось.

«Все хорошо, кроме Наследия Мудрости. Некоторые из участников, как Рам Дасс, больны, а другие, как Хьюстон, мудро решили не приезжать. Они слишком мудры, чтобы быть частью шоу о мудрости, так что я не знаю, что делать!»

Впрочем, Френсис справится, ей всегда это удается.

Воскресенье, 3 августа

Как правило, люди ощущают себя пойманными в ловушку жизнью, вселенной, поскольку воображают, что они на самом деле находятся во вселенной, и потому вселенная способна прихлопнуть их, как букашку. Это не так. Не вы во вселенной" — вселенная в вас.

Типичный ход рассуждений таков: мое сознание находится в моем теле

(главным образом в голове); мое тело находится в этой комнате, а комната — в окружающем пространстве, то есть вселенной. Это верно с точки зрения эго, но абсолютно неверно с точки зрения Самости.

Если я пребываю как Свидетель, как бесформенное «Я-Я», становится очевидно, что в данный момент я не нахожусь в своем теле — мое тело находится в моем осознании. Я осознаю свое тело, следовательно, я — не мое тело. Я — чистый Свидетель, в котором сейчас возникает мое тело. Не я нахожусь в своем теле — мое тело находится в моем сознании. Поэтому *будьте* сознанием.

Если я пребываю как Свидетель, как бесформенное «Я-Я», становится очевидно, что в данный момент я не нахожусь в этом доме — этот дом находится в моем осознании. Я — чистый Свидетель, в котором сейчас возникает этот дом. Не я нахожусь в этом доме — этот дом находится в моем сознании. Поэтому *будьте* сознанием.

Если я смотрю из этого дома на окружающую местность — скажем, это земля, уходящая к горизонту, большой кусок неба, другие дома, дороги и автомобили, — короче говоря, если я смотрю на открывающуюся передо мной вселенную и если я пребываю как Свидетель, как бесформенное «Я-Я», становится очевидно, что в данный момент я не нахожусь во вселенной — вселенная находится в моем осознании. Я — чистый Свидетель, в котором сейчас возникает эта вселенная. Не я нахожусь во вселенной — вселенная находится в моем сознании. Поэтому *будьте* сознанием.

Верно, что физическая материя вашего тела находится внутри материи дома, а материя дома — внутри материи вселенной. Но ваше существо не исчерпывается чисто физическим аспектом. Кроме этого, вы — Сознание, как таковое, для которого материя служит всего лишь внешней оболочкой. Эго принимает точку зрения материи и потому постоянно пребывает в плену материи, пойманное в ловушку и истязаемое физикой боли. Но боль тоже возникает в вашем сознании, и вы можете либо быть в боли, либо находить боль в себе, так что вы окружаете боль, вы больше, чем боль, вы превосходите боль, пребывая в бескрайнем просторе чистой Пустоты, которая представляет собой вашу глубинную и подлинную сущность.

Так что же я вижу? Если я сжимаюсь до эго, кажется, будто я заключен в теле, которое заключено в доме, который находится в окружающей его огромной вселенной. Но если я пребываю как Свидетель — бескрайнее, открытое, пустое сознание, — становится очевидно, что не я нахожусь в теле, в тело во мне; не я нахожусь в доме, а дом во мне; не я нахожусь во вселенной, а вселенная во мне. Все это возникает в бескрайнем, открытом, пустом, светящемся Пространстве изначального

Сознания прямо сейчас, и прямо сейчас, и вовеки прямо сейчас.
Поэтому *будьте* Сознанием.

Понедельник, 4 августа

Митч только что вернулся с конференции по Духовному Разуму, организованной Френсис и проходившей в Фетцере. Он считает, что она была интересной и во многом полезной, но могла бы выиграть от немного более критического и скептического подхода. Френсис знала об этом мнении Митча — нашего знаменитого скептика, как называет его Кейт Олсон, — и потому в последний день предложила ему высказать свои соображения.

«Так как это все прошло?» — спросил я по телефону.

«Там был Стэн Гроф. Он рассказывал о своей последней книге «Космическая игра». Он сказал, что ты ему помогал».

«Не совсем. Только чуть-чуть. Он прислал мне рукопись, и оказалось, что на самом деле это были две книги вперемешку, так что я предложил их разделить, и это вышло гораздо лучше. Он согласился, и теперь «SUNY» публикует первую книгу. Это действительно исключительно важная работа и еще один вариант Великой Цепи Бытия, на этот раз разработанный современными методами. Как бы то ни было, как проходил последний день со всем твоим скепсисом и прочим?»

«Кое-кто из нас коснулся темы похищений НЛО, и некоторые люди просто не хотели, чтобы их верования подвергали сомнению. Один из них сказал: «Каждый год сообщается о более чем десяти тысячах похищений. Вы думаете, все эти люди просто все выдумывают?» «Ну конечно», — ответил я. Это не имело большого успеха».

«Могу себе представить».

«Я порой бываю слишком скептическим, но некоторые из этих людей, судя по всему, полностью лишены такой способности. Что весьма прискорбно, поскольку эта область и так достаточно безумна, чтобы примешивать к ней еще и похищения НЛО. И если ты им не веришь, они считают тебя больным, антидуховным и т.п. Но тот факт, что десять тысяч человек утверждают, будто их похищали, вовсе не может служить убедительным доказательством».

«Согласен. Только за последний год сообщалось о полутора тысячах случаев, когда люди видели Элвиса. Я полагаю, это должно означать, что Элвис жив и здоров и наносит все эти визиты. Это *не* доказательство».

Немного поговорив с Митчем о его планах посетить меня, мы попрощались.

Похищения НЛО. Я смотрел ток-шоу Джона Мака с несколькими «похищенными». Было болезненно ясно, что происходит. Все эти люди были «похищены» и подвергнуты физическому обследованию; им ввели анальный зонд и взяли пробы спермы или яйцеклеток. И потом — это была главная сцена, мрачная кульминация галлюцинации — им показали их сыновей и дочерей, полученных путем перекрестного оплодотворения их сперматозоидов/ яйцеклеток с клетками чужаков. Иными словами, эти люди были отцами и матерями новой расы, которая должна заселить Землю. И как раз тут потрясающий нарциссизм становится, пожалуй, слишком очевидным. Мне вовсе не хочется быть грубым, но не перестаешь думать, что если эти люди — родители новой расы, то нас ждут крупные неприятности. Как если бы ваши родители были двоюродными братом и сестрой.

Я не сомневаюсь, что, когда люди помнят о том, что их «похищали», этот опыт кажется им абсолютно реальным (большинство выдержали бы проверку на детекторе лжи). И он *действительно* реален — как опыт, как феноменология, но *не* как онтология, не как объективная реальность. Так что имеется *феноменология* (или сам опыт) и то, как вы *интерпретируете* опыт. И для этой интерпретации — как в случае любой интерпретации — вам необходимо опираться на всю совокупность имеющихся данных — а это именно то, чего *не* делают те, кто верит в этот опыт. И, по-видимому, особенно Мак.

Отражает ли какой-либо опыт НЛО более высокие реалии? Теоретически возможно, что некоторые из этих переживаний происходят с психического или тонкого уровней сознания (уровни 7 и 8) и что именно потому, что эти люди не развиваются и не дорастают непосредственно до этих уровней, они воспринимают их как «другого». Вместо переживания своей собственной более глубокой и более высокой сияющей природы, они проецируют ее вовне в чуждой форме. Даже если это так, эти люди все равно страдают диссоциативной патологией. В любом случае здесь нечем хвастаться.

Как обычно, все выдает нарциссизм. Его разоблачил комик Деннис Миллер: «Только человек — достаточно нарциссичный вид, чтобы думать, что высокоразвитые инопланетяне будут лететь за многие миллиарды световых лет — команда чужаков, столь разумных, столь умудренных и абсолютно безразличных ко всему, что они не испытывают никакой необходимости снабжать свой космический корабль окнами, чтобы можно было смотреть на все небесные красоты, — но затем, сразу после приземления, их первым побуждением будет лезть к какой-нибудь деревенщине в задницу с фонариком».

Чего в действительности хотят люди, думая о НЛО? Какое страстное

желание скрывается за мыслью о чем-то внеземном? Конечно же они хотят чего-то большего, чем они сами. Они хотят знать, что во всем огромном, удивительном космосе есть что-то, кроме их жалких эго. Да, есть.

Вторник, 5 августа

Только это приветствует меня этим утром; только это, его собственное наблюдение; только это, нет ничего другого; только это, звук хлопка в ладоши одной рукой, то есть звук *Одного Вкуса*. Тонкое и причинное могут быть столь непостижимыми и святыми. Один *Вкус* столь жалко очевиден и прост.

Морин Сайлос прислала мне свою докторскую диссертацию «Экономическое образование и политика знания в Карибском бассейне» — она только что получила степень в Калифорнийском университете (УКЛА). Мы с Морин начали переписываться в прошлом году, когда она написала, что применяет мои идеи «к проблемам развития третьего мира». Я связал ее с несколькими людьми, в том числе с Майклом Мак-Дермотом, который занимается аналогичной работой в Свазиленде. Морин родилась и выросла на Карибах; ее принадлежность к черной расе делает ее идеально подходящей для того, чтобы иметь дело с этими трудными, деликатными и, казалось бы, неразрешимыми проблемами. Первоначально она обратилась ко мне в состоянии легкого раздражения, вызванного антиэволюционной и открыто реакционной позицией своего якобы «либерального» и «прогрессивного» консультативного комитета — позицией, которая в действительности является нормой в постсовременной флатландии и особенно в ее университетах, где верность умеренному эгалитаризму (храняемая только интеллектуальной элитой!) в действительности препятствует внутреннему развитию сознания как на индивидуальном, так и на культурном уровне, которое одно способно устранить столь многие из этих бед.

Морин смело берется за эти проблемы, частично основываясь на моей работе, но значительно выходя за ее рамки в своих дополнениях и приложениях. Результаты впечатляют. Для начала она указывает, что «Эволюция считается табу в антропологии и у прогрессивных представителей общественных наук [вследствие] специфической реакции прогрессивных кругов Запада на социальный дарвинизм, расизм, Холокост и разнообразные теории, подразделяющие человеческих существ на низших или высших от природы. Несмотря на то что эта реакция понятна, ее результаты оказываются губительными для

социальных наук, поскольку теперь мы сталкиваемся с массовой враждебностью по отношению к культурной эволюции».

Далее она пишет: «Ученым стран Карибского бассейна и остального третьего мира, перенимающим идеи Запада, необходимо осознавать социальные причины массового отказа прогрессивных западных социологов от понятия культурной эволюции, поскольку эта позиция, хотя она и продиктована наилучшими намерениями, создает «крайне странную ситуацию вбивания опасного клина в самую середину космоса: все нечеловеческое претерпевает эволюцию, а все человеческое — нет». Поэтому я пытаюсь проводить различие между обоснованными и необоснованными аспектами понятия культурной эволюции, поскольку это единственный подход, который дает мне возможность *понимать* природу разногласий между мировоззрениями в Карибском бассейне *и* приводить доводы в пользу вертикального измерения развития культуры и сознания, основанного на эволюционной модели созерцательных традиций Востока и Запада».

Превосходно. Морин продолжает: «Идея эволюции культур, сознания и мировоззрений необходима, поскольку без нее не видится никакой альтернативы представлению о том, будто с появлением либерально-демократических индустриальных западных обществ человечество достигло конца истории. Это для меня неприемлемо. Возможно ли что-то лучшее и как к нему прийти оттуда, где мы находимся?» Достаточно. Она утверждает, что, вопреки господствующей точке зрения постсовременной флатландии, культурная эволюция не только *не является* этноцентричным или евроцентричным понятием, но и представляет собой единственный выход из скрытого этноцентризма большей части «прогрессивных» кругов западных общественных наук, фактически препятствующего культурной эволюции, которая одна способна превзойти этноцентризм. Иными словами, несмотря на свое благородное желание уничтожить угнетение, противники культурной эволюции сами составляют часть того самого заболевания, которое они так яростно обвиняют.

Но мы должны проводить различие между обоснованными и необоснованными теориями культурной эволюции, и здесь Морин отчасти касается моей работы: «Таким образом, чтобы выступать в пользу культурной эволюции, в пользу лучших и более высоких способов бытия в мире и познания мира, нежели существующая гегемоническая модель, мы нуждаемся в «наборе принципов, которые могут объяснить *и* прогресс, *и* регресс, светлые и темные стороны, подъемы и спады эволюционного процесса, который тем не менее действует в людях так же, как и в остальном космосе». Уилбер

обсуждает пять таких принципов в своей книге «Око Духа». Вот они: диалектика прогресса; различие между дифференциацией и диссоциацией; различие между превосхождением и подавлением; различие между естественной иерархией и патологической иерархией; и тот факт, что низшие импульсы могут реквизируют высшие структуры».

Затем Морин дает умный, временами блестящий анализ культурных условий и будущего стран Карибского бассейна. В письме она пишет: «В этом семестре я преподаю два курса в УКЛА — «Социология образования» и «Индивидуальность, действие и социальное преобразование в африканской диаспоре». Последний основан на вашей работе. Студентам он по-настоящему нравится. Но у некоторых вызывает проблему тот факт, что вы почти не упоминаете исламскую или африканскую философию. Акцент на восточных религиях слегка расстраивает...»

Хорошее замечание. Мне нужно более недвусмысленно подчеркивать, что я опирался на африканскую и исламскую религию, в особенности на суфизм и на шаманизм Центральной Африки. В прошлом я был склонен упрощать, говоря о «самом лучшем с Запада» — представленного по большей части неоплатониками — и «самом лучшем с Востока» — представленного в основном Индией (индуизмом и буддизмом). Но явно не будет вредно более конкретно говорить о многообразных источниках, которыми я в действительности пользуюсь.

«Я поставила своей задачей поместить африканскую мысль в вашу схему таким образом, чтобы это не укрепляло расизм и не было соскальзыванием к идеализации доколониальной Африки» — другими словами, проходило посередине между *подавлением*, с одной стороны, и *регрессией*, с другой, — то, как избежать и того и другого составляет основную тему моей работы. «Моей первой попыткой будет сделать лекцию под названием «Религия, духовность и социальное преобразование в африканской диаспоре». Я слегка нервничаю, поскольку это будет серьезная критика попыток обосновывать африканскую самобытность на древнеегипетской мысли. Я также буду говорить о необходимости эволюционной точки зрения на сознание и духовность и о том, как это связано с социальным преобразованием». Такой смелости можно позавидовать!

«Далее я планирую заняться научной работой в Центре исследований стран Тихоокеанского бассейна при УКЛА, где я буду повторять свой Карибский проект для развивающейся экономики стран Восточной Азии, продолжая свои попытки теоретизировать сложную взаимосвязь

между культурным контекстом (сознанием) и совершенством экономики. В 1998 г. я надеюсь посетить Индонезию, Тайвань и Малайзию, чтобы провести опрос среди профессионалов в области экономики, бизнеса и политики».

Удачи, Морин Сайлос.

Среда, 6 августа

Умер Уильям С. Берроуз. С его смертью не стало знаменитой тройки «битников» — Керуака, Гинсберга, Берроуза.

Гинсберг закончил свою жизнь учеником Тругпа Ринпоче; наши пути то и дело пересекались, особенно в связи с Институтом Наропы, где в его честь названо новое здание библиотеки. Каждый раз, встречаясь со мной, он спрашивал, можно ли ему потрогать мою бритую голову; я всегда говорил — да, и он всегда был очень доволен. Больше всего мне нравилась в Аллене не его поэзия — я понимаю, что кощунствую, — а то, как он читал свои стихи; наблюдать это было нескончаемым удовольствием. Он был кипучим водоворотом веселой энергии, блаженством, упакованным, перевязанным ленточкой и щедро предлагаемым аудитории.

В «битниках» я любил не их сочинения, а их театр — разумеется, театр их самих, но исполняемый с бравадой, необычной даже для шестидесятых. Их жизни были нескончаемой драмой порой смешного, порой гротескного искусства перформанса, начавшейся, заметнее всего, со случайного убийства Берроузом своей жены при попытке сбить выстрелом стакан с ее головы; продолжившейся в ужасной смертельной агонии Керуака, ставшего опустошенным алкоголиком и закончившейся приходом Гинсберга к религии, главная цель которой состоит в разрушении деятельности эго и которая, при успешной практике, уничтожила бы смысл его жизни.

Это был спектакль, подобный которому мы не скоро увидим снова. Учитывая смерть Тимоти Лири и инсульт Рам Дасса, я боюсь, что мое поколение теперь официально начинает свое траурное шествие. В последние годы было множество пятидесятилетних юбилеев — и началась волна смертей. Теперь это длинный, медленный пологий путь к последнему исходу, по крайней мере на этот раз. И найдем ли мы великое Нерожденное — чрево святых, мудрецов и бодхисаттв — или мы найдем только самих себя?

Воскресенье, 10 августа

Очень раннее утро, наверное, часа три. Скольжу по поверхности тонкой сферы — по границе между каузальным бесформенным глубокого сна и тонкой формой состояния сновидения. Из чистой, бесконечной, бесформенной черноты — и в то же время живой и молчаливо сознательной, сияюще чистой пустоты — возникает тончайшая форма, порой светящееся бело-голубое вздымающееся облако, порой бесконечный импульс тончайшего блаженства. Странно, что подобное блаженство в действительности представляет собой шаг вниз. В то же самое время оно просто сосуществует с Пустотой; на этом этапе это Форма Пустоты; но за всем этим и все время есть *только это*.

Вторник, 12 августа

Семинар для студентов Института Наропы. На этот раз главной темой, которую подняли несколько студентов, был яркий антиинтеллектуализм, который обычно процветает во многих духовных и контркультурных организациях. «Интеллектуальному» противопоставляется «эмпирическое»; последнее ценят, первое порочат. Если вы попытаетесь дать чему-либо интеллектуальное объяснение, то вас, как сказал один студент, «едва не распинают на месте». Считается, что вы должны быть *эмпирическим*, а не интеллектуальным, абстрактным или концептуальным. Считается, что вы должны исходить из сердца, а не из головы; ваш центр должен быть в теле, а не в уме. Эмпирическое духовно, что хорошо; интеллектуальное — это эго, аналитическое и разделяющее и «заведомо полностью плохое».

Все это — отвечал я — полное непонимание и эмпирического, и духовного. Вот несколько выдержек.

К.У.: Мы говорили об эмпирическом. Опыт, переживание — это просто еще одно название *осознания*. Если я переживаю свое тело, это означает, что я осознаю свое тело. Конечно, вы можете осознавать свое тело, но вы также можете осознавать свой ум — вы прямо сейчас можете замечать все мысли, представления и образы, проплывающие перед внутренним взором вашего ума. Иными словами, вы можете *переживать свой ум*, осознавать свой ум. И это очень важно — быть способным переживать свой ум непосредственно, точно, глубоко, поскольку, только направляя осознание на ум, вы можете начать превосходить ум и освобождаться от его ограничений. Когда это начинает происходить — обычно при медитации или созерцании, — у вас могут быть даже более высокие переживания, духовные переживания, мистические переживания — сатори, кеншо, самадхи,

унио мистика и так далее. Можно было бы сказать, что вы способны осознавать дух, переживать дух, хотя и более недвойственным образом. Таким образом, вы можете переживать тело, ум и дух. Все это является *эмпирическим*. Поэтому вы, пожалуй, можете начать понимать, почему сведение эмпирического *только к телу*, только к телесным ощущениям, чувствам, эмоциям, побуждениям и так далее представляет собой серьезную ошибку. Это весьма плачевный редукционизм. Он отрицает более высокие эмпирические реалии ума и духа: он отрицает интеллект и буддхи (пробужденный ум), высшее умозрение, и воображение, и сновидение; высшую рациональную проницательность, и перспективизм, и моральную глубину; высшее бесформенное осознание и глубокие состояния созерцания — все это отрицается или подвергается сведению.

Как вы понимаете, тело, по своей основе, нарциссично и эгоцентрично. Телесные ощущения относятся только к *вашему* телу, и точка. Телесные чувства не могут принимать на себя роль другого — это способность *ума*, — и потому телесное чувственное осознание не может участвовать в любви и сострадании, этическом дискурсе и духовности Я-Ты — все это требует когнитивного, умственного, интеллектуального осознания. В той мере, в какой вы «находитесь в своем теле» и «антиинтеллектуальны», вы остаетесь в орбите своего собственного нарциссизма.

Такова первая ошибка этого предубеждения «эмпирическое в противовес интеллектуальному» — все эмпирические модусы сводятся только к телесным переживаниям, что составляет суть эгоцентризма. Вторая ошибка состоит в том, что затем духовные переживания сводятся к телесным переживаниям. Считается, что если вы постоянно сосредотачиваетесь на своем теле, на своих чувствах, то они служат вратами к духовности, поскольку они превосходят ум. Но телесные чувства и ощущения вовсе не надрациональны, они дорациональны. Сосредоточиваясь только на теле, вы не превосходите ум, а находитесь ниже его. Вы не трансцендируете, а регрессируете, становитесь все более нарциссичным и эгоцентричным, замыкаясь на своих собственных ощущениях. И это, и ничто другое, препятствует настоящим духовным переживаниям, поскольку подлинная духовность возможна только при «отказе от ума-тела», то есть если вы перестаете исключительно отождествляться как с чувствами тела, так и с мыслями ума, а этого вы не способны делать, если просто «остаетесь в теле».

Так что всякий раз, когда кто-то советует вам быть «эмпирическим», а не «интеллектуальным», вы можете быть почти уверены, что они делают эти две простые, но важнейшие ошибки. Они берут

переживания тела, ума и духа и заявляют, что реальны только телесные переживания — самая низшая из эмпирических областей! — а затем они сводят духовные переживания к телесным переживаниям. И то и другое крайне плачевно.

Но на самом деле все обстоит еще хуже. Хотя мы можем точно говорить о телесных, умственных и духовных переживаниях, вся суть тут в том, что *наивысшие духовные состояния — это даже не переживания*. Переживания по самой своей природе временны, они приходят, ненадолго остаются, а затем уходят. Но Свидетель — это не переживание. Он осознает переживания, но сам ни в коей мере не носит эмпирического характера. Свидетель — это беспредельная открытость и свобода, в которой переживания возникают и в которую они уходят. Но сам Свидетель никогда не входит в поток времени — он осознает время, — и потому он никогда не входит в поток опыта.

Так что даже в этом случае говорить, что Дух имеет эмпирическую (а не интеллектуальную) природу, — значит полностью извращать Дух, поскольку Дух — это не преходящее переживание, а бесформенный Свидетель всего опыта. Оставаться привязанным к переживаниям — значит никогда не познать Дух.

СТУДЕНТ: Но в теле все же есть «ощущаемые смыслы», которые важны.

К.У.: «О, безусловно, и их необходимо *интегрировать* с умом и духом. Но называть «духовностью» одни лишь такие телесные чувства — это искажение.

СТУДЕНТ: Почему оно так распространено?

К.У.: Поскольку эта телесная способность уже есть у всякого. Осознание тела было доступно вам с детства. Каждый может переживать тело, так что у вас накопился успешный опыт сосредоточения на теле. Но если бы вы проводили семинар на тему «Давайте испытаем нирвикальпа самадхи» — подлинное духовное состояние, — то для этого среднему человеку требуется как минимум пять лет. Для этого не годится популярный воскресный семинар! Поэтому невозможно с легкостью рекламировать эти подлинно духовные сферы — сбыт находят только быстрые измененные состояния, которые приходят или уходят, или простые телесные переживания, которые любой уже может испытывать достаточно легко. Точно так же, если вы руководите учебным заведением, существование которого зависит от денег учеников, вы немного заработаете, если будете специализироваться на подлинных тонких, каузальных и недвойственных состояниях сознания, — вы не можете себе позволить ждать пять или десять лет, пока занятия принесут плоды и вам

заплатят! Поэтому существует скрытое, но сильное давление, направленное на то, чтобы предлагать эти меньшие, даже регрессивные состояния, называть их «духовностью» и делать свой бизнес. При таком подходе у вас почти стопроцентные шансы на успех, поскольку практически каждый может обнаружить те или иные ощущения, телесные эмоции или осознание тела, тогда как лишь очень немногие способны, не сходя с места, продемонстрировать сатори. Итак, все довольны, все считают себя «эмпирическими» и «исходящими из сердца», а не из «мерзкого интеллекта», а потому «духовными». Ой-ёй. СТУДЕНТ: Значит осознание тела бесполезно?

К.У.: О, я не хочу, чтобы у вас создавалось такое впечатление. Установление контакта с телом играет очень важную роль, которую, пожалуй, можно объяснить так. В ходе человеческого роста и развития сознание начинается с отождествления главным образом с телом — с витальной и сенсомоторной сферой. Примерно в 2 или в 3 года начинает возникать ум, и к 6 или 7 годам сознание начинает отождествляться с расширенной перспективой, которую он предлагает. Вспомните, что чувственное тело доконвенционально и эгоцентрично, поскольку оно не может принимать на себя роль другого. Но с появлением ума сознание может переключаться с *эгоцентрических на социоцентрические* модусы осознания, то есть эволюционировать от *объективного «я» до «мы»*. Ум превосходит и включает в себя тело, и потому ум может осознавать и «я», и «мы».

Но если имеет место патология — и здесь решающее значение имеют работы Фрейда, — то ум не просто *превосходит и включает* в себя тело, он *подавляет* тело, отрицает тело, отчуждает и отделяет от себя тело. Говоря конкретнее, некоторое умственное понятие, или идея, или суперэго подавляет или отрицает некоторое телесное чувство, побуждение или инстинкт, нередко секс или агрессию либо иногда жизненность тела в целом. И такое подавление тела умом порождает разнообразные виды неврозов, эмоциональных расстройств, телесного отчуждения и бесчувственности к жизни.

Поэтому одна из первых вещей, которые делаются в терапии — в «раскрывающих терапиях», — состоит в том, чтобы ослабить барьер подавления/вытеснения, позволить себе почувствовать свое тело, свои чувства, свои эмоции и попытаться понять, почему вы их подавляли. Затем вы должны *подружиться* с этими потерянными чувствами и воссоединить их с умом-эго, сформировав более здоровый и точный образ себя.

Но тот факт, что вы восстановили контакт с телом и его чувствами и это заставило вас чувствовать себя живым, энергичным, сияющим —

это прекрасно, это то, что и должно было случиться. Вы восстанавливаете связь со своими органическими корнями, своей жизненной силой. Но многие затем ошибочно заключают, что сами телесные чувства каким-то образом принадлежат к *более высокой* реальности, чем ум-эго, что совершенно неправильно. Они так считают потому, что чувствуют себя намного лучше после восстановления связи с телом. Но нам необходимо восстанавливать связь с телом не потому, что это более высокая реальность, а потому, что это низшая реальность, ставшая жертвой ужасного обращения со стороны высшей. Поэтому мы временно регрессируем к телесным ощущениям, которые подверглись отчуждению, — «регрессия» означает просто переход на более низкий уровень в иерархии сознания — и воссоединяемся с этими потерянными чувствами. Это регрессия на службе более высокого развития.

Таким образом, результатом этого более высокого развития становится интеграция ума и тела — то, что я называю кентавром, в котором человеческий ум и животное тело едины. Но многие телесные терапевты полностью путают этот интегрированный союз ума и тела с *одним лишь* телом. Эту путаницу можно найти у таких авторов, как Александр Лоуэн, Ида Рольф и Стэнли Келеман. Они часто возвеличивают тело до статуса кентавра (или объединенного ума-тела), и можно догадаться, что они это делают, по тому, что они практически ничего не говорят об уме, как таковом, уме как уме — о рациональной этике, перспективизме, постконвенциональной морали, взаимопонимании и так далее. То, что они называют союзом ума и тела, в действительности представляет собой всего лишь набор глубинных телесных ощущений. Это до/над заблуждение в миниатюре — оно путает постконвенционального кентавра с доконвенциональным телом, и эта путаница характерна для большинства школ телесной терапии.

В любом случае и терапия, и медитация часто *начинаются с тела* и телесного осознания, поскольку большинство людей действительно утратили связь со своими корнями. Но ни эффективная терапия, ни настоящая медитация *не остаются* на уровне осознания тела. В эффективной терапии вы, со временем, должны переходить к *когнитивному и умственному* опыту и начинать понимать, почему вы вообще подавляли тело и некоторые из его ощущений. Прогресс в терапии происходит, только когда вы перестаете отреагировать свои отчужденные побуждения на телесном уровне и превращаете их в психологический инсайт.

Так же и с настоящей медитацией. Хотя она нередко начинается с осознания тела — сосредоточения на дыхании, на телесных ощущениях

и так далее, она скоро переходит к исследованию *умственного опыта* и самого потока ума. Она переходит от грубого тела и сенсомоторного мира к ментальному и тонкому миру. Только путем исследования тонких ограничений в потоке ума — и особенно тонкого ограничения, известного как чувство своей отдельности, — самоотождествление человека может распространяться с тела-ума на сам Дух. Его личная тождественность с организмом включается в тождественность со Всем. Таким образом, тело никогда не бывает забыто. Его превосходит и включает в себя ум, который превосходит и включает в себя Дух. Тело — это фундамент и исходная позиция. Но если вы просто остаетесь в нем, то полностью блокируете ум и Дух. Вы достигаете Нирманакайи (тела формы), но не Самхогакайи (тонкой сферы), Дхармакайи (каузальной Пустоты) и Свабхавикайи (недвойственной Таковости). Но коль скоро вы включаете тело в эти более высокие стадии и сферы, они, как правило, распространяются вниз и буквально преобразуют само физическое тело. Кто знает, возможно, вы даже начнете светиться в темноте. Тело приобретет необычную и запоминающуюся красоту и в любом случае станет прозрачным сосудом для изначального Духа, каковым вы вечно являетесь.

Пятница, 15 августа

Ричард Дж. Юнг, один из руководителей Центра Созерцательного Христианства и издатель журнала «Пути: журнал психологического и духовного преобразования», опубликовал рецензию на «Око Духа». Она очень забавна. В середине написано следующее: «Почему я такой поклонник этого уклончивого бунтаря, который никогда не читает лекции и не проводит медитативные семинары, редко дает интервью и из кожи вон лезет, чтобы отбить у всякого охоту считать его духовным учителем? Очень просто. Я надеюсь подбить его на интервью для «Путей».

Я послал в «Пути» факс — «Ладно, уговорили».

Суббота, 16 августа — Денвер

Мы с Марси провели день в Денвере, гуляя, покупая ей кое-какую обувь и наслаждаясь легкостью бытия. Марси — милый, замечательный человек. Она ежедневно работает с недоразвитыми людьми; я видел, как она общается с этими слабоумными, они ласковые и непосредственные, но недостаточно знают, чтобы вести ужасный образ жизни цивилизованных людей, а потому нуждаются в присмотре.

Они пускают на нее слюни, они цепляются за нее, требуя ее внимания, они плачут, и кричат, и вопят — и она никогда не отворачивается от них, никогда не испытывает отвращения. Она обнимает их и говорит, что все будет хорошо, и они верят ей, они тянутся к ней, они надеются на нее, и у них есть для этого очень веская причина: она их не оставит, и они это знают.

Она принята в Корпус мира, куда ей предстоит поступить в феврале будущего года. Но она передумала, несомненно, отчасти из-за наших отношений; но также, что не менее важно, потому, что ей предложили должность руководителя отдела маркетинга организации, которая заведует несколькими приютами, где она работает. Это была неожиданная и прекрасная возможность. Она будет по-прежнему работать в организации, занимающейся оказанием помощи, и это то, чего ей хочется, но эта работа также позволит ей выплачивать кредиты за обучение и т.п. Это означает, что наши отношения не должны будут закончиться в феврале; я испытываю эгоистическую радость.

Любовь к конкретному человеку становится сияющей, когда она возникает в Пустоте. Это по-прежнему любовь, она остается глубоко личной и очень конкретной; но это волна, которая возникает из океана бесконечности. Как будто из огромного океана любви встает волна, и эта волна несет силу и возбуждение всего океана в каждом своем обрушивающемся гребне. Ощущение такое, будто ранним утром наблюдаешь восход солнца в пустыне: бескрайний, открытый, прозрачный голубой простор, в котором на горизонте возникает яркий красно-желтый огонь. Ты — бесконечное небо Любви, в котором возникает отдельный огненный шар личной любви.

Очевидно одно: бесконечная любовь и личная любовь не являются взаимоисключающими — последняя представляет собой просто отдельную волну бесконечного океана. Когда рано утром я, проснувшись, лежу рядом с ней, занимаясь медитацией, в созерцании, по существу, ничего не меняется, кроме одного: на краю моего осознания присутствует блаженство всего тела, парадоксально неуловимое, но глубокое. Это сексуальная энергия, воссоединившаяся со своим источником в тонкой области тела-ума. Нередко в ходе медитации я слегка касаюсь ее; это, несомненно, замыкает энергетический контур, и она тоже может это чувствовать.

Но это то, что могут делать друг для друга мужчины и женщины (а также партнеры, представляющие мужское и женское начало в парах другой сексуальной ориентации), и именно то, что составляет ядро Тантры: очень конкретное, телесно ощущаемое соединение мужчины и женщины — это соединение Эроса и Агапе, Восхождения и

Нисхождения, Пустоты и Формы, Мудрости и Сострадания. Не теоретически, но конкретно, в реальном распределении потоков праны или энергии в самом теле. И именно поэтому в самых высочайших тантрических учениях (ануттаратантра йоге) одной лишь визуализации сексуального соединения с божественным супругом недостаточно для окончательного просветления. Нет, для предельного просветления необходим реальный партнер — реальный секс, — чтобы завершить контуры, способствующие распознаванию уже-просветленного ума.

Понедельник, 18 августа

Только что закончил телефонный разговор с профессором Сарой Бейтс, которая использует «Краткую историю Всего» и «Око Духа» в качестве текстов для своих курсов по искусству и туземным культурам. Она преподает в Университете Флориды, но сейчас приглашена читать лекции в Университете Сан-Франциско, откуда она мне и звонила. Сара — индианка чероки; она и две ее подруги — одна хопи, другая мохаве — образовали дискуссионную группу, занимающуюся вопросами культурологических исследований, искусства и туземных сообществ. По ее словам, они используют мою работу из-за ее межкультурного и интегрального характера.

«Что вы думаете об этом новом интересе к духовности американских индейцев?» — спросила она.

«Мне кажется, что белые представители среднего класса делают с верованиями коренного населения некоторые весьма странные вещи».

«И не говорите. Вся эта романтизация верований индейцев плачевна. Потому что этих романтических воззрений просто не существует; безусловно, не существует сейчас и, возможно, не существовало никогда. Но теперь многие индейцы их поддерживают».

«Да, это странно. Многие индейцы соглашались с вариантом индейской духовности, придуманным белым человеком. Это совершенно непонятно».

«У меня был опыт, — говорит Сара, — прямого и непосредственного общения с внутренним Светом. Это распространенный тип духовного опыта в моей традиции. Один из моих коллег спросил: «Считаете ли вы, что нужно быть чероки, чтобы иметь этот опыт?» Он, конечно, думал, что я отвечу «Да», но я сказала: «Нет, разумеется нет!»

Сара намекает на то, что крайний постмодернизм теперь скатился к весьма плачевному эссенциализму: нужно быть женщиной, чтобы знать *что бы то ни было* о женщинах; нужно быть индейцем, чтобы говорить что-либо об индейцах; нужно быть геем, чтобы иметь возможность

объяснять что-либо, касающееся гомосексуализма. Иными словами, налицо регрессия от мирозцентрического к этноцентрическому, господствует политика самобытности, и крайний плюрализм означает, что ни у кого из нас больше нет вообще ничего общего.

Как пишет Дэвид Берреби в «The Sciences» в этой регрессивной атмосфере «у американцев есть стандартная схема культурно-политического самоотождествления. Вы начинаете с убеждения, что принадлежность к вашей группе представляет собой особый опыт, отделяющий вас от тех, кто в нее не входит (даже близких друзей и родственников), и объединяющий вас с другими членами группы (даже если вы с ними не знакомы). Далее вы полагаете, что ваши собственные личные схватки, унижения и триумфы в борьбе со своей судьбой — это вариант борьбы группы в обществе. Личное — это политическое. В-третьих, вы считаете, что у вашей группы есть интересы, которые остаются без внимания или встречают противодействие, и потому надо предпринимать действия, например, изменять то, какой видится группа тем, кто в нее не входит». Дело не в том, что такие действия плохи. Просто взятые сами по себе и в отдельности они вызывают массовое отчуждение и разделение; это своего рода *патологический плюрализм*, поразительно верящий, что притягия моей группы можно достичь путем агрессивного осуждения и обвинения как раз той группы, у которой я добиваюсь притягия.

С другой стороны, истинный плюрализм это всегда *универсальный* (или интегрально аперспективный) *плюрализм*: вы начинаете с общих черт и глубинных структур, которые объединяют человеческих существ — все мы страдаем и торжествуем, смеемся и плачем, чувствуем удовольствие и боль, удивление и сострадание; все мы обладаем способностью формировать образы, символы, понятия и правила; у всех нас 208 костей, две почки и одно сердце; все мы открыты к Божественной Основе, как ее ни называть. И затем вы добавляете к этому все замечательные различия, поверхностные структуры, культурно конструируемые варианты и т.д., которые делают все различные группы — и всех различных индивидуумов — непохожими, особыми и уникальными. Но если вы начинаете с различий и плюрализма, так и не добиваясь до всеобщего, то получаете только аперспективный, а не интегрально-аперспективный подход, то есть получаете патологический плюрализм, аперспективное безумие, возрождение этноцентризма, регрессивную катастрофу.

Разумеется, нет ничего плохого в том, чтобы особо выделять любую группу, которую вы считаете важной. Но становится невозможно определять эту группу как «угнетаемых», поскольку теперь всякая

группа заявляет, что ее угнетают, и ни одна не признает себя «угнетателем». Белые мужчины обычно были «плохими парнями», но теперь поветрие распространилось даже на них. Белые мужчины больше не составляют единую группу, которую можно винить в угнетении, поскольку большинство из них теперь сами претендуют на принадлежность к угнетаемой или маргинализируемой группе: они — наркоманы, физически неполноценные, алкоголики, подвергались сексуальным злоупотреблениям в детстве, росли без отца, их похищали инопланетяне или держат под каблуком женщины. Они не могут никого угнетать, поскольку слишком заняты подавлением самих себя. Кроме того, согласно эссенциализму, вы не можете ничего сказать о белых мужчинах, если только вы сам не белый мужчина. Так что можно не обращать внимания на все, что говорят о белых мужчинах феминистки, и спросить у самих белых мужчин, угнетатели ли они. Они говорят — нет. Значит, дела обстоят так: мы — нация жестоко угнетаемых групп, но без единой угнетающей группы. Вот так ловкий трюк.

Разумеется, это просто еще одно название для нарциссизма. Каковы бы ни были мои проблемы, они происходят не от меня. Они происходят от Другого, который всегда «Плохой Парень». Настоящее издевательство состоит в то, что случаи подлинного угнетения, когда женщине, гомосексуалисту, чернокожему, индейцу, белому мужчине не дают хода исключительно из-за этноцентрических или *групповых* предубеждений, — эти случаи теряют всю свою остроту, поскольку они тонут в тысяче других голосов, которые все вопят об угнетении, чтобы объяснить самые тривиальные и зачастую неизбежные превратности жизни.

Таким образом, Сара здесь берет курс на универсальный плюрализм, а не этноцентрический плюрализм, и это вселяет невероятный оптимизм. «Так что я сказала ему: «Нет, я не считаю, что нужно быть чероки, чтобы иметь такое внутреннее озарение». Я, безусловно, не думаю, что эти внутренние переживания представляют собой культурные построения, а как по-вашему?»

«Нет, не полностью. Культурная конструкция представляет собой в лучшем случае один из четырех секторов (Нижний Левый). Я же стараюсь выделять в этих переживаниях, например в видении внутреннего озарения, универсальные или *глубинные черты*, которые оказываются весьма сходными, где бы они ни появлялись. Но все они имеют различные *поверхностные черты*, которые действительно варьируют от культуры к культуре, так что определенное культурное конструирование все же имеет место, но далеко не в такой степени, как

считают крайние постмодернисты».

«Но присутствуют ли эти культурные поверхностные структуры даже в момент непосредственного общения с этим внутренним существом Света?»

«Я полагаю, что в определенной степени да. Например, когда эти переживания происходят в Тибете, внутреннее существо никогда не выглядит как Иисус из Назарета. Точно так же, если это переживание происходит у христианина, внутреннее существо редко имеет четыре руки, что совершенно обычно в Тибетском варианте, например Ченрези».

«Я понимаю — значит, даже в момент непосредственного опыта культурный фон играет какую-то роль».

«Да, вплоть до полного прекращения, но, как вы говорите, не нужно быть чероки, чтобы иметь переживания такого типа. Тот факт, что они *частично* формируются культурой, не означает, что они *всего лишь* продукт вашей культуры или подоплеку вашей группы. Эта точка зрения крайнего конструктивизма — ужасное извращение религиозного опыта. Она сводит все духовные реалии всего-навсего к символам, созданным людьми. Не люди создают Дух — Дух создает людей! Я полагаю, что крайние конструктивисты слегка путают голову с хвостом. Так или иначе, я думаю, что полезно подчеркивать как универсальные или глубинные черты этих переживаний, так и культурные поверхностные черты и местные варианты. И то и другое очень важно».

«Но это как раз то, чем занимаемся мы с друзьями. Мы хотим объяснять наши традиции, но мы также хотим согласовывать их с другими традициями».

Так продолжалась наша дискуссия. Сара высказала кое-какие острые критические замечания в адрес экопсихологии («она, по существу, не учитывает внутреннее измерение»), теории искусства, которая в действительности игнорирует искусство («они говорят обо всем, кроме искусства»), плачевного состояния крайнего постмодернизма («повсюду одни осколки»), а также обесценивания эстетики в пользу языка «оно» («антропология ставится выше искусства»). Она собирается прислать мне кое-какие из своих работ по эстетической теории, а также некоторые свои художественные работы. Она мне по-настоящему нравится; я рад, что мы поддерживаем связь.

Вторник, 19 августа

«Внутренние Направления» выпускают новое издание «Бесед со Шри

Раманой Махарши», которые представляют собой основной источник учений этого замечательного мудреца. Они попросили меня написать предисловие, и я согласился. Я не думаю, что Раману можно было бы назвать образцовым представителем интегрального воззрения; однако его собственное Самопостижение — или распознавание всегда-уже истины Свидетеля и его вездесущей основы в Одним Вкусе — остается непревзойденным.

Я включил в предисловие несколько указующих инструкций, которые я давал на одном из семинаров для Института Наропы, и это оказалось вполне уместным. Институт Наропы назван в честь знаменитого индийского учителя и махасиддхи Наропы (XI в.), игравшего заглавную роль в университете Наланда, который в свое время был одним из величайших в мире учебных центров, где проходили обучение свыше 10 000 студентов. В этот же период — с VIII по XI в. — в Индии происходил величайший расцвет Недвойственной традиции, какой когда-либо видел мир. Это Недвойственное видение — в форме Веданты, шиваизма, буддизма Махаяны и Ваджраяны — составляет драгоценный дар Индии всему миру, и оно нашло свое чистейшее, самое изящное, самое блестящее выражение в простом мудреце из Аруначала.

МУДРЕЦ XX СТОЛЕТИЯ

Меня часто спрашивают: «Если бы вы оказались на необитаемом острове и имели только одну книгу, что бы это было?» Книга, которую вы сейчас держите в руках — «Беседы со Шри Раманой Махарши» — это одна из двух или трех книг, которые я всегда называю. И «Беседы» возглавляют этот список: они представляют собой живой голос величайшего мудреца XX века и, бесспорно, величайшее духовное постижение всех времен.

Одна из многих поразительных особенностей этих «Бесед» состоит в твердости их тона, стиля, самого голоса, не в смысле строгости и постоянства, а скорее в том, что он с первого до последнего слова говорит с совершенной зрелостью. Как будто — нет, это безусловно так — постижение пришло к Рамане полностью сформировавшимся — или, быть может, следует говорить полностью бесформенным — и потому не нуждалось в дальнейшем росте. Он просто говорит от лица и в качестве абсолюта, Самости, чистейшей Пустоты, которая составляет цель и основу всего проявленного мира и не отличается от этого мира. Рамана, вторя Шанкаре, говорил:

Мир иллюзорен;

Один Брахман реален;

Брахман и есть мир.

Именно это глубокое постижение отделяет подлинное просветление Раманы от многих сегодняшних претендентов на трон — глубинной экологии, экофеминизма, возрождения Гайи, культа Богини, экопсихологии, теории систем, концепций «паутины жизни», — никто из которых не понял первые две строки и потому, вопреки их сладким заверениям, по-настоящему не понимает третью. И именно всем тем, кто таким образом влюблен только в проявленный мир — от капиталистов до социалистов, от загрязнителей окружающей среды до борцов за ее сохранение, от эгоцентристов до экоцентристов, — так отчаянно необходимо услышать послание Раманы.

Что из себя представляет и где находится эта Самость? Как можно пребывать в качестве Этого? Нет сомнений в том, как Рамана отвечал бы на эти — и практически все другие — вопросы: кто хочет это знать? Что в вас в этот самый момент осознает эту страницу? Кто такой Познающий, который познает мир, но сам не может быть познан? Кто Слышащий, который слышит пение птиц, но сам не может быть услышан? Кто видящий, который видит облака, но сам не может быть увиден?

И так возникает самоисследование — особый дар Раманы миру. У меня *есть* чувства, но я — не эти чувства. Кто же я? У меня *есть* мысли, но я — не эти мысли. Кто же я? У меня *есть* желания, но я — не эти желания. Кто же я?

Так вы отступаете к источнику своего осознания — к тому, что Рамана часто называл «Я-Я», поскольку оно осознает обычное «я», или эго. Вы отступаете к Свидетелю, к «Я-Я», и вы обосновываетесь как Это. Я — ни объекты, ни чувства, ни желания, ни мысли.

Но затем люди делают в этом самоисследовании весьма плачевную ошибку. Они думают, что если они пребывают в Самости или Свидетеле, то должны что-то увидеть или что-то почувствовать — нечто по-настоящему удивительное, особое, духовное. Но вы ничего не увидите. Если вы что-то видите, то это всего лишь еще один объект — еще одно чувство, еще одна мысль, еще одно ощущение, еще один образ. Но все это — объекты; это то, чем вы *не* являетесь.

Нет, когда вы пребываете в Свидетеле, сознавая: я — не объекты, я — не чувства, я — не мысли, все, что вы заметите, — это ощущение Свободы, ощущение Освобождения, ощущение Избавления — избавление от ужасного ограничения отождествления с этими ничтожными маленькими конечными объектами — вашим маленьким телом, и маленьким умом, и маленьким эго; все это объекты, которые могут быть видимы и потому не являются подлинным Видящим,

истинной Самостью, чистым Свидетелем — тем, что вы есть на самом деле.

Так что вы не увидите ничего особенного. Что бы ни возникало, так оно и должно быть. Облака проплывают в небе, ощущения проплывают в теле, мысли проплывают в уме, и вы можете без усилий свидетельствовать все это. *Все* это спонтанно возникает в вашем собственном наличном расслабленном, пассивном осознании. И само это свидетельствующее осознание не что-то конкретное, что вы можете видеть. Это просто огромное фоновое ощущение Свободы — или *чистой Пустоты*, — и в этой чистой Пустоте, каковой вы являетесь, возникает весь проявленный мир. Вы — эта Свобода, Открытость, Пустота — а не любая из крошечных вещей, которые в ней возникают. Пребывая в этом пустом, свободном, расслабленном, пассивном свидетельствовании, замечайте, что облака возникают в безбрежном пространстве вашего осознания. Облака возникают в вас настолько, что вы можете пробовать их на вкус, вы едины с облаками, они так близко, как если бы они были по эту сторону вашей кожи. Небо и ваше осознание стали одним, и все в небе без усилий проплывает в вашем собственном осознании. Вы можете целовать солнце, глотать горы — они так близко. Дзен говорит: «Выпей Тихий океан одним глотком» — и это легче всего на свете, когда внутреннее и внешнее более не различны, когда субъект и объект недвойственны, когда и смотрящий, и то, на что он смотрит, — это Один Вкус. И потому:

Мир иллюзорен, что означает — вы вовсе не какой бы то ни было объект; ничто видимое не обладает окончательной реальностью. Вы — *нети, нети*, ни то, ни это. И вы ни при каких обстоятельствах не должны основывать свое спасение на том, что конечно, временно, переходяще, иллюзорно, усиливает страдание и вызывает муку.

Реален один Брахман, реальна только Самость (неопределимый Брахман-Атман) — чистый Свидетель, вневременное Нерожденное, бесформенный Видящий, радикальное «Я-Я», сияющая Пустота — вот что реально, и это все, что реально. Это ваше состояние, ваша природа, ваша сущность, ваше настоящее и ваше будущее, ваше желание и ваша судьба, и в то же время это всегда вездесуще, как чистое Присутствие, одно, которое Одно.

Брахман и есть мир, Пустота и Форма недвойственны. *После* того как вы постигли, что проявленный мир иллюзорен, и *после* того как вы постигли, что реален один Брахман, *тогда* вы сможете видеть, что абсолютное и относительное недвойственны, тогда вы сможете понять, что нирвана и самсара недвойственны, тогда вы сможете постичь, что Видящий и все видимое недвойственны, Брахман и мир недвойственны

— и все это на самом деле означает звук пения вон тех птичек. Весь мир Формы существует не где-нибудь, а в вашем наличном Бесформенном Осознании: вы можете выпить Тихий океан одним глотком, поскольку весь мир буквально существует в вашей чистой Самости, вездесущем великом «Я-Я».

И наконец, что самое важное, Рамана напомнил бы нам, что чистой Самости — и, следовательно, великого Освобождения — *невозможно достичь*, как нельзя обрести свою ногу или свое легкое. Вы уже осознаете небо, вы уже слышите звуки вокруг, вы уже свидетельствуете этот мир. Просветленный ум или чистая Самость в этот самый момент уже налицо на 100% — не на 99%, а на 100%. Как постоянно указывал Рамана, если Самость (или знание Самости) представляет собой что-то возникающее — если ваше постижение имеет начало во времени, — тогда это всего лишь еще один объект, еще одно преходящее, конечное, временное состояние. Нельзя достичь Самости — Самость читает эту страницу. Не существует поисков Самости — она смотрит вашими глазами в этот самый момент. Не существует обретения Самости — она читает эти слова. Вы просто абсолютно не можете обрести то, чего вы никогда не утрачивали. И если вы что-то обретаете — сказал бы Рамана, — это очень мило, но это — не Самость.

Поэтому я позволю себе дать вам совет перед тем, как вы будете читать слова величайшего мудреца мира: если вы думаете, что не понимаете Самость или Дух, тогда пребывайте в том, что не понимаете, и как раз это и есть Дух. Если вам кажется, что вы не вполне «улавливаете» Самость или Дух, то пребывайте в том, что не вполне его улавливаете, и как раз это и есть Дух.

Таким образом, если вы думаете, что понимаете Дух, то это — Дух. Если вы думаете, что не понимаете его, то это — Дух. И потому мы можем закончить величайшим и самым тайным посланием Раманы: трудно не обрести просветленный ум, а избежать его. По словам дорогого Учителя:

Нет ни созидания, ни разрушения,
Ни судьбы, ни свободной воли;
Ни пути, ни достижения;
Это окончательная истина.

Среда, 20 августа

Встал немного раньше, чем обычно, так что смог закончить намеченное на день чтение, прежде чем приехали Митч и его новая любовь Фрида. Специально для тома 2 я сейчас просмотрел около пятисот книг, и

примерно столько же осталось — по антропологии, экологии, феминизму, постмодернизму, культурологии, постколониальным исследованиям, — и подавляющее большинство из них, увы, чрезвычайно нудны. Это усугубляется тяжеловесно-неразборчивым стилем; можно читать целые главы и не найти ни одной понятной фразы; текст душит своей незначительностью. В лучшем случае повествование в какой-то затхлой летаргии едва тащится по серой странице, всегда на грани околомертного опыта.

Четверг, 21 августа

Фрида просто прелесть. Привлекательная, очень умная, очень открытая, очень восприимчивая. Рядом с ней Митч буквально загорается, что меня очень радует. В среду вечером у нас была вечеринка в честь Митча; несколько человек хотели встретиться с ним, а несколько других хотели встретиться со мной, так что я пригласил их всех, решив убить нескольких зайцев одной вечеринкой.

И теперь они уехали. Было здорово видеть их вместе. Мне кажется, это надолго. Шива и Шакти всегда находят друг друга, и кто бы мог подумать?

Понедельник, 25 августа

Звонила Сара Бейтс и оставила сообщение, приглашая меня принять участие в конференции, организованной Художественной комиссией Сан-Франциско и Обществом изучения американских индейцев. Она сказала милейшую вещь: «Из всех, кого я недавно читала, вы единственный человек, который действительно полностью понимает межкультурное интегративное видение». Что еще лучше, она прислала мне несколько фотографий своих художественных произведений, и они очень красивы. На фотографиях можно видеть выложенные на земле большие (3, 5 м) мандалы, которые Сара построила из сотен разнообразных объектов и материалов, как природных, так и сделанных человеком. Ее искусство представляет собой своеобразное соединение и включение модернистских тем (абстрактные рисунки), постмодернистских тем (полиперспективность) и традиционных тем (в ее случае тем американских индейцев).

В народе чероки семь кланов — клан Волка, клан Оленя, клан Красной Боли, клан Обманщиков, Голубой клан и клан Дикого Картофеля. Сара из клана Волка, и потому она включает элементы этого клана в свое искусство. Но что привлекает меня в ее работах — это то, как она

использует элементы, представляющие коллективное и взаимосвязанное человечество — снова не этноцентрический плюрализм, а универсальный плюрализм. Вот выдержка из одного из ее буклетов: «Многие художники опираются на историю, чтобы рассказывать о своей частной реальности американского индейца, или женщины, или художника в обстановке истории искусства. Они изо всех сил стараются описать, что выделяет их из других людей [групповой или этноцентрический плюрализм]. Бейтс вместо этого решила использовать историю и философию своего наследия американских индейцев, и в частности народа чероки, для того чтобы говорить, как мы похожи, и описывать нашу *взаимосвязанность*» — мироцентрический или универсальный плюрализм. Это такой бальзам для наших разобщенных душ, для кошмара политики индивидуальности, политики нарциссизма, политики жалости к себе. Абсолютно чудесно, что Сара выражает в своем искусстве универсальный плюрализм и сражается с модными, но отвратительными тенденциями этноцентрического плюрализма и экстремистского разнообразия.

Пятница, 29 августа

Есть великолепная рок-группа под названием «Лив»; ее солист — Эд Ковальчук. Их компакт-диск «Швыряя медяк» разошелся в количестве более пяти миллионов экземпляров; это одна из моих любимых записей. Они дают концерт в наших местах, и Эд позвонил, чтобы спросить, нельзя ли ему ненадолго зайти ко мне — на него явно произвела большое впечатление «Краткая история». Я сказал: конечно заходи.

Эду двадцать шесть лет, он очень способный, красивый и по-настоящему милый. Ему присуща сильная склонность к религиозной духовности, и он все в большей степени хочет выражать это в своей музыке. И он, и его подружка Эрин — приятные искренние люди. Мы провели вечер втроем, и я обещал следить за его успехами в сочинении более духовной музыки.

Марси гостит у своих родителей в Пенсильвании и сказала, что она *по-настоящему* расстроена тем, что не смогла познакомиться с Эдом, не меньше, чем разлукой со мной.

Воскресенье, 31 августа

БИЛЕТ В АФИНЫ

«ПУТИ»: Почему Дух вообще дает себе труд проявляться, особенно когда это проявление неизбежно мучительно и требует, чтобы Он забыл свою подлинную сущность? Почему Бог воплощается?

К.У.: О, я вижу, вы начинаете с легких вопросов. Ладно, я дам вам несколько теоретических ответов, которые я получил в течение прошедших лет, а затем поделюсь своим личным опытом, как он есть.

На самом деле я задавал этот же вопрос нескольким духовным учителям, и один из них дал быстрый классический ответ: «Неинтересно обедать в одиночестве».

Я полагаю, что это звучит легкомысленно или непочтительно, но, чем больше думаешь об этих словах, тем более осмысленными они начинают казаться. Что, если мы, просто шутки ради, притворимся — вы и я всего на мгновение кощунственно притворимся, — что мы и есть Дух, *Тат Твам Аси*? Почему вы, будь вы Всемогущим Богом, почему вы стали бы проявлять мир? Мир, который, как вы говорите, неизбежно будет миром разделенности, смятения и страдания? Почему вы, как Единый, вообще стали бы давать начало Многому?

«ПУТИ»: Неинтересно обедать в одиночестве?

К.У.: Не становится ли это похожим на правду? Вот вы, Один и Единственный, Одинокий и бесконечный. Что вы будете делать дальше? Вы целую вечность купаетесь в своей собственной славе, вы века за веками наслаждаетесь своим собственным наслаждением, и что дальше? Рано или поздно вы, возможно, решите, что было бы забавно — просто *забавно* — притвориться, что вы — это не вы. Я имею в виду — а что вам еще делать? Что еще вы *можете* делать?

«ПУТИ»: Проявлять мир?

К.У.: Вы так не думаете? Но затем это начинает становиться интересным. В детстве я, бывало, играл в шашки сам с собой. Вы когда-нибудь пробовали это делать?

«ПУТИ»: Да, я вспоминаю что-то в этом роде.

К.У.: Ну и как, получалось?

«ПУТИ»: Не совсем, поскольку я всегда знал, каким будет ход моего «противника». Я играл за обе стороны и потому не мог «застать врасплох» самого себя. Я всегда знал, как буду ходить за обе стороны, так что это, по сути, не было игрой. Чтобы играть в игру, вам нужен кто-то «еще».

К.У.: Да, проблема именно в этом. Вам нужен «другой». Поэтому если вы — единственное Существо во всем бытии и вам хочется *играть* — вы хотите играть в любого рода игру, — то вам приходится принимать на себя роль другого и *забывать*, что вы играете за обе стороны. Иначе, как вы сказали, играть неинтересно. Вам приходится притворяться

другим игроком с такой убежденностью, что вы забываете о том, что играете все роли. Если вы не забываете, тогда нет игры, она просто неинтересна.

«ПУТИ»: Так что, если ты хочешь играть — насколько я знаю, на Востоке это называется *лила*, — тебе приходится забывать, кто ты есть. Амнезия.

К.У.: Да, я думаю, так. И именно в этом суть ответа, который дают мистики всего мира. Если ты — Единый и тебе — от абсолютной избыточности, полноты, сверхизобилия — хочется играть, радоваться, забавляться, то ты должен вместо этого во-первых, проявить Многих, а затем, во-вторых, забыть, что ты и есть Многие. Иначе не будет игры. Проявление, воплощение — это великая Игра Единого, ради интереса и забавы притворяющегося Многими.

«ПУТИ»: Но это не всегда забавно.

К.У.: И да, и нет. Проявленный мир — это мир противоположностей: удовольствия и боли, верха и низа, добра и зла, субъекта и объекта, света и тени. Но если ты собираешься играть в великую космическую Игру, ты сам все это затеваешь. Как же иначе? Если нет ни частей, ни игроков, ни страдания, ни Многих, то ты просто остаешься Единым и Единственным, Одиноким и Отчужденным. Но обедать в одиночку неинтересно.

«ПУТИ»: Таким образом, начать игру проявления — значит, дать начало миру страдания.

К.У.: Начинает быть похоже на то, не так ли? И мистики, по-видимому, с этим согласны. Но существует выход из этого страдания, способ быть свободным от противоположностей, и он связан с непреодолимым и непосредственным постижением того, что Дух — это не добро в противоположность злу, или удовольствие в противоположность боли, или свет в противоположность тени, или жизнь в противоположность смерти, или целое в противоположность части, или синтез в противоположность анализу. Дух — это великий Игрок, который в равной мере дает начало всем этим противоположностям — «Я, Господь, проливаю Свет и на хорошее, и на дурное; Я, Господь, совершаю все это», — и с этим соглашаются мистики всего мира. Дух — не хорошая половина противоположностей, но основа *всех* противоположностей, и наше, так сказать, «спасение» состоит не в том, чтобы найти хорошую половину дуализма, а в том, чтобы отыскать Источник обеих половин дуализма, ибо это то, чем мы поистине являемся. Мы — обе стороны великой Игры, поскольку мы — вы и я, в глубочайших уголках самой нашей Самости — создали *обе* эти противоположные стороны, чтобы насладиться великолепной игрой в

космические шашки.

Во всяком случае, это тот «теоретический» ответ, который почти всегда дают мистики. Как сказано в *Упанишадах*, «недвойственность» означает «быть свободным от пар». То есть великое освобождение состоит в избавлении от пар противоположностей, избавлении от двойственности — и в нахождении, вместо этого, Одного Вкуса, который дает начало тому и другому. Это *освобождение*, ибо мы просыпаемся от невозможного, мучительного сна, в котором мы тратим всю жизнь, пытаясь отыскать верх без низа, внутреннее без внешнего, добро без зла, удовольствие без неизбежной боли.

«ПУТИ»: Вы сказали, что у вас есть и более личный ответ.

К.У.: Да, такой, как есть. Помню, что, когда я впервые, хотя и обрывочно, пережил *нирвикальна самадхи* — что означает медитативное погружение в бесформенное Единое, — у меня было смутное чувство — очень слабое, едва заметное, — что мне не хочется быть одиноким в этом чудесном просторе. Я помню очень рассеянное, но очень настойчивое ощущение желания разделить его с кем-нибудь. Таким образом, что делать в этом состоянии одиночества?

«ПУТИ»: Проявлять мир.

К.У.: Так мне кажется. И я знал, пусть и по-дилетантски, что, если бы я вышел из этой бесформенной Единственности и узнал мир Многих, я бы *страдал*, поскольку Многие всегда причиняют друг другу боль, равно как и помогают друг другу. И знаете что? Я был рад отказаться от покоя Единого, даже хотя это означало боль многих. Хотя это лишь крохотный кусочек того, что видели великие мистики, но мой ограниченный опыт, судя по всему, подтверждает их заявление: Ты — Единый, добровольно дающий начало Многим — боли и удовольствию и всем противоположностям, — поскольку ты выбираешь не оставаться в совершенном одиночестве Бесконечности и потому, что ты не хочешь обедать один.

«ПУТИ»: А боль, которая с этим связана?

К.У.: Выбирается *добровольно*, как часть необходимой Игры Жизни. Нельзя иметь проявленный мир без всех противоположностей удовольствия и боли. И чтобы избавиться от боли — греха, страдания, *дукхи*, — ты должен *вспомнить*, кто и что ты есть на самом деле. Это вспоминание, припоминание, анамнезис — «Делай это в Напоминание обо Мне» — означает «Делай это в Напоминание о Самости, которой Ты являешься» — Тат Твам Аси, Ты Есть Это. Великие мистические религии всего мира состоят из ряда сложных практик для усмирения маленького «я», которым мы притворяемся, которое вызывает ту боль и страдание, что вы чувствуете, и пробуждения в качестве Великой

Самости, составляющей нашу подлинную основу, цель и участь, — «Да пребудет в тебе это сознание, что было в Иисусе Христе».

«ПУТИ»: Происходит ли это постижение по принципу «все или ничего»?

К.У.: Обычно нет. Часто это происходит в виде ряда проблесков Одного Вкуса — мимолетных впечатлений того, что ты един с абсолютно всем проявлением, в его хороших и плохих аспектах, в холоде и жаре, восхищении и боли. Ты — Космос, в *буквальном* смысле. Но ты начинаешь понимать этот факт во все больших проблесках бесконечности, каковой ты являешься, и ты осознаешь, почему именно ты начал эту чудесную, ужасную Игру Жизни. Но в конечном счете это абсолютно не жестокая Игра, поскольку ты, и один ты, затеял эту Драму, эту *Лилу*, этот Кенозис.

«ПУТИ»: Но как насчет того мнения, что эти переживания «Одного Вкуса» или «Космического Сознания» представляют собой просто побочный эффект медитации и потому не являются «по-настоящему реальными»?

К.У.: Ну, это можно сказать о любом виде познания, которое зависит от инструмента или прибора. «Космическое сознание» часто зависит от инструмента медитации. Ну и что? Возможность видеть ядро клетки зависит от микроскопа. Разве мы из-за этого говорим, что клеточное ядро нереально, поскольку оно представляет собой всего лишь побочный продукт микроскопа? Разве мы говорим, что луны Юпитера нереальны, поскольку они зависят от телескопа? Те, кто высказывает это возражение, — это почти всегда люди, не желающие использовать инструмент медитации, точно так же, как церковники отказывались посмотреть в телескоп Галилея и таким образом признать луны Юпитера. Пусть они живут со своим отказом. Но давайте мы — в полную меру своих способностей и, как можно надеяться, движимые лучшими побуждениями милосердия и сострадания — постараемся уговорить посмотреть, только один разок, и увидеть собственными глазами. Я подозреваю, что для них мог бы открыться другой мир, мир, существование которого в избытке подтверждается всеми, кто смотрит в телескоп и микроскоп медитации.

«ПУТИ»: Не могли бы вы рассказать...

К.У.: Если мне позволено перебить вас, вы не возражаете, если я приведу одну из моих любимых цитат из Олдоса Хаксли?

«ПУТИ»: Пожалуйста.

К.У.: Это из «В последнее лето умирает лебедь».

«Мне нравится, чтобы слова, которые я употребляю, имели какое-то отношение к фактам. Вот почему меня интересует

вечность — психологическая вечность. Потому, что это — факт».

«Для вас — возможно», — сказал Джереми.

«Для всякого, кто решит выполнить условия, при которых это можно пережить».

«А почему кто-то должен хотеть их выполнить?»

«А почему кто-то решает поехать в Афины и увидеть Парфенон? Потому, что это стоит хлопот. И то же самое верно в отношении вечности. Опыт вневременного блага стоит всех усилий, с которыми он связан».

«Вневременное благо, — с отвращением повторил Джереми. — Я не знаю, что означают эти слова».

«А откуда вам знать? — сказал м-р Проптер. — Вы так и не купили свой билет в Афины».

«ПУТИ»: Так, значит, созерцание — это билет в Афины?

К.У.: Разве вам так не кажется?

«ПУТИ»: Безусловно. Интересно, не могли бы вы чуть-чуть рассказать нам о вашем собственном билете в Афины? Не могли бы вы немного рассказать об истории вашего собственного опыта медитации? А также, что такое «интегральная практика» и что она предлагает современному духовному искателю?

К.У.: Ну, что касается моей собственной истории, я не уверен, что смогу сказать что-нибудь значительное достаточно кратко. Я занимаюсь медитацией уже 25 лет, и мне кажется, что мои переживания не так уж сильно отличаются от опыта многих других людей, идущих по сходному пути. Но я постараюсь кое-что рассказать об «интегральной практике», поскольку подозреваю, что ей может принадлежать будущее. Идея очень проста, и Тони Шварц — автор книги «Что действительно важно: поиски мудрости в Америке» — резюмировал ее как попытку «поженить Фрейда и Будду». Но в действительности это означает просто попытку объединить достижения западной «глубинной психологии» с «высотной психологией» великих традиций мудрости — попытку соединить «ид» и Дух, «тень» и Бога, либидо и Брахмана, инстинкт и Богиню, низшее и высшее, — какие бы термины вы ни предпочли, я полагаю, что мысль достаточно ясна.

«ПУТИ»: Речь идет о действительной практике?

К.У.: Да, о действительной практике, основанной примерно на следующем. Если взять Великое Гнездо Бытия — простирающееся от материи к телу, к уму, душе и духу, — то как мы можем признавать, почитать и *использовать* все эти уровни своего существа? И если мы это делаем — если мы привлекаем все уровни своего собственного

потенциала, — разве это не поможет нам *лучше* вспоминать Источник великой Игры Жизни, который представляет собой не что иное, как нашу собственную глубочайшую Самость? Если Дух составляет основу и цель всех этих уровней и если мы в действительности представляем собой Дух, разве усердное занятие всех этих уровней не поможет нам вспомнить, кто и что мы есть на самом деле?

Такова теория, которую, как я понимаю, я изложил довольно сухо. Говоря конкретнее, идея состоит в следующем: возьмите практику (или практики) для *каждого* из этих уровней и усердно занимайтесь всеми этими практиками. Для физического уровня можно использовать физическую йогу, тяжелую атлетику, витамины, питание, бег трусцой и т.п. Для эмоционально/телесного уровня можно попробовать тантрический секс, терапию, которая помогает соприкоснуться с чувственной стороной вашего бытия, биоэнергетику, гимнастику тайцзы и т.д. Для умственного уровня подходят когнитивная терапия, повествовательная терапия, разговорная терапия, психодинамика и т.д. Для уровня души — созерцательная медитация, йога божества, тонкое созерцание, центрирующая молитва и т.п. А для уровня духа нужны более недвойственные практики, например, дзен, дзогчен, адвайта веданта, кашмирский шиваизм, бесформенный христианский мистицизм и так далее.

Я неохотно привожу этот перечень, поскольку, как вам известно, существуют буквально тысячи превосходных практик для всех этих уровней, и мне не хотелось бы исключать любую из них. Но, пожалуйста, сосредоточьтесь на общей идее: взять одну или более практик для каждого уровня вашего существа — от материи до тела, ума, души и духа — и выполнять *их все* в полную меру сил, по отдельности или вместе. Вы не только просто начнете лучше себя чувствовать на мирском уровне, вы резко повысите свои шансы попасть в свое собственное изначальное Владение, каковое представляет собой сам Дух, вашу глубочайшую тождественность и причину.

«ПУТИ»: Есть ли какие-нибудь учителя, которые сейчас преподают такого типа интегральную практику?

К.У.: К сожалению, на этом раннем этапе это делают немногие учителя. Отчасти это связано с тем, что такая интегральная практика представляет собой соединение Востока и Запада, а они только недавно познакомились друг с другом. Но есть много *превосходных* учителей, которые работают с одним или более из множества уровней вашего существа — и потому в данное время вам следует просто «смешивать и подбирать» — или выбирать учителей, которые лучше всего подходят

для вас на каждом уровне. Подберите для себя подходящие физические упражнения и разумную программу питания. Постарайтесь заниматься хорошей психотерапевтической практикой — она может быть такой простой, как запись ваших сновидений или участие в дискуссионной группе. Попробуйте хорошую медитативную практику и занимайтесь общественно полезной деятельностью. Я не хочу, чтобы это было похоже на какую-то ужасающую дисциплину, но просто постарайтесь, в полную меру своих сил, занимать всего себя, чтобы пробуждать всего себя.

«ПУТИ»: Есть ли учителя, которые, по крайней мере, движутся в направлении интегральной практики?

К.У.: Да, есть несколько авторов, которые сегодня подчеркивают важность интегрального подхода, и хотя все, что они пишут, носит очень предварительный характер, с них вполне можно начать. Можно попробовать почитать «Жизнь, которая нам дана» Майкла Мёрфи и Джорджа Леонарда, «Что действительно важно» Тони Шварца, «Пути за пределы эго» Роджера Уолша и Френсис Воон и мою книгу «Око Духа».

Но идея достаточно проста: практика на любом одном уровне вашего существа не приведет к полному просветлению. Если вы *только* медитируете, это не приведет к автоматическому устранению вашего психодинамического «мусора». Если вы *только* медитируете, от этого не станут лучше ваша работа или ваши семейные отношения. С другой стороны, если вы занимаетесь только психотерапией, не думайте, что это освободит вас от бремени страха и смерти. Отдавайте Фрейд то, что принадлежит Фрейду, а Будде то, что принадлежит Будде. А лучше всего отдавайте Божественному всего себя, вовлекая в это все, чем вы являетесь.

Черт возьми, это звучит как реклама морской пехоты: «Будь всем, чем ты можешь быть». Но в действительности дело в том, что, чем больше аспектов самого себя вы вовлекаете в поиск Источника этой Игры Жизни, тем больше у вас шансов обнаружить тот поразительный факт, что именно вы являетесь ее единственным Автором. И это не теоретическое утверждение, а наш наилучший шанс получить свой билет в Афины.

СЕНТЯБРЬ

Универсальная истина, Путь небес и земли, иными словами, опыт абсолютного и бесконечного — или, на духовном языке,

Дао — огромная ошибка думать, что его можно найти где-то на небесах или в потустороннем мире. Мы никогда ни на мгновение не покидаем Дао, То, что можно покинуть, — это не Дао.

Амакуки Сессан

Вторник, 2 сентября

Когда тело-ум остается позади, когда меня нет нигде, есть только бесконечная Пустота, радикальная Полнота, без конца расцвеченная светимостью. «Я-Я» раскрывается как Космос, где никакой объект не портит первозданную Чистоту, где понятия слишком смущены, чтобы говорить, где двойственность стыдливо прячет свое лицо, а страдание даже не способно вспомнить свое имя. Ничего никогда не происходит здесь, в полноте бесконечности, поющем самосуществующем блаженстве, переполненном самоосвобождающими жестами, счастьем быть дома. В открытости этого момента бесконечная благодарность встречается с совершенной простотой, ибо есть только это, сейчас, всегда и безнадежно во веки веков.

Среда, 6 сентября

Умерли принцесса Диана и Мать Тереза, Двух самых известных в мире женщин не стало в течение недели. (Реакция мира на их смерть являет собой поразительный пример пирамиды развития — чем больше глубина, тем меньше охват).

Диана, по общему мнению, была хорошим человеком — заботливым, любящим и преданным; но главное, она была поразительно красивой и обаятельной. Она действительно была Принцессой мира. И в нашем плоском и выцветшем постсовременном мире, где считается, что все должно быть безотрадно равным, истинная Принцесса была обещанием возможности чего-то большего. По-своему она была царственно, божественно красива, и миллионы людей по всему миру глубоко и искренне любили ее, потому что она пробуждала красоту, скрытую и во всех них. Она была лучом чего-то большего, и мир отвечал обожанием — оно выходило далеко за пределы всего, чем Диана была как личность; но все равно, этот чудесный луч исходил именно от ее личности. Глядя, как ее сыновья, Уильям и Гарри, идут за похоронным кортежем, я заплакал, подобно миллионам других людей.

Мать Тереза была гораздо ближе к этому божественному лучу и практиковала его более усердно и без роскоши. Она была в меньшей степени человеком, чем проводником космического сострадания —

неослабного, неистово увлеченного, пугающе убежденного.

Как бы то ни было, я очень высоко ценил их обоих по совершенно разным причинам, и сегодня утром в этом мире стало значительно меньше света, чем было вчера.

Среда, 10 сентября

Вчера вечером к нам с Марси приходили обедать Кейт Олсон и Т. Джордж. Т. Джордж совершенно поражает. Что? Ему семьдесят два? И он по-прежнему бодр и полон сил. Почти невозможно создать успешный журнал — и все же Т. Джордж основал целых два — «Психология сегодня» и «Здоровье Америки»,^{29*} — и оба они до сих пор процветают. Я убежден, что ему удастся создать и третий — «Духовность и здоровье», — но на этот раз сделать это довольно трудно, поскольку «духовность» означает столь многое для столь многих людей, что будет сложно сосредоточить усилия и объединить других вокруг общей задачи.

Разумеется, эта трудность усугубляется до/над заблуждением: многое из того, что люди называют «духовным» — это не надрациональное осознание, а дорациональное чувство, и в этом состоит реальная проблема, на обсуждение которой мы потратили большую часть вечера. Я использовал схему, показанную на рис. 4, чтобы высказать ряд предложений.

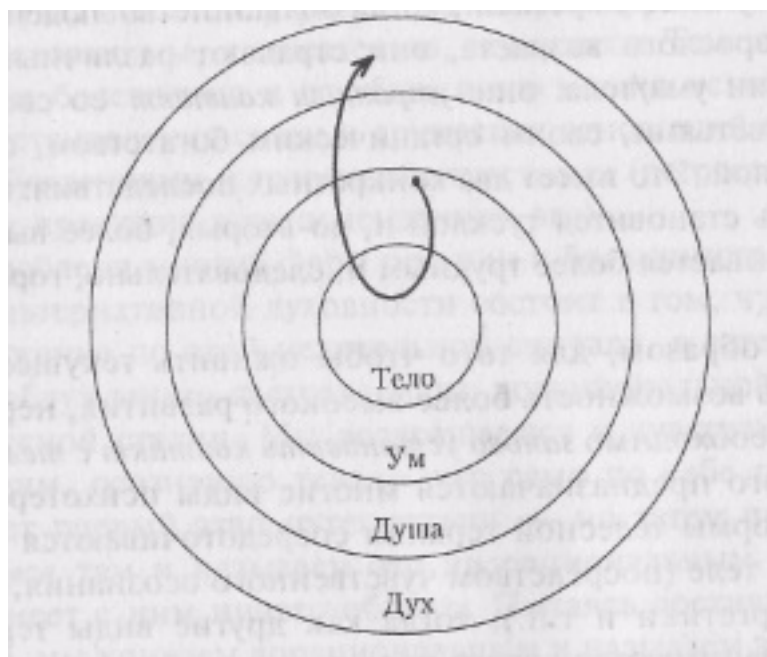

Рис. 4. Целительная спираль

Рост и развитие человека, как правило, разворачиваются от тела к уму, к душе и к духу не в виде линейной восходящей последовательности, а как вложенные друг в друга волны, причем при нормальном развитии

каждая последующая волна охватывает и заключает в себе предшествующие. Но почти на любой стадии высшее *может подавлять* низшее. Вместо охвата и приятия происходят отрицание и отторжение. Вместо превосходения и включения налицо отчуждение и подавление.

Это особенно верно для отношения между умом и телом. Первые годы жизни бывают в основном сенсомоторными, довербальными и по большей части проходят без участия ума — ребенок отождествляет себя со всем телом, ощущениями и физиологическими влечениями. Но примерно к 2 годам начинает появляться символический и концептуальный ум, а к 6—7 годам возникает конкретно-операционный ум. В идеале ум превосходит и включает в себя предшествующие телесные ощущения, чувства, побуждения и влечения. Но больше чем в половине случаев — и это великая епархия Фрейда — ум (эго-ум) подавляет или отрицает некоторые предыдущие телесные чувства, нередко секс или агрессию. Эти подавленные или вытесненные чувства не могут просто исчезнуть, а проявляются в замаскированном виде как болезненные невротические симптомы ^{30*}.

Поэтому к тому времени, когда большинство людей достигают раннего взрослого возраста, они страдают различными видами диссоциации ума/тела: они *утратили контакт* со своим телом, своими чувствами, своим органическим богатством, своей жизненной силой. Это имеет два конкретных последствия: во-первых, сама жизнь становится тусклой и, во-вторых, более высокое развитие оказывается более трудным и, следовательно, гораздо менее вероятным.

Таким образом, для того чтобы оживить текущее, а также обеспечить возможность более высокого развития, нередко оказывается необходимо *заново установить контакт с телом*. Именно для этого предназначаются многие виды психотерапии. Некоторые формы телесной терапии сосредоточиваются непосредственно на теле (посредством чувственного осознания, рольфинга, биоэнергетики и т.п.), тогда как другие виды терапии, по существу, занимаются своего рода регрессией к осознанию раннего детства. Мы временно возвращаемся назад к уровню довербального тела, налаживаем с ним контакт и дружеские отношения, а затем воссоединяем его с умом (классическое название этого процесса — «регрессия на службе эго»). Но во всех этих случаях конечная цель состоит в установлении полного контакта *и с телом, и с умом*.

Коль скоро мы объединили тело с умом, становится гораздо более легким — и более вероятным — продолжение роста за пределы тела и

ума, в сферы души и духа. На схеме эти два общих движения — регрессия на службе эго и затем переход к трансценденции эго — показаны в виде большой спирали, которая у типичного взрослого человека сперва идет вниз (регрессия), а затем вверх (трансценденция). В нисходящей части этой спирали мы, вопреки утверждениям романтиков, восстанавливаем контакт не с утраченной высшей Основой, а просто с подавленными телесными чувствами^{31*}. Мы возвращаем себе не надрациональное осознание, которое имели в младенчестве, но затем утратили, а скорее дорациональные импульсы, которые мы, к сожалению, подавляли. Тем не менее это подавление болезненно и пагубно, и его можно исцелить только путем восстановления связи и дружеских отношений с отчужденными побуждениями и телесными чувствами (регрессия на службе эго как прелюдия к трансценденции эго).

Но проблема многих форм терапии и большинства разновидностей альтернативной духовности состоит в том, что мы начинаем движение по этой целительной спирали, а затем, впадая в до/над заблуждение, застреваем на дорациональной, чувственной, телесной стадии. Мы возвращаемся к чувствам, эмоциям, ощущениям, осознанию тела — что само по себе правильно и составляет первый этап путешествия, — но затем просто *останавливаемся* там и называем это надрациональным духом, хотя это не имеет с ним ничего общего. Пытаясь достичь надрационального, мы кончаем дорациональным и называем это освобождением. Сущий кошмар.

Казалось, и Т. Джордж, и Кейт согласились с этим анализом, и тут Кейт вступила в разговор. «Я согласна с этим, но вы же не хотите сказать, что *все* чувства носят дорациональный или эгоцентрический характер, не так ли?»

«Нет, вовсе нет. Существуют как бы уровни чувства, или уровни аффекта, идущие от эгоцентрических чувств к социоцентрическим чувствам, мироцентрическим чувствам и духовным чувствам — приблизительно от тела к уму, к душе и к духу».

«Но как можно понять, какое чувство какое?» — поинтересовалась Марси.

«Если ты стараешься установить контакт со своими чувствами, если ты используешь чувственное осознание, ощущаемый смысл, сосредоточение на теле, соматическую терапию, биоэнергетику, то ты находишься на эгоцентрической стадии. Само по себе это вовсе не плохо. По сути дела, это *основа* всей дальнейшей практики. Но если ты *остаешься* на этом уровне, то это фактически глубокая регрессия к

доконвенциональному модусу осознания. Конечно, это здорово — *поначалу*, — поскольку ты отказалась от строгостей социоцентрического осознания и взаимного понимания. Ты просто наслаждаешься собой, постоянно «перерабатываешь» свои чувства и возбуждаешь свои импульсы, и это какое-то время очень приятно, до тех пор пока — как указывал Кьеркегор — это не превращается в *отчаяние*, поскольку ты отрезана от круга соучастия, который существует вне тебя.

«Этот круг соучастия — следующий этап», — заметил Т. Джордж.

«Да, я думаю, так. Вы переходите от эгоцентрических чувств к социоцентрическим чувствам — от Я к Мы, — когда сообщаете о своих чувствах другим в диалоге, направленном на взаимное понимание, участие и заботу. Это справедливо как для мужчин, так и для женщин. Кольберг назвал это переходом от ориентированности на себя к взаимности, а Джиллиген называет это переходом от «эгоистической стадии» к «стадии заботы». Теперь ваши чувства распространяются на круг соучастия, заботы и взаимопонимания. Вас по меньшей мере так же интересуют чувства других, как и собственные чувства. Ваш мир расширился с самого себя на группу».

«А какая стадия идет после группы?» — спросила Кейт.

«Все группы», — сказал Т. Джордж.

«Да, мироцентрическая. Вы переходите от эгоцентризма к социоцентризму и к мироцентризму, от «себя» к «нам» и ко «всем нам». Вас заботит не только ваше племя, ваша группа, ваш народ, а все группы, все люди, повсюду, независимо от расы, пола или вероисповедания. И это не абстракция, вы это чувствуете».

«Я точно знаю это чувство, — сказала Кейт, — оно порой приходит, когда я занимаюсь центрирующей молитвой. Это вроде обета бодхисаттвы».

«Да, и я думаю, что в действительности это следующая стадия — мироцентрические чувства сменяются подлинно духовными чувствами, поскольку они распространяются на всех чувствующих существ, как таковых. Но самое замечательное состоит в том, что мы *можем* ощущать глубоко мироцентрическое/духовное чувство вселенской заботы и сострадания. Шопенгауэр говорил, что мы можем испытывать такое чувство, только если все мы в конечном счете Одна Самость, и я думаю, что так оно и есть».

«Но, — заметила Марси, — все это вселенское сострадание теряется, когда ты просто стараешься соприкоснуться со своими чувствами, или оставаться в своем теле, или перерабатывать свои эмоции. Это все время происходит в Институте Наропы. Все стараются оставаться со

своими чувствами — они называют это «духовным», — и потому никто ничего не трансцендирует».

«Совершенно верно, — согласился я, — но это типично отнюдь не только для Института Наропы. На самом деле фиксация на чувственных или телесных модусах называется «бодизмом», и такой бодизм, по существу, характерен для современного и постсовременного мира. Бодизм — это просто еще одно название *флатландии* — убеждения, что реальны только принадлежащие к грубому миру чувственные, эмпирические реалии. Бодизм или флатландия *в равной мере* довлеют как над основным течением культуры, так и над контркультурой. Все мы признаем, что преобладающим мировоззрением большинства является научный материализм. Но взгляните на контркультурные воззрения — экопсихологию, глубинную экологию, телесные терапии, экофеминизм, «паутину жизни», религии Великой Матери, имманентную духовность — у всех них одно общее: окончательной реальностью считается грубый сенсомоторный мир. Иными словами, *бодизм* — тот же самый бодизм, под которым подписывается массовая культура. Добро пожаловать во флатландию, чисто Низошедший^{32*} мир современной и постсовременной пустоши».

И Т. Джорджа, и Кейт интересовало, почему это бодизм получил такое распространение. Я предположил, что это было оборотной стороной современности^{33**}. В течение тысячелетий на Западе преобладал Восходящий идеал — Бог считался чисто потусторонним, чисто трансцендентным, а его Царствие — «не от мира сего». Но затем, начиная с эпохи Возрождения и достигая кульминации в эпоху Просвещения, этот идеал яростно отвергали до такой степени, что вместе с тоннами грязной воды выплеснули и дитя трансцендентальной истины. В результате современный Запад пришел к чисто Нисходящему мировоззрению — грубому, сенсомоторному, эмпирическому бодизму — иными словами, к флатландии.

И потому теперь, даже когда контркультурные движения заявляют, что опрокидывают или превосходят старую парадигму просвещения, они по большей части остаются прочно увязшими в ней. Они попадают в сеть чисто Нисходящего мировоззрения, с его последовательным бодизмом, холизмом флатландии и привязанностью к одной только грубой сфере — в точности как в «старой парадигме», которую они так громко осуждают.

(Мне также пришла на ум книга Джоан Брамберг «Проект Тело», в которой прослеживается отношение девушек к своему телу в течение

последних двух столетий. Типичная запись в дневнике в конце XVIII века: «Серьезно работать. Иметь чувство собственного достоинства. Интересоваться другими». Типичная запись в наше время: «Я буду худеть. Достану новые контактные линзы, хорошую косметику, новую одежду и аксессуары». Брамберг комментирует: «До XX в. тело просто не занимало в мыслях девушек центрального места. Теперь они считают тело высшим выражением своей сущности». Конечно, Брамберг пытается превратить этот бодизм в феминистскую проблему, хотя феминизм здесь ни при чем; бодизм — это просто одно из определений флатландии, в равной степени воздействующей и на женщин, и на мужчин — регрессивной, нарциссической, нивелирующей тенденции в сознании, — мы попытались лечить *подавление тела регрессией* к телу, мы больше не подавляем тело, мы одержимы им и полностью зациклены на нем, и результатом стал чисто Низошедший сенсомоторный мир.)

Идея, разумеется, состоит в том, чтобы объединить *и* Восходящее движение (от тела к уму, к душе и духу) и Нисходящее движение (от духа к душе, уму и телу). Но пока все, что у нас есть на самом деле, — это несколько чисто Восходящих трансцендентальных религий и огромное количество движений полного Нисхождения, бодизма и флатландии. Мы все еще ожидаем подлинно интегрального, недвойственного мировоззрения, и хотя несколько человек работают в этом направлении, еще предстоит сделать очень много.

Пятница, 12 сентября

Пришли гранки «Разума и Души»; сделал незначительные исправления и отослал их обратно; работа приближается к концу.

Когда я был в Нью-Йорке в «Четырех временах года» во время того двухдневного аукциона, то, беседуя с различными издателями, я всегда заканчивал одним и тем же утверждением, и сегодня я более чем когда-либо убежден в его правоте: я полагаю, что в мире происходят *два основных диалога* — между наукой и религией и между религией и либерализмом. Духовность *сперва* должна пролезть через игольное ушко современной науки, и главной задачей «Разума и Души» было показать, как это может произойти. Но *после* того как это произойдет, духовность должна будет пролезть через игольное ушко либерализма (и это главная тема планируемого продолжения «Разума и Души»).

В нынешней ситуации современный мир в действительности разделен на два основных враждующих лагеря — науки и либерализма, с одной стороны, и религии и консерватизма, с другой. И ключ к примирению

этих лагерей состоит в том, чтобы *сперва* примирить религию с наукой, а *потом*, во-вторых, примирить религию с либерализмом, поскольку и наука, и либерализм глубоко антидуховны. И это должно происходить именно в таком порядке, поскольку либерализм даже не захочет слушать религию, если только она сперва не пройдет научную проверку.

Конечно, в известном смысле наука и либерализм правы в своей антидуховности, поскольку большая часть того, что исторически считалось «духовностью», теперь представляет собой дорациональную — магическую или мифическую, потенциально этноцентрическую фундаменталистскую догму. Либерализм традиционно возникал для борьбы с тиранией дорационального мифа — для борьбы с традиционной, ограниченной, этноцентрической религией, — и это одно из его непреходящих и славных достижений (а именно свобода, равенство и права отдельных людей перед лицом зачастую враждебного или принуждающего коллектива). И именно поэтому либерализм всегда объединялся с рациональной наукой против фундаменталистской, мифической, дорациональной религии (и консервативной политики, которая обычно опиралась на эту религию).

Но ни наука, ни либерализм не признают, что вдобавок к дорациональному мифу существует надрациональное осознание. Есть не два лагеря — либерализм против мифической религии, — а три: мифическая религия, рациональный либерализм и надрациональная духовность. Либерализм может справедливо не доверять дорациональному мифу, но при этом непредубежденно относиться к надрациональному осознанию. Его возражения против мифических форм неприменимы к бесформенному осознанию, и потому либерализм и подлинная духовность могут рука об руку идти к более величественному завтра. Если бы это можно было показать им, используя термины, приемлемые для обеих сторон, то мы бы, на мой взгляд, впервые имели возможность постлиберальной духовности, которая сочетает в себе сильные стороны консерватизма и либерализма, но превосходит их оба в надрациональной, надличностной интеграции. Я полагаю, что «Разум и Душа» может быть, по крайней мере, хорошим началом первого диалога, и я надеюсь в ближайшие пять лет сделать то же самое для второго диалога (духовности и либерализма).

Но одно абсолютно ясно: все разговоры о «новой духовности» в Америке останутся пустой тратой времени, если не будут проведены и не дадут свои ответы эти два центральных диалога. Если духовность не сможет пройти через ворота науки, а затем либерализма, она так и не

станет значимой силой в современном мире, а останется всего лишь организующим началом для дорациональных уровней развития.

Понедельник, 15 сентября

«Что такое пандит?» Ее зовут Прайтем. Тэмми привела с собой Прайтем и Мэтью для длинной беседы о нескольких неотложных вопросах. (Тэмми Саймон — основательница одной из самых успешных компании звукозаписи в Америке, которая располагается здесь, в Боулдере. Тэмми записывает всех, от Тич Нат Хана до Кэролайн Мисс и далай-ламы. Она приводит своих любимцев ко мне домой, и мы все вместе обедаем.) Мэтью (ассистент студии) и Тэмми редактировали самую последнюю книгу Гангаджи — американки, ставшей духовным учителем традиции Веданты. Прайтем хотела расспросить меня о моей работе, а у Тэмми и Мэтью было полно вопросов о Гангаджи.

«Я — пандит, а не гуру». И с этой фразы, которую я произносил сто раз в жизни, разговор снова перешел на эту труднейшую тему. «В Индии принято проводить это важное различие. Основная разница состоит в том, что гуру принимает приверженцев, а пандит нет. Кроме того, пандиты обычно посвящают себя изучению той или иной традиции, тогда как гуру может быть, а может и не быть знатоком традиции».

«Так почему пандит не принимает приверженцев или учеников?»

«Это как бы совершенно другая профессия. Для гуру или учителя принять ученика — это очень серьезное дело, почти как для психоаналитика начать работать с клиентом. Ни та, ни другая сторона не должна относиться к этому легкомысленно, поскольку речь идет о годах, возможно, даже десятилетиях, глубоко личной, тесной и напряженной совместной работы. Гуру приходится бороться, зачастую публично, с кармой или обуславливанием всех тех, кто к ним приходит. Это тяжелая и трудная задача».

«Итак, пандиты этого не делают».

«Нет, не делают. Отдельный пандит может быть более или менее просветленным, чем отдельный гуру, но в любом случае пандиты обычно ограничивают свое понимание писательской деятельностью или преподаванием (скажем, в университете) или другими вполне обыденными занятиями. Но они, как правило, не занимаются духовной терапией. Это совершенно другое поле деятельности».

«Так как же на самом деле работает гуру?»

«Ну, это зависит от гуру. Но у хороших гуру есть общая черта, и она составляет основу гуру йоги. А именно гуру разрушает карму (или

обусловливание) ученика. Это происходит, когда *сострадание* гуру встречается с *преданностью* ученика. Во всяком случае, так утверждает традиция. Давайте возьмем достаточно бесспорный пример, скажем Шри Раману Махарши. (Рамана, безусловно, был величайшим Гуру в истории, так же как Плотин, вероятно, был величайшим пандитом.) Вы видели фотографии Раманы, и, хотя вы, пожалуй, не назвали бы его красивым, он невероятно прекрасен. От него невозможно оторвать взгляд. Он излучает Красоту Божественного, которая представляет собой не что иное, как его собственное состояние, и вас естественно влечет к этому состоянию. Вам хочется быть рядом с ним. Гуру — настоящий гуру — излучает привлекательность Божественного, и это помогает пробуждать вас к вашей собственной внутренней красоте, вашей собственной духовной сущности».

«Разве пандиты этого не могут?»

«Многие могут. Но вторая часть гуру йоги состоит в том, что между гуру и учеником образуется глубокая связь — как между терапевтом и клиентом, только более сильная, — и эта связь составляет важный компонент преобразования и пробуждения ученика. Я полагаю, здесь действует какая-то тонкая разновидность процесса переноса. При классическом переносе, по Фрейду, клиент переносит или проецирует на терапевта прошлые взаимоотношения, и затем именно за счет анализа этой проекции клиент начинает понимать свой невроз и, надо надеяться, избавляется от него.

То же самое, только на более высоком уровне, по-видимому, происходит в настоящей гуру йоге. Послушник проецирует на гуру не только свою «тень», но и свою Подлинную Самость. Он считает гуру, а не себя обладающим Божественной Реальностью. Вот почему послушник совершенно очарован гуру, его тянет к гуру, он хочет всегда быть рядом с гуру. Он влюбляется в свою собственную Подлинную Самость, спроецированную на фигуру гуру.

Опытный гуру использует этот перенос, чтобы пробуждать послушников к их собственной Подлинной Самости, их собственной истинной Божественности или природе Будды. Согласно традиции, это может происходить двумя способами — посредством действительной передачи от гуру или с помощью медитативной практики послушника или ученика. В первом случае вы полностью подчиняетесь гуру, и это подчинение ослабляет эго, позволяя проявиться Подлинной Самости; во втором вы ищете источник эго, и оно возвращается к своей основе в Подлинной Самости. Годится любой путь — подчинение или исследование, — но первый зависит от подлинности и силы гуру».

«Подождите, подождите, давайте по очереди, — сказала Тэмми. — В

первом случае, при передаче, есть ли что-либо, наподобие силы, что действительно передается?»

«По моему опыту, да, безусловно. Когда человек достаточно просветлен, он способен передавать — действительно передавать — это просветленное осознание через прикосновение, взгляд, жест или даже через написанное слово. Это не так фантастично, как кажется. Мы все время «транслируем» друг другу свое текущее состояние. Если вы подавлены, это может быть «заразно», вызывая подавленное настроение у тех, кто вас окружает. Когда вы счастливы, окружающим, как правило, тоже становится хорошо. Точно так же и с более высокими состояниями. В присутствии йога психического уровня вы будете ощущать силу. В присутствии святого тонкого уровня вы будете ощущать великое спокойствие. В присутствии мудреца каузального уровня вы будете ощущать глубокую невозмутимость. А в присутствии недвойственного сидхи они нередко бывают совершенно обычными людьми — вы просто обнаружите, что всю улыбаются».

«Но пандиты тоже могут это делать».

Это может делать *кто угодно*. Мы все постоянно транслируем свой уровень осознания. Уникальность гуру состоит в том, что он берет конкретного человека в качестве послушника — в качестве «клиента» — и работает с ним лично. И раз уж вы спросили, это нечто такое, чего я сам не хочу делать».

«И это можно делать даже в Америке?» — спросил Метью.

«Хороший вопрос. Вообще-то я верю, что гуру йога, когда она выполняется правильно, — это самая мощная йога из существующих. Но в сегодняшнем мире ее почти невозможно делать должным образом по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, гуру йога была изобретена в феодально-аграрные времена. Полностью отдать себя в руки гуру — свои деньги, свое имущество, свои тело, ум и душу — было если не легко, то, во всяком случае, допустимо. Но в сегодняшнем демократическом обществе такое полное подчинение выглядит настораживающим или даже признаком патологии. Что составляет вторую проблему. В нашем эгалитарном обществе, где считается, что никто не может быть сколько-либо более глубоким, чем всякий другой, само понятие «гуру» вызывает неодобрение. Мысль о том, что кто-то лучше, чем кто угодно еще, глубоко оскорбительна и официально запрещена. Мы — общество глубоко окопавшихся эго, и если вы угрожаете эго мыслями о подчинении или трансценденции, вас с позором изгонят.

Так что по всем этим причинам заниматься гуру йогой в этой стране, вероятно, не следует, что весьма прискорбно. С другой стороны, у гуру

йоги, именно потому, что она так сильна, больше проблем, чем...»

«Подождите, — сказала Тэмми. — Почему она так сильна?»

«Вы когда-нибудь пробовали учить иностранный язык? Это действительно весьма трудно и занимает очень длительное время, особенно если вы хотите владеть им в совершенстве. Но многие рассказывали мне, что если у вас есть возлюбленный, говорящий на иностранном языке, то вы можете выучить этот язык гораздо быстрее. Не лишено смысла, не так ли? — поскольку обучением движет любовь. То же справедливо и для гуру йоги. В гуру йоге вы влюбляетесь — глубоко и отчаянно влюбляетесь, — и эта любовь становится средством, с помощью которого вы гораздо быстрее обучаетесь языку своей собственной Подлинной Самости. Именно потому, что этим обучением движет любовь, оно происходит быстрее, чем когда вы в одиночестве сидите в углу на своей циновке для медитации, считая свои вдохи и выдохи».

«Понимаю. Но это открывает простор для множества злоупотреблений».

«Да, как раз это я собирался сказать. Именно потому, что гуру йога так сильна, она также наносит наибольший вред. Злоупотреблениям несть числа, и мы почти каждый день слышим о новом. В любом случае я откровенно сомневаюсь, что гуру йога — по некоторым очень веским причинам и некоторым поистине плачевным причинам — может иметь успех в этой стране».

«Та вот почему вы не хотите быть гуру?»

«Нет, я не хочу быть гуру потому, что не хочу вступать с людьми во взаимоотношение терапевт — клиент. То понимание, которым я обладаю, я стараюсь вкладывать в свои сочинения — передача происходит через написанное слово, — и вы можете использовать эту передачу по своему усмотрению и сами решать, есть в ней истина или нет. Но всякий раз, когда я чувствую, что вступаю на что-то хотя бы отдаленно напоминающее путь гуру, вроде намеренной личной передачи, я просто останавливаюсь. Я вовсе *не* думаю, что принцип гуру плох. Просто во мне нет кармы, предназначения это делать. Я не подхожу для того, чтобы бороться с людьми за их духовные судьбы. У меня нет желания вмешиваться в течение чьей бы то ни было жизни, в то время как если вы психотерапевт или гуру, вы совершенно определенно будете вмешиваться в жизнь людей, даже — и особенно — если вы недирективный терапевт. Я полностью одобряю терапевтов, духовных учителей и хороших гуру — мы все в них отчаянно нуждаемся, — но это не мое призвание».

«Значит, у вас никогда не будет учеников?»

«Традиционно существует градация возрастающей привязанности к любому учителю: ученик, последователь, приверженец. Если вы изучаете любую из моих книг, значит, вы уже *ученик* моей работы, и это нормально. Такой тип отношений ученик/учитель для меня приемлем. Но поскольку я не собираюсь участвовать в чем-либо личном преображении, судя по всему, у меня никогда не будет последователей, не говоря уже о приверженцах».

«Таким образом, есть ученики вашей *работы*. Будут ли *ваши* ученики? Я имею в виду, что вы время от времени проводите семинары. Будете ли вы расширять эту деятельность?»

«На семинаре я могу общаться, быть может, с сотней человек. С помощью книги я общаюсь с сотнями тысяч. Я действительно думаю, что должен сосредоточиваться на писательской работе. С другой стороны, я всегда говорил, что после того, как я отойду от научного писательства, мне бы хотелось преподавать, путешествовать и писать плохие романы. Так что кто знает?»

Они все уходят, и я остаюсь один с Одним, простой Тайной этого момента, и этого, и этого.

Среда, 17 сентября

Чудесно! Сара [Бейтс] получила премию Института Формана в области изобразительных искусств за 1997 год. Я очень рад за нее. Но затем кое-какие плохие новости — на конференции в Хартвик-Колледже Сара упала и сломала ногу в двух местах. «Однако, будучи сильна Духом, я сумела создать двенадцатифутовый круг Почитания [вид изобразительного искусства, в котором специализируется Сара], передвигаясь на низкой коляске по полу с ногой в гипсе. Студенты были удивлены, и я тоже. Я не принимала никаких обезболивающих средств, поскольку боялась, что не смогу сосредоточиться. Это стоило мне 24 часов очень сосредоточенной работы, но мне кажется, что это одно из самых прекрасных произведений, которые я когда-либо создавала».

Что значит быть сильной Духом.

Четверг, 18 сентября

Завтракал с Нэнси Левин, чудесной женщиной — умной, красивой, жизнерадостной, — которая раньше работала в Институте Наропы, а несколько месяцев назад стала руководить отделом консультаций журнала «Новый Век». Она сказала, что «Духовность, которая

преображает», стала для нее и ее сотрудников поистине тяжелым ударом, поскольку «почти все, что мы делаем в «Новом Веке», — это всего лишь трансляция». Но мы оба согласились в том, что трансляционная духовность играет важную роль, однако она в лучшем случае носит вступительный характер. Мое основное предложение состояло в том, чтобы, по крайней мере, не лгать о том, что вы делаете. Не предлагайте трансляционные убеждения под видом преобразующих. Если бы «Новый Век» мог просто начать говорить правду о том, что он делает, это само по себе было бы шагом к преобразованию.

Суббота, 20 сентября

Раннее утро, Пустота сияет, ум-тело — мельчайшая рябь на поверхности этого бесконечно прекрасного моря, моря *просто этого*. И теперь солнце, узурпатор трона Сияния, встает, чтобы проливать свой производный свет на жалкую маленькую Гайю, крохотную зеленую пылинку в бесконечном море нескончаемой безмятежности.

Великий мастер дзен Ясутани: «Теперь смотри: весь феноменальный мир целиком заключен в себе. Следовательно, облака, горы и цветы; звук пуканья и запах мочи; землетрясения, гром и огонь — это все Изначальная Самость. Чтение сутр и богослужение, бессовестное вранье, клевета и пустая болтовня, привлекательность и уродство — все это в целом суть высшее просветление. Все сущее — это твоя Изначальная Самость, в которой совершенно нет ничего недостающего и которая полностью исполнена сама в себе. Не удивляйся».

Есть Один Вкус. *Есть* Большая Самость, и она включает в себя «пуканье, запах мочи, бессовестную ложь и клевету». И точно так же, пока экологи не поймут, что озоновые дыры, загрязнение окружающей среды и токсичные отходы в полной мере часть Изначальной Самости, они никогда не обретут просветленного осознания, которое одно лишь знает, как быть с этими неотложными проблемами.

В то же самое время весь мир может исчезать — что и происходит в нирвикальпа, — а Изначальная Самость по-прежнему остается собой, полной и завершенной, внепространственной и потому бесконечной, вневременной и потому вечной. Это не доктрина популярного пантеизма, которая попросту приравнивает проявленный мир к Духу. Проявленный мир — это не Дух, это жест Духа, подобно тому как волны — это жесты океана. Но влага отдельных волн тождественна влаге целого океана — у всякой волны есть только Один Вкус, и этот вкус и есть сам Дух. Дух — это влага любой волны во всей вселенной, включая, как сказал Ясутани, пуканье и ложь, озоновые дыры и все

прочее.

Мы ходим бороться с озоновыми дырами не потому, что они вредят Духу (или Богине), а потому, что они убивают нас. Подлинная духовная экология не приравнивает биосферу к Духу — это ужасная путаница относительного и абсолютного, конечного и бесконечного, временного и вневременного (что само по себе является просто еще одним вариантом буддизма), — но она все же видит в биосфере величественное проявление Духа и потому обращается с ней с уважением, которого заслуживают все Божьи дети, при этом зная, что эти дети — проявление собственной глубочайшей Самости человека. Вы оплакиваете разрушение биосферы не потому, что умирает Бог, а потому, что умирают ваши дети.

Воскресенье, 21 сентября

В том, что касается Одного Вкуса, есть одна странная и совершенно парадоксальная вещь — вы никогда по-настоящему не входите в него и не покидаете его. Вы всегда знали Один Вкус, вы буквально знали его в течение 15 миллиардов лет, и однажды, рано или поздно, вы признаете это, и Великий Поиск будет отменен. И тогда вы увидите, что любое состояние, в которое можно войти, — это не Один Вкус.

Пустота всю вечность, Полнота до всей бесконечности. И это просто это, только *это*. Он не может быть более очевидным, и именно потому на то, чтобы его увидеть, обычно уходит целая жизнь. Слишком близкий, чтобы его ухватить, слишком легко дающийся, чтобы его достичь, слишком наличный, чтобы его обрести. Будды никогда не обретали его; чувствующие существа никогда его не теряли. Кто в это поверит?

Понедельник, 22 сентября

Международная премия космоса — это ежегодная премия, присуждаемая известным японским фондом (Экспо-90). Ее называют «японской Нобелевской премией» или, иногда «азиатской Нобелевской премией». Ее брошюра гласит: «Цель премии — почтить тех, кто в своей работе применял и воплощал в жизнь всеобщий контекст и подчеркивал необходимость понимания нашего мира как единого взаимосвязанного целого». Сумма премии составляет \$500 000.

Несомненно, можно приветствовать цели премии космоса; как говорится в их брошюре: «Для теперешних и будущих исследований жизненно необходимо понимать характер взаимозависимой связи

между всеми вещами. Однако на эти вопросы нельзя полностью ответить с помощью аналитических и разделяющих методов, которые послужили науке в прошлом. Осознана необходимость новых парадигм, основанных на интегративных и всеобъемлющих подходах.

Фонд признает важность холистической глобальной перспективы и хочет оказывать поддержку тем, кто предан такому подходу. Поэтому было решено вознаграждать усилия исследователей и ученых всего мира, показавших свою преданность этому подходу, таким образом позволяя им получить признание, которого они столь заслуживают. Поступая так, фонд не только утверждает свои идеалы, но также надеется способствовать новой волне ценностей и тому, чтобы ее плоды были достоянием всего человечества».

Они пишут, что хотели бы наградить меня премией космоса. До этого я должен принять участие в ряде конференций и т.п. Это очень интересно, потому что до сих пор все ее лауреаты были теоретиками только Правой стороны, то есть системными теоретиками или экотеоретиками, работающими по большей части на языке «оно» третьего лица, таким образом игнорируя первое и второе изменения («я» и «мы»). Иными словами, фонд награждал внешний холизм (Правой стороны), но не внутренний холизм (Левой стороны) — мир сознания, живого опыта, глубокого осознания, внутренних озарений, духовных откровений.

Эта попытка сводить внутреннее к внешнему (или Левое к Правому) — это не грубый редукционизм, а тонкий редукционизм (холизм флатландии, теории систем, эмпирической паутины жизни и т.д. — сведение «я» и «мы» к системам взаимодействующих «оно»). Этот тонкий редукционизм, или холизм флатландии — сведение искусства и морали к науке, — представляет собой преобладающий модус современности, и взятый как таковой и сам по себе, он является крайне редукционистским и разделяющим, вопреки громким заявлениям его сторонников. Как я часто говорил (перефразируя Карла Крауса), теория систем — это болезнь, от которой она объявляет себя лекарством.

Тем не менее тонкий редукционизм (сведение всех взаимосвязанных «я» и взаимосвязанных «мы» к взаимосвязанным «оно») бесконечно предпочтительней грубого редукционизма (идушего еще дальше и сводящего все взаимосвязанные «оно» к атомным «оно»). Поэтому Фонд Экспо делал большое дело, по крайней мере награждая холизм, даже хотя это был внешний холизм.

Но теперь их внимание к направлению моей работы, на мой взгляд, означает признание того, что подлинный холизм должен включать в себя *как* внутренний, *так и* внешний холизм (то есть все четыре

сектора). Возможно, это свидетельствует о том, что наконец пришло время «всеуровневого, всесекторного» подхода. По крайней мере, можно надеяться, что это знаменует конец чистого холизма флатландии — мира бессмысленных «оно», мечущихся по миру-сети, не имеющему никакой глубины, никакого внутреннего, ни души, ни духа.

Вторник, 23 сентября

НОВАЯ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ

Недавно появились две социологические статьи, которые наделали довольно много шума. Первая — это «Зарождение интегральной культуры» Пола Рэя, а вторая — «Сообщение о народной духовности». Вместе взятые, они имеют своей целью показать, что в настоящее время происходит необычайная культурная революция, движущей силой которой выступает, главным образом, послевоенное поколение. Пол Рэй делает вывод, что сейчас зарождается новая, более высокая, более преобразующая культура, которую он называет «Интегральной Культурой», состоящей из «Культурных Творческих Личностей» (КТЛ), и это вполне может быть одним из самых значительных культурных преобразований последнего тысячелетия. Во многих отношениях эти статьи не слишком отличаются от ранних манифестов послевоенного поколения — «Заговор Водолея», «Создание контркультуры», «Поворотный пункт» и «Позеленение Америки». Их выделяет лишь попытка сбора данных и использования социологической методологии: они преподносятся как что-то вроде научного социологического вывода, хотя и предварительного. И суть обеих статей состоит в том, что происходящая сейчас революция носит глубоко духовный характер. По данным Пола Рэя, «Культурные Творческие Личности» составляют 24% населения Америки — это составляет ошеломляющую цифру в 44 миллиона человек.

В то же время представляется очевидным, что 44 миллиона представителей послевоенного поколения, принадлежащих в основном к среднему и верхнему среднему классу, не переживают глубокого преобразующего духовного постижения, несмотря на то что по меньшей мере половина из них, судя по всему, на это претендует. Что же тут происходит?

На мой взгляд, мы имеем поистине удивительное культурное явление, которое в основном связано не с новым модусом преобразующей духовности, а с появлением относительно нового модуса

трансляционной духовности. Не с новой подлинностью — или способом достижения настоящей трансценденции самости, — но с новым оправданием — или способом придать самости смысл. Не с новым и глубоким ростом сознания, а с новым способом чувствовать себя хорошо на теперешней стадии. Вот какова его история.

В конце 50-х годов несколько серьезных ученых (в том числе Толкотт Парсонс, Эдвард Шиле и Роберт Белла) выдвинули понятие *гражданской религии*. Его суть состояла в том, что многие американцы перенесли чувство *священного* с организованной религии (религии Церкви) на некоторые аспекты собственного *гражданского* общества. Получившаяся в результате гражданская религия имела тенденцию рассматривать определенные американские характеристики и исторические события как священные, божественные или вдохновленные божественным провидением. Эмиграция в Америку была Новым Исходом, а американцы — новым Избранным Народом, призванным нести духовное прозрение всему остальному миру.

Эта гражданская религия носила явно трансляционный характер; она не трансцендировала самость, но все же соединяла самость с чувством чего-то большего. Таким образом, она давала многим американцам ощущение смысла и оправданности жизни. *Смысла*, поскольку они оказывались связанными с чем-то большим, чем они сами; *оправданности*, поскольку их жизнь санкционировалась тем, что они считали священным. И это действительно то, что делает для человека любая трансляционная духовность. Соответственно для общества в целом оправданность составляет важнейший компонент культурного смысла и социальной сплоченности. И идея этих ученых заключалась в том, что гражданская религия теперь выполняла многие из тех важнейших задач (обеспечения эмоционального выражения и социальной сплоченности), которые оказались неспособными выполнять церкви. Таким образом, многие гражданские и *мирские* институты были пронизаны чувством священного, которого не могли адекватно дать церкви, но это всегда сопровождалось пониманием того, что такая священность составляет часть особой миссии, возложенной на американцев.

Однако в конце 1960-х годов мирская и гражданская религия, наряду с многими другими американскими институтами, пережила *кризис оправдания*. В книге «Общительный Бог» я подробно обсудил этот кризис оправдания и пришел к выводу о трех его вероятных исходах. При распаде конвенциональной оправданности индивиды (и само общество) могли (1) использовать эту возможность для роста в более надличностных направлениях, в том числе в немногих отдельных

случаях, для достижения подлинно надличностных, надрациональных духовных модусов, (2) регрессировать к доконвенциональным и эгоцентрическим модусам либо (3) найти новую гражданскую религию или сравнимую с ней оправдательную систему убеждений, которая объявляла бы священными обычные трансляции изолированной самости.

По-видимому, Интегральная Культура, о которой пишет Пол Рэй, практически во всех отношениях представляет собой новую гражданскую религию. Почти нет свидетельств того, что для многих КТЛ характерны постпостконвенциональные модусы; и хотя налицо значительное количество регрессивного нарциссизма, по большей части эти индивиды, судя по всему, находятся примерно на том же общем уровне развития, что и их родители. Мы наблюдаем, скорее, новую и свежую форму трансляционной оправданности и трансляционной духовности, которая направлена не на трансценденцию отдельной самости, а на то, чтобы давать ей смысл, утешение, одобрение и обещание.

Эта новая религия, опирающаяся в основном на послевоенное поколение — я называю ее Личностно-ориентированной гражданской религией, — обладает всеми отличительными особенностями постмодернистской, постструктуралистской программы, которая до сих пор доминирует в послевоенных академических кругах. А именно она, за редкими исключениями, является антииерархической, антиорганизационной, антиавторитарной, антинаучной, антирациональной и глубоко субъективистской [см. обсуждение этих тенденций в записи от 23 ноября]. Это составляет резкий контраст с большей частью старой гражданской религии. Однако, как и при старой гражданской религии, новые верующие больше не считают, что Церковь распространяет достаточно святости (согласно Форману, «народная духовность» верит в ВКЦ — Все, Кроме Церкви). И как и при старой гражданской религии, новые верующие, как правило, считают себя авангардом нового духовного постижения или по меньшей мере новой парадигмы; и многие, кроме того, верят, что она спасет или преобразует мир, исцелит планету, исцелит Америку и т.д.

По моему мнению, конкретное содержание новой Личностно-ориентированной гражданской религии (ЛОГР) можно проследить к нескольким влияниям. Первым и главным является романтизм — акцент на чувстве вместо рассудка, на сентиментальной связи с другими и на святости природы *в противоположность* культуре (согласно Рэю, самая большая часть КТЛ — это «Зеленые Культурные Творческие Личности»). Вторым источником влияния — эмпирические

методы психотерапии самости, ставшие популярными в 60-х годах (по данным Рея, КТЛ являются главными потребителями эмпирических семинаров). Третий источник влияния — религия Нового Века (которая, согласно Рэю, представляет собой одну из главных составных частей религии Интегральной Культуры, даже хотя многие возражают против этого названия). Четвертый источник — все холистическое (или, как пишет Рэй, «холистическое все», хотя, вопреки такой позиции, реальные черты этого холизма никогда не уточняются, так как это было бы «слишком сдерживающим», это холизм, почти лишенный характерных признаков, хотя он порой полагается на теорию систем флатландии). Пятый источник влияния — это глобализм, или стремление видеть, что весь остальной мир разделяет твои ценности. Шестым источником является феминизм и женская духовность (60% КТЛ — женщины).

На мой взгляд, акцент на женской духовности интересен и представляет собой ключ к большей части Личностно-Ориентированной Гражданской Религии как в положительном, так и в отрицательном смысле. Женская духовность в значительной мере основывается на исследованиях Деборы Таннен и Кэрол Джиллиген, которые показали, что женщины склонны делать акцент на общении, взаимосвязи и заботе, в то время как мужчины, как правило, выделяют действие, права и справедливость. Первые тяготеют к *гетерархичности* (которая означает, что никакой позиции не отдается предпочтения, но все точки зрения считаются взаимосвязанными и зависящими друг от друга); последние тяготеют к *иерархичности* (которая означает, что точки зрения ранжируются в зависимости от широты и глубины). Поэтому женская духовность заняла *сильно антииерархическую позицию* и, разумеется, склонна громогласно определять себя таким образом.

К сожалению, при этом упускают из виду действительные открытия Джиллиген, показавшие, что женщины (подобно мужчинам) проходят через три основных *иерархических* (ее слово) этапа развития, которые она называет *эгоистическим* этапом (эгоцентрическая или доконвенциональная стадия), этапом *заботы* (социоцентрическая или конвенциональная стадия), и этапом *всеобщей заботы* (мироцентрическая или постконвенциональная стадия). *Развитие как мужчин, так и женщин проходит через одну и ту же иерархию*, но мужчины при этом делают акцент на действии, а женщины — на общности. (И помните, что иерархия в действительности означает холархию, поскольку каждая последующая стадия превосходит, но включает в себя — или охватывает и заключает в себе — все

предыдущие: развитие представляет собой расширение охвата, и это справедливо и для мужчин, и для женщин.)

Тот факт, что столь большая часть женской духовности, КТЛ и «народной духовности» агрессивно отрицает иерархию развития, вероятно, является одной из главных причин того, почему так мало подобных движений оказываются подлинно преобразующими. Преобразование означает иерархический рост, но если вы изначально отрицаете холархию, то у вас нет никаких ориентиров, никакого способа найти свое направление, никакого способа найти дорогу к подлинности и преобразованию и вам взамен приходится довольствоваться оправданием и трансляцией. И это как раз то, что делает новая Личностно-Ориентированная Гражданская Религия. Из-за этой антииерархической позиции ЛОГР, скорее всего, обречена оставаться по большей части трансляционным, а не преобразующим движением.

Как заключил Роджер Уолш в своем обзоре таких движений, как «Интегральная Культура»: «Эти движения, как правило, несовместимы с иерархиями. В то же время действительность состоит в том, что духовное развитие происходит именно поэтапно, и некоторые люди бывают более развиты, чем другие. Неспособность признать это может вести к таким проблемам, как нежелание проводить необходимые различия, отсутствие критического мышления и псевдоэгалитаризм. Если говорить прямо, главный вопрос заключается в том, в какой степени интегральная культура или народная духовность действительно способствуют духовному взрослению и в какой степени они просто позволяют людям хорошо себя чувствовать. Много из того, что в настоящее время сходит за духовность, судя по всему, представляет собой просто глубокие чувства». [См. в записи от 5 июля о «Парадигме-415» — одном из наиболее заметных вариантов ЛОГР^{34*}.]

Тем не менее о Личностно-Ориентированной Гражданской Религии как трансляционной, оправдательной духовности можно сказать немало хорошего. Это первая трансляционная религия, которая серьезно относится к экологическим соображениям. Она включает в себя многие ранее маргинализированные группы, в том числе и в особенности женщин (однако это по большей части религия белых представителей среднего и верхнего среднего классов). Она обладает осторожным, но заразительным социальным оптимизмом. Она высоко ценит образование, добрососедские отношения и особенно диалог и обсуждение в малых группах (понятие «гражданское» относится к

сообществам, составляющим промежуточное звено между семьей и государством; ЛОГР ценит небольшие гражданские сообщества, но все равно сосредоточивается на личности, откуда и ее название). Мне все это представляется вполне положительным, по крайней мере, в трансляционном смысле. И разумеется, у кого угодно почти на любой стадии развития могут быть преходящие пиковые переживания — подлинный духовный опыт, — и это, безусловно, относится и к членам ЛОГР, так что они не лишены доступа к проблескам Божественного (но то же самое справедливо для всех людей, так что в этом отношении ЛОГР ничем не выделяется).

В этот конгломерат замешаны также неумное потребительство; любовь к туризму (особенно если он называется экологическим или духовным); одержимость пищей и питанием; повальное увлечение эмпирическими семинарами. Они обожают ходить по модным магазинам и, скорее всего, имеют по меньшей мере пять сортов уксуса. Они, как правило, презирают телевидение (что определенно ставит меня вне новой Интегральной Культуры; но я всегда считал, что, если бы эти авторы больше смотрели ТВ, они бы никогда не писали таких книг, как «Заговор Водолея» или «Позеленение Америки», поскольку видели бы, что происходит в действительности).

По моему мнению, 24% населения не имеют отношения к глубоко преобразующей, надличностной духовности. Таких не более 1% — это все равно несколько миллионов человек, — но это совсем не те цифры, о которых заявляют «Заговор Водолея» или Интегральная Культура. Помимо этого 1%, остальное население ищет оправдания своей жизни: (1) в традиционной мифической библейской религии, которая по-прежнему остается огромной силой в этой культуре; (2) в традиционном республиканстве или гражданском гуманизме, выступающем в Америке в тесном союзе с библейской мифической религией; (3) в светской науке — религии образованной элиты; (4) в политическом либерализме, тесно сотрудничающем с наукой; (5) в регрессивных движениях Нового Века и (6) в Личностно-Ориентированной Гражданской Религии.

Что бы мы ни думали о «Культурных Творческих Личностях», в них (то есть в моем поколении) есть одно качество, которое я особенно ценю. Мы были первым поколением, в очень широком масштабе воспринявшим всерьез понятие преобразующего, подлинного духовного освобождения. Мы в беспрецедентной манере привносили в эту культуру восточный мистицизм; мы настаивали на возвращении христианства и иудаизма к их мистическим корням (во всем от гностицизма до Экхарта и от Лурии до Каббалы); мы требовали

непосредственного духовного опыта, а не просто догмы. Мы были поколением, которое почти точно определялось девизом «Быть Здесь и Сейчас». У нас уже было все это по меньшей мере в качестве представления о больших возможностях. Нам предстояло в лучшем и самом истинном смысле ниспровергать и нарушать все условности, чтобы тем самым обрести свободу, о которой предыдущие поколения могли только мечтать.

Увы, все это в значительной степени оставалось только идеей. Одно дело — пить кофе, курить сигареты и бесконечно говорить о дзен того и дзен этого, дао того и дао этого, и совершенно другое — действительно практиковать дзен или проводить по меньшей мере шесть лет в изматывающей медитативной практике для того, чтобы на самом деле выйти за пределы мира и ниспровергнуть самсару. И потому в последующие десятилетия мы действительно отказывались, но не от условностей, а от их подлинного нарушения, от подлинной преобразующей практики, и с помощью Личностно-Ориентированной Гражданской Религии снова выходили на рынок, но не с уровня десятой из дзенских картинок Выпаса Быка, а с уровня первой. Мы, по существу, становились яппи и проводили в жизнь свою одержимость собственным «я» с капиталистическим неистовством; либо ограничивали свои духовные побуждения одной лишь грубой сферой, превращая бедняжку Гайю в единственного Бога, которого мы могли отыскать. В целом мы обратились к романтизму — горизонтальной одержимости собственным «я» — и отказались от настоящего Идеализма — вертикального превосходения «я». А с помощью ЛОГР мы могли находить всему этому рациональное объяснение и продолжать свое грязное дело, лелея эту одержимость собой долгими днями и одинокими ночами.

Но я ценю тот факт, что из тех 24% населения, которые по-прежнему имеют, по крайней мере, *представление* о том, что подлинная трансценденция возможна, происходит большая часть того 1% людей, которые *действительно* трансцендируют, действительно заняты не просто трансляционной духовностью или периодическими пиковыми переживаниями, а подлинной практикой, опытом плато и устойчивым постижением. Остается фактом то, что 1% населения — несколько миллионов человек — действительно практикуют подлинное превосходение и сострадательное приятие; это чрезвычайно редкое явление в любой культуре, и оно может оказаться одним из подлинных даров, которые мое поколение предлагает миру.

В то же время это задает важную образовательную программу: как нам обращаться к людям и объяснять им различие между чисто

трансляционными верованиями и подлинными преобразующими практиками? Как нам помогать превращать этот 1% в пять, десять, двадцать процентов? Как говорит Джек Криттенден, это элитарность, но элитарность, к которой приглашаются все.

Среда, 24 сентября

Я поклонник живописи Ансельма Кифера; она глубоко значима и вызывает волнение. По забавному совпадению сегодня я получил следующее письмо от Мэрией Гудмен, владелицы художественной галереи в Нью-Йорке: «Я соержу художественную галерею, в которой представлена большая группа ведущих современных художников. Среди них художник по имени Ансельм Кифер, у которого было много крупных персональных выставок в музеях всего мира. Я думаю, его вполне можно назвать одним из самых важных современных художников и, вероятно, первым среди европейских художников его поколения.

Ансельм Кифер родился в 1945 году в Германии. Ему в полной мере присуще ощущение борьбы за смысл, столь важной для его послевоенного поколения. Тематика его работ развивалась во времени от вопросов об источниках германской катастрофы через мифологию, историю и т.д. к более широкой рефлексии над способностью человека к добру и злу. В последние годы в его работах произошел поворот внутрь, к более духовным и трансцендентальным темам.

Мы начнем большую выставку его картин в середине ноября. По этому случаю мы планируем выпустить альбом». Она говорит, что Ансельм хотел бы, чтобы текст для альбома написал я. Я с радостью это сделаю. Я постарался вспомнить, где я в последний раз читал обзор работы Ансельма. Это была чудесная работа Сюзи Габлик «Обанкротился ли модернизм?» — блестящее обвинение крайнего постмодернизма. (Я также получил большое удовольствие от ее «Прогресса в искусстве», где показано, что изобразительное искусство действительно развивается и эволюционирует.) Габлик: «Если у американцев Джулиана Шнабеля и Дэвида Салле эклектическое нагромождение образов никогда до конца не соединяется в убеждение или смысл — и потому представляется в большей мере симптомом отчуждения, чем лекарством от него, — то есть другие, подобные немцу Ансельму Киферу, чьи образы увлекают и даже внушают желание снова верить. На мой взгляд, Кифер — один из немногих работающих ныне художников, которые открывают видение и идеал апокалиптического обновления и предпринимают усилия для восстановления духовного

достоинства искусства. Он как бы открывает *fenstra aeternitastis* — окно в вечность и духовное предвидение, — которое в нашем обществе в течение долгого времени было закрыто».

Пятница, 26 сентября

Роджер и Френсис приехали на два дня погостить у нас с Марси. Френсис, как представителю Фонда Фетцера, скоро предстоит выступать в Аризонском центре изучения сознания, которому Фонд Фетцера оказывает большую поддержку. Я написал большую статью (для издаваемого ими «Журнала исследований сознания») под названием «Интегральная теория сознания», в которой подчеркивается необходимость «всеуровневого, всесекторного» подхода. Вывод, попросту говоря, заключается в том, что в изучении сознания нам нужно сочетать подходы от первого лица («я»), второго лица («мы») и третьего лица («оно») — это можно было бы назвать 1-2-3-подходом. Но, рассматривая область исследований сознания, и Роджер, и Френсис, и я заметили, что почти все по-прежнему сосредоточиваются на своем любимом секторе, настаивая на одном подходе, исключаящем все остальные, и это поистине удручает. Поэтому Френсис думает, что она могла бы озаглавить свое выступление «1-2-3-исследований сознания» и тем самым способствовать более интегральному подходу. У Роджера появилась фантастическая идея, которую он называет 20/20: в деятельности Центра *каждый сектор* должен быть представлен как минимум на 20%. Шансы на это, пожалуй, довольно малы, но это хорошая идея, которую, вероятно, можно применить где-нибудь еще.

Понедельник, 29 сентября

«Истину духовного утверждения определяет не то, что человек говорит, а то, с какого уровня он говорит». Я согласился сегодня в конце дня поболтать с час или около того с молодым профессором местного колледжа.

«Что вы имеете в виду?» — спросил он.

«Ну, кто угодно может говорить «Все сущее едино», «Все чувствующие существа обладают Духом», «Все сущее — часть великой единой Паутины Жизни» или «Субъект и объект недвойственны». Такие вещи может говорить *всякий*. Вопрос состоит в том, действительно ли вы непосредственно это постигаете? Говорите ли вы, опираясь на какой-то опыт пробужденности, или это для вас просто слова?»

«Что, если это просто слова? Какое это имеет значение?»

«Дело в том, что *духовные реалии* включают в себя не только утверждения об объективном мире, но и утверждения о *субъективных фактах*, внутренних фактах, и чтобы такие утверждения были *истинными*, когда вы их высказываете, вы должны непосредственно соприкоснуться с этими более высокими внутренними фактами, иначе вы не говорите правду, сколь бы «правильно» ни звучали слова. Именно субъективное состояние говорящего, а не объективное содержание слов определяет истинность высказывания».

«Да, я понимаю. Но не можете ли вы привести какие-нибудь примеры?» Он лихорадочно писал, но я не был уверен, делает ли он заметки или фиксирует собственные мысли»

«Ладно. Всякий может говорить «Все сущее едино», и потому для того, чтобы судить о действительной степени истинности подобного утверждения, вы должны определить субъективное состояние сознания — или уровень сознания — человека, который его высказывает. Нам необходимо знать уровень сознания говорящего, чтобы знать, что в действительности подразумевается под «Всем сущим». Имеется ли в виду, что едино все, существующее на грубом уровне? На тонком уровне? На каузальном уровне? Или имеется в виду все это, вместе взятое? Вы видите, что простое утверждение «Все сущее едино» имеет несколько совершенно разных значений, и эти значения зависят *не* от объективного содержания слов, которые в любом случае одинаковы, а от субъективного уровня сознания говорящего, который может быть очень разным. Возможно, вы едины со *всеми* на данном уровне, но что, если существуют более высокие и глубокие уровни, о которых вы не знаете? Вы не едины с ними, вы понимаете?»

«Да. Так как же это можно определить?»

«Есть несколько признаков. Большинство книг, которые пишутся о теории систем, Гайе, Великой Матери, новой парадигме и так далее, касаются грубого состояния бодрствования. Это можно легко понять, так как в них никогда не упоминаются никакие феномены тонкой сферы — в них ничего не говорится о различных медитативных состояниях, самадхи, внутренних озарениях, неординарных состояниях йоги сновидений, архетипических видениях и т.п. Не упоминаются в них и еще более высокие состояния каузальной бесформенности. Поэтому, когда объявляют себя «холистическими и «недвойственными», на самом деле они не являются таковыми в сколько-либо полном смысле. В лучшем случае они находятся на уровне мистицизма природы, где сознание ограничено единством с грубой сферой, состоянием бодрствования. Само по себе это неплохо, но просто очень поверхностно. Это самая неглубокая из сфер

мистического единства в Великом Гнезде Духа».

«Как можно определить, выходит ли сознание за пределы грубой сферы?»

«Как только состояние становится достаточно сильным, чтобы распространяться из состояния бодрствования в состояние сновидения — например, когда ваши сновидения становятся осознанными или когда вы входите в разнообразные виды савикальпа самадхи (медитации с формой), — вам становится доступна совершенно новая область — а именно тонкая сфера, — и это безошибочно отражается на вашей жизни, ваших сочинениях, теории и духовной практике. Вы больше не ограничены в своем мышлении грубой сенсомоторной сферой — ваш бог больше не просто живая природа, — и вашему мысленному взору открывается необыкновенный внутренний ландшафт. Если вы — художник, то ваша тематика больше не ограничена натюрмортами, природными пейзажами или обнаженной натурой. Вы можете изображать тонкие внутренние сцены, как это делается в сюрреализме или фантастическом реализме, либо внутренние объекты медитации, как в тибетской живописи *тхангка*. Но ни один из этих тонких объектов нельзя увидеть глазом плоти».

«Так что, когда кто-нибудь, находящийся на этом тонком уровне говорит «Все сущее едино», он имеет в виду нечто другое, чем теоретик грубой сферы».

«Да, совершенно другое. Обычно когда кто-нибудь, чье сознание ограничено грубой сферой, говорит «Все сущее едино», при этом имеется в виду что-то вроде теории систем или экопсихологии — имеется в виду, что все эмпирические явления представляют собой аспекты единого процесса. Но когда это говорит кто-то, имеющий доступ *и* к сознанию тонкого уровня, он имеет в виду, что все эмпирические явления *и* все тонкие явления — это аспекты единого процесса. Это гораздо более глубокое и широкое постижение, которое превосходит и включает в себя грубую сферы».

«Так что сознание такого человека действительно сильнее».

«В каком-то смысле да. Его осознание не затуманивается на пороге состояния сновидения. Благодаря своему собственному развитию и эволюции сознания он может оставаться «бодрствующим» даже при возникновении сновидения или входить в глубокие состояния савикальпа самадхи и не переставать осознавать. И эта «сила» сознания еще более возрастает на каузальной стадии развития, поскольку вы достигаете своего рода «постоянного сознания» или «постоянной способности свидетельства», что означает, что вы остаетесь «бодрствующим» или сознательным во всех трех основных состояниях

— бодрствования, сновидения и глубокого сна. Таким образом, сознание становится все сильнее, сохраняясь при все больших изменениях состояния, и это безошибочно отражается на вашей жизни, вашей работе, вашем теоретизировании и так далее. Эти признаки трудно не заметить».

«Да, я понимаю. Так что, если вы находитесь на тонкой стадии, вы имеете доступ к...?»

«На тонкой стадии у вас есть доступ к разнообразным формам божественного мистицизма — внутренним озарениям, *нада*, *шабд*, различным самадхи или медитативным состояниям, йоге сновидений, большинству сфер бардо и так далее. Это тонкая сфера *божественного мистицизма*. Поскольку тонкое-душа превосходит, но включает в себя грубую сенсомоторную сферу, на уровне божественного мистицизма вы также имеете доступ к природному мистицизму, так что они не исключают друг друга. Но низший, природный мистицизм склонен считать вас безумным».

«А каузальный...»

«Это царство *бесформенного мистицизма* — чистая Пустота, Бездна, Нерожденное, айин, ниродх, нирвикальпа самадхи, джняна самадхи, классическая нирвана, или прекращение. Этот опыт (или «не-опыт») прекращения ни с чем не спутаешь, и он оставляет неизгладимый след. И когда кто-нибудь *непосредственно* это испытал и пишет духовные книги, то поверьте мне, он будет писать именно об этом! И вы интуитивно почувствуете, что он знает, с чем говорит».

«Вы также упоминали недвойственное».

«Да, коль скоро вы проходите через каузальную бесформенность — царство чистого Свидетеля, — сам Свидетель *растворяется* во всем, что свидетельствуется во *всех трех состояниях*. Веданта называет это *сахаджа*, что означает спонтанное единство нирваны (пустоты) и самсары (формы); тибетцы называют это Одним Вкусом, поскольку все вещи во всех состояниях имеют один и тот же оттенок Божественного; даосы называют это *цзу-джан*, что значит «само по себе», или совершенно спонтанно. Поэтому когда здесь говорят «Все сущее едино», то имеется в виду, что любая вещь в грубой, тонкой и каузальной сферах имеет тот же самый Один Вкус. И это очень отличается от того, когда кто-нибудь, бодрствующий только в грубой сфере, говорит «Все сущее едино»».

«Да, я понимаю. Вот почему вы сказали... — он посмотрел в свои записи, — что истинность высказывания определяется субъективным состоянием говорящего, а не объективным содержанием слов».

«Да, правильно».

«Так что мы имеем формы Единства на психическом уровне, на тонком, на каузальном и на недвойственном».

«В основном да. И это только надличностные, надрациональные формы Единства или Единения. Существуют также примитивные, дорациональные, доличностные формы «единства» или слияния. Есть архаическое, или *плеромное*, слияние, или единство с физическим миром (которое типично для первого года жизни. Есть *магический* анимизм или неразделенность эмоционального субъекта и объекта — своего рода единство витального уровня (характерное для возраста от 1 до 4 лет). И есть *мифический* синкретизм или единство символических слияний (типичное для возраста от 4 до 8 лет). Разумеется, как подчеркивал Жан Гебсер, эти примитивные типы мышления — архаический, магический и мифический — по-прежнему всем нам доступны, хотя и скрыты дальнейшим более глубоким развитием. А затем мы достигаем *рациональных* форм Единства наподобие теории систем, которые являются плодом зрелого разума (или зрительной логики)».

«Не могли бы вы Перечислить их все по порядку?»

«Плеромное слияние, магический анимизм, мифический синкретизм, рациональная теория систем, психический или природный мистицизм, тонкий или божественный мистицизм, бесформенный или каузальный мистицизм и недвойственный Один Вкус».

«И все они могут высказывать утверждения типа «Все сущее едино», при этом имея в виду совершенно разные вещи».

«Именно так».

«Да, я понимаю, я понимаю», — он продолжал писать.

«Послушайте, суть вот в чем, — сказал я. — В последнее время появилось множество книг о том, что все вещи — части единого целого, что все мы — нити паутины жизни, что все сущее представляет собой аспекты огромного единого процесса, что мир — это живая органическая система и так далее. Всё это вариации на тему «Все сущее едино». Но как мы только что видели, само по себе это утверждение совершенно бессмысленно. Его истинность полностью зависит от уровня сознания человека, который его высказывает.

И это означает две вещи: во-первых, когда вы читаете эти книги, старайтесь в меру своих возможностей судить о действительной глубине автора, кто угодно может сказать: «Все сущее едино». Большинство книг о «единстве с миром» пишутся с уровней магического анимизма, мифического синкретизма или в лучшем случае разновидности теории систем — и об этих уровнях. Поэтому постарайтесь найти автора, обращающегося к надрациональным, а не

только рациональным и дорациональным уровням осознания. И во-вторых, автор должен прежде всего предлагать вам *практики*, чтобы помочь вам пробудиться к более высокому уровню Единства в самом себе. Не только новое объективное описание мира — оно в этом отношении бесполезно, — но ряд субъективных практик для изменения уровня вашего осознания.

Поэтому такой автор сам должен быть пробужденным к более высокому Единству — психическому, тонкому, каузальному или недвойственному, — и он должен предлагать вам практики, которые помогут вам тоже пробудиться. Этот автор как минимум должен давать вам не просто новые способы трансляции мира, а новые способы трансформации вашего сознания. И если он не дает вам эти практики непосредственно, то ему следует ясно показать вам, какое огромное значение они имеют».

Я приготовил ему чашку зеленого чая, и мы молча наблюдали, как медленно меркнет свет по мере того, как солнце скрывается за горами. Он казался глубоко погруженным в мысли, как будто слушая невидимый плеер, из которого доносится песня, которая слышна только ему. Наконец, он сказал: «Благодарю вас», и я проводил его до двери.

ОКТАБРЬ

И тогда возникает чувство — я полагаю, это Высшее Мистическое убеждение, — что, вопреки Всему, вопреки Боли, вопреки Смерти, вопреки Ужасу, вселенная в каком-то смысле устроена Совершенно Правильно, с большой буквы «С», с большой буквы «П»...

Олдос Хаксли

Нет никакого достижения Самости. Если бы Самости можно было достичь, это бы означало, что Самость существует не здесь и сейчас, а ее еще только следует обрести. А то, что обретается, может быть и утрачено. Поэтому она была бы непостоянной. К тому, что не постоянно, не стоит стремиться. Потому я говорю, что Самость не достигается. Ты — Самость, ты уже То.

Шри Романа Махарishi

Среда, 1 октября

Я отправился пообедать с Марси и заехал за ней в Центр помощи людям с недостатками развития, в котором она работает. Одного из пациентов, Ричарда, в прежние времена называли бы умственно

отсталым. Но как бы его ни называть, он тем не менее крайне восприимчив. К тому же он очень увлечен Марси, так что, когда мы начали встречаться, он захотел узнать, кто посягает на предмет его обожания. Марси сказала ему, что я — писатель, и показала ему некоторые из моих книг. Поэтому сегодня, когда я приехал, Ричард демонстративно разгуливал с экземпляром «Трансформаций Сознания».

«Знаете, я могу понимать эту книгу. Я читаю на уровне четвертого класса».

Четверг, 2 октября

После двадцати пяти лет занятий медитацией в позе лотоса я теперь часто медитирую в так называемой «позе трупа» — лежа на спине, сдвинув ноги и слегка разведя руки в стороны; сплю я также в этой позе. Поэтому когда я просыпаюсь и начинаю медитацию, то зачастую не делаю вообще никаких движений. «Но я могу заметить, когда ты начинаешь медитировать», — сказала Марси сегодня утром. «Как это?» — «Твое дыхание меняется: оно становится очень ритмичным, но очень слабым, временами останавливаясь. А когда ты медитируешь всю ночь, — она имеет в виду, когда постоянное сознание сохраняется во всех трех состояниях, — то дышишь именно так в течение всей ночи. Мне это нравится — это не дает тебе храпеть».

Начал писать эссе для книги Ансельма о живописи. Оно называется «Видеть мир — Живопись и «Я» художника». Что касается «позы трупа», то на некоторых из последних картин Ансельма на переднем плане изображен человек, неподвижно лежащий на спине именно в позе трупа — «трупа», поскольку она представляет смерть эго, смерть чувства отдельной самости и потому раскрытие к надличностному и сверхсознательному. Искусство сверхсознательного — вот живопись будущего.

Пятница, 3 октября

РАЗВИТИЕ И РЕГРЕССИЯ

[Телефонный разговор с учебной группой]

ВОПРОС: Коль скоро вы предлагаете разновидность интегрального холизма, почему вы критикуете многие другие воззрения — ведь все представляет собой часть целого? Разве не следует принимать все? Разве настоящий холизм не должен включать в себя все, вместо того чтобы критиковать столь многое из него?

К.У.: Ну, это как раз главный вопрос любого типа холизма, ведь так? В книгах «новой парадигмы» — книгах о Гайе, теории систем и экологии — вы можете прочитать, что «все связано со всем остальным» и что «все мы в равной степени представляем собой неотъемлемые части паутины жизни». Так что, если все в равной степени составляет часть неразделимого целого, значит ли это, что мы должны принимать воззрения нацистов? Разве они не являются в равной степени частью целого? Должны ли мы делать Ку-клукс-клан частью нашего неделимого целого? Должны ли мы считать одинаково важными Мать Терезу и Джека Потрошителя? Я говорю не об абсолютном воззрении, где все вещи в своей таковости представляют собой совершенные проявления Пустоты и все вещи Божественны; я говорю об относительном, конечном, проявленном мире, где должны применяться эти идеи холизма и паутины жизни. Понимаете, в чем тут проблема?

ВОПРОС: Не совсем. Если все в проявленном мире в равной степени составляет часть целого, почему нам не следует принимать все?

К.У.: Все не является в равной степени частью целого. Все составляет часть холархии, а холархия — это *ранжирование* степеней целостности — некоторые вещи являются *более цельными*, чем другие. Атомы входят в молекулы, которые входят в клетки, которые входят в организмы. Целостность атома — удивительная вещь, но молекула содержит в себе *всю* эту целостность *плюс* свою собственную, более сложную целостность. И сколь ни поразительна эта целостность молекулы, она полностью содержится в целостности живой клетки. И так далее, вверх по уровням Великой Холархии или Великого Гнезда проявленного бытия. Каждый последующий уровень обладает большей целостностью — является более высоким — именно потому, что он *превосходит*, но *включает в себя* предыдущие уровни.

ВОПРОС: И как сюда вписываются нацисты и ККК?

К.У.: Нацисты и ККК действительно составляют часть холархии человеческого развития, но они представляют собой особенно патологический вариант ее весьма низкого уровня. Конечно, они являются «частью всего», но они занимают очень низкое положение в этом иерархическом «всем» и, как таковые, препятствуют более высоким и глубоким моральным откликам Космосу.

ВОПРОС: Но если они так плохи, почему они вообще существуют? Какую роль они могут играть в любого рода холархии?

К.У.: О, все проходят через тот или иной вариант этих низших и ранних стадий — они представляют собой, так сказать, атомы и молекулы морального развития, из которых строятся более высокие клетки и организмы. Нацисты и ККК представляют собой тяжелый случай

задержки развития. Они находятся на низшем уровне целостности. В общей *моральной холархии* или последовательности морального роста, которая идет от доконвенционального и эгоцентрического к конвенциональному и этноцентрическому, затем к постконвенциональному и мироцентрическому и к постпостконвенциональному и духовному, — нацисты и ККК представляют извращенный случай остановки развития на этноцентрической стадии: их раса, их группа, их религия, их расширенное племя выше всех остальных, которые заслуживают уничтожения. Да, конечно, нацисты и ККК — это часть «паутины жизни», но та часть, которой мы должны *сопротивляться* именно потому, что это *низший порядок* целостности, и потому он менее морален.

ВОПРОС: И потому подлинный холизм в действительности очень критичен.

К.У.: Да, правильно. И это очень важно. Подлинный холизм основывается на холархии — ранжировании возрастающей целостности, включения, охвата и заботы. Подлинный холизм как бы включает в себя уровни любви, идущие в двух направлениях: восходящего Эроса и нисходящей Агапе. Но потому это «строгая любовь», истинное сострадание, а не идиотское сострадание, которое «избегает ранжирования». Иными словами, подлинный холизм включает в себя недвусмысленно *критическую теорию*.

ВОПРОС: Вот почему вас беспокоит регрессия в этой стране.

К.У.: Да. Мы видим разнообразные тенденции, которые стремятся к отказу от постконвенциональных, мироцентрических, либеральных достижений Просвещения и к регрессии к социоцентрическим и этноцентрическим идеалам, к политике тождественности, к эссенциализму расы и пола, к «народным» движениям земли и крови, к экофашизму, к трибализму и к политике жалости к себе (не говоря уже о еще более глубокой регрессии к эгоцентрическому и нарциссическому индивидуализму!). Короче говоря, мы наблюдаем своего рода возврат к племенному строю не только по всему миру, где нации распадаются по расовому/племенному принципу, но также, особенно угрожающе, в этой стране, где звучат призывы «назад к благородному варварству», «назад к природе», «назад к племени», и все это скреплено холизмом флатландии — «все мы — в равной степени неотъемлемые части великой ткани», — который в действительности представляет собой не холизм, а кучизм. Он способствует как раз такой фрагментации и регрессии к племенным отношениям именно потому, что отказывается судить о степенях глубины, поскольку «все в равной степени является частью целого».

Увы, этот регрессивный распад царит и в научной среде — он стоит за большей частью постмодернизма и движений за крайнее разнообразие и поликультурность, где всякий культурный выверт считается частью «богатого многообразия» бытия. Если мы действительно стремимся к разнообразию, то обязательно должны включать в него нацистов. Если мы стремимся к подлинной поликультурности, то должны включать в нее ККК.

ВОПРОС: Это неспособность делать суждения, основывающиеся на степенях глубины.

К.У.: Да, правильно.

ВОПРОС: Есть ли что-либо полезное в движениях за разнообразие и поликультурность?

К.У.: Безусловно. Такие либеральные движения *пытаются* выразить не-этноцентрическую, то есть мироцентрическую, позицию, представляющую собой *универсальный плюрализм*. Проблема состоит в том, что в своем понятном рвении они подчеркивают плюрализм и забывают об универсальности. Но мы *можем* принимать подлинный плюрализм и *отвергать* более ограниченные позиции, наподобие нацизма, только с постконвенциональной, универсальной, мироцентрической позиции. И это означает, что если мы действительно стремимся к подлинному плюрализму, то должны поддерживать и поощрять моральное *развитие*, идущее от эгоцентрического к этноцентрическому и мироцентрическому. Мы *не* должны сидеть сложа руки и заявлять, что все взгляды одинаково хороши, поскольку мы приветствуем богатое разнообразие.

В той мере, в какой либерализм/постмодернизм приемлет это бездумное разнообразие, он выбивает почву у себя из-под ног. Он подрывает, даже разрушает, свой собственный фундамент. Либерализм — это очень высокая, постконвенциональная стадия развития, которая затем делает поворот кругом и говорит: черт возьми, следует в равной мере лелеять все позиции, — и это полностью разъедает его собственную основу.

Другими словами, сейчас либерализм поощряет те позиции, которые будут уничтожать либерализм. Именно из-за отказа сделать моральное суждение, что не все позиции равны, что мироцентрическая позиция лучше эгоцентрической и этноцентрической, он затем автоматически приходит к поощрению возврата к племенным отношениям, регрессии к меньшим позициям и неистовства гипериндивидуальных эгоцентрических прав; и все это разъедает сам либерализм и разрывает ткань этого общества на почти неузнаваемые лоскутья.

Такова внутренне противоречивая — и саморазрушительная — позиция

крайнего либерализма и постмодернизма. Я откровенно симпатизирую многим из их целей — особенно универсальному плюрализму, — но я критикую те обреченные на провал пути, которыми они к нему идут.

ВОПРОС: Поэтому им нужно принять настоящую холархию, которая представляет собой моральное ранжирование, ведущее к универсальному плюрализму, при критическом отношении к более низким моральным позициям.

К.У.: Да. Все говорят о холизме, о «паутине жизни», о *большей широте*, о сострадании и приятии. Но как только вы действительно проводите эти идеалы в жизнь — а не просто предлагаете некое плоское, неопределенное понятие «паутины жизни» и «равенства в разнообразии», — вы обнаруживаете, что реальный мир во всех четырех секторах представляет собой холархию (вложенную иерархию), что означает *ранжирование* ценности, и глубины, и целостности, и, следовательно, *критический* подход в лучшем смысле этого слова. Подлинный холизм требует новой критической теории.

ВОПРОС: Поэтому вы иногда прибегаете к полемике?

К.У.: Нет, можно быть критичным, не пускаясь в споры. Я порой прибегаю к полемике по другим причинам.

ВОПРОС: Каким?

К.У.: Ну, в этой области слишком часто приходится сталкиваться с лицемерными позициями, что новая парадигма преобразит мир, что новая духовность спасет планету и так далее. Все вы знаете, насколько самоуверенными и самодовольными они могут становиться. Мы все время это видим, ведь так? А полемика — это старый и уважаемый способ — даже среди духовных учителей, и особенно среди них, — охладить излишнее самодовольство и действительно добиться толка. Он особенно помогает против идиотского сострадания. Поэтому я полагаю, что хорошая доза полемики время от времени крайне необходима, особенно в этой области, которая, благослови ее Бог, принимает себя уж слишком всерьез.

Воскресенье, 5 октября — Денвер

Сегодня 30° в тени — очень жарко для этого времени года, — и потому после долгой утренней работы мы с Марси отправились в Денвер побродить по пассажам с кондиционированным воздухом. Я чувствую себя слегка отрешенным от всего этого. Существует такое резкое различие между Свидетельствованием и деперсонализацией. В первом случае ты непривязан; в последнем — отрешен. В первом у тебя есть основа невозмутимости, с которой ты страстно вовлекаешься во все,

что возникает; в последнем ты пребываешь в оцепенении и не способен испытывать страсти к чему бы то ни было. В первом ты видишь все с прозрачной ясностью и в ярком освещении; в последнем ты как будто смотришь на мир через перевернутый телескоп. У меня все еще есть умеренная, но необычная для меня доза последнего, последнего и последнего.

Но входи в пустоту и находи Пустоту.

Понедельник, 6 октября — Боулдер

Его зовут Джон; он находится в одном из хосписов, для которых Марси занимается маркетингом и менеджментом. Джон умирает от СПИДа, как недавно умерла его жена. Над его кроватью — это маленькая кровать в маленькой комнате, где стоят еще четыре кровати, отделенные друг от друга лишь тонкой занавеской, создающей иллюзию личного пространства, — висит фотография, на которой они с женой изображены такими, какими они когда-то были, здоровыми и сильными, улыбающимися и счастливыми, очень красивыми людьми. Эта фотография — все, что у Джона осталось от той жизни, которую он когда-то знал. Врачи сказали, что ему осталось жить около двух недель, и Джон это знает.

«Вы говорили, что мне здесь понравится, а я ненавижу это место», — говорит он Марси, которая устроила его в этот хоспис. Грустно то, что это заведомо лучшая возможность из всех, что у него были, и ему повезло, что Марси его сюда поместила. Но в такие времена об этом трудно помнить.

«Я ненавижу это место! Я ненавижу его! Взгляните на меня!» Джон задирает свою ночную рубашку, и там, где когда-то были его ноги, сейчас палки, белые кости, обернутые пергаментом. «Вы мне лгали, вы мне лгали. Я умираю, мне осталось лишь несколько недель, и взгляните на меня. Я ненавижу это место! И я ненавижу еду, я особенно ненавижу еду. Я не хочу так умирать».

«Джон, послушай. Какую еду ты любишь?»

И Джон начинает длинный перечень еды, которой, по его словам, ему хочется, но в действительности это перечень того, чего ему когда-то хотелось. Теперь он не ест ничего — что бы это ни было.

«А особенно я люблю мексиканские буррито и коку».

В это утро Марси встает пораньше, покупает ему буррито и коку и ставит около его кровати, в крохотной комнатке, где он умирает.

Вторник, 7 октября

Думаю о Джоне, и мне снова приходит в голову, что вся духовная практика — это репетиция — и в наилучшем варианте разыгрывание — смерти. Как говорят мистики: «Если ты умираешь до смерти, то, когда приходит смерть, ты не умираешь». Иными словами, если ты *прямо сейчас* умираешь для чувства отдельной самости и взамен открываешь свою настоящую Самость, каковая представляет собой весь Космос, то смерть этого частного тела-ума не более чем листок, опадающий с вечного дерева, которым ты являешься.

Медитация — это практика этой смерти в этот момент, и в этот момент, и в этот момент, путем пребывания в безвременном Свидетеле и разотождествления с конечной, объективной, смертной самостью, которую можно видеть как объект. В пустом Свидетеле, в великом Нерожденном нет никакой смерти — не потому, что ты вечно живешь во времени — это не так, — а потому, что ты отрываешь безвременность этого вечного момента, который вообще никогда не входит в поток времени. Когда ты пребываешь в великом Нерожденном, выступаешь свободно как пустой Свидетель, смерть ничего существенно не меняет.

И все же любая смерть по-своему так печальна.

Среда, 8 октября

Обед с Лео и нашими друзьями Полом и Сел в ресторане Мортон в ЛоДо. Лео — чрезвычайно милый человек, очень умный и добрый. «Моторола», это единственная компания, которая обосновалась в Китае, не будучи вынужденной иметь в качестве партнера коммунистическое правительство; сейчас на предприятиях «Моторолы» в Китае занято 67 000 рабочих. Лео только недавно вернулся из Пекина, а Пол и Сел направляются туда по делам в последние три недели ноября, так что они обменивались опытом.

Бизнес, очевидно, связан с производством и продажей товаров и услуг. Но эти продукты Правой стороны сначала создаются сознаниемлевой стороны, и потому, как отметил Лео, значительная часть его деятельности связана с *внутренним развитием* менеджеров, именно поэтому его заинтересовала моя работа. И именно поэтому тремя важнейшими областями применения исследований сознания остаются образование, политическая теория и бизнес.

Было начало вечера, поскольку Лео предстояло улететь в 8 часов. Пол и Сел вернулись домой, а мы с Марси — мы заранее зарегистрировались в «Браун-Пэлас» — сидели в Комнате Рузвельта, пили мартини и исчезали в романтическом тумане.

Пятница, 10 октября

Сэм вернулся из Франции, где он месяц преподавал медитацию, а Роджер только что отбыл на месячный медитативный ритрит. Как говорит сын Френсис, Боб: «Роджер отступает, чтобы наступать»^{35*}.

Воскресенье, 12 октября

Мэрилин Шлиц сейчас в Боулдере и зашла пообедать со мной и с Марси, и мы только что разошлись. Мэрилин, как и следует ожидать, очень умна — она входит в разнообразные советы директоров в Гарварде, Стенфорде, национальных Институтах здоровья, Аризонском центре исследований сознания, Эсалене и т.д. И самое главное, она — настоящая милочка. Она замужем за Китом Томпсоном; я очень люблю их обоих. Мы с Китом знакомы очень давно. Кит — протеже Майкла Мёрфи; он был автором или редактором нескольких книг; у него прекрасный стиль, очень грамотный и элегантный (что почему-то крайне редко встречается в этой области). Сейчас он возглавляет издательство в Институте ноэтических наук (ИНН), где Мэрилин руководит исследовательским отделом.

На данном этапе Мэрилин особенно интересуется изучением мудрости туземных культур, однако без романтизма, которым отмечена слишком большая часть таких исследований (как она говорит об одном племени: «Не будем забывать, что эти люди — охотники за головами»). Я от всего сердца приветствую такой беспристрастный подход — признавать как мудрость, так и гнусность.

Вторник, 14 октября

Со времени публикации «Пола, экологии, духовности» — и особенно «Краткой истории Всего» — наблюдался все возрастающий интерес к моей работе в очень консервативных и ортодоксальных областях, в частности, в политике, бизнесе и образовании. Причины этого, на мой взгляд, весьма интересны.

Более ранние этапы моей работы (которые я описал в «Оке Духа» как «Уилбер-1», «Уилбер-2» и «Уилбер-3») были неразрывно связаны с надличностными и духовными сферами. Если бы вы захотели использовать эти модели, то вам было бы совершенно необходимо учитывать высшие и трансцендентальные уровни. Это сильно ограничивает применение таких моделей в реальном мире, поскольку немногие люди действительно интересуются этими более высокими

уровнями или эволюционировали до них. Применения в бизнесе и образовании были немногочисленными.

Но модель «Уилбер-4» (четыре сектора, каждый примерно с дюжиной уровней) почти сразу же оказывается применимой к большинству областей, поскольку четыре сектора охватывают множество обычных событий. Вам не приходится учитывать или даже признавать более высокие и надличностные уровни каждого сектора, чтобы вам оказались полезными сами сектора. А сектора *полезны* потому, что они дают простой, легко понятный способ борьбы с редукционизмом флатландии, столь преобладающим в современном и постсовременном мире. Поскольку законченный редукционизм попросту *ложен*, этот редукционизм будет отрицательно сказываться на ваших усилиях в любой и каждой области — от бизнеса до политики и образования — или даже делать эти усилия непригодными, и потому четыре сектора дают вам непосредственный способ избежать этого вредного влияния. А это будет окупаться во всем — от более ответственной политики до более эффективного образования и возросших прибылей.

Я полагаю, что именно поэтому данная модель сейчас применяется в столь многих различных областях, как теоретических, так и практических. Вот несколько примеров.

Билл Годфри, глава школы «Зеленые Холмы» (6—12-е классы) в Энн Арборе (Мичиган), прислал длинное резюме «применения теории секторов к процессу составления учебных программ, равно как и ко всей школьной модели». Это весьма впечатляющий документ, в котором очерчены общие цели и средства образования с использованием четырех секторов (и соответствующих им уровней развития); теперь эти идеи проводятся в жизнь в «Зеленых Холмах». Сходным образом Эд Мак-Мэнис пишет, что в Денверской академии — школе для детей с недостатками способностей к обучению — «в учебной программе уже внедрены многие из этих идей». Я получил несколько десятков аналогичных писем из образовательных учреждений всего мира.

Последователи Джеба Буша из Флориды звонили, чтобы обсудить эти идеи в политике — пример с консервативной стороны, — а Майкл Лернер и его организация «Политики смысла» находят их полезными с либеральной (или постлиберальной) стороны — такого просто не могло случиться, когда я сосредоточивался главным образом на «дальних пределах человеческой природы». Четыре сектора действуют и на более низких и средних уровнях, где и происходит большая часть действий в реальном мире.

Др. Кеннет Кокс из НАСА прислал «Футуристические перспективы

освоения космоса», в которых эта модель используется для определения будущих направлений работы НАСА и исследований космоса. В статье очерчены двадцать принципов, природа холонов, их четыре характеристики и т.д., и она завершается словами: «Земля — космос — это холон, и путем изучения его характеристик целого и частей можно разрабатывать эволюционные схемы». Мне бы хотелось увидеть, как НАСА пытается получить финансирование у конгресса, объясняя природу холонов. «Извините, полковник, но пора спуститься на землю».

Рон Касиоппе, специалист по бизнесу из Австралии, пишет учебник по деловой администрации, в котором используются эти идеи, и я получаю все больше писем от людей, занятых в бизнесе и организационной деятельности (как Лео Бурке в «Мотороле»). Особенно поразительную статью о деловой администрации написал Дэрил Паулсон, основатель фирмы «БиоСайнс лэборэтриз». Дэрил указывает, что существуют четыре основные теории деловой администрации — Теория X (индивидуальное поведение), Теория Y (индивидуальное понимание), Системное управление (организационная структура и функция) и Культурное управление (управление разделяемыми ценностями). Они, разумеется, в точности соответствуют четырем секторам. Это понимание, которое Дэрил подробно развивает и документирует, не только позволяет интегрировать четыре упомянутых важных типа управления, но и помещает бизнес в гораздо более крупную «большую картину», которая придает содержание и смысл самой этой деятельности.

Это понимание носит не просто теоретический или умозрительный характер; оно имеет весьма конкретные приложения. Дэрил опубликовал статью «Разработка эффективных местных антибактериальных средств» (например, противомикробного мыла), которая начинается словами: «Поскольку цель состоит во внедрении на рынок продуктов, которые будут иметь успех, менеджеры должны подходить к разработке с многомерной перспективы». Хорошо сказано. «Холонная четырехсекторная модель утверждает, что следует учитывать по меньшей мере четыре точки зрения: социальную, культурную, личную субъективную и личную объективную. Рассмотрим секторную модель более подробно». Затем он описывает, как и почему четыре сектора дают гораздо лучшее понимание требований рынка и возможность успешной работы на рынке. (Раньше моя работа доходила до тех, кого интересует сатори; теперь она распространяется на тех, кто заинтересован в мыле.)

Сьюзен Кэмпбелл, которая много работала с Джоном Роббинсом

(«Диета для Новой Америки»), заинтересована в диете и общем здоровье, особенно для детей. Именно об этом она написала книгу «Здоровый ланч в школе», которая была тепло встречена критикой, и сейчас работает над второй книгой, в которой использует четыре сектора для создания общенациональной программы питания.

Доктор Том Геринг (специалист по тюремному воспитанию) и его жена Кэролайн Эгглстон «пишут книгу об истории исправительного воспитания (тюремное воспитание, воспитание пациентов психиатрических клиник), в которой обрисован прогресс, достигнутый в этой области в каждом из секторов за прошедший период». Том делает очень интересное замечание: «Я серьезно отношусь к идее «всех секторов, всех уровней», но в данное время не способен перепрыгнуть в своей работе к «всеуровневой» части этой идеи. Поэтому я стремлюсь перейти от начального «всесекторного» понимания к более зрелому «всеуровневому» пониманию. Представляется ли такая стратегия разумной и осуществимой?» Безусловно, да, и я сам говорю именно об этом: гораздо легче начинать с четырех секторов, поскольку они применимы практически ко всем областям, и затем переходить к «всеуровневой» ориентации, которая учитывает высшие, надличностные области.

Как бы то ни было, сейчас у меня есть несколько сотен примеров того, что я считаю все расширяющимся восстанием против редуccionизма флатландии. Я рад, что катализатором для него отчасти послужила моя работа, но более глубокий интерес связан с интегративными и холистическими подходами в целом, что вселяет большие надежды.

Среда, 15 октября

РАЗВИТИЕ И РЕГРЕССИЯ

[Телефонная конференция, продолжение)

ВОПРОС: Вы часто говорите, что каждая стадия адекватна, но следующая стадия более адекватна. Что это значит?

К.У.: Ну, понимаете, если вы собираетесь иметь подлинно *холистическое воззрение*, то должны найти какой-то способ включить все точки зрения в целостную картину, однако не все точки зрения являются или могут быть *в равной степени* значимыми. Поэтому вы должны придумывать какой-то метод ранжирования важности точек зрения, поскольку иначе, как мы уже говорили, вам придется ставить в равное положение Мать Терезу и Джека Потрошителя и вам придется приглашать нацистов на поликультурный праздник, так как все они

якобы «являются неотъемлемыми частями богато переплетенной ткани». Это настоящая проблема, не так ли?

Именно здесь решающее значение приобретает идея *развития*. Развитие обеспечивает решение — или, безусловно, ключ к решению — этой чрезвычайно трудной проблемы. Поскольку в практически всех известных нам видах развития каждая последующая стадия *превосходит, но включает в себя* предшествующую (или предшествующие), это дает нам естественное, внутренне присущее ранжирование — ранжирование целостности и глубины. Мы уже рассматривали простой пример иерархии атомов, молекул, клеток и организмов — каждая из этих стадий целостна, но каждая последующая стадия «более целостна». И это *эволюционное развертывание* возрастающей целостности и глубины дает нам важнейший ключ к пониманию того, каким образом *все* воззрения могут входить в большую картину, но при этом некоторые воззрения оказываются *лучше* других, поскольку они имеют большую глубину.

ВОПРОС: Не могли бы вы привести какие-либо примеры из человеческого развития?

К.У.: Давайте возьмем моральное развитие, поскольку мы уже говорим об этом. На настоящий момент моральные стадии Кольберга проверены более чем в сорока разных культурах, включая страны третьего мира, причем не было обнаружено никаких серьезных отклонений от его схемы. Кэрол Джиллиген предположила, что женщины проходят через стадии Кольберга «в другом стиле» (а именно с акцентом на отношениях, а не на деятельности), но она не оспаривала сами три основные стадии, которые идут от доконвенциональной (правильно то, чего я хочу — эгоцентрический уровень) к конвенциональной (правильно то, чего хочет группа — социоцентрический уровень) и постконвенциональной (то, что правильно для всех людей, независимо от расы, пола и вероисповедания, — мироцентрический уровень). Поэтому это вполне подходящие примеры.

Суть в том, что все мы начинаем с доконвенциональных стадий, затем развиваемся до конвенциональных и, если повезет, до постконвенциональных. Ни одну из этих стадий нельзя пропустить или обойти. Каждая последующая стадия строится на определенных характеристиках, приобретенных на предыдущей стадии, добавляя к ним свои собственные уникальные и творческие элементы, как, например, нужно иметь буквы, прежде чем вы сможете иметь слова, и слова прежде предложений, а предложения прежде абзацев. Никому не удавалось перейти от букв к предложениям, пропустив слова.

Это не означает, что низшие стадии просто неверны, глупы или

ошибочны. Доконвенциональные стадии — это *максимально моральное* состояние, которое вы *можете* иметь на тех ранних этапах развития. Вы пока еще не можете ставить себя на место другого человека, вы не можете участвовать во взаимном понимании, у вас магическое и нарциссическое мировоззрение, и потому ваша моральная позиция, разумеется, является эгоцентрической и до-конвенциональной. Но поскольку она — это лучшее, что вы можете иметь при тех обстоятельствах, такие ранние моральные стадии вполне *адекватны*; они специфичны и уместны для данного этапа развития.

Но с возникновением конвенциональной морали вы учитесь ставить себя на место другого, вы можете принимать на себя его роль, и потому, разумеется, ваша моральная ответственность *расширяется и углубляется* с «меня» на «нас». Это *более адекватная* моральная реакция, поскольку она принимает в расчет других. Конечно, затем ваша моральная реакция *оказывается в плену* воззрений группы — эта стадия также именуется *конформистской*, — но опять же дело в том, что на этой стадии у вас нет иного выбора. Поэтому она также специфична, уместна и адекватна для своего этапа развития.

С возникновением постконвенциональной морали вы пытаетесь решать, что хорошо и правильно не только для вашей группы, или вашего племени, или вашей религии, но для всех людей, независимо от вероисповедания, пола или цвета кожи. Ваша моральная ответственность снова *расширяется и углубляется*, охватывая большее число людей — это *большая целостность*, — и, следовательно, она еще *более адекватна*. И большинству из вас известно, что в моей системе эта стадия является вратами к духовной морали, которая включает в себя всех чувствующих существ.

ВОПРОС: Таким образом, есть адекватные стадии, более адекватные, еще более адекватные...

К.У.: Да, правильно. Каждая стадия адекватна, каждая последующая стадия более адекватна. И это важно, поскольку опять же позволяет нам включать все воззрения в большую картину, *не* придавая им при этом равной значимости.

ВОПРОС: Справедливо ли то же самое для мировоззрений?

К.У.: Я полагаю, безусловно, да. Как известно большинству из вас, я прослеживаю несколько этапов развития мировоззрения — от архаического до магического, мифического, рационального и экзистенциального и далее до психического, тонкого, каузального и недвойственного. Каждое из этих воззрений важно и адекватно; каждое последующее воззрение более важно и более адекватно.

Трудности возникают при регрессии, поскольку тогда вы движетесь

назад к воззрению, которое некогда было адекватным для своего этапа, но теперь устарело. Например, магическое мировоззрение отнюдь не патология или болезнь; оно вполне уместно для своего этапа развития и совершенно адекватно для четырехлетнего ребенка. Четырехлетний возраст — это не болезнь. Более того, даже у взрослых магическое мышление может играть важную, хотя и подчиненную роль в различных ситуациях. Но если вы — взрослый человек в рационально-плюралистической культуре и *регрессируете* к чистой эгоцентрической магии, то у вас возникает настоящая проблема — «эмоциональное расстройство». Для того чтобы регрессировать, приходится разъединять несколько более высоких и сложных структур, и это катастрофично и крайне болезненно. «Тектонические плиты» вашей психики расходятся, и вы проваливаетесь в трещины.

ВОПРОС: Если вы не возражаете, один последний вопрос. Вы сказали, что либерализм основан на высоком достижении в развитии, а именно на мироцентрической позиции универсального плюрализма.

К.У.: Да.

ВОПРОС: Как либерализм может способствовать этой позиции, при этом не навязывая своих убеждений другим?

К.У.: Вы учитесь в колледже?

СТУДЕНТ: Да.

К.У.: И, вероятно, изучаете политическую теорию?

СТУДЕНТ: Да.

К.У.: Я тоже много думал об этом, так как вы точно указали на *центральную* проблему либерализма. Либерализм исходит из убеждения, что *государство не может навязывать своим гражданам какого бы то ни было понятия правильного образа жизни*. Отдельные люди должны быть свободны в выборе собственной религии, собственных убеждений и собственных путей к счастью (при условии, что они не вредят другим и не посягают на их права). Иными словами, моральной основой либерального государства служит постконвенциональный, универсальный плюрализм, и эти мироцентрические принципы встроены в его законы и институты для предотвращения возврата к эгоцентрическим и этноцентрическим реакциям.

Но в демократиях законы в конечном счете создают и поддерживают люди, и это означает, что *существование либерального государства зависит от развития до постконвенционального уровня по меньшей мере значительной части населения*. Только *на* постконвенциональном уровне возможна терпимость к «богатому разнообразию», и в то же время если вы поощряете *только* богатое разнообразие, то тем самым

подрываете саму потребность развиваться до постконвенционального уровня (поскольку если следует «в равной степени лелеять» любые моральные реакции, в том числе эгоцентрические и этноцентрические, это устраняет социальные стимулы к моральному росту).

Таким образом, налицо дилемма: каким образом государство может поощрять людей развиваться до постконвенциональной позиции универсального плюрализма, при этом *не навязывая* этого людям? Если либерализм не придумает, как это делать, то либерализм и подлинная поликультурность обречены на смерть.

СТУДЕНТ: В этом и состоит мой вопрос.

К.У.: Ну, вот один короткий ответ. Верно, что отдельные люди имеют право на «жизнь, свободу и стремление к счастью», но у государства тоже есть определенные права. И одно из них — это право требовать от своих граждан некоторых основных навыков, необходимых для сплоченности и выживания общества. Именно поэтому мы давно признали, что государство имеет право вести войну, призывать людей в действующую армию, требовать, чтобы дети получали прививки против инфекционных заболеваний, и — это здесь особенно важно — государство имеет право требовать обязательного образования до определенного уровня знаний (за исключением случаев неспособности к обучению).

Видите ли, именно *либеральное образование* традиционно было тем способом, посредством которого либеральное государство, по существу, протаскивало требование расти и налагало на своих граждан требование развиваться. Граждане *должны* получать определенный уровень образования. При этом существовала надежда, что либеральное образование будет создавать условия для развития либеральной морали, то есть постконвенционального, мироцентрического универсального плюрализма, как бы его ни называть.

Мне кажется, что это неплохая идея. Поскольку нельзя *заставить* растения или людей расти, то все, что можно действительно сделать, — это создать условия, которые лучше всего способствуют росту (например, поливать растение). Государство не может требовать роста, но может требовать условий, и это оно традиционно делало в общепринятом требовании обязательного образования.

ВОПРОС: Поэтому значительная часть бремени ложится на образовательный процесс.

К.У.: Безусловно. Именно потому сегодняшнее состояние образования в этой стране вызывает большое беспокойство. Сегодня в образовании нередко доминируют многие крайние постмодернистские идеи, и из-за

этого в нем часто наблюдаются многие пугающие регрессивные тенденции. С одной стороны, движения за разнообразие и поликультурность чрезвычайно помогли гарантировать подлинную плюралистичность универсального плюрализма, распространив закон на многие ранее маргинализированные группы. Это просто кульминация либеральной доктрины равного доступа для всех, независимо от пола, цвета кожи и вероисповедания — кульминация мироцентрического или универсального плюрализма, — и в этом отношении я горячо приветствую такие постмодернистские движения, особенно в области образования.

Но, как мы говорили, в своем рвении они нередко доходили до крайностей, противореча сами себе и обрекая свои усилия на провал. Вся суть либерального поликультурного образования состоит в том, чтобы обеспечивать определенные основные навыки и условия, при которых моральное развитие могло бы в соответствии с собственными законами переходить от эгоцентрической стадии к этноцентрической/социоцентрической и далее к мироцентрической/плюралистической. Но программа Новых Левых довела это до крайностей и полностью сорвала свои собственные высшие цели. Теперь среднее и высшее образование в этой стране в действительности *поощряет* этноцентрическую политику самобытности, эссенциализм пола, расовую идентификацию и политику жалости к себе — в качестве частей «богатого разнообразия». История преподается как терапия самоуважения: не что и когда происходило, а какими безнравственными лентяями все они были по сравнению с вами. Используя ценности либерального Просвещения, вы осуждаете всю предшествующую историю, включая само либеральное Просвещение. Хуже того, образование не только зачастую поощряет регрессию от мироцентрической стадии к этноцентрической, оно порой удивительным образом ухитряется способствовать еще большей регрессии от этноцентрической стадии к эгоцентрической. Откажитесь от этих противных оценок и давайте каждому золотую звезду. В других нет ничего лучшего или худшего, что также означает, что нет ничего лучшего или худшего в вас самих, — развитие полностью обесценено. Это готовит ребенка к будущему так же, как нищие в Индии, бывало, готовили своих детей к профессии: ломая им ноги, они давали им повод и средство для нищенства.

Поэтому, повторим, либерализм — на этот раз в образовании — преследует цели, обреченные на провал. Подчеркивая понятие флатландии — это «равенство в разнообразии» — и отказываясь делать суждения, основанные на степенях глубины, либеральное образование

поощряет те тенденции, которые будут разрушать либеральное образование.

ВОПРОС: Кажется ли вам, что образование будет исправляться?

К.У.: Ну, удивительная особенность роста и эволюции состоит в том, что в Космосе существует Эрос — внутреннее стремление к развертыванию более высоких и более глубоких целостностей. Регрессивные тенденции, которыми, как я полагаю, движет Танатос, что-то вроде инстинкта смерти, рано или поздно сталкиваются с собственной неотъемлемой болезненностью. В последние несколько лет в этой стране наблюдались отрицательные — в хорошем смысле — реакции на эти регрессивные программы и призывы к определенным обязательным образовательным нормам. Так что в итоге я сохраняю осторожный оптимизм.

Все, о чем мы здесь говорим, — это традиционное либеральное образование как *развертывание глубочайших и высочайших потенциалов человека*. И это означает, что вдобавок к самоуважению и приятию себя таким, как вы есть, вам также необходимо подходить к себе с реальным вызовом и реальными требованиями — с реальной мудростью и реальным состраданием — и, следовательно, брать на себя обязательство расти, развиваться и эволюционировать в ваше собственное высочайшее Состояние. Но мы не сможем делать этого в начальном, среднем или высшем образовании, если будем подходить к себе с идиотским сострадаем вместо настоящего сострадания.

Пятница, 17 октября

Майкл [Мёрфи] совершает рекламный тур для своей книги «Королевство ключек Шивы» и договорился заглянуть ко мне, когда будет проезжать через Денвер и Боулдер. В книге Майкла «Жизнь, которая нам дана» (написанной в соавторстве с его другом Джорджем Леонардом) обрисован прекрасный вариант интегральной преобразующей практики (ИПП), и Майкл сообщил, что сейчас существует около сорока групп ИПП, которые возникли в разных уголках страны; это поистине хорошая новость. Сейчас в стране примерно столько же групп по изучению моей работы, и потому мы обсуждали способы их возможного объединения. Когда Майкл ушел, Марси сказала: «Он сверкает и искрится. Как бы сказать... он восхитительно привлекательный».

В этот самый момент Тони летит в Италию, поскольку какой-то итальянский фонд, или что-то вроде того, выдвинул «Что действительно важно» на какую-то большую итальянскую премию. Это

событие получило широкое освещение в средствах массовой информации. Тони выступит с речью (он написал впечатляющее двенадцатистраничное изложение интегрального подхода к здоровью и благополучию — подхода, которому он сам действительно следует большую часть времени), и его фотография будет опубликована во всех газетах. Затем он проведет неделю в Италии — будет есть и пить и, по крайней мере в течение этой недели, не будет практиковать всего, о чем говорится в его речи.

Вторник, 21 октября

ВИДЕТЬ МИР: ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И «Я» ЗРИТЕЛЯ

Не выражаемый объект, но именно глубина выражающего его субъекта более всего определяет изобразительное искусство. И это смещает искусство и художественную критику от иронии к подлинности — весьма нервующее движение, по крайней мере, для сегодняшних глаз. Могут ли искусство и художественная критика пережить утрату иронии, утрату неподлинности, как своего главного источника? И если сегодняшнее изобразительное искусство оставит сардонические поверхности, куда оно в конце концов придет?

Мы живем не в заранее данном мире. Один из наиболее замечательных принципов постмодернистской революции в философии, психологии и социологии состоит в том, что *существуют разные мировоззрения* — различные способы категоризации, представления, репрезентации и организации нашего опыта. Есть не единый, монолитный мир с одной привилегированной репрезентацией, а множественные миры с плюралистическими интерпретациями. Более того, эти мировоззрения часто — по существу, почти всегда — меняются от эпохи к эпохе и от культуры к культуре.

Это понимание не обязательно доводить до крайностей — в наших разнообразных интерпретациях достаточно общих черт, чтобы не давать миру распадаться на части. Действительно, ученые обнаружили, что существуют, по крайней мере, некоторые (и нередко многочисленные) универсалии, например, в языках, в аффектах, в когнитивных структурах и в цветовосприятии. Но эти универсальные компоненты сплетаются воедино и организуются самыми разнообразными способами, приводя к богатой палитре множественных мировоззрений.

Хотя теоретически существует почти бесконечное число

мировоззрений, в ходе человеческой истории на этой планете, судя по всему, выявилось около десятка таких, что имели и продолжают иметь широкое и значительное влияние. К числу этих основных мировоззрений, исследовавшихся такими учеными, как Джин Гебсер, Джеральд Хёрд, Юрген Хабермас, Мишель Фуко, Роберт Белла, Питер Бергер и другие, относятся сенсомоторное, архаическое, магическое, мифическое, ментальное, экзистенциальное, психическое, тонкое, каузальное и недвойственное (точное значение этих терминов будет становиться понятнее в ходе дальнейшего изложения).

Дело не в том, какое из этих мировоззрений правильно, а какое неправильно: они все адекватны для своего времени и места. Речь в большей степени идет о как можно более тщательной классификации самых общих характеристик, определяющих каждое мировоззрение; при этом вопрос о том, «истинны» они или нет, мы временно откладываем (или «выносим за скобки»), попросту описывая их все, как если бы они были истинными.

Например, для *магического-анимистического* мировоззрения типично частичное наложение субъекта и объекта, так что «неодушевленные объекты», вроде скал и рек, непосредственно ощущаются живыми или даже обладающими душой или субъективным духом. Мифическое мировоззрение характеризуется множеством богов и богинь, не как абстрактных сущностей, а как глубоко чувствуемых сил, каждая из которых весьма прямо вмешивается в дела земных мужчин и женщин. *Ментальное* мировоззрение — самым известным частным случаем которого является «рациональное мировоззрение» — отмечено верой в то, что субъективная сфера по своей основе отделена от объективного мира природы, и одной из самых настоятельных проблем такого мировоззрения становится соотношение этих двух сфер. *Экзистенциальное* мировоззрение обладает пониманием того, что в структуру вселенной встроены множественные перспективы, а потому не только не существует никаких привилегированных точек зрения, но и отдельные люди должны сами извлекать для себя какой-то смысл из пугающего множества возможностей. *Тонкое* мировоззрение характеризуется постижением тонких форм и трансцендентальных архетипов, изначальных паттернов проявления, которые обычно ощущаются (и считаются) Божественными. Для каузального мировоззрения типично непосредственное постижение бескрайней непроявленной сферы, известной под такими разными названиями, как пустота, прекращение, Бездна, Нерожденное, айин, Источник, огромной Бесформенности, из которой происходит все проявление. А *недвойственное* представляет радикальное соединение Бесформенного

со всем миром Формы.

Эти различные мировоззрения отражают поистине головокружительный спектр возможных способов организации и интерпретации нашего опыта. Это отнюдь не единственные мировоззрения, и их перечень никоим образом не фиксирован и не определен заранее, он постоянно расширяется, включая в себя новые возможности. Но не имея какого-либо мировоззрения, мы, по словам Уильяма Джеймса, «теряемся в мелькающей и гудящей неразберихе опыта».

Иными словами, все наши индивидуальные восприятия до некоторой степени встроены в конкретные мировоззрения. В рамках этих мировоззрений у нас по-прежнему остается огромная свобода выбора; но мировоззрения, как правило, ограничивают спектр возможностей, которые мы выбираем. Например, в наши дни мы нечасто встаем с постели с мыслью: «пора убить медведя». Каждое мировоззрение, обладающее собственными отличительными особенностями, накладывает свою печать на всех, кто в нем рождается, и большинство людей не знают и даже не подозревают, что их восприятия имеют место в границах данного и весьма специфического мировоззрения. Каждое мировоззрение, действуя по большей части коллективной бессознательно, просто представляет мир так, как если бы он действительно был таким. Немногие ставят под сомнение мировоззрение, в котором они оказываются, подобно тому как рыба не сознает, что она мокрая.

Тем не менее — и здесь дело принимает несомненно захватывающий оборот — исследования как в индивидуальной психологии, так и в межкультурной антропологии убедительно показывают, что в различных обстоятельствах людям доступен *весь спектр мировоззрений*. По-видимому, человеческий ум содержит в своей структуре все эти мировоззрения — от архаического до магического, мифического, ментального, тонкого и каузального — в качестве потенциальных возможностей, готовых проявиться при соответствующем сочетании различных факторов, совсем как семена, ожидающие воды, почвы и солнца, чтобы прорасти.

Таким образом, хотя для определенных эпох были особенно характерны те или иные отдельные мировоззрения — например, магическое для эпохи собирательства, мифическое для земледельческой эпохи и ментальное-рациональное для индустриальной эры, — тем не менее все эти главные модусы интерпретации нашего опыта, судя по всему, являются потенциальными возможностями человеческого организма, и любой из

них может выйти на первый план в любом человеке при соответствующих обстоятельствах. Так что на вопрос: «Какие мировоззрения доступны нам в настоящее время», — по-видимому, следует отвечать: «Все».

И все же в любое данное время и в любой данной культуре большинство взрослых людей тяготеют к одному определенному мировоззрению. Причина этого достаточно проста: каждое мировоззрение представляет собой, по существу, мир человека. Утратить этот мир — это все равно что пережить своего рода смертельную агонию. Отказ от мировоззрения равносителен психологическому землетрясению порядка 7 баллов по внутренней шкале Рихтера, и большинство людей избегают этого любой ценой.

Но иногда, при исключительных обстоятельствах... или у исключительных художников... через корку наших обыденных представлений прорываются более высокие или глубокие мировоззрения, и мир так или иначе никогда не бывает снова тем же.

Художники выражают мировоззрения. Например, художники палеолита изображали магическое мировое пространство — перекрывающиеся объекты, почти полное отсутствие перспективы, анимистические символы, незначительные ограничения пространства и времени, взаимозаменяемость целых и их частей. Средневековые художники рисовали мифическое мировое пространство — целый пантеон ангелов и архангелов, Бога, Сына Божьего, Богородицу, Моисея, разделяющего воды Красного моря, — темами были бесконечные возможности мифического мира, изображаемые не как символы, а как реалии (именно потому, что, как мы видели, все мировоззрения представляются просто истинными). С зарождением на Западе широкого движения Современности, опиравшегося на ментальное мировоззрение, мы видим постепенное замещение мифических тем темами природы, реализмом, импрессионизмом, субъективным экспрессионизмом и абстрактным экспрессионизмом. А с общим подъемом постмодернизма эти тенденции распространяются еще дальше в экзистенциальное мировое пространство, где множественные перспективы — первоначально источник бесконечных творческих возможностей — скоро становятся парализующим кошмаром бесконечной насмешки, встречаемой с бесконечной иронией.

Гегел назвал экзистенциальное мировоззрение «интегрально-аперспективным» — «аперспективным» потому, что оно представляет множественные перспективы, ни одной из которых не отдается предпочтения; и «интегральным» потому, что среди всей

множественности тем не менее необходимо формировать какого-то рода единство, связность или смысл. В предыдущем мировоззрении — ментально-рациональном, которое Гегел назвал «перспективны», — единичный рациональный субъект, как правило, принимал единичную, фиксированную интерпретацию мира, и это проявлялось во всем, от науки (Ньютон) до философии (Декарт) и от портретной живописи (Ван Дейк) до перспективизма (начиная с живописи Возрождения, особенно у Брунелесчи, Альберти, Донателло, Леонардо, Джотто). Но с переходом к интегрально-аперспективному мировоззрению сам субъект становится частью объективной сцены — камера становится частью фильма, поток мыслей автора становится частью романа, действия самого художника заметно проявляются на холсте. Множественные перспективы вовлекают субъекта в мир объектов, делая его одним объектом среди многих других, теряющихся в головокружительном регрессе саморефлексивности, из которой нет выхода.

Каждое мировоззрение имеет свои патологические выражения. Рациональное мировоззрение печально знаменито «картезианским дуализмом» — субъект отделен от объекта, ум оторван от природы, — дуализмом, против которого за последние три сотни лет громогласно объявлял войну, по-видимому, каждый мыслящий человек. Но и постмодернистская интегрально-аперспективная позиция не лишена собственного крупного отклонения, известного под общим названием «аперспективного безумия» — абсурдного воззрения, что ни одно воззрение не лучше любого другого. Начав с благородного заявления, что ко всем множественным точкам зрения следует относиться справедливо и беспристрастно («плюрализм и богатое разнообразие»), постмодернизм в своих крайних формах скатывается к опасному представлению, что вообще никакая точка зрения не лучше другой, и это заблуждение приводит к полному параличу воли, мысли и действия. Это действительно безумие: оно заявляет, что ни одно воззрение не лучше другого, за исключением его собственного воззрения, которое лучше всех в мире, где по определению вообще не может быть ничего лучшего. И хуже того, если ни одна точка зрения не лучше другой, то нацисты и Ку-клукс-клан имеют такое же моральное оправдание, как, скажем, художественная критика.

Большую часть изобразительного искусства, художественной критики, литературной критики и культурологических исследований последних двух десятилетий вполне можно было охарактеризовать как «аперспективное безумие». Одно из немногих мест, где можно спрятаться в мире аперспективного безумия, — это ирония — говорить одно, подразумевая другое, и таким образом избежать обвинения в

занятии определенной позиции (поскольку считается, что ни одна позиция не лучше другой, человек просто *не должен себя связывать ничем* — прямота подобна смерти). Поэтому долой искренность, выбирайте насмешку. Не стройте, а демонтируйте; не ищите глубины, просто держитесь поверхности; избегайте содержания, предлагайте шум — «поверхности, поверхности, поверхности — вот и все, что им удавалось обнаружить», как охарактеризовал эту ситуацию Брет Истон Эллис. Неудивительно, что Дэвид Фостер Уоллес в недавнем эссе, которое привлекло большое внимание, сетовал на распространенность искусства «сверхмодного сардонического истощения» и «рефлексивной иронии», искусства, которое является «изоощренным и крайне поверхностным».

Но если мы действительно оставляем иронию и стремимся делать искренние высказывания, с чего нам начать? Если мы действительно отказываемся от поверхностей и ищем глубин, что именно это означает? И где можно найти эти «глубины»?

Уоллес полагает, что вместо «рефлексивной иронии» искусство должно давать «понимание и образцы ценностей». Сказано хорошо, но давайте сразу же заметим, что *конкретные ценности существуют только в конкретных мировоззрениях*. Например, в мифическом мировоззрении ценился долг перед жесткой социальной иерархией, который покажется привлекательным немногим современным людям. В мифическом мировоззрении также ценились господство мужчин и подчиненное положение женщин, которые большинство просвещенных современников считают невежеством. Все ценности существуют в конкретных мировоззрениях, и если «сверхмодное сардоническое истощение» в действительности представляет собой истощение экзистенциального мировоззрения, то единственный возможный вывод состоит в том, что нам придется искать полностью других мировоззрений, чтобы избежать аперспективного безумия и его неумолимой неискренности.

Причина того, что изобразительное искусство в постсовременном, экзистенциальном мире зашло в своеобразный тупик, состоит не в том, что исчерпано само искусство, а в том, что исчерпало себя экзистенциальное мировоззрение. Точно так же, как перед этим рациональная современность исчерпала свои формы и уступила место аперспективной постсовременности, теперь и сам постмодернизм лежит на смертном одре, и кроме бесконечно отраженной иронии некому держать его руку. На горизонте уже маячит оскал череп постсовременности, а тем временем мы находимся между двух мировоззрений, одно из которых медленно умирает, а другое еще не

родилось.

Что бы мы ни думали о нем — и на эту тему написаны многие тома, — возможно, лучшее, что можно сказать об авангарде, — это что он всегда молчаливо считал себя оседлавшим гребень волны эволюционирующих мировоззрений. Авангард был передней кромкой, растущей верхушкой развивающегося человечества. Его роль состояла в том, чтобы провозглашать новое, объявлять приближающееся. Он должен был выявлять, а затем описывать новые способы видения, новые модусы бытия, новые формы познания, новые высоты и глубины чувства и во всех случаях — новые стили восприятия. Он должен был обнаруживать и описывать будущее мировоззрение, в то же время решительно порывая со старым.

Знакомая история. Живопись Жака-Луи Давида была частью раннего подъема модернизма (разум и революция), который яростно порывал с пережитками мифического, аристократического, иерархического рококо прошлого. Каждая следующая растущая верхушка — от неоклассицизма до абстрактного экспрессионизма, — в свою очередь, становилась обычной, общепринятой нормой и была вынуждена смотреть, как ее собственным формам бросает вызов следующий авангард. Даже постмодернизм со своим аперспективным безумием, который первым попытался полностью деконструировать авангард, тесно зависел от него, чтобы ему было что деконструировать; таким образом, как указывает Дональд Куспит в работе «Культ художника-авангардиста», своего рода «неоавангардное» искусство с самого начала неизбежно преследовало постмодернизм.

Мировоззрения сменяли друг друга, как волны, одна за другой, набегающие на берег, и лучшие художники авангарда были великими серферами, скользившими по этим волнам. И теперь, когда волна постмодернизма опадает на берегу его кончины, какие новые волны приближаются? Какие новые мировоззрения поднимаются из океан души, чтобы провозгласить новое восприятие? Где нам следует искать *содержание* искренних художественных высказываний, которые вытеснят иронию и аперспективное безумие? Можно ли, встав на цыпочки и всматриваясь в туман, разглядеть хотя бы смутные очертания завтрашнего искусства и, значит, завтрашнего мира?

Какие мировоззрения из тех, что у нас есть, могли бы определять очертания завтрашнего изобразительного искусства? Конечно, некоторые его аспекты будут совершенно новыми и оригинальными. Согласно Уайтхеду, «творческое движение к новизне» составляет фундаментальную особенность вселенной. Но из многочисленных психологических и социологических исследований нам также известно,

что некоторые основные черты примерно дюжины главных типов мировоззрений, кратко описанных выше, представляют собой потенциальные возможности, которые уже доступны человеческому организму, и вместо того, чтобы каждый раз начинать с нуля, природа обычно переделывает то, что есть, и уже потом добавляет завершающие штрихи новизны.

Нам известны мировоззрения, которые уже испробованы, использованы, выработаны и исчерпаны: архаическое, магическое, мифическое, ментально-рациональное (современное) и экзистенциально-аперспективное (постсовременное). Разумеется, постмодернизм, прежде чем окончательно уйти на покой, будет продолжать оказывать значительное влияние в будущие десятилетия. Просто произведения искусства, как канарейки в шахте культуры, умирают в нарастающем количестве, когда удушливый запах разлагающегося постмодернизма начинает распространяться по этому штреку. Поэтому мир искусства быстрее, чем более выносливая массовая ментальность, ищет новые горизонты; и таким образом, как мы отмечали ранее, тупик сегодняшнего искусства в действительности знаменует будущую завершающую фазу постсовременного мировоззрения в целом. Итак, какие же иные горизонты доступны нам *прямо сейчас*?

Их по меньшей мере три. Мы уже перечисляли их — тонкое, каузальное и недвойственное. Феноменология мировоззрений (которая исследует и описывает контуры доступных мировоззрений) определяет их, как *надрациональные* и *надличностные*, и противопоставляет их более ранним мировоззрениям, некоторые из которых являются *дорациональными* или *доличностными* (архаическое, магическое и мифическое), а другие — *рациональными* или *личностными* (ментальное и экзистенциальное). Это дает людям в качестве потенциальных возможностей их собственных организмов спектр доступных мировоззрений, простирающийся от дорационального к рациональному и надрациональному, от доличностного к личностному и надличностному, от подсознания к самосознанию и сверхсознанию. Если предположить, что мы исчерпали оглушающий риторический регресс саморефлексивности, то у нас остаются только два пути: назад к подсознанию или вперед к сверхсознанию — назад к дорациональному или вовне, к сверхрациональному.

Это различие очень важно, поскольку надрациональные, надличностные мировоззрения представляют собой то, что можно было бы назвать «духовным», и в то же время они имеют малое отношение к традиционным религиозным мировоззрениям магической и

мифической областей. Надрациональные сферы никак не связаны с внешними богами и богинями и целиком относятся к внутреннему осознанию, проникающему в глубины психики. Они не имеют никакого отношения к просительной молитве и ритуалу и непосредственно связаны с расширением и прояснением осознания. Взамен догмы и веры они предлагают очищение восприятия; взамен вечной жизни для эго — полное превосхождение эго.

Когда личностное исчерпано, остается надличностное. И в данный момент больше просто некуда идти.

В разных мировоззрениях существуют не просто разные ценности, но и разные объекты. И художники могут рисовать, описывать или выражать свои частные восприятия объектов в любой из этих сфер, *в зависимости от того, осознают ли они сами эти сферы.*

Сенсомоторный мир достаточно привычен — это те объекты, которые можно воспринимать с помощью органов чувств: камни, птицы, вазы с фруктами, обнаженная натура, пейзажи. Художники могут изображать и упорно изображают эти объекты во всех возможных стилях, от грубого реализма до более мягких оттенков импрессионизма. Для *магического* мировоззрения характерно пластическое замещение и сгущение; это мир сновидения, полный своих собственных очень реальных объектов (в сновидении — при действительном нахождении в рамках этого мировоззрения — оно выглядит абсолютно реальным, как и все мировоззрения). Художники могут изображать эти объекты, как, в частности, продемонстрировали сюрреалисты. *Мифическое* мировоззрение полно богов и богинь, ангелов и эльфов, развоплощенных душ и других персонажей — добрых и жестоких, готовых помочь и недоброжелательных. Художники могут изображать эти объекты, и, по существу, большинство художников во всем мире с 10 тысячелетия до н.э. и до 1500 г.н.э. не изображали *ничего, кроме* этих объектов. *Ментальное* мировоззрение переполнено понятиями и идеями, рациональными перспективами и абстрактными формами. Художники способны не только представлять эти содержания (концептуальное искусство, абстрактная живопись), но и выражать их (абстрактный экспрессионизм). *Экзистенциальное* (аперспективное) мировоззрение включает в себя, среди всего прочего, ужас изолированного субъекта, сталкивающегося с чуждым миром, лишенным мифических утешений и рациональных притязаний. Художники всевозможными средствами изображали это состояние дел, зачастую с неотразимой силой (например, «Крик» Эдварда Мюнха). Но аперспективное мировоззрение в своих крайних проявлениях — это также субъект, пытающийся смотреть на себя, пытающегося смотреть

на мир. Художники попытались изображать этот саморефлексивный регресс различными способами, от деконструкции до иронической рефлексивности и до удвоения (включения художника в качестве части произведения) — и все это было ненадежной игрой, в конечном итоге ведущей к самоудушению.

В результате остаются надличностные мировые пространства с их содержаниями, темами и восприятиями. Все эти сферы действительно являются надличностными, что попросту означает те реалии, которые включают в себя, но превосходят личное и индивидуальное — более широкие течения, пронизывающие эго в оболочке из кожи и затрагивающие другие существа, прикасающиеся к Космосу, прикасающиеся к духу, прикасающиеся к местам и образам, которые остаются тайными для тех, кто цепляются за поверхности и окружают себя самими собой.

То, что эти надличностные мировые пространства доступны нам как наш потенциальный великий дом, вовсе не означает, что они даются нам в готовом виде, «со всей мебелировкой». Мы поставляем все это сами. Мы строим, создаем, добавляем, выделяем, моделируем, рождаем и сочиняем, и здесь представители всех форм искусства традиционно шли впереди — были авангардом в лучшем смысле этого слова. Поэтому мы, с одной стороны, могли бы обращаться к прошлому в поисках тех редких случаев, когда субкультура соприкасалась с надличностной сферой и выражала ее в изобразительном искусстве и архитектуре, в поэзии и живописи, в ремеслах и композициях, возьмем, например, влияние дзен на японскую эстетику. Но мы можем искать в прошлом только подсказки, поскольку наш будущий дом способны декорировать только те, кто сейчас стоят на пороге этого развертывания.

На что будет похожа эта обстановка? Сейчас мы находимся на открытом пространстве между двумя мирами, ожидая именно этого рождения. Но очевидно одно: оно будет исходить из сознания мужчин и женщин, которые сами открываются надличностному, которые рожают из глубины сердца и души те сияющие реалии, что обращаются к нам безошибочным языком. Ибо одно мы уже поняли: человеческому телу-уму потенциально доступны все основные мировоззрения. Чем глубже осознание людей, тем в большее число миров они способны проникать. И вот почему в конечном счете всерьез и неизбежно именно глубина субъекта служит источником объектов искусства.

Мы уже видели чувственные объекты, магические объекты, мифические объекты, ментальные объекты и аперспективные

объекты... и мы увидели, что все они до конца сыграли пьесу своей собственной значимости. Кто теперь покажет нам объекты надличностного ландшафта? Кто откроется к таким глубинам, что сможет измерить эти новые высоты и вернуться, чтобы рассказать нам, молчаливо ожидающим, о том, что он увидел? Кто сможет встать так далеко от самого себя, от эго и стыда, надежды и страха, что надличностное будет изливаться через него с силой, способной потрясти мир? Кто будет рисовать, как выглядит реальность, когда эго становится объектом в числе других объектов, когда, принимая позу «труп», оно, к собственному удивлению, умирает и созерцает мир заново? Кто будет изображать этот возникающий ландшафт? Кто нам его покажет?

Суббота, 25 октября

Вот великие рок-группы последних лет: «Фикус» (Elastica), «Халтура» (Pulp), «Кристалльный Метод» (Crystal Method), «Клуб Искусственной Радости» (Artificial Joy Club), «Химические Братья» (Chemical Brothers), «Нет сомнения» (No Doubt), «Мусор» (Garbage), «Пушистые» (Fluffy), «Кусочек» (La Bouche), «Роскошные» (Lush), «Прогорклые» (Rancid), «Техас», «Нескладные» (Muffs), «Фаст-бэкс», «Шестидесятифутовые Куклы» (60 Ft. Dolls), «Брюхо» (Belly), «Один Голубь» (One Dove), «Взломщики танцзала» (Dance Hall Crashers), «Сверхнаркотик» (Superdrag), «Мода» (En Vogue), «Республика», «Черный Ястреб» (Blackhawk), «Славные Куклы» (Goo Goo Dolls), «Фьюгис» (the Fugees), «NNN», «Простофили» (The Goops), «Нитцер Эб» (Nitzer Ebb), «Соня» (Sleeper), «Голубые тона» (Bluetones), «Потомство» (Offspring), «От души» (De La Soul), «Гулкое Брюхо» (Echo Belly), «Полночное Масло» (Midnight Oil), «Белые Вороны» (The Mavericks), «Вживую» (Live), «Застоявшиеся» (Wallflowers), «Слитер-Кинни» (Sleater-Kinney), «Лондонская Замша» (London Suede).

Марк Джейкобе в доме Луи Вьютон. Совершенно удивительно, сколько англосаксов теперь встали во главе ведущих европейских домов моды — Галлиано в «Диоре», Маккуин в «Дживанши», Маккарти в «Хлое», Марк Якобе во «Вьютон» и по-прежнему мой любимчик — во всяком случае, в том, что касается женской моды, — Том Форд в «Гуччи».

Спальня Роберта Изабелла: мое представление о совершенном дизайне интерьера, своего рода дзенская эстетика минимализма, прекрасно понятая.

Я слышал, фильм Этома Эгояна «Сладкое грядущее» (The Sweet Hereafter) победил в Каннах, так что похоже, что он наконец сможет

добиться известности.

«Лос-Анджелес Секретно» (L.A. Confidential) — лучший фильм, который я видел в этом году; он во всех отношениях блестяще сделан Кёртисом Хэнсоном, и пока что я считаю его первым кандидатом на «Оскара». Японская картина «Будем ли мы танцевать» — самый трогательный фильм из всех, что я видел за многие годы. Я до сих пор не вполне уверен, почему он так действует, если не считать полной глубокими оттенков игры Коджи Якушо; половину фильма я сидел со слезами на глазах, а другую половину — смеялся. Африканско-американская лента «Love Jones», вероятно, стала наиболее обсуждаемым фильмом этого года — настоящий гвоздь сезона. А режиссер польского происхождения Агнешка Холланд представила изысканную экранизацию романа Генри Джеймса «Площадь Вашингтона» (в мире, отрицающем сознание, романист, который говорит о нем, — неожиданное утешение. Что там кто-то говорил о братьях Уильямс и Генри Джеймсах? Что-то вроде того, что Уильямс Джеймс — это романист, маскирующийся под психолога, а Генри Джеймс — психолог, маскирующийся под романиста). Предыдущая картина Агнешки — «Европа, Европа» — один из моих постоянно любимых фильмов, глубоко захватывающий на нескольких уровнях, прекрасно сработанный (и разве это не одна из первых ролей Джулии Дельфи? Разве этого не достаточно?)

Самый модный фильм? «Гросу Пуэнте Бланк» (Grossu Pointe Blank). Джон и сестра Джоан — два моих любимых героя, а Минни прелестна. Новую музыку написал Джо Струммер, поэтому неудивительно видеть на стене у Минни плакат группы «Клэш». Кусак играет профессионального киллера, направляющегося на встречу по случаю десятилетия окончания высшей школы. Ален Аркин — терапевт героя Кусака, безумно боящийся, что если он будет строг, то Кусак его побьет. Его стандартный совет: «Весело проводите время, никого не убивайте». Кусака беспокоит, что он не найдет общего языка ни с кем из своих однокашников. «Что я скажу? Между прочим, я убил президента Парагвая столовой вилкой. А как твои дела?» Встреча проходит хорошо, за исключением того, что им приходится избавляться от трупа с помощью мусоросжигательной печи в подвале школы. И так далее. Но что делает фильм интересным, так это опаляющий интеллект сценария. Наряду с «Покидая Лас-Вегас» (дзен саморазрушения: когда пьешь, просто пей), «Мелкой могилой», «Жизнелюбами», «Заигрыванием с катастрофой», «Поисками поезда», «Ударами и криками» и несколькими другими, это один из наиболее понравившихся мне последних фильмов.

И в то же время меня постоянно спрашивают, зачем обращать внимание на что-либо из этого? Разве эта примитивная культура в действительности не бездуховна? Я все время слышу то же самое о телевидении: настоящий серьезный ученый, не говоря уже о духовном искателе, не должен интересоваться подобными вещами.

Какой же это мелкий Бог. Все формы, без исключений, едины с Пустотой. Зачем избегать этих отдельных форм или смотреть на них сверху вниз? Разве они не являются в равной степени проявлениями высшего наслаждения Духа, купающегося в искрометных водах своего собственного изобилия? Разве они не в равной степени струйки в водопаде Одного Вкуса, оттенки самого Божественного, играющего здесь и там? Должен ли я поклоняться только Богу специальных интересов?

Воскресенье, 26 октября

Удивительно, какое действие оказывают различные виды музыки. Рок-музыка, несомненно, воздействует на нижние чакры (вероятно, от 2-й до 3-й — секс и сила)^{36*}. Рэп нередко бывает музыкой выживания на улице (чакра 1). Лучшее из джаза (скажем, Чарли Паркер, Майлз, Уинтон) — это чакры от 3-й до 4-й.

Великие композиторы-романтики (Шопен, Малер) — это в основном 4-я чакра — все сердечные чувства, порой пробирающие насквозь. Гайдн, Бах, Моцарт и поздний Бетховен, во всяком случае, как мне кажется, соответствуют музыке сфер, воздействующей на 5-ю и 6-ю чакры. Слушая эти виды музыки, можно действительно ощущать, как твое внимание притягивается к различным телесным центрам (животу, сердцу, голове).

Я обнаруживаю, что всякий раз, когда я пишу, скажем о Плотине, Экхарте или Эмерсоне, единственная музыка, которая не мешает думать, — это Моцарт, поздний Бетховен и кое-что из Гайдна. Но когда я занимаюсь нудной библиографической работой, составляю примечания и т. п. — подавайте мне рок-н-ролл. Но главная суть кундалини йоги и семи чакр состоит в том, что все семь, без исключения, представляют собой сияющие формы Шакти, энергии Богини, пребывающей в вечном объятии с Шивой, чистым бесформенным Свидетелем. Все Формы едины с Пустотой: Шива и Шакти вечно занимаются любовью, привязанные друг к другу страстной преданностью, которой не могут даже осмелиться коснуться время, хаос, смерть и судьба.

В дзогчен-буддизме та же идея выражена в тхангке Ади-Будды (или

самого высочайшего Будды) Самантабхадра и его супруги Самантабхадри. Санатабхадру изображают в виде темно синей или черной обнаженной фигуры, сидящей в позе лотоса. У него на коленях, лицом к нему, в сексуальном соединении сидит Самантабхадри, также обнаженная, но ослепительно белая. Самантабхадра представляет Дхармакайю, или радикальную Пустоту, которая полностью бесформенна и потому имеет «черный» цвет (как в глубоком сне без сновидений). Самантабхадри представляет Рупакайю, весь мир Формы — ярко-белое сияющее проявление. Пустота и Форма, Сознание и Материя, Дух и Мир. Но суть состоит в том, что они занимаются любовью; они едины в экстатических объятиях друг друга; они вечно соединены неразрывной связью непобедимой Любви. Они друг для друга — Один Вкус.

Эта тхангка Самантабхадры и Самантабхадри (Пуруши и Пракрита, Шивы и Шакти, Пустоты и Формы, Мудрости и Сострадания, Эроса и Агапе, Восхождения и Нисхождения) представляет собой не просто символ. Это изображение непосредственного постижения. Когда ты отступаешь к «Я-Я» и пребываешь как бесформенный Свидетель, ты буквально становишься Самантабхадрой, великим Нерожденным, радикально неопределимым Божеством. Ты пребываешь в черной Пустоте бесконечного высвобождения. И в то же время в пространстве той пустоты, которой ты являешься, в каждый момент возникает вся вселенная: облака проплывают через твое осознание, вон те деревья возникают в твоём осознании, вон те поющие птицы едины с тобой. Ты, как бесформенный Свидетель (Самантабхадра), един со всем Миром Формы (Самантабхадри), и это вечное эротическое соединение. Ты буквально занимаешься любовью со всем возникающим миром. Жестокий, мучительный разрыв между субъектом и объектом затянулся, и вы с миром вступили в интимное, сексуальное, экстатическое соединение, обрамленное блаженством, сияющее освобождением, — гром и молния только Одного Вкуса.

Так было всегда.

Понедельник, 27 октября

Марси напряженно работает, заканчивая свою магистерскую диссертацию, которая посвящена внутреннему управлению в бизнесе. В эту среду к нам в гости приезжает Лео Бурке — глава отдела подготовки менеджеров фирмы «Моторола», — и я думаю, Марси предвкушает дискуссию. Хорошо иметь рядом специалиста по бизнесу, чтобы помочь мне перестать выставлять себя дураком, хотя я не

уверен, что это по плечу даже Марси.

Пятница, 31 октября

На пути к Одному Вкусу люди совершают две распространенные ошибки. Первая происходит при установлении связи со Свидетелем, а вторая при переходе от Свидетеля к самому Одному Вкусу.

Вот первая ошибка: пытаться установить контакт со Свидетелем (или «Я-Я»), люди воображают, что они *что-либо увидят*. Но вы ничего не видите, вы просто пребываете как Свидетель всего, что возникает, вы чистый и пустой Видящий, а не *нечто такое, что можно видеть*. Попытки увидеть Видящего как особый свет, великое блаженство, внезапное видение бесполезны — это все объекты, а не Свидетель, каковым вы являетесь. Разумеется, в конечном итоге достигнув Одного Вкуса, вы будете *всем*, что вы видите, но вы не можете *начать* пытаться это делать — пытаться видеть Истину, — поскольку это именно то, что не дает ее увидеть. Вы должны начинать с «нети, нети»: я — не это, я — не то.

Таким образом, первая ошибка состоит в том, что люди препятствуют Свидетелю, пытаться сделать его объектом, который можно ухватить, в то время как это просто Видящий всех объектов, и он «ощущается» только как огромное фоновое чувство Свободы и Избавления *от* всех объектов.

Пребывая в этой Свободе и Пустоте — и беспристрастно свидетельствуя все, что возникает, — вы заметите, что *отдельная самость* (или эго) просто возникает в сознании, *подобно всему остальному*. Вы можете действительно ощущать самозамыкание^{37*}, точно так же, как можете ощущать свои ноги, осязать стол или камень или чувствовать свои ступни. Самозамыкание представляет собой чувство внутренней напряженности, нередко локализующейся позади глаз и связанное с небольшим напряжением мышц всего тела. Это усилие и ощущение замыкания перед лицом мира. Это едва заметное напряжение всего тела. Просто замечайте это напряжение.

Как только люди привыкают удобно пребывать в качестве пустого свидетеля и как только они замечают напряжение, представляющее собой самозамыкание, они воображают, что для того, чтобы окончательно перейти от Свидетеля к Одному Вкусу, они должны избавиться от самозамыкания (или избавиться от эго). Именно в этом состоит вторая ошибка, поскольку в действительности это укрепляет самозамыкание.

Мы предполагаем, что самозамыкание скрывает Дух или препятствует

ему, тогда как на самом деле оно представляет собой просто сияющее проявление Духа, подобно абсолютно всякой Форме во вселенной. Все Формы не что иное, как Пустота, включая и форму эго. Более того, единственное, что *хочет* избавиться от эго, — это само эго. Дух любит все, что возникает, именно таким, как оно есть. Свидетель любит все, что возникает, именно таким, как оно есть. Свидетель любит эго, поскольку Свидетель — это беспристрастный ум-зеркало, который одинаково отражает и полностью приемлет *все*, что возникает.

Но эго, убежденное в том, что оно может стать еще сильнее, решает сыграть в игру избавления от самого себя просто потому, что, *пока оно играет в эту игру*, оно явно продолжает существовать (кто же еще играет в игру?) Как очень давно сказал Чжуан Цзы: «Разве само желание избавиться от эго — это не проявление эго?»

Эго — это не вещь, а едва заметное *усилие*, и вы не можете использовать усилие, чтобы избавиться от усилия, — у вас просто будет два усилия вместо одного. Само эго представляет собой совершенное проявление Божественного, и с ним лучше всего иметь дело, пребывая в Свободе, а не пытаясь от него избавиться, что просто увеличивает усилие самого эго.

И потому в чем состоит практика? Когда вы пребываете в Свидетеле, или пребываете в «Я-Я», или пребываете в Пустоте, просто замечайте самозамыкание. Оставайтесь в Свидетеле и ощущайте самозамыкание. Когда вы *ощущаете* самозамыкание, вы *уже* свободны от него — вы уже *смотрите на* него, вместо того чтобы отождествляться с ним. Вы смотрите на него с позиции Свидетеля, который в любом случае уже свободен от всех объектов.

Поэтому пребывайте как Свидетель и ощущайте самозамыкание, точно так же, как вы ощущаете стул под собой, ощущаете землю и ощущаете облака, плывущие по небу. Мысли проплывают в уме, ощущения проплывают в теле, самозамыкание парит в осознании, и вы пассивно и спонтанно свидетельствуете их все, одинаково и беспристрастно.

В этом простом, не требующем усилий, пассивном состоянии, когда вы не пытаетесь избавиться от самозамыкания, а просто ощущаете его, и потому пребываете как великий Свидетель или Пустота, каковой вы являетесь — может легче просиять Один Вкус. Нет ничего, что вы можете сделать, чтобы пробудить (или вызвать) Один Вкус, он всегда полностью присутствует, он не является результатом действий во времени, и вы в любом случае никогда его не утрачивали.

Самое большее, что вы можете делать в плане усилий во времени, — это избегать упомянутых двух главных ошибок (не пытайтесь увидеть свидетеля как объект, просто пребывайте в Свидетеле как Видящий; не

пытайтесь избавиться от эго, просто ощущайте его), и это приведет вас к порогу, к самому краю вашего собственного Изначального Лица. На этом этапе от вас уже ничего не зависит.

Пребывайте как Свидетель, ощущайте самозамыкание: именно в этом пространстве может легче всего засиять Один Вкус. Делайте это не одним решающим усилием, а случайным образом и спонтанно в течение дня и ночью, таким образом всегда оставаясь на пороге своего собственного шокирующего узнавания.

Итак, вот каковы этапы:

Пребывайте как Свидетель, ощущайте самозамыкание. Делая это, замечайте, что Свидетель *не* является самозамыканием — он осознает самозамыкание. Свидетель свободен от самозамыкания — и *вы и есть Свидетель*.

Как Свидетель, вы свободны от самозамыкания. *Пребывайте в этой Свободе, Открытости, Пустоте*, в этом высвобождении. Ощущайте самозамыкание и *позволяйте ему быть*, подобно тому как вы позволяете быть всем другим ощущениям. Вы не пытаетесь избавиться от облаков, от деревьев и от эго — вы просто позволяете им быть и расслабляетесь в пространстве Свободы, каковым вы являетесь.

Из этого пространства Свободы — и в какой-то неожиданный момент — вы можете заметить, что у *ощущения* Свободы нет ни внешнего, ни внутреннего, ни центра, ни периферии. Мысли плывут в этой Свободе, небо проплывает в этой Свободе, мир возникает в этой Свободе, и вы есть То. Небо — это ваша голова, воздух — ваше дыхание, земля — ваша кожа: это все, что близко и еще ближе. Пока вы пребываете в этой Свободе, представляющей собой бесконечную полноту, вы — это мир.

Это мир Одного Вкуса, в котором нет ни внутреннего, ни внешнего, ни субъекта, ни объекта, никакого «здесь» в противоположность «там» — без начала и без конца, без способов и без средств, без пути и без цели. И это, как говорил Рамана, и есть окончательная истина.

Это то, что можно было бы назвать «завершающим упражнением». Делайте его не вместо, а в дополнение к любой другой практике, которую вы выполняете, — центрирующей молитве, випассане, молитве сердца, зикру, дзадзен, йоге и т.д. Все эти другие практики учат вас входить в специфическое состояние сознания, но *Один Вкус — это не специфическое состояние*: он совместим с любым и со всеми состояниями, подобно тому как влажность полностью присутствует в каждой и всякой волне океана. Одна волна может быть больше другой волны, но не мокрее ее. Один Вкус — это влажность воды, а не любой отдельной волны, и потому специфические практики, наподобие молитвы, випассаны или йоги, не способны познакомить вас с Одним

Вкусом. Все специфические практики предназначены для того, чтобы доставить вас на конкретную волну — обычно Действительно Большую Волну, — и это прекрасно. Но Один Вкус — это влажность даже самой крохотной волны, и потому подойдет любая волна осознания, которая у вас есть в данный момент. Пребывайте с этой волной, ощущайте самозамыкание и стойте Свободным.

Но продолжайте выполнять свои другие практики, во-первых, потому, что они познакомят вас с конкретными и важными волнами вашего собственного осознания (психической, тонкой и каузальной) — все они являются важными проводниками вашего полного проявления в качестве Духа. И во-вторых, именно потому, что Один Вкус слишком прост, чтобы в него поверить, и слишком легок, чтобы достичь его посредством усилий, большинство людей никогда не заметят, что волна, на которой они сейчас находятся, мокрая. Они никогда не заметят Таковости своего собственного наличного состояния. Вместо этого они посвящают свою жизнь прыганию по волнам, всегда выискивая Большую и Лучшую волну, чтобы на ней прокатиться, и, откровенно говоря, в этом нет ничего плохого.

Все эти типичные духовные практики, именно потому, что они знакомят вас со все более и более тонкими *переживаниями*, непреднамеренно помогут вам *утомиться от любого опыта*. Когда вы устаете от прыжков по волнам, вы открываетесь во влажности или Таковости любой волны, на которой бы вы не находились. Сам по себе чистый Свидетель — *это не опыт*, а просвет или зазор, в котором приходят и уходят все переживания, и пока вы гоняетесь за переживаниями, в том числе духовными переживаниями, вы никогда не будете пребывать как Свидетель, не говоря уже о том, чтобы погрузиться в вездесущий океан Одного Вкуса. Но, утомляясь от опыта, вы будете отдыхать как Свидетель, и именно как Свидетель вы можете заметить Влажность (Один Вкус).

И тогда ветер будет вашим дыханием, звезды — нейронами в вашем мозгу, солнце — вкусом утра, земля — ощущением вашего тела. Сердце откроется Всему, Космос ворвется в вашу душу, вы будете возникать и вечно кружиться как бесчисленные галактики. В мире остается только самосуществующая Полнота, здесь в Пустоте есть только сияние, видящее само себя — выгравированная на стене бесконечности, сохраняющаяся во веки вечные одна-единственная истина: есть *просто это*, щелкните пальцами — больше ничего.

НОЯБРЬ

Мистики — это каналы, по которым немного знаний о реальности просачивается в нашу вселенную неведения и иллюзии. Без мистиков мир был бы совершенно слепым и безумным.

Олдос Хаксли. Власть за троном

Воскресенье, 2 ноября

Тони прилетел сегодня в полдень. Марси встретила его в аэропорту, затем отправилась работать над своей диссертацией. Заехала поговорить Джойс Нильсен (это был первый раз, когда мы встретились). Затем к нам присоединилась Марси, и мы все вместе обедали. Я приготовил свой всемирно известный вегетарианский чили; добавки никто не захотел.

Вторник, 4 ноября

Чарльз «Шкип» Александер прислал свое последнее исследование сновидений и медитации; как я и ожидал, оно подтверждает мои маленькие эксперименты на себе с электроэнцефалографом. А именно у адептов медитации во время сна наблюдается «тета- и альфа-активность одновременно с дельта-активностью». Испытуемые сообщают, что остаются «сознательными» во время сна, и ЭЭГ, судя по всему, это подтверждает, поскольку альфа-волны (бодрствование), тета-волны (сновидение) и дельта-волны (глубокий сон) *присутствуют все одновременно* — это «постоянное сознание» во всех трех состояниях.

Такого рода исследования особенно замечательны тем, что дают нам еще один эмпирический коррелят трансцендентальных состояний. Для этого есть несколько непосредственных применений. Во-первых, люди могут использовать такие измерения для того, чтобы отслеживать собственный прогресс в трансформации сознания. Духовный рост был бы в меньшей степени действием наугад. Во-вторых, это дает нам способ оценки эффективности разных «преобразующих практик». Разделите учеников на несколько групп; пусть одна группа в течение двух лет читает такие книги, как «Экопсихология», «Возвращение к Богине» и «Йога может исцелить вашу жизнь»; пусть другая группа медитирует, третья занимается шаманским камланием, четвертая — йогой, пятая — созерцательной молитвой и т.д.; и измеряйте действительные изменения волновой биоэлектрической активности

мозга в качестве коррелята трансформации сознания.

Иными словами, суть в практике, и такого рода исследования важны, поскольку они поощряют людей усердно практиковаться, а не только думать по-другому. Размышление (и чтение) будет изменять только альфа- и бета-состояния (грубая сфера); но мощные медитативные практики будут вводить вас в тета- (тонкая сфера) и дельта-состояния (каузальная сфера), а затем позволять им всем присутствовать одновременно — это постоянное сознание во всех трех состояниях, вследствие чего Основа всех трех состояний — сам недвойственный Дух — станет столь же очевидным, как стакан воды, выплеснутый в ваше Изначальное Лицо.

Это еще один сигнал к тому, чтобы чисто трансляционная духовность, которая составляет свыше 90% всего «духовного рынка», уступила место подлинной преобразующей духовности, которая перестраивает вашу душу и подключает ее непосредственно к Богу-

Пятница, 7 ноября

ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗИЯ

Взял почитать «В тупике» — последнюю часть трилогии нигилизма Грегга Эреки (вместе с «Обреченным поколением», которое было еще мрачнее и «Полными неудачниками» — еще чуднее). Она вполне соответствует своему названию. Постсовременный мир всегда находил нигилизм (и его двоюродного брата — скептицизм) очень современным, очень модным. Считается, что нигилизм точно отражает релятивизм культурных ценностей, социально конструируемую природу всей реальности, непостоянный характер всякого значения, деконструкцию моральных ориентиров и неустранимую неопределенность всех верований. Единственная «ультрасовременная» позиция перед лицом реального мира — это нигилизм и зевок.

Но нигилизм остается в дураках. Они талдычат, что верить не во что. Они не признают никакой системы ценностей; не принимают никакой точки зрения; не верят ни в какие принципы. Однако они едят три раза в день, а потому они явно верят в пищу. По ночам они спят и, следовательно, верят в отдых. Они стремятся иметь воду, тепло и кров и, значит, глубоко верят в физиологические потребности. Большинство из них, несомненно, верит в секс. Иными словами, они не лишены ценностей — они просто верят в общий набор ценностей вместе с кроликами, крысами и куницами.

Вот и все, что можно сказать о нигилизме. И дело не только в том, что

сама эта позиция глубоко лицемерна — заявлять об отсутствии ценностей, но на деле придерживаться самых низших из них (и в результате скатываться к системе ценностей, присущей ракообразным), — но в том, что единственная «забава» нигилизма состоит в том, чтобы разносить в пух и прах убеждения кого-то другого, в конечном счете именно это привлекало послевоенное поколение в деконструкции. Но если кто-то не конструирует, то вы не можете деконструировать. Больше нет забавы, и вам больше ничего не остается, кроме как жить своей жизнью с крысиными и кроличьими ценностями. И, по правде говоря, какое тут может быть веселье?

Но в последние два или три года я ощущаю настоящее восстание против этого крайнего постсовременного нигилизма — против *крайнего* релятивизма, контекстуализма и конструктивизма. Как указал Джером Брюнер, единство в многообразии по-прежнему остается правилом: в человеческом бытии есть как разнообразные *универсальные*, или глубинные черты, так и разнообразные локальные, или поверхностные черты, и мы должны с уважением относиться и к тем, и к другим, вместо того чтобы теряться просто в относительном, конструируемом и разнообразном.

Брюнер пишет: «Языки различаются, однако существуют лингвистические универсалии, которые позволяют любому ребенку легко усваивать любой язык. Культуры различаются, но в них тоже есть универсалии, свидетельствующие об общности ума и, вероятно, о некоторых общих особенностях его развития. Наилучшим девизом по-прежнему может быть *unitas multiplex* (лат. единство многообразия)».

Этот вопрос — обоснованность *unitas multiplex* (или универсального плюрализма) — имеет решающее значение не только для культурологических исследований вообще, но и для духовности в частности. Стандартный довод конструктивистов — например, Дэвида Катца — состоит в том, что не может быть никакой вечной философии, никакой трансцендентальной Реальности, никакого универсального Духа, поскольку не существует ничего универсального — и точка. (За исключением, разумеется, его собственного утверждения, которое он считает *универсально* истинным, — перформативное противоречие.)

Для написания второго тома я просмотрел, как мне кажется, бесконечное количество книг и решил не обсуждать здесь ни одну из них, иначе это превратилось бы в нечто иное, как гигантский сборник рецензий. Но во всех этих книгах, посвященных десяткам разных областей, я заметил все более и более сильный несомненный протест против релятивизма и конструктивизма. Ученые все больше отдают себе отчет в том, что за крайним релятивизмом кроется нигилизм, а за

нигилизмом — нарциссизм. Если я найду еще одну по-настоящему хорошую книгу, разоблачающую эти воззрения, то объявлю свой личный государственный праздник.

Вторник, 11 ноября

Всю прошлую ночь — постоянное сознание; спонтанное бодрствование в состояниях сновидения и глубокого сна, единое со всем, что бы ни возникало. Нет никакого «я» — просто изначальная осведомленность осознание или базовое бодрствование — очень, очень тонкое осознание, — которое не приходит и не уходит, но каким-то образом остается вне времени, Один Вкус в состояниях сновидения и глубокого сна. Когда это происходит, утренняя медитация не отличается от того, что продолжалось всю ночь. Есть просто осознание Одного Вкуса в самом каузальном (во время глубокого бесформенного сна), и это молчаливое недвойственное осознание продолжается, когда из каузального возникает тонкое (и начинается состояние сновидения) и затем из тонкого возникает грубое (при нормальном пробуждении). Таким образом, когда (около 3 часов ночи) проявляется грубое состояние, не происходит никакого значительного изменения в изначальной осведомленности или постоянном сознании — просто в нем возникает восприятие грубого тела, постели и комнаты. То есть, грубая сфера возникает в Одном Вкусе, каковым «Я-Я» вечно являюсь. Тогда нет ничего, что можно конкретно назвать «медитацией», поскольку она уже внутренне присуща этой недвойственной осведомленности или очень тонкому постоянному сознанию.

Если я не отмечаю постоянного сознания в течение ночи, то, когда возникает грубая сфера, я специально выполняю несколько медитативных или созерцательных практик, всегда начиная с высшей гуру йоги, которая представляет собой самоисследование или непосредственное рассмотрение природы ума (например: «Кто я такой? Что такое этот чистый Пустой Свидетель?»). Характер моей практики в целом не отличается от «венчающего упражнения» [31 октября]. Просыпаясь, я созерцаю или *ощущаю* возникновение чувства отдельной самости (т.е. я ощущаю в осознании крошечную напряженность, которая представляет собой отдельную самость) и пребываю в первичной Пустоте, необязательным действием которой является самозамыкание. Если это венчающее упражнение успешно, то есть если оно делается без какой бы то ни было мысли об успехе, тогда чувство отдельной самости растворяется в чистой Пустоте, бескрайней Открытости, бесконечной Свободе, каковая сама представляет собой

постоянное, вневременное, недвойственное сознание, или Бесконечный Охват. Самость разворачивается в Пустоте, и я возвращаюсь к тому, чем «Я-Я» вечно являюсь. Затем К.У. просто возникает, как жест того, что «Я-Я» есть, и я в большой степени (которая все еще значительно варьирует) не отождествляюсь конкретно с этой сущностью — К.У. просто остается одним среди миллиарда других проводников Духа и его вечной песни, и «Я-Я» являюсь этой Песней, а не какой-либо отдельной нотой.

В любом случае около четырех или пяти часов утра я посвящаю один-два часа более типичным медитативным и созерцательным практикам. Я стараюсь делать эти практики даже при наличии постоянного сознания, поскольку они исполняют и выражают эту Песню более прекрасно, чем что бы то ни было другое из того, что мне известно. (Когда Судзуки Роши спрашивали, зачем ему медитировать, он всегда говорил то же самое: «Мы медитируем не для того, чтобы достичь природы Будды — поскольку, будучи вездесущей, она в буквальном смысле недостижима, — скорее, мы медитируем, чтобы выразить природу Будды, каковой мы всегда уже обладаем».) Хотя я занимаюсь медитацией уже около двадцати пяти лет — и испробовал десятки разных духовных практик, — большую часть того, что я делаю, я получил в Лонгчен Ньинтиг от Его Святости Пемы Норбу (Пенор) Ринпоче — ныне главы школы Ньингма тибетского буддизма. В частности, сюда относятся *тигле гьячен* и *ши тро* (сложные практики, которые включают в себя *тогьял* и *трекчод* — две основные техники дзогчена или Маха-Ати буддизма). Кроме того, в многие из этих практик меня посвятил мой первый учитель дзогчена — Чагдуд Тулку Ринпоче.

Я завершаю эту формальную медитацию практикой, известной как *тонглен* «забирать и посылать», которую я также выполняю в разное время в течение дня (вероятно, больше, чем любую другую практику). Ее основная форма состоит в следующем: вы вдыхаете страдание мира и выдыхаете мир и счастье, которые у вас есть, вы забираете страдание и посылаете облегчение. Эта важная практика разрушает дуализм между «я» и другим, другом и врагом, субъектом и объектом и постоянно напоминает вам о вашей собственной изначальной природе — чистой Пустоте, чистом Духе.

Общее описание этих разнообразных практик можно найти в книге «Милосердие и мужество». Хотя они в основном взяты из буддизма, я искренне полагаю, что с тем же удовольствием использовал бы любые тонкие, каузальные и недвойственные практики из любой из великих недвойственных традиций — восточных или западных, северных или

южных. Весь смысл подлинного созерцания состоит просто в ускорении роста, развития или эволюции от подсознательных к самосознательным и к сверхсознательным измерениям вашего собственного Существа. *Теперь у нас в изобилии имеются свидетельства того, что медитация не изменяет основные стадии развития сознания, однако она значительно ускоряет это развитие*^{38*}. Медитация ускоряет эволюцию. Она способствует вспоминанию и повторному открытию Духа, каковым вы вечно являетесь. Медитация убыстряет темп, в котором желуди вырастают в дубы, в котором люди вырастают в Бога.

Зикр суфизма, шикантаза дзен, девекут иудаизма, Молитва Сердца, визионерский поиск шаманизма, самоисследование Раманы, випассана Теравады, чи хан Тьен Таи, центрирующая молитва — раджа, джнани, хатха, карма и кундалини йога — огромный и поразительный арсенал созерцательных практик великих мировых традиций мудрости — и их главная цель состоит в припоминании, повторном раскрытии и обретении того, чем вы всегда уже являетесь. И в этом ошеломляющем постижении вы пробудитесь к миру, где Космос — это ваша душа, облака — ваши легкие, а стук капель дождя — биение вашего сердца.

Четверг, 13 ноября

Стюарт Дэвис — двадцатишестилетний автор и исполнитель песен, получивший международное признание («Дрезденские новости», Германия: «В авангарде молодых талантливых авторов песен, Стюарт Дэвис предлагает пронизательный, болезненно честный взгляд на общественные и личные аспекты жизни. Поистине обаятельный исполнитель с не менее яркой поэзией»). Но более того, он обладает необычайным чувством юмора. Из аннотации к его последнему компакт-дису: «В возрасте 26 лет, выпустив пять альбомов в шестнадцати странах, Стюарт Дэвис заслужил международное признание за свое смелое владение языком и умение использовать его для покорения трудных тем. В своем последнем альбоме «Шутливая мистика» он касается ни больше ни меньше, как творения, эволюции сознания/духа и смерти (и все это в двенадцати легко запоминающихся самородках поп-музыки). Наконец появилось собрание вокально-танцевальных записей, в которых лирический гений соединяется с такими темами, как непосредственное постижение Бога, визиты НЛО и самоубийство! Дэвид поставил мистицизм на его законное место в жанре популярной музыки».

Стюарт хотел ненадолго зайти в гости — он посвятил «Шутливую

мистику» мне, — и я сказал: конечно, заходи. Марси приготовила нам китайские бутерброды, и мы втроем провели вечер вместе. Стюарт рассказал, что он переживает своего рода поворотный пункт в своей жизни, все больше и больше углубляясь в надличностные и духовные измерения (он уже медитирует два раза в день; я убеждал его заниматься этой практикой более интенсивно). Мы беседовали об искусстве и его способности — в его лучших проявлениях — пробуждать более высокие реалии; я показал ему кое-какие из работ Ансельма и Алекса. Стюарт был абсолютно поражен живописью Алекса, он почти лишился дара речи. Такого рода надличностные послания возможны и в музыке, и, поскольку никто этого еще не делает, почему бы Стюарту не быть одним из первых?

Потом мы удостоились тридцатиминутного выступления — Стюарт пел свои самые красивые и трогательные песни (в одном месте Марси заплакала). Завтра он будет петь в зале Марса в Боулдере; мы решили пойти на концерт.

Пятница, 14 ноября

Мы собирались пойти на концерт Стюарта, но перед этим решили покрасить Марси волосы, и все обернулось, скажем, не совсем, так как нужно.

Я не уверен, что «не совсем так» — подходящее определение; в зависимости от ваших вкусов, это можно было бы описать как «круто» или «ужасно». Марси хотела покрасить волосы в платиновый цвет, так что мы отправились в местную аптеку, поняли, что для того, чтобы сделать темные волосы белыми, требуется по меньшей мере два сильных средства, купили оба и попробовали.

Ее волосы стали ярко-оранжевыми.

Теперь у меня свидание с «Рональдом Мак-Дональдом».

Мы не пошли на концерт Стюарта.

Суббота, 15 ноября

Марси обзванивала все парикмахерские в округе, прося срочно принять ее. Кстати, мне цвет ее волос даже понравился, но она хотела превратить их из скандально-оранжевых в просто шокирующие белые и, в конце концов, нашла место, где согласились это сделать.

Все прошло гладко; теперь у нее чисто белые волосы — она больше не «Рональд Мак-Дональд» и скорее похожа на снежную вершину.

Воскресенье, 16 ноября

Только что получил книгу Брэнта Кортрайта «Психотерапия и Дух» и был весьма расстроен, не в последнюю очередь из-за того, что в ней моя работа представлена в совершенно неверном свете. (Меня порой обвиняют в том, что я слишком часто заявляю, будто некоторые авторы искажают мою работу. Судите сами.)

В «Оке Духа» я подразделяю свою работу на четыре основных фазы: фаза «Уилбер-1» была романтической; фаза «Уилбер-2», по существу, представляла собой интерпретацию идей Великой Цепи с точки зрения психологии развития (эта модель была впервые представлена в книге «Проект Атман»); фаза «Уилбер-3» была значительным шагом вперед и содержала предположение о существовании многих различных линий развития, которые относительно независимо проходят через разнообразные уровни Великой Цепи (эта модель была первоначально описана в «Трансформациях Сознания» и приобрела окончательный вид в «Оке Духа»); а фаза «Уилбер-4» помещает эти уровни и линии в контекст четырех секторов (психологическая часть моделей «Уилбер-3» и «Уилбер-4», по существу, одинакова, так что я часто называю свою последнюю психологическую модель «Уилбер-3», понимая, что она представляет собой просто Верхний Левый сектор модели «Уилбер-4»).

К сожалению, Кортрайт все еще имеет дело главным образом, с моделью «Уилбер-2», а не «Уилбер-3» (не говоря уже об «Уилбер-4»). Он запоздало настаивает на представлении моей позиции в качестве монолитной модели единого спектра, примитивной ступенчатой последовательности, в которой психологическое развитие должно завершиться прежде, чем может начаться духовное развитие. Это ошибочное представление настолько распространено — и неверно, — что Дональд Ротберг при описании моей теперешней модели «Уилбер-3» был вынужден сделать отступление, чтобы специально подчеркнуть: «Развитие не происходит неким простым образом через несколько последовательных всеобъемлющих стадий, соединяющих в себе все аспекты роста... [Различные] линии развития временами могут приходить в конфликт друг с другом, и некоторые из них, как полагает Уилбер, не демонстрируют последовательных стадий... Может иметь место высокий уровень когнитивного развития, средний уровень межличностного или морального развития и низкий уровень эмоционального развития. Эти несоответствия развития, судя по всему, особенно обуславливаются общими культурными ценностями и стилями». Иными словами, различные линии развития проходят через

уровни Великой Цепи относительно независимо, так что можно быть на высоком уровне развития по одним линиям, на среднем уровне по другим и на низком по третьим.

Главный недостаток книги Кортрайта состоит в том, что он, по-видимому, не понимает основных особенностей психологического и духовного развития. Прежде всего, в «Оке Духа» я совершенно ясно утверждаю, что психологическое и духовное развитие можно рассматривать как две отдельные линии, так что духовное развитие (как я сейчас объясню), несомненно, может происходить *параллельно* с психологическим развитием. Кортрайт полностью признает, что я это говорю, а затем совершенно это игнорирует. Его обсуждение ясно показывает, что он не понял главный, настоящий вопрос: даже если духовное развитие представляет собой отдельную линию (или линии), *то как его можно определить?* Если духовное развитие — это отдельная линия развития (в дополнение к другим линиям — когнитивной, моральной, мотивационной, кинестетической, аффективной и т.д.), тогда необходимо быть способным определить духовную линию *независимо* от когнитивной интуиции, моральных норм, мотиваций, потребностей, этических обязательств или аффективных любви и сострадания, *поскольку все это уже имеет собственные отдельные линии развития.* Если «духовность» представляет собой *отдельную* линию развития, то вы должны быть способны описывать ее в конкретных, отчетливых терминах, чего Кортрайт достоверно не делает, — и этот недостаток портит весь его подход. Лично я полагаю, что некоторые аспекты духовного развития относятся к более высоким стадиям различных линий (таким, как высшие эмоции или надличностная любовь, высшее познание или надрациональное осознание и т.д.) и что определенные аспекты духовного развития сами составляют отдельную, специфическую линию (как, например, забота и открытость), но их все равно необходимо тщательно определить, прежде чем делать серьезные заявления о «духовном» развитии.

Например, *даже* если мы говорим, что более высокие стадии различных линий развития являются «духовными», а более низкие — «личностными» или «психологическими» — как делают многие трансперсональные психологи, — тем не менее в моей модели «Уилбер-3» сами различные линии развиваются относительно независимо, и потому надличностная или духовная стадия на одной линии развития (скажем, когнитивной) может иметь место одновременно с личностной или психологической стадией на другой линии (например, моральной), так что «духовный» и

«психологический» рост на различных линиях развития происходит *параллельно друг с другом*, а не строятся один на другом, как кирпичики в стене (что Кортрайт объявляет моей точкой зрения). Идея о том, что любая из этих линий должна полностью завершиться прежде чем сможет начаться другая, попросту неразумна — даже модель «Уилбер-2» не предполагала столь жесткой схемы.

В поистине странном разделе своей книги Кортрайт говорит, что мои «средние уровни» развития — конкретно-операционный* формально-операционный и зрительно-логический, так как они имеют соответствующие им патологии самости, — попросту не существуют. Если я правильно его понял, он полагает, что их все можно свести к одному уровню. Что за чушь! Есть масса свидетельств существования этих стадий, и я всего лишь предположил, что на всякой реальной стадии есть что-то, что может пойти не так, и потому этим совершенно реальным стадиям развития соответствуют свои уровни патологии. Кортрайт игнорирует все эти свидетельства и затем переходит к политкорректной атаке на мое предположение — основанное на огромном количестве клинических данных, — что большинство форм психоза связаны с нарушениями развития (и/или генетическими нарушениями) на самых ранних стадиях. Он надменно осуждает мою моральную бесчувственность, при этом изо всех сил стараясь показать и заставить нас запомнить, сколь благородным и моральным является он сам. Это, безусловно, самая неподобающая часть книги.

Понимание Кортрайтом великих мировых традиций мудрости выглядит бледно и порой вообще отсутствует; и тот факт, что он явно неправильно представляет некоторые из этих традиций, плохо сказывается на книге в целом. Вот несколько примеров: Кортрайт утверждает, что постадийная концепция, которую я представляю, не подходит для медитативного развития, например, «...в буддийской литературе есть огромное множество примеров, когда люди прямо постигают безличную пустоту недвойственного». На самом деле, подобных случаев фактически нет. Возможно, он имеет в виду дзенские *мондо*, когда после краткой и лаконичной беседы с мастером дзен ученик достигает «полного сатори». Но как скажет вам любой учитель дзен, эта беседа имеет место после примерно шести лет интенсивной медитации, которая сама развивается постадийно (например, Десять Картинок Пастьбы Быка).

Кортрайт пытается привести несколько примеров в поддержку своего утверждения, и все они оказываются явно неправильными. «Рамана Махарши, которого Уилбер считает образцом недвойственного постижения, непосредственно достиг недвойственного опыта, не

«проходя через» психические или тонкие стадии». В действительности, как ясно сообщает сам Рамана, его пробуждение было продолжавшимся три дня трудным испытанием, в котором он проходил через савикальпа самадхи (психические и тонкие формы), а также нирвикальпа и джняна самадхи (каузальную бесформенность) и только затем пробудился к сахадже (чистому Одному Вкусу или недвойственной Таковости). То, что Кортрайт столь уверенно и бесцеремонно искажает это важнейшее событие, судя по всему, типично для всей его интерпретации данных. Он точно так же перевирает модель Ауробиндо и идеи Ваджраяны. Он называет Ауробиндо «образцовым представителем традиции» — традиции, которая, по его словам, не верит в специфическую последовательность духовного развития, — упуская из виду недвусмысленное заявление Ауробиндо, что «Духовная эволюция подчиняется логике последовательного развертывания; она может делать новый решающий шаг только после того, как была в достаточной степени освоена предыдущая основная ступень: даже если резкое и быстрое восхождение может проглатывать или проскакать некоторые незначительные стадии, сознанию приходится поворачивать назад, чтобы убедиться, что пройденная территория надежно присоединена к новому состоянию; большая или усиленная скорость (которая действительно возможна) не устраняет сами этапы или необходимость их последовательного преодоления» (Ауробиндо. «Жизнь Божественная», II, 26).

Кортрайт сходным образом подразумевает, что буддизм Ваджраяны не признает эти неустраняемые аспекты развития, таким образом упуская из виду единственное когда-либо делавшееся глубокое исследование этой темы, принадлежащее Дэниэлу П. Брауну, который тщательно анализирует свыше дюжины основных текстов медитации Махамудра и обнаруживает, что все они, *без исключения*, соответствуют модели развития, состоящей из конкретных стадий (довольно точно совпадающих с тем, что я определил в «Трансформациях сознания» как психическую, тонкую, каузальную и недвойственную стадии). Затем Браун и Энглер сравнили эту постадийную концепцию с типичной китайской медитативной традицией и традицией випассаны, показав, что она остается справедливой во всех случаях. Кортрайт благодушно игнорирует все эти свидетельства.

Когда приходит время резюмировать состояние дел в области трансперсональной терапии, Кортрайт невероятным образом выставляет модель «Уилбер-2» как «старую парадигму», а затем представляет «Уилбер-3» как «новую парадигму», называя моей

моделью только «Уилбер-2». Ну что тут скажешь?

Кортрайт определяет новую парадигму следующим образом: «Вес это указывает на точку зрения, согласно которой психологическое и духовное развитие состоит из множества сложных эволюционных путей, которые порой переплетаются, пронизывают друг друга перекрываются, тогда как в других случаях остаются дискретными и более явно разделёнными, Иногда рост бывает психологическим, иногда духовным, а порой и то и другое происходит вместе». Как я только что объяснял, это в точности модель «Уилбер-3». На мой взгляд, дело тут вот в чем: Кортрайт написал большую часть своей книги до того, как прочитал «Око Духа», и, вместо того чтобы переписывать всю книгу, он представляет почти исключительно модель «Уилбер-2» (которую он уже описал), а затем, чтобы оградить себя (после прочтения «Ока Духа»), он просто добавил несколько оговорок (типа «В действительности Уилбер так не считает, но все равно давайте это покритуем»). Но в модели «Уилбер-3» выявлено свыше дюжины отдельных линий развития, в частности, когнитивная, моральная, аффективная, любви, заботы, внимания, самотождественности, защит, межличностная, художественная и кинестетическая, причем некоторые из них сами являются духовными, а у некоторых духовными являются высшие стадии, что позволяет нам проследивать эти разнообразные перекрывающиеся виды развития, которые все организуются и координируются самостью^{39*}. Кортрайт триумфально представляет ослабленный вариант этой модели «Уилбер-3» в качестве новой революционной парадигмы, но варианту, который он предлагает, недостает действительного понимания свидетельств развития и особенно недостает внимания к тому, как нам следует честно определять «духовность» так, чтобы не просто повторять определения других линий развития. (Он также полностью игнорирует работу Дженни Уэйд, дает странно однобокую интерпретацию Хамида Али и т.д.)

Кортрайт полностью признает Великую Цепь Бытия, как ее описывает Хьюстон Смит, однако он отвергает так называемый «монолитный» спектр сознания, очевидно, не понимая, что они в основном тождественны. Но я попытался пойти в отношении Великой Цепи на один шаг дальше и предположил, что существуют различные линии (или потоки) развития, которые относительно независимо развертываются через разные уровни (или волны) Великой Цепи, и что, только признавая этот факт — наличие уровней и линий, — мы можем объединить восточную мудрость и западное знание. Четыре сектора —

или просто Большая Тройка «я», «мы» и «оно» — это некоторые из самых основных линий или потоков, каждый из которых развивается через уровни или волны Великой Цепи [см. рис. 3 к записи от 15 марта]. Кортрайт полагает, что эта концепция «уровней и линий» чрезвычайно усложняет картину, тогда как в действительности она значительно упрощает интерпретацию огромного количества данных; он считает, что она спутывает и ослабляет Великую Цепь, в то время как на самом деле она ее спасает.

Есть простой способ изображения модели «Уилбер-3», который включает в себя объединение *уровней Великой Цепи* с различными *линиями*, проходящими через эти уровни (или потоков, проходящих через волны); давайте используем только пять линий (из почти двух дюжин) и будем считать духовность как высочайшим развитием на каждой линии, *так и* самостоятельной отдельной линией, чтобы охватить оба распространенных определения (рис. 5)^{40**}.

Поскольку многие не любят понятие «иерархия», давайте также изобразим эту иерархию так, как она действительно определяется, а именно как холархию (рис. 6). Это тождественное понятие, но некоторые люди чувствуют себя удобнее с милыми женскими кружочками (я и сам их предпочитаю, поскольку они так ясно показывают характерный для Великого Гнезда Бытия принцип «трансценденции и включения»).

Суть обеих этих диаграмм, которые я называю «интегральными психограммами», состоит в том, что с их помощью можно проследить различные линии (или потоки) развития по мере их движения через разные уровни (или волны) Великого Гнезда. Вы можете быть на более высоком, надличностном или «духовном» уровне в нескольких линиях и на более низком, личностном или «психологическом» уровне в других, так что духовное и психологическое развитие накладываются друг на друга — и отдельная духовная линия (линии) также может быть относительно высокой или низкой.

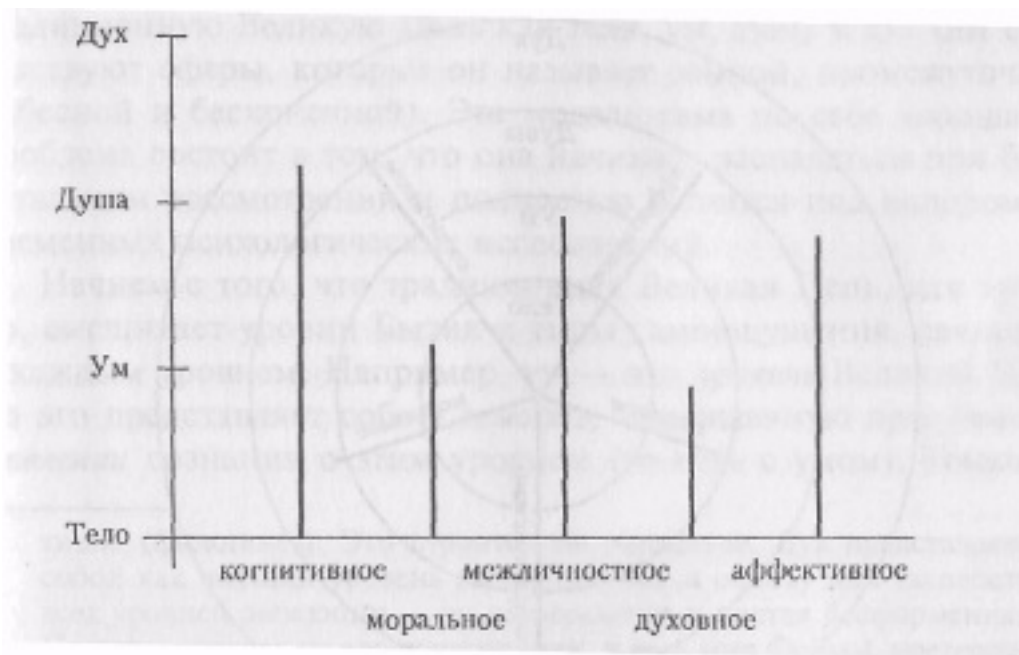

Рис. 5. Интегральная психограмма

По всем этим линиям и волнам путешествует самость (или система самости), которой приходится уравнивать их все и отыскивать во всем этом смещении какую-то гармонию. Кроме того, в каждом потоке на каждой из его волн (или стадий) что-то может пойти не так, и потому мы можем отображать различные виды патологий на психограмме — различные виды патологий случаются на разных уровнях или волнах в каждой из линий.

Даже хотя мы можем, основываясь на огромном количестве данных (клинических, феноменологических и созерцательных), говорить, что многие из этих потоков развития проходят через волны поэтапно, тем не менее *общее* развитие самости *не* протекает четко определенным стадийным образом просто потому, что самость представляет собой соединение всех различных линий, а возможное число их перестановок и сочетаний практически бесконечно. Иными словами, общий индивидуальный рост не подчиняется никакой определенной последовательности.

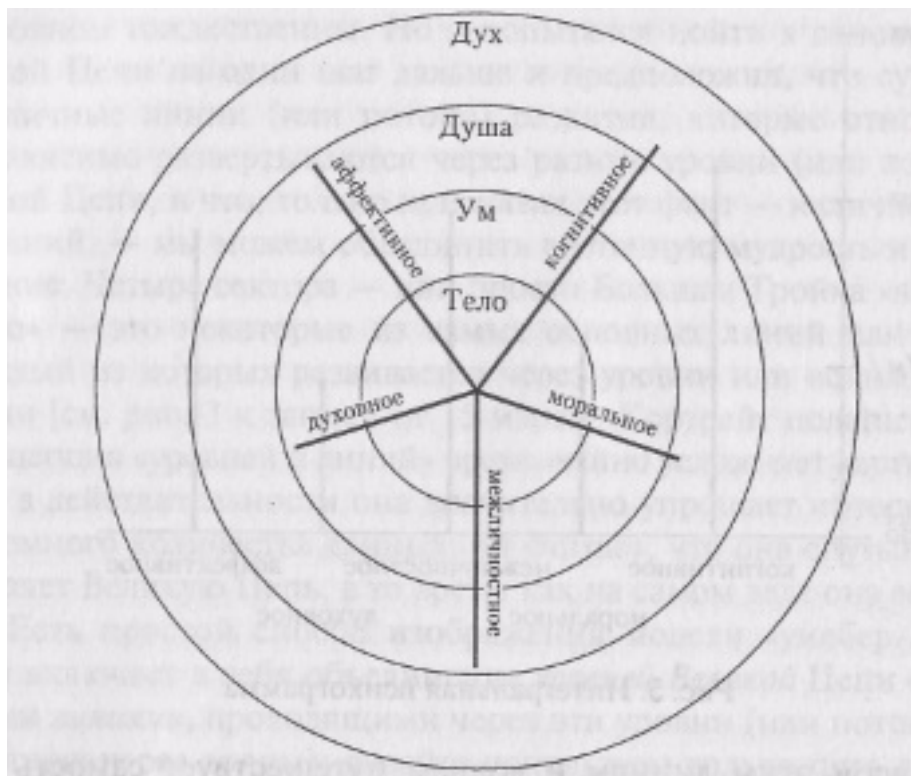

Рис. 6. Интегральная психограмма как холархия

Наконец, как предполагает диаграмма из вложенных кругов (см. рис. 6), поскольку каждое более высокое измерение превосходит, но включает в себя (или охватывает) предыдущее, нахождение на более высокой волне не означает, что более низкие волны забыты. Это не лестница (и никогда не была ею), а подобие модели атомов, молекул, клеток и организмов, где каждый последующий уровень включает в себя или охватывает предыдущий: как говорил Плотин, развитие — это охват. Поэтому даже на высшем уровне одновременно происходит «низшая» работа — в клетках по-прежнему есть молекулы, и Буддам по-прежнему приходится питаться.

Такова в упрощенном виде модель «Уилбер-3». Пока мы не отошли от этой темы, я хочу дать один последний пример, показывающий, почему я считаю, что эта модель представляет собой усовершенствование традиционной модели Великой Цепи (или «Уилбер-2»), которая содержит различные уровни Бытия, но не вполне объясняет, как и почему различные *линии* развиваются через эти уровни^{41*}. Мы видели, что Хьюстон Смит точно резюмирует традиционную Великую Цепь как тело, ум, душу и дух (им соответствуют сферы, которые он называет земной, промежуточной, небесной и бесконечной). Эта модель сама по себе хороша, но проблема состоит в том, что она начинает распадаться при более детальном рассмотрении и полностью рушится под напором современных психологических исследований.

Начнем с того, что традиционная Великая Цепь, как правило,

смешивает уровни Бытия и типы самоощущения, связанные с каждым уровнем. Например, ум — это *уровень* Великой Цепи, но это представляет собой *самость*, порождаемую при *отождествлении* сознания с этим уровнем (то есть с умом). Тонкое — это уровень Великой Цепи, а душа — это самость, которая порождается, когда сознание отождествляется с тонким уровнем. Каузальное/дух представляет собой уровень Великой Цепи, а Подлинная Самость — это «самость», связанная с этим уровнем и т. д. Таким образом, в наиболее простом варианте последовательности уровней Великой Цепи: тело, ум, тонкое и каузальное/дух должны соответствовать стадии самости: тело-эго, эго, душа и Самость. Хотя я часто использую традиционную терминологию (тело, ум, душа, дух), я всегда имею в виду различие между самими уровнями (тело, ум, тонкое, каузальное) и самостью на этих уровнях (тело-эго, эго, душа, Самость).

Именно здесь начинают оправдывать себя некоторые из этих различий (и становится более заметной польза перехода от «Уилбер-2» к «Уилбер-3»). Традиционно считается, что мужчины и женщины имеют как бы две основные системы личности: *фронтальную* и *более глубокую психическую*. Традиционные теоретики Великой Цепи (и модель «Уилбер-2») просто сказали бы, что фронтальное — это самость, ассоциирующаяся с телом и умом, а глубинное психическое ассоциируется с душой, что, по существу, было бы разновидностью ступенчатой схемы. Но фронтальное и глубинное психическое оказываются гораздо более гибкими; судя по всему, они представляют собой не разные уровни, а отдельные линии развития, так что их развитие происходит не последовательно, а параллельно. Мы можем графически изобразить это как показано на рис. 7 (на которой я вернулся к более точной схеме из шести уровней)^{42*}.

Фронтальное существо — это *личность, ориентированная на грубую сферу*, в более широком смысле то, что мы подразумеваем под «эго», или личностью, ориентированной вовне, на сенсомоторный мир. Линия развития фронтального существа начинается с материального зачатия, продолжается через эмоционально-сексуальные или пранические стадии в ментальные стадии и сходит на нет в психическом. *Фронтальное развитие* представляет собой эволюцию самости (или самотождественности) через нижние и промежуточные волны Великого Гнезда Бытия.

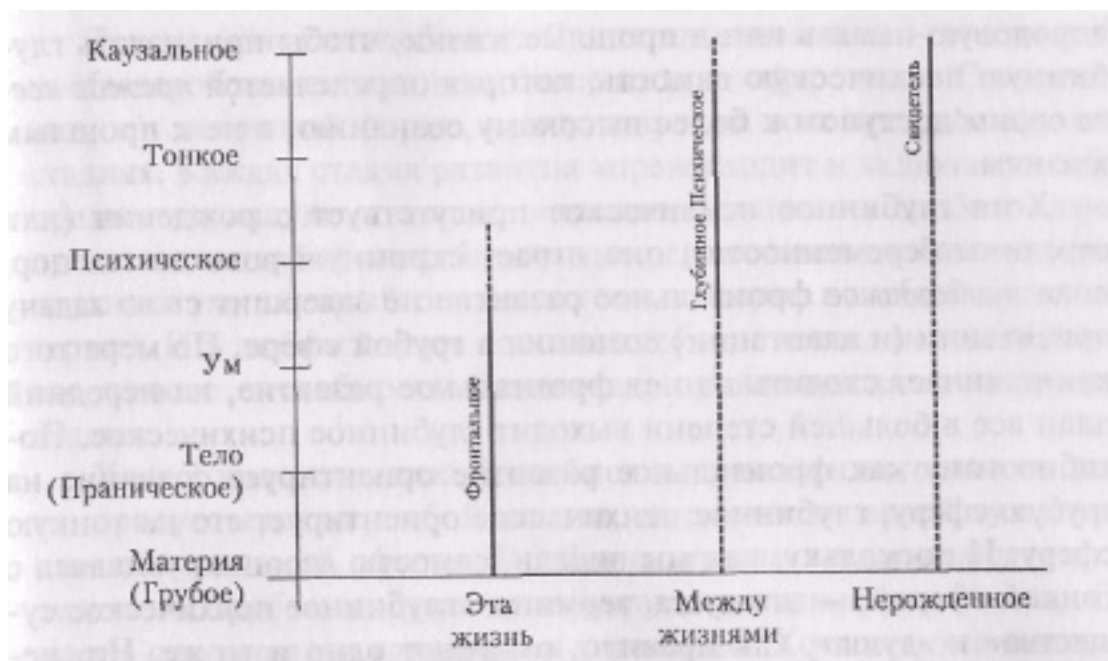

Рис. 7. Развитие Фронтального (или Эго),

Глубинного Психического (или Души) и Свидетеля (или Самости)

Согласно традициям, в то время как фронтальная личность развивается в этой жизни, глубинное психическое существо развивается между жизнями. В очень широком смысле оно представляет собой то, что мы подразумеваем словом «душа». Во всяком случае, утверждается, что глубинное психическое существо появляется где-то в промежутке от зачатия до середины беременности; некоторые исследования действительно предполагают, что существует память о событиях до рождения, во время рождения и сразу после рождения, и поскольку ее не могут нести фронтальная личность и грубый мозг (так как они еще не развились), традиции заявляли бы, что эту память несет глубинное психическое существо, и она позднее утрачивается, когда начинается фронтальное развитие, которое заслоняет раннее психическое существо^{43*}. Сходным образом память прошлых жизней, если она действительно существует, должна переноситься глубинным психическим существом. Тем не менее вовсе не обязательно верить в родовую память или в прошлые жизни, чтобы признавать глубинную психическую самость, которая определяется *прежде всего* своим доступом к более высокому сознанию, а не к прошлым жизням.

Хотя глубинное психическое присутствует с рождения (или середины беременности), оно играет скромную роль до тех пор, пока *необходимое* фронтальное развитие не завершит свою задачу ориентации (и адаптации) сознания в грубой сфере. По мере того как начинает сходить на нет фронтальное развитие, на передний план все в большей степени выходит глубинное психическое. Подобно тому как фронтальное развитие ориентирует сознание на грубую сферу,

глубинное психическое ориентирует его на тонкую сферу. И поскольку, как мы видели, самость, ассоциирующаяся с тонкой сферой, — это душа, термины «глубинное психическое существо» и «душа», как правило, означают одно и то же. Но, несмотря на то что глубинное психическое уходит корнями в тонкую сферу, как таковую, оно претерпевает развитие, начинающееся на самых ранних стадиях, достигающее кульминации в тонком, и исчезающее в каузальном.

Уже сейчас можно начать видеть преимущество рассмотрения фронтального и глубинного психического в качестве перекрывающихся линий, а не дискретных уровней, в качестве потоков, зачастую идущих параллельно, а не разных волн. Мы можем сделать еще один шаг и заметить, что существует последняя основная личность, личность Самости, которая связана с каузальным, но также, подобно другим, начинающая свое развитие с более ранних стадий. Иными словами, мы можем с пользой рассматривать Самость в качестве отдельной линии или потока развития, несмотря на то что она в основном ориентирована на каузальную сферу.

Самость, или надличностный Свидетель, в отличие от эго или души, не является «личностью», поскольку не имеет никаких специфических характеристик (это чистая Пустота и великое Нерожденное), за исключением того, что Пустота все еще отделена от Формы, а Свидетель все еще отделен от того, что свидетельствуется. Поэтому Самость или Свидетель представляет собой центр внимания, основу чувства отдельной самости, и прибежище последней и самой тонкой двойственности — между Видящим и видимым. Это одновременно высшая Самость и последний барьер на пути к недвойственному Одному Вкусу.

Тем не менее способность Свидетельствования — это способность освобождения от всех более низких сфер, и сам Свидетель, хотя и в латентной форме, присутствует на всех предшествующих стадиях. Каждая стадия развития «превосходит и включает в себя» предшествующую, и аспект «превосхождения» в любом случае представляет собой способность высшего осознавать низшее (душа осознает ум, который осознает тело, которое осведомлено о материи). И в любом случае «осознание» или «осведомленность» — это просто способность Свидетеля, проявляющаяся на данной стадии.

Хотя Свидетель, как способность трансцендентального роста, присутствует на любой стадии, он достигает своей кульминации в каузальной сфере. *Подобно тому как эго ориентирует сознание на грубое, а душа ориентирует сознание на тонкое, Самость ориентирует сознание на каузальное.* Хотя все они в основном

ассоциируются со специфическими сферами или волнами Великого Гнезда, они также имеют собственные линии или потоки развития, а потому они часто накладываются друг на друга, как показано на рис. 6. И я полагаю, что это именно то, что столь многие учителя медитации и трансперсональные терапевты наблюдают в самих себе, своих учениках и клиентах, а именно, что эго, душа и Дух могут во многих отношениях сосуществовать и совместно развиваться, поскольку они представляют собой относительно независимые потоки, текущие через волны Великого Гнезда Бытия. И иногда эти потоки могут развиваться весьма ^{44*} неравномерно .

Все мы знаем достаточно просветленных учителей (осознающих Нерожденное), у которых тем не менее по-прежнему имеется «большое эго», в смысле сильной, волевой, властной личности. Но присутствие эго — не проблема; все зависит от того, осознает ли человек *вдобавок к эго более* высокие и глубокие измерения. Как сказал Хьюберт Бенуа, проблему составляет не отождествление с эго, а исключительный характер такого отождествления. Когда наша самотождественность расширяется за пределы эго, в более глубокое психическое, а затем даже в Нерожденное и Один Вкус, эго просто включается в более широкую тождественность и становится подчиненным. Но само оно остается действующей самостью в грубой сфере и вполне может даже усиливаться и делаться более могущественным, просто потому, что теперь оно подключено ко всему Космосу. У многих великих просветленных учителей были одновременно большое эго, большое глубинное психическое существо и очень большая Самость, потому что это — три функциональных проводника грубой, тонкой и каузальной сфер, и у великих пробужденных все три проводника должным образом усиливались.

Но — и именно это, как правило, сбивает людей с толку — хотя различные линии развития часто перекрываются и в совокупности не подчиняются никакой определенной последовательности, *сами отдельные линии или потоки обычно разворачиваются в собственной универсальной, неизменной последовательности развития*, а именно в той мере, в какой они разворачиваются в сознании, они должны преодолевать уровни или волны Великого Гнезда, причем в порядке, определяемом самим гнездом. Например, у нас есть достаточные доказательства того, что, например, когнитивные способности, мораль, аффекты, кинестетические навыки и способности к межличностному взаимодействию проходят в своем развитии через доконвенциональную, конвенциональную и постконвенциональную

волны^{45**}. Иными словами, прохождение различных потоков через уровни Великого Гнезда, судя по всему, определяется самим универсальным Великим Гнездом. Хотя возможны любые временные отступления назад и скачки вперед, эмпирические данные подтверждают то, что говорил Ауробиндо: индивидуальные потоки подчиняются закону последовательного развертывания (который задается волнами самого Великого Гнезда).

В то же время я повторяю: несмотря на то что все линии развития (включая фронтальную, глубинную психическую и способность к свидетельствованию) следуют своим собственным стадиям, *общая* смесь линий не подчиняется таким закономерностям. «Совокупная самость» манипулирует примерно двумя дюжинами различных линий, и потому развитие каждого человека оказывается совершенно уникальным.

Понедельник, 17 ноября

Именно потому, что эго, душа и Самость могут присутствовать одновременно, можно лучше понять реальный смысл понятия «неэгоистичности», которое вызвало невероятное количество путаницы^{46*}. Но «неэгоистичность» вовсе не означает отсутствие функциональной самости (это был бы психотик, а не мудрец); оно означает, что человек больше не отождествляется *исключительно* с этой самостью.

Одна из многих причин тех затруднений, которые вызывает у нас понятие «неэгоистичность», состоит в том, что люди хотят, чтобы «неэгоистичные мудрецы» соответствовали их представлениям о «святости» или «духовности», которые обычно означают полное отсутствие плотских желаний или побуждений и постоянную милую улыбку. Люди хотят, чтобы святые обходились без всего того, что обычно заботит их самих — денег, еды, секса, взаимоотношений, желаний, — они хотят, чтобы «неэгоистичные мудрецы» были «выше всего этого». Говорящие головы без тела — вот что они хотят видеть. Они считают, что религия попросту избавляет от всех более основных инстинктов, влечений и отношений, и потому они обращаются к религии не за советом, как жить с воодушевлением, а за тем, чтобы избегать такой жизни, подавлять и отрицать ее, спастись от нее.

Иными словами, типичный человек хочет, чтобы духовный мудрец был «в меньшей степени человеком», каким-то образом лишенным всех тех беспорядочных, пикантных, сложных, пульсирующих желаний,

побуждений и сил, которые движут большинством человеческих существ. Мы ожидаем видеть у мудрецов *отсутствие* всего, что движет *нами самими!* Мы хотим, чтобы мудрецов совершенно не касалось все то, что нас пугает, сбивает с толку, мучает, ставит в тупик. И именно это отсутствие, эту пустоту, эту «менее чем человечность» мы обычно подразумеваем под «неэгоистичностью».

Но «неэгоистичность» не означает «меньше, чем личность», она означает «*больше*, чем личность», все нормальные личностные качества *плюс* некоторые надличностные. Подумайте о великих йогах, святых и мудрецах — от Моисея до Христа и Падмасамбхавы. Они были не робкими слабаками, а энергичными вождями и инициаторами решительных действий — от изгнания торговцев из храма до покорения целых стран. Они говорили с миром на его собственном языке, а не с каким-то неземным благочестием; многие из них провоцировали массовые социальные революции, которые продлились тысячи лет. И они делали это не потому, что избегали физических, эмоциональных и ментальных измерений человечности и эго, являющегося их проводником, а потому, что использовали их с такой напористостью и силой, которая потрясала мир до самых его оснований. Несомненно, они также имели доступ к душе (глубинному психическому) и духу (бесформенной Самости) — первоисточнику их силы, — но они выражали эту силу в конкретных результатах именно потому, что эффективно использовали более низкие измерения, через которые она могла говорить на языке, понятном всем.

Эти великие вожди и инициаторы не были «маленькими эго»; они были в лучшем смысле этого слова «большими эго» именно потому, что эго (функциональный проводник грубой сферы) может существовать и существует наряду с душой (проводником тонкого) и Самостью (проводником каузального). В той мере, в какой эти великие учителя воздействовали на грубую сферу, они делали это с помощью своих эго, поскольку эго является функциональным проводником этой сферы. Однако они не отождествлялись только со своими эго (это было бы нарциссизмом), просто их эго оказывались подключенными к сияющему Космическому источнику. Великие йоги, святые и мудрецы достигали столь многого именно потому, что они были не робкими маленькими лизоблюдами, а великими большими эго, подключенными к динамической Основе и Цели самого Космоса, поддерживающими контакт со своей собственной более высокой Самостью, осознающими чистый Атман (чистое «Я-Я»), который един с Брахманом; они открывали рты, и мир трепетал, падал на колени и встречал своего сияющего Бога.

Святая Тереза была великой созерцательницей? Да, и святая Тереза была единственной женщиной, сумевшей реформировать всю католическую монашескую традицию. Подумайте об этом. Гаутама Будда потряс Индию до самого основания. Руми, Плотин, Бодхидхарма, Леди Цогьял, Лао Цзи, Платон, Баал Шем Тов — эти мужчины и женщины начинали революции в грубой сфере, которые продолжались сотни, иногда тысячи лет — на такое не могут претендовать ни Маркс, ни Ленин, ни Локк, ни Джефферсон. И они делали это не потому, что были чужды всему плотскому. Нет, они были монументальными, великолепными, божественными большими эго, подключенными к глубинному психическому, напрямую связанному с Богом.

Определенно есть своя истина в понятии «превосхождения эго»: оно означает не разрушение эго, а включение его в нечто большее (как говорил Нагарджуна, в относительном мире атман реален; в абсолюте не реальны ни *атман*, ни *анатман* [отрицание атмана]. Таким образом, ни в том, ни в другом случае *анатта* не является верным описанием реальности)^{47*}. Маленькое эго не исчезает; оно остается в качестве функционального центра деятельности в конвенциональной сфере. Как я уже говорил, освободиться от этого эго — значит стать психотиком, а не мудрецом.

Поэтому «превосхождение эго» в действительности означает, превосхождение и включение эго в более глубокую и более высокую целостность, сперва в душу, или глубинное психическое, затем в Свидетеля, или изначальную Самость, и затем — вместе со всеми включенными друг в друга и объединенными предыдущими стадиями — в сияние Одного Вкуса. И это значит, что мы не «избавляемся» от маленького эго, а скорее полностью и с энтузиазмом живем в нем, используя его как необходимый проводник, через который передаются более высокие истины. Душа и Дух включают в себя тело, эмоции и ум, а не уничтожают их.

Прямо говоря, эго — это не помеха для Духа, а сияющее проявление Духа. Все формы не отличаются от Пустоты, в том числе и форма эго. Нет никакой необходимости избавляться от эго, нужно просто жить им с избытком. Когда отождествление переносится с эго на Космос в целом, эго обнаруживает, что индивидуальный Аман в действительности не отличается от Брахмана. Безусловно, большая Самость — это не маленькое эго, и в той мере, в какой вы увязли в своем эго, необходимы смерть и трансценденция. Нарциссизм — это просто ситуация, когда эго человека еще недостаточно большое, чтобы объять весь Космос, и потому он взамен пытается быть центром

Космоса.

Но мы не хотим, чтобы у наших мудрецов были большие эго; мы даже не хотим, чтобы у них вообще было какое-либо проявленное измерение. Всякий раз, когда мудрец проявляет человеческие качества — в отношении денег, еды, секса, взаимоотношений, — мы бываем шокированы, *потрясены*, поскольку мы собираемся полностью спастись от жизни, а не жить ею, и мудрец, который живет жизнью, нас оскорбляет. Мы хотим уйти от этого, мы хотим восхождения, хотим избавления, и мудрец, который живет жизнь со вкусом, до предела, ловит каждую волну жизни и скользит на ней до самого конца — такой мудрец нас глубоко расстраивает и пугает, поскольку это означает, что и мы тоже, быть может, должны жить полной жизнью на всех уровнях, а не просто спастись от нее в облаке светящегося эфира. Мы не хотим, чтобы у наших мудрецов были тела, эго, влечения, жизненная сила, секс, деньги, взаимоотношения или вообще жизнь, поскольку все это нас постоянно мучает, и мы хотим избавления. Мы не хотим балансировать на волнах жизни, мы хотим, чтобы волны исчезли. Мы хотим «облачной» духовности.

Для того чтобы показать нам обратное, существуют интегральные мудрецы, недвойственные мудрецы. Эти мудрецы, которых принято называть «тантристами», настаивают на том, что жизнь следует превосходить, живя ей. Они утверждают, что можно достичь избавления в вовлечении, найти нирвану посреди самсары, найти освобождение в полном погружении. Они с полным осознанием вступают в девять кругов ада, ибо больше нигде нельзя найти девять сфер рая. Им ничто не чуждо, ибо нет ничего, что не было бы Одним Вкусом.

В действительности вся суть состоит в том, чтобы совершенно естественно чувствовать себя с телом и его желаниями, умом и его идеями, духом и его светом. Принимать их все полностью, в равной степени и одновременно, ибо все они в равной степени представляют собой движения Одного и Единственного Вкуса. Жить в вожделении и наблюдать его игру; углубляться в идеи и прослеживать их блеск; тонуть в Духе и пробуждаться к блаженству, для которого нет названия во времени. И тело, и ум, и дух все в равной мере заключены в вездесущем осознании — основе всего, что бы то ни было.

В спокойствии ночи слышен шепот Богини. В яркости дня грохочет голос Бога. Жизнь пульсирует, ум воображает, эмоции колеблются, мысли блуждают. Все мы всего лишь бесконечные движения Одного Вкуса, вечно играющего со своими собственными жестами, тихонько шепчущего всем, кто захочет услышать: разве это не ты сам? Когда

грохочет гром, разве ты не слышишь свою Самость? Когда сверкает молния, разве ты не видишь свою Самость? Когда облака спокойно проплывают по небу, разве это не твое собственное беспредельное Бытие подает тебе знак?

Вторник, 18 ноября

Марси в течение многих месяцев ездила на моем джипе, поскольку у нее нет по-настоящему исправной машины. Она оставляла его на стоянке перед Центром Спирли, где она работает, и его украли.

В полиции сказали, что у нас практически нет шансов его вернуть, и потому вчера я пошел и купил новый джип. Сегодня утром мне позвонили — они нашли джип. Оказалось, что моего бедного старого джипа хватило ненадолго — через один квартал у него лопнула шина, и похитители тут же его бросили.

Мне не нужны два джипа, и поэтому я отдал новый Марси. Она в полном восторге. Но, разумеется, «это тоже пройдет», как и все остальное. Перефразируя последние слова Будды, «То, что соединено, распадется. Будь осмотрителен, работая над своим спасением». Иными словами, можно ли найти великое Нерожденное, которое, не будучи формой, не может быть украдено?

Среда, 19 ноября

Не вполне правильно описывать Один Вкус, как «сознание» или «осознание», поскольку эти термины имеют немного слишком умственный, слишком когнитивный оттенок. Один Вкус больше похож на простое Ощущение Бытия. Вы уже испытываете это простое Ощущение Бытия: это простое, наличное ощущение существования.

Но оно полностью отличается от всех других чувств или переживаний, поскольку это простое Ощущение Бытия не приходит и не уходит. Оно вообще не находится во времени, хотя время течет через него, как одно из многих качеств его собственного восприятия. Простое ощущение Бытия — это не опыт, это беспредельная Открытость, в которой приходят и уходят все переживания, бесконечный Простор, в котором движутся все восприятия, великий Дух в котором возникают все формы его собственной игры, возникают, ненадолго сохраняются и уходят. Это ваше собственное «Я-Я», когда ваше маленькое «я» разворачивается в безбрежность Всего Пространства. Простое Ощущение Бытия, простое ощущение вашего существования — это простое Ощущение Одного Вкуса.

Разве это не очевидно? Разве вы *уже* не осознаете свое существование? Разве вы *уже* не испытываете простое Ощущение Бытия? Разве вы *уже* не обладаете этим непосредственным доступом к высшему Духу, который представляет собой не что иное, как простое ощущение Бытия? Ведь у вас сейчас есть это простое Ощущение, не так ли? И оно есть у вас сейчас, правда? И сейчас тоже?

И разве вы уже не понимаете, что это Ощущение и есть Дух? Божество? Пустота? Дух не возникает: это *единственное*, что *постоянно* в вашем опыте, — и это само простое Ощущение Бытия, едва заметное, постоянное, фоновое осознание; и если вы присмотритесь очень пристально, очень тщательно, то поймете, что оно всегда было у вас со времени Большого Взрыва и до него, — не потому, что вы существовали с незапамятных времен, а потому, что вы поистине существуете *до времени*, в *этот* вневременный момент, *ощущение* которого — это простое Ощущение Бытия: сейчас, сейчас, всегда и во веки веков сейчас.

Вы чувствуете простое Ощущение Бытия? И кто не является уже просветленным?

Четверг, 20 ноября

Ах, но мы, люди, не хотим просто Духа, нам нужно еще и волнение. Мы не хотим простого Ощущения Бытия, мы хотим ощущать... *нечто*. Нечто *особое*. Мы ходим чувствовать себя богатыми, или знаменитыми, или значительными; мы хотим выделяться, преуспевать, быть кем-то. И потому мы подразделяем простое Ощущение Бытия — мы определяем его, категоризируем его, называем его, выделяем его. Мы не хотим беспристрастно *свидетельствовать* мир, как «Я-Я», и затем *быть* миром в Ощущении Одного Вкуса. И потому, вместо того чтобы быть миром, мы хотим быть кем-то. То есть мы хотим мучиться от конечных ограничений, и именно это с нами ужасающим образом происходит, когда мы становимся кем-то. Отказываясь от простого Ощущения Бытия, где «Я-Я» — это мир, мы отождествляемся с маленьким телом в презренно малом пространстве, и мы хотим, чтобы это маленькое тело поднималось над всеми другими телами и торжествовало: ей-богу, мы хотим быть кем-то.

Но если я остаюсь в простом Ощущении Бытия, какое имеет значение, если у моего друга новый дом, а у меня нет? Его радость — это моя радость в простом Ощущении Одного Вкуса. Какое имеет значение, если коллега получает одобрительные отзывы, а я нет? Его счастье — это мое счастье в простом Ощущении Одного Вкуса. Когда есть только

одна Самость, смотрящая всеми глазами, разве я не радуюсь везению всякий раз, когда оно бывает, ибо это везение моей собственной глубочайшей Самости? И когда где-нибудь во вселенной есть страдание, разве я также не страдаю, поскольку это страдание моей собственной глубочайшей Самости? Когда маленький ребенок плачет от голода, разве я не страдаю? Когда молодой муж радуется, видя возвращающуюся домой жену, разве я не радуюсь?

Вот точное описание этого ощущения: «Улицы были мной, храм был мной, люди были мной. Небеса были мной, и солнце, и звезды, и весь мир был мной, и я был его единственным Зрителем [Свидетелем] и обладателем. Я не знал никаких грубых качеств, никаких уз, никаких разделений; но все качества и разделения были мной; все богатства и все их обладатели. Так что я с большими трудностями был совращен и вынужден обучиться грязным уловкам мира, от которых я теперь отучаюсь...»

В простом Ощущении Бытия, где «Я-Я» — это мир, ревность и зависть не могут находить точки опоры; все счастье — это мое счастье, вся грусть — моя грусть, и потому страдание парадоксальным образом прекращается. Не прекращаются ни слезы, ни улыбки — только безумное представление, что я — это кто-то перед лицом моего собственного проявления. Перестать быть кем-то, когда «тело-ум кончается», когда «Я-Я» пребывает в Пустоте и объемлет весь мир Формы: все это дано в простом Ощущении Бытия, простом Ощущении Одного Вкуса. Я просто ощущаю Существование, чистое Присутствие, недвойственное Пребывание, простую Таковость. Я просто ощущаю Бытие, я не ощущаю себя чем-то или кем-то — я свободен от бытия тем или этим, поскольку это просто формы страдания. Но я пребываю в простом, наличном, пассивном ощущении существования, данного мне во всей полноте.

Вы *уже* обладаете этим простым Ощущением Бытия. И потому снова скажите: кто не является *уже* просветленным?

Пятница, 21 ноября

Пол звонил из материкового Китая; у них с Сел чудесная поездка, но в Пекине их поразили две вещи: ужасающее загрязнение окружающей среды и то, что почти все курят. Пол говорит, что загрязнение так сильно потому, что весь воздух, вероятно, проходит через сигареты.

Роджер закончил свою книгу «Семь практик» — по крайней мере, этот вариант рукописи, — и теперь его агент готовит ее к изданию. Это такая глубокая идея для книги — семь практик, общие для всех

мировых традиций мудрости, — но я опасаясь за ее судьбу на рынке просто потому, что *практика* — это, по-видимому, последнее, чем люди хотят заниматься, когда дело касается духовности. Мы хотим, чтобы нам просто рассказывали, что мы — Бог или Богиня или что мы едины с эко-Гайей, мы хотим читать те или иные книги и понимать их слегка по-другому — но кому нужны многие годы преобразующей практики? Ладно, будем считать, что Роджер написал книгу для людей, которые серьезно относятся к пробуждению; это его непреходящая заслуга и везение для тех немногих, кто готов к подобной освобождающей, но трудной работе.

Суббота, 22 ноября

Энн назначили президентом «Рэндом Хаус».

«Там, наверное, небольшой сумасшедший дом?»

«Полный кавардак. Но сейчас уже все нормально. Это просто случилось слишком быстро».

Я не могу не радоваться за нее. Еженедельник «Мир развлечений» опубликовал список ста самых влиятельных людей в этой области, и в него попали только два издателя: Сонни Мета и Энн Годофф. Я подозреваю, что она только что поднялась в этом списке на несколько пунктов. Но помимо всего прочего, она мне чрезвычайно нравится, и я очень рад за нее.

Воскресенье, 23 ноября

Только что прочитал еще одну книгу, в которой разоблачается релятивизм, конструктивизм и крайний постмодернизм, так что я действительно собираюсь объявить свой личный государственный праздник.

Эта книга — «Последнее слово» Томаса Нэйджела, и в сочетании с многими другими книгами (я просмотрел больше дюжины) действительно складывается впечатление, что продолжавшееся почти два десятилетия господство нарциссизма и нигилизма (релятивизма и конструктивизма) наконец завершилось. В постмодернизме есть некоторые очень важные истины, которые я всегда принимал и всемерно защищал, и буду продолжать это делать, но экстремисты раздули их до невероятных масштабов в попытках отрицать любые универсальные истины, любые трансцендентальные реалии и любое человеческое взаимопонимание, и зачастую делали это в нарочито вредном и злонамеренном тоне.

Принципам крайнего релятивизма и конструктивизма, которые, например, утверждают, что все реальность является социально конструируемой и потому относительной от культуры к культуре, уже нанесли решительный удар такие теоретики, как Юрген Хабермас и Карл Отто-Апель (показавшие, что в самом центре доктрины конструктивизма скрыто неустранимое внутреннее противоречие), Джон Сирль (который продемонстрировал, что социально конструируемые реалии должны опираться на объективные истины, иначе конструирование вообще невозможно), Питер Бергер (доказавший относительность самого релятивизма, таким образом побив его же собственным оружием), Чарльз Тэйлор (указавший, что антиранжирование релятивистов само является ранжированием) и многие другие. В течение многих лет этих экстремистов никто не принимал всерьез, за исключением «нового поколения» и их «новых парадигм», которые «свергнут» старые парадигмы и заменят их лучшими, что возможно потому, что все реалии являются «социально конструируемыми» и потому допускают «деконструкцию». Все эти представления, какими бы благими намерениями они ни были продиктованы, глубоко ошибочны, и Томас Нэйджел просто последний в длинном ряду теоретиков, которые продемонстрировали, почему это так.

Не менее значима рецензия Колина Мак-Гинна на книгу Нэйджела, опубликованная в «Нью рипаблик»^{48*}. Будучи бастионом либерализма, это издание само нередко защищало крайнее разнообразие, конструктивизм и релятивизм, которые неотделимы от постмодернистского нарциссизма и нигилизма. То, что оно так решительно выступило в поддержку позиции Нэйджела, весьма показательно.

Мак-Гинн начинает с резюме крайней постмодернистской концепции рациональности. «Согласно этой концепции, человеческий разум по своей основе является локальным, культурно относительным, основанным на изменчивых фактах человеческой природы и истории и зависимым от разнообразных «практик», «форм жизни», «систем отсчета» и «концептуальных схем». Не существует никаких норм рассуждения, которые выходят за пределы того, что принято обществом или эпохой, никаких объективных обоснований для убеждения, которое все должны разделять, чтобы избежать когнитивной неадекватности. Быть обоснованным — значит считаться обоснованным, и разные люди могут правомерно считать обоснованными разные вещи. В конечном счете единственным

оправданием для того или иного убеждения оказывается то, что оно «оправдано для меня»» (отметьте нарциссизм или глубокий субъективизм).

Мак-Гинн продолжает: «С подобной точки зрения объективность, если она вообще существует, оказывается функцией социальных отношений; результатом общественного консенсуса, а не признания правил и принципов, которые действуют независимо от того, признает ли их то или иное общество. Критерии суждения в конечном счете подобны нормам моды».

Нэйджел показывает, и Мак-Гинн соглашается, что все эти утверждения противоречат сами себе. По этому же пути идет Хабермас, и я сам подробно изложил, по существу, тот же довод во введении к «Оку Духа» (и ранее в «Поле, экологии, духовности», и в 9-й главе «Разума и Души» [краткий пример этого можно найти в записи от 9 июля]). Но предоставим разоблачение Нэйджелу. Мак-Гинн: «Субъективисты утверждают, что разум представляет собой не что иное, как проявление локальных и относительных случайностей и что его результаты не имеют никакого веса за пределами узко ограниченной области; пытаюсь выйти за пределы локального, разум обманывает сам себя и порождает пустые утверждения. Это явно теория о природе разума: она призвана объяснять нам, что такое разум и каково его место в мире. Но суть состоит в том, что эта теория предлагается как *истина* о разуме, как что-то, с чем обязаны соглашаться все разумные существа. Она не предлагается в качестве истинной только для того, кто ее выдвигает или его языкового сообщества. Нет, она претендует на то, чтобы быть безотносительно истинным объяснением самой природы разума. Таким образом, выдвигая ее, субъективисты сами используют принципы рассуждения и критерии истины, которые считаются имеющими более чем относительную обоснованность».

Затем Мак-Гинн подходит к неизбежному выводу Нэйджела: «Но это означает заранее допускать именно то, что субъективисты якобы ставят под сомнение. Возникает дилемма: либо провозглашать развенчивающее объяснение разума объективной истиной, либо выдвигать его просто как пример его собственной официальной концепции истины. В первом случае субъективизм противоречит сам себе, требуя для своего утверждения такого статуса, который, согласно ему, не может иметь никакого утверждение; а во втором случае утверждение истинно только для него самого и не имеет никакой власти над убеждениями других. Если утверждение субъективизма истинно, то мы можем его игнорировать; если оно не является

истинным, значит, оно ложно. В любом случае это не то утверждение, которое можно принимать всерьез. И потому субъективизм несостоятелен».

Мак-Гинн заявляет, что доводы Нэйджела «абсолютно убедительны. Нэйджел применяет свой общий антисубъективистский подход в нескольких областях, включая язык, логику, арифметику и этику. В каждой из этих областей он неопровержимо доказывает, что содержание соответствующих суждений не может интерпретироваться субъективистским образом, а должно приниматься как допускающее объективные основания, которые обладают универсальной действенностью».

Моя собственная точка зрения, разумеется, состоит в том, что существуют *универсальные* глубинные черты, имеющие *относительные* поверхностные черты — единство многообразия, универсальный плюрализм. Глубинные черты, как правило, универсальны, где бы их ни находили, тогда как поверхностные черты являются локальными, культурно конструируемыми и относительными, обычно различаясь от культуры к культуре. Но, заявляя, что существуют *только* культурно относительные поверхностные черты, крайний постмодернизм опустошил человеческое и духовное понимание, которое всегда включает в себя универсальный/трансцендентальный компонент. «Доводы Нэйджела должны беспокоить тех, кого угрозами или угрозами заставили пойти на поводу у бесхребетного релятивизма, столь распространенного в современной интеллектуальной культуре. Некоторые суровые критические замечания Нэйджела адресованы Ричарду Рорти, и они полностью справедливы».

Мак-Гинн говорит: «Доводы Нэйджела не только верны, они крайне необходимы». Почему необходимы? Потому что они требуются для борьбы с безудержным нарциссизмом в самой сердцевине релятивистской/конструктивистской программы, которая претендует на истину, в которой отказывает всем другим или самое меньшее основывает любые истины на эгоцентристских, субъективистских предпочтениях. Единственной «истиной» считаются «признания от первого лица». С этой безумной точки зрения, говорит Нэйджел: «Ничто не верно, и взамен все мы выражаем наши личные или культурные воззрения. Реальным результатом стал рост уже крайней интеллектуальной лености современной культуры и крах серьезных споров в гуманитарных и общественных науках, вместе с отказом принимать всерьез, в качестве чего-либо иного, нежели признания от первого лица, объективных доводов других». Истину и общение

заменяли нарциссизм и раздробленность, и это называется культурологическими исследованиями.

Мак-Гинн очень близко подходит к существу вопроса. «Последнее слово» — это книга, которую следует читать и обдумывать в этот золотой век субъективизма [эгоцентризма, нарциссизма]. Что до того, почему подобные пристрастия существуют и столь преобладают в наши дни... то на этот счет у меня есть определенное мнение». И его мнение состоит в том, что универсальные истины, в противовес субъективистским воззрениям, «вступают в конфликт с популярным и неправильно понимаемым идеалом свободы». Универсальная истина «сдерживает наше мышление. Мы должны подчиняться ее требованиям. В то же время люди не хотят, чтобы их сдерживали; они хотят считать, что им можно выбирать свои убеждения как бобы в супермаркете. Они хотят иметь возможность следовать своим побуждениям и не хотят, чтобы их обуздывали безличные требования [не говоря уже о надличностных]. Это воспринимается как нарушение неотъемлемого права каждого делать то, что ему хочется».

Попросту говоря, универсальные истины обуздывают нарциссизм; они ограничивают эго; они вынуждают нас выходить за пределы наших субъективных желаний, сталкиваясь с реальностью, которая не является всего лишь нашим собственным порождением. Становится все более очевидно, что крайний социальный конструктивизм стал великим прибежищем субъективизма/нарциссизма (именно потому он столь популярен у моего поколения; если оно чем-то и прославилось, то это полной увлеченностью собой). Желание, чтобы ничто не нарушало твои эгоцентрические приоритеты — «неправильно понятый идеал свободы», — необходимо для того, чтобы делать факты податливыми. Феминисткам не нравится относительное превосходство мужчин в физической силе и подвижности, и потому попросту объявим всю биологию социально конструируемой. Приверженцам идеологии «Нового Века» не нравятся общепринятые ограничения, и потому скажем, что все они социально конструируются. Сторонники глубинной экологии, экофеминизма, ретро-романтизма, «новых парадигм» — все рады прибегнуть к социальному конструктивизму в качестве вступления к отрицанию любых реалий, которые им почему-либо не нравятся, и замены их другими по своему собственному субъективному выбору.

Поэтому многие критики резко замечали, что типичные для послевоенного поколения, побуждаемые нарциссизмом культурологические исследования будут отличать следующие черты: *социальный конструктивизм* (так что можно деконструировать все что

угодно), *релятивизм* (нет никаких сдерживающих универсальных истин), *уравнивание науки с поэзией* (нет никаких объективных фактов, которые могли бы мне помешать), *крайний контекстуализм* (нет никаких универсальных истин, кроме моей собственной), понимание *любой интерпретации как реакции читателя* (я сам создаю весь смысл), *отсутствие метаповествований или больших картин* (кроме моей собственной большой картины того, почему все другие большие картины неверны), *антирационализм* (не существует никакой объективной истины, кроме моей собственной) и *антииерархичность* (поскольку нет ничего выше меня). Все это было бы смешно, не будь это точной характеристикой большинства академических культурологических исследований в Америке и некоторыми из основных черт Личностно-Ориентированной Гражданской Религии (это еще одна причина, почему ЛОГР так редко бывает преобразующей, — она отчасти основывается на ряде плачевных внутренних противоречий, присущих антииерархизму, релятивизму и субъективизму, и потому не способна давать каких-либо стимулов к трансформации [см. запись от 23 сентября]).

Подобно тому как в этой стране рупором большей части крайнего постмодернизма выступает издательство «СНИ Пресс», в Британии это «Блэкуэлл». Поэтому мне было удивительно видеть, что выпущенное им последнее издание «Словаря культурной и критической теории», от которого можно было бы ожидать изобилия постмодернистских постструктуралистских догм, в действительности содержит острую критику большинства постмодернистских теорий конструктивизма и релятивизма в духе статьи Нэйджела. «Отсюда, предположительно, следует, что все определения истины, будь то в естественных или более склонных к теоретизированию гуманитарных науках, сводятся к выбору подходящей метафоры (или оптимальной риторической стратегии) для получения согласия других, занятых той же общественной деятельностью. Понятно, что ученые сочли это неубедительным объяснением того, как достигается прогресс в науке посредством совместного применения теории и эмпирических исследований. Отсюда недавнее появление причинно-реалистического или антиконвенционалистского [универсального и антисубъективистского] подходов, которые предлагают гораздо лучшее понимание принципов роста знания. В конце концов, вероятно, мало что можно сказать в пользу философии науки, которая, по существу, не оставляет себе ничего, требующего объяснения, сводя «науку» к еще одной разновидности игры языковых предпочтений, риторики, дискурса, концептуальной схемы или чего-то в этом роде. Нынешнее

возрождение реалистических онтологии предвещает разрыв со всем этим неверным — как теперь оказывается — направлением мысли».

Хотя в целом я, безусловно, согласен с этой убедительной критикой крайнего постмодернизма (со стороны Хабермаса, Отто-Апеля, Эрнста Геллнера, Чарльза Тэйлора, Нэйджела, Мак-Гинна и др.), я всегда выбирал слегка иной подход. Эти критики склонны просто уничтожить постмодернизм, полностью лишая его почвы под ногами. Мой подход состоит в том, что *в постмодернизме есть кое-какие важные, но частичные истины* и что критиковать следует именно экстремистские варианты, которые объявляют релятивизм, конструктивизм и контекстуализм единственными существующими истинами, в результате чего все они становятся внутренне противоречивыми и не стоящими уважения. Но я полагаю, что в программе постмодернизма похоронено несколько благородных побуждений, однако, чтобы их спасти, их самих следует поместить в больший контекст, который одновременно ограничивает их притязания и выполняет их цели.

Эти благородные побуждения — свобода, терпимость, аперспективный охват и избавление от необязательных или несправедливых условностей. Программ либерализма-постмодернизма была призвана поощрять культурные различия и множественные перспективы, включая ранее маргинализировавшиеся культуры и группы (женщин, меньшинства, геев и т.д.). Такая позиция — универсальный плюрализм — представляет собой весьма высокое эволюционное достижение, возникающее только на мироцентрическом, постконвенциональном уровне развития. Либеральная/постмодернистская позиция в своих *лучших* проявлениях порождается на этом высоком уровне эволюции сознания.

Но в своем рвении «преодолевать» и «ниспровергать» конвенциональные уровни в пользу постконвенциональной свободы крайний либерализм/постмодернизм скатился к защите всех позиций без исключения (крайнее разнообразие и поликультурность), в том числе многих позиций, являющихся откровенно этноцентрическими и эгоцентрическими (поскольку все позиции следует ценить в равной мере). Это допускало, а затем поощряло регрессивные тенденции, возврат от мироцентризма к этноцентризму и эгоцентризму, по существу, к безудержному субъективизму и нарциссизму, которые ставили на мертвый якорь всю (на этом этапе совершенно неправильно понимаемую) программу. Ужасающее искажение благородных начинаний — вот лучшее, что можно сказать о либерализме/постмодернизме. Благородная идея *универсального* плюрализма была выхолощена, ее универсальная часть была отвергнута или отброшена, и

прискорбная победа досталась неистовому плюрализму, движимому безудержным нарциссизмом.

Недавняя критика была направлена именно против этого вульгарного плюрализма, по существу уничтожающего саму либеральную позицию, уничтожающего потребность в эволюции к мироцентрическим, постконвенциональным уровням, которые лишь одни способны поддерживать и защищать либеральные воззрения. Хабермас, Нэйджел и другие просто показывают, что сама идея плюрализма в действительности содержит универсальный компонент, и без признания и учета этого универсального компонента вся либеральная/постмодернистская программа обречена на саморазрушение. Я полностью с этим согласен. Но давайте не будем забывать о благородных побуждениях, скрытых в этой программе, и о том, что эти побуждения можно *воскресить* и первоначальную идею либерализма/постмодернизма *можно воплотить в жизнь*, если мы откажемся от плюрализма и вернемся к универсальному плюрализму и единству многообразия: универсальным глубинным чертам, локальным поверхностным чертам. Эти универсальные черты доступны эмпатии и состраданию. И саму либеральную постмодернистскую идею можно защищать, *только* если она включает в свою программу культурное поощрение максимальных усилий индивидов в росте и развитии от эгоцентрических к социоцентрическим и мироцентрическим уровням, где перед ними откроется великолепие универсальной духовности.

Свобода — основа либеральных ценностей — существует не в эгоцентрической или этноцентрической сферах. Реальная свобода, подлинная свобода лежит в бескрайнем просторе мироцентрического осознания, которое само открывается в бесконечное пространство чистого Духа и Изначальной Самости — Самости, общей во всех и для всех чувствующих существ, как таковых, и потому представляющей собой сферу, где Свобода сияет во всех направлениях. Вот почему мы должны двигаться к постлиберализму, а не к долиберализму. Это трагическая ирония судьбы, что либеральный постмодернизм в своем поиске свободы для всех отстаивал модусы глубокой несвободы: эгоцентрик не свободен, ибо он раб своих побуждений; этноцентрик не свободен, ибо он раб своей расовой принадлежности; только в мироцентрическом осознании, которое помещает зрелую индивидуальность в контекст всех индивидов и легко движется в этом бесконечно расширившемся пространстве, всходит заря настоящей свободы — свободы, открывающейся чистому Духу во вневременном охвате Всего. Пусть либерализм продолжает двигаться в этом первоначальном направлении прогрессивного роста и эволюции и

прекратит внутренне противоречивую и бессмысленную защиту любых возникающих субъективных побуждений.

Именно узкое, ошибочное, нарциссическое, релятивистское болото столь эффективно уничтожают эти критики, и они правы. *Не совершайте ошибки*: если постмодернизм прав, то не существует и не может существовать никакого Духа. Если Дух есть, то он универсален. Он может быть только всеобъемлющим. Если Дух есть, то он в равной степени и повсюду является сияющей Основой всего проявления. Но если нет ничего универсального — а так заявляют крайние постмодернисты, — тогда нигде во вселенной нет и никогда не может быть ничего подлинно духовного. Поэтому, поддерживая благородные побуждения первоначальной идеи универсального плюрализма и единства многообразия, я все же присоединяюсь к атаке на тех, кто забыл о единстве и предлагает одно лишь многообразие.

Понедельник, 24 ноября

Роджер, Френсис, Кейт и Т. Джордж собрались в Сан-Франциско на ежегодной конференции Американской академии религии, проходящей с 22-го по 25-е этого месяца. В частности, Роджер всегда посещал эти конференции в прошлом, главным образом по профессиональным обязанностям, но он всегда говорит о них одно и то же: эти ученые занимаются почти исключительно трансляционной духовностью, притом даже не на практическом уровне, а лишь в качестве объекта однообразного, отстраненного, сухого исследования. Роджер говорит, что, слушая все эти разговоры, можно умереть от скуки.

В юности, будучи увлеченным исследователем, я коллекционировал насекомых. В этом занятии главную роль играет банка для умерщвления. Вы берете пустую майонезную банку и помещаете на ее дно ватку, пропитанную четыреххлористым углеродом. Затем вы опускаете в эту банку насекомое — мотылька, бабочку и т.п., — и оно быстро умирает, но внешне не портится. После этого вы извлекаете его, помещаете в коробку, изучаете и показываете другим.

Академическая религия — это банка для умерщвления Духа.

Четверг, 27 ноября

Марси приготовила в честь Дня благодарения гигантский обед, на который мы пригласили Кейт. Обед был сказочным, хотя сперва я думал, что индейка подгорит, — она была очень большая, и ее пришлось готовить очень долго. Это напомнило мне наставления

Грейси Аллен о том, как нужно готовить цыпленка. «У меня всегда все подгорает. Но, в конце концов, я придумала, как правильно жарить цыпленка. Вы кладете в горячую духовку маленького цыпленка и крупного цыпленка. Когда маленький цыпленок подгорает, крупный готов».

Суббота, 29 ноября

Марси повела меня на «Щелкунчика»; было чудесно. Мне поистине повезло, что в моей жизни есть она. Когда любишь, фронтальное начинает ярко светиться, глубинное психическое отзывается лучшими качествами, Свидетель объемлет все. Но это похоже на старое еврейское изречение: «Я был богатым и был бедным; богатым быть лучше». С любовью то же самое.

Воскресенье, 30 ноября

Существует четыре основных стадии или фазы духовного раскрытия: убеждение, вера, непосредственное переживание и стабильная адаптация: вы можете быть убеждены в существовании Духа, веровать в Дух, непосредственно переживать Дух и становиться Духом.

1. *Убеждение* — самая ранняя (и потому самая распространенная) стадия духовной ориентации. Убеждение, как правило возникает на уровне ума, поскольку для него требуются образы символы и понятия. Но сам ум проходит в своем развитии через несколько промежуточных фаз — магическую, мифическую, рациональную и зрительно-логическую, — и каждая из них может быть основой разновидности (и стадии) религиозного или духовного убеждения.

Магическое убеждение эгоцентрично; субъект и объект в нем нередко сливаются, и потому для него характерно представление, что индивидуальная самость может коренным образом воздействовать на физический мир и других людей посредством желаний ума, — общеизвестными примерами служат вуду и словесная магия. *Мифическое убеждение* (которое обычно бывает социоцентрическим/этноцентрическим, поскольку разные люди имеют разные мифы, которые оказываются взаимоисключающими: если Иисус — единственный спаситель рода человеческого, то Кришна ни при чем) связывает свои духовные представления с одним или несколькими физически бесплотными богами или богинями, обладающими высшей властью над человеческими поступками. *Рациональное убеждение* — в той мере, в какой разум вообще решает во что-либо верить, — пытается

демифологизировать религию и изображать Бога или Богиню не как антропоморфное божество, а как предельную Основу Бытия. Эта рационализация достигает кульминации в *зрительно-логическом убеждении*, где наука, например теория систем, используется для объяснения Основы Бытия как Великой Целостной Системы, Гайи, Богини, Эко-Духа, Паутины Жизни и т. д.

Все это — убеждения ума, обычно сопровождающиеся сильными эмоциональными настроениями или чувствами; но они не обязательно представляют собой непосредственные переживания *надумственных* духовных реалий. Поэтому они являются просто формами трансляции: человек может придерживаться их без малейшего изменения текущего уровня своего сознания. Но по мере того как эти чисто трансляционные движения начинают становиться зрелыми и на самость все больше воздействует непосредственное возникновение более высоких сфер, простое убеждение уступает место вере.

2. Вера начинается — если начинается вообще, — когда убеждение утрачивает свою способность подчинять. Рано или поздно *любое* умственное убеждение — именно потому, что оно является умственным, а не надумственным или духовным, — начинает терять свою силу. Например, умственное убеждение в том, что дух — это «паутина жизни», постепенно перестает вызывать доверие: не важно, насколько сильно вы продолжаете верить в «паутину жизни», вы все равно чувствуете себя отдельным, изолированным эго, осаждаемым надеждами и страхами. Вы пытаетесь верить сильнее; это все равно не помогает. Простое убеждение могло давать вам разновидность трансляционного смысла, но не обеспечивало действительной *трансформации*, и это медленно и болезненно становится очевидным. (Это могло бы быть еще хуже в случае магических или мифических убеждений, поскольку они обычно не только не преобразуют вас, но зачастую действуют в вашем осознании как регрессивная сила, влекущая вас не по направлению к надрациональному, а от него.)

Тем не менее за умственным убеждением в существовании Гайи или «паутины жизни» нередко стоит подлинная, духовная, надумственная интуиция, а именно интуитивное чувство Единства Жизни. Но эту интуицию невозможно полностью понять, пока сознанием владеет убеждение. Ибо все *убеждения* в конечном счете носят разделяющий и дуалистический характер — холистические убеждения в конечном итоге столь же дуалистичны, как и аналитические, поскольку и те и другие имеют смысл только с точки зрения своих противоположностей. Нужно не думать Все, а быть Всем, а пока вы цепляетесь за убеждения относительно Всего, это никогда не случится. Простые убеждения —

это искусственное питание для души, духовно пустые калории, и рано или поздно они перестают увлекать и утешать.

Но в промежутке между отказом от убеждения, с одной стороны, и обретением непосредственного опыта — с другой, человека ведет только вера. Если *убеждение* в существовании Единства больше не способно давать утешения, у человека все равно остается *вера*, что Единство каким-то образом есть и взывает к нему. И он прав. Вера выступает вперед, когда убеждение перестает вызывать доверие, ибо вера слышит едва уловимый, но непосредственный призыв более высокой реальности — Духа, Бога, Богини, Единства — более высокой реальности, которая лежит *за пределами убеждения*, поскольку находится за пределами ума. Вера стоит на пороге непосредственного надумственного, надрационального опыта. Не имея догматического убеждения, она не дает ощущения безопасности; еще не имея непосредственного опыта, она не дает чувства уверенности. Таким образом, вера — это ничейная земля: тысячи вопросов, никаких ответов; она обладает только неуклонной решимостью найти свое духовное обиталище и, движимая только собственной скрытой интуицией, способна в конечном итоге привести к непосредственному опыту ^{49*}.

3. *Непосредственный опыт* дает окончательные ответы на мучительные вопросы, внутренне присущие вере. Обычно существуют две фазы непосредственного опыта: пиковые переживания и устойчивый опыт.

Пиковые переживания бывают относительно краткими, как правило, сильными, зачастую непрошеными; они способны круто изменить всю жизнь человека. Это действительно «пиковые переживания» более высоких надличностных, надумственных потенциальных уровней собственного существа человека. *Психические пиковые* переживания позволяют ненадолго соприкоснуться с природным мистицизмом (единством грубого уровня); *тонкие пиковые* переживания — это кратковременный контакт с божественным мистицизмом (единством тонкого уровня); *каузальные пиковые* переживания дают мимолетное представление о пустоте (единстве каузального уровня); а *недвойственные пиковые* переживания — это отблеск Одного Вкуса. Как указал Роджер Уолш, чем выше уровень пикового переживания, тем реже оно встречается. (Именно поэтому большинство переживаний «космического сознания» в действительности представляют собой лишь проблески природного мистицизма или единства грубого уровня — самой поверхностной из мистических сфер.) К несчастью, многие

люди путают это с Одним Вкусом. Эта путаница повсеместно распространена среди экотеоретиков.

Понятно, что большинство людей остаются на стадиях убеждения или веры (причем обычно магических или мифических). Однако временами у отдельных людей бывают сильные переживания подлинно надличностной сферы, и они полностью выбивают их из равновесия, нередко к лучшему, иногда — к худшему. Но всегда можно понять, что они не просто повторяют убеждение, о котором прочитали в книге, и не прибегают к простой трансляции: они действительно увидели более высокую сферу и больше уже никогда не будут прежними.

(Это не всегда хорошо. Например, некто, находящийся на конкретно-буквальном мифическом уровне, может иметь пиковое переживание, скажем, тонкого уровня, в результате чего его конкретные мифы обретают авторитет тонкого, и результатом становится возрождение фундаментализма: его частная фигура бога становится *единственной* фигурой, способной спасти весь мир; такой человек готов сжечь вас на костре, чтобы спасти вашу душу. Некто на зрительно-логическом уровне может иметь пиковое переживание психического уровня, и тогда его «новая экопарадигма» становится единственным, что может спасти планету, и такие люди охотно прибегнут к эко-фашизму, чтобы спасти вас от вас самих. Религиозный фанатизм подобного сорта почти невозможно победить, поскольку он представляет собой неразделимую смесь высшей истины с низшим заблуждением. Высшая истина нередко бывает совершенно подлинным духовным опытом, настоящим «мимолетным» переживанием более высокой сферы; но именно из-за того, что это краткий, временный опыт, а не длительное, устойчивое, ясное осознание, он сразу же подвергается нисходящей трансляции на более низкий уровень, где придает почти непоколебимую законность даже самым уродливым убеждениям.)

В то время как пиковые переживания обычно имеют небольшую продолжительность — от нескольких минут до нескольких часов, — устойчивый опыт (плато переживания) бывает более постоянным и длительным, приближаясь к границе окончательного преобразования. Пиковые переживания обычно могут возникать и возникают спонтанно, тогда как для их поддержания и превращения из пикового в устойчивый опыт — из краткого *измененного состояния* в более *стойкую характеристику* — требуется продолжительная практика. Хотя почти каждый в любое время и в любом возрасте может иметь кратковременное пиковое переживание, мне известно мало достоверных случаев устойчивого опыта, не ставших результатом упорной духовной практики. Таким образом, в то время как убеждение

и вера представляют собой гораздо более распространенные виды духовной ориентации, а пиковые переживания являются редкой, но подлинной формой духовного опыта, начиная с этого этапа, мы видим на пути духовного развития только тех, кто посвящает себя упорной, трудной, длительной и глубокой духовной практике.

Подобно пиковым переживаниям, устойчивый опыт может относиться к психической, тонкой, каузальной или недвойственной сфере. Я приведу один пример из дзен, охватывающий все четыре возможности. Как правило, люди, практикующие дзенскую медитацию, начинают с многократного счета вдохов и выдохов от одного до десяти. Когда они становятся способны делать это в течение получаса, не сбиваясь со счета, им могут давать коан (наподобие слога «му», который был моим первым коаном). В течение следующих трех или четырех лет они должны ежедневно практиковаться по несколько часов, сосредоточиваясь на звуке «му» и пытаясь не отвлекаться от него (одновременно происходит глубокое исследование того: «Каков смысл му?» или: «Кто сосредоточивается на му?»). Несколько раз в год они посещают семидневные *сесшины*, или сессии интенсивной практики, где их учат сосредоточиваться день и ночь напролет.

Первый важный устойчивый опыт происходит, когда ученики могут непрерывно сосредоточиваться на му в течение больше части дня. Му становится такой частью сознания, такой частью вас — по существу, вы становитесь му, — что вы способны непрерывно осознавать его буквально весь день. Иными словами, разновидность свидетельствующего осознания стала постоянной *способностью* всего грубого/бодрствующего состояния. Затем ученикам говорят, что если они действительно хотят проникнуть в смысл му, то должны продолжать работать над ним даже во сне. (Когда я впервые это услышал, то подумал, что это шутка, своего рода причуда посвящения в настоящие мужчины, вроде «Если ты хочешь быть частью боевой морской пехоты, мистер, то должен живьем съесть трех змей». Я думал, что они просто пытаются меня запугать; в действительности они старались мне помочь.) Проходит еще два или три года, и увлеченные ученики действительно становятся способны продолжать тонкое сосредоточение на му в состоянии сновидения. Теперь имеет место *постоянное* свидетельство даже в тонкой области сновидения ^{50*}.

На этом этапе, когда ученики подходят к каузальному непроявленному (или чистой поглощенности), они находятся на пороге взрыва, известного как *сатори*, которое представляет собой прорыв из «застывшего люда» чистой каузальной поглощенности к Великому

Освобождению Одного Вкуса. Поначалу сам этот Один Вкус бывает пиковым переживанием, но по мере дальнейшей практики он тоже становится устойчивым опытом, а затем стабильной адаптацией^{51**}.

4. *Адаптация означает просто постоянный устойчивый доступ к данному уровню сознания.* Большинство из нас уже адаптировались (или эволюционировали) к материи, телу и уму (именно поэтому вы имеете доступ ко всем трем из них, практически когда захотите). И у некоторых из нас уже были пиковые переживания надличностных уровней (психического, тонкого, каузального или недвойственного). Но посредством практики мы можем эволюционировать до устойчивого опыта (переживания плато) этих более высоких сфер, а устойчивый опыт при дальнейшей практике может становиться постоянной адаптацией: *постоянным* доступом к психическим, тонким, каузальным и недвойственным событиям — постоянным доступом к мистицизму природы, божественному мистицизму, бесформенному мистицизму и интегральному мистицизму, — столь же легко доступным сознанию, как теперь доступны материя, тело и ум. И это точно так же проявляется в постоянном сознании (сахадже) во всех трех состояниях — бодрствования, сновидения (или савикальпа самадхи) и глубокого сна (или нирвикальпа самадхи). Тогда становится очевидно, почему «то, что не присутствует в глубоком сне без сновидений, не реально». Реальное должно *присутствовать во всех трех состояниях*, включая глубокий сон без сновидений, и чистое Сознание — это единственное, что присутствует во всех трех. Этот Факт становится совершенно очевидным, когда вы пребываете как чистое, пустое, бесформенное Сознание, и «наблюдаете», как все три состояния возникают, немного длятся и уходят, в то время как вы остаетесь Неподвижным, Неизменным, Нерожденным, освободившимся в чистую Пустоту, которая представляет собой все Формы, Один Вкус, который является сияющим Всем.

Таковы некоторые из основных стадий, через которые мы, как правило, проходим в процессе адаптации к более высоким уровням нашей собственной духовной природы: *убеждение* (магическое, мифическое, рациональное, холистическое); *вера* (представляющая собой интуитивное ощущение, но пока еще не непосредственное переживание более высоких сфер); *пиковое переживание* (психического, тонкого, каузального или недвойственного уровня — без какого-либо особого порядка, поскольку пиковые переживания обычно бывают одноразовыми); *устойчивый опыт* (психического, тонкого, каузального и недвойственного — всегда в этом порядке, поскольку для каждой

последующей стадии, как правило, требуется освоение предыдущей); и *постоянная адаптация* (к психическому, тонкому, каузальному и недвойственному, также в этом порядке по той же причине).

Несколько важным моментов:

- Вы можете находиться на относительно высоком уровне духовного развития и при этом быть на относительно низком уровне в других линиях (например, глубинное психическое может развиваться при полной заторможенности фронтального). Нам всем известны люди, которые духовно развиты, но остаются незрелыми в сексуальных отношениях, эмоциональной близости, физической конституции и т.д. Даже если вы имеете постоянный доступ к Одному Вкусу, это не сделает ваши мышцы более сильными, не обязательно поможет вам найти новую работу, не поможет вам познакомиться с девушкой и не излечит полностью ваш невроз. У вас по-прежнему могут оставаться глубокие запасы теневого материала, которые не обязательно вскрываются, когда вы продвигаетесь на более высокие стадии духовной практики или медитации (именно потому, что медитация, вопреки распространенному мнению, *не* является в первую очередь техникой раскрытия; будь она таковой, большинство наших учителей медитации не нуждались бы в психотерапии, тогда как на самом деле они в ней нуждаются не меньше других людей). Медитация предназначена в первую очередь не для раскрытия подавленного или вытесненного бессознательного, а для создания условий для *возникновения* более высоких сфер, и при этом более низкие и подавляемые сферы остаются более низкими и подавляемыми).

Поэтому, даже когда вы продвигаетесь в своем духовном развитии, подумайте о том, чтобы сочетать его с хорошей психотерапевтической практикой, поскольку духовная практика, как правило, не способна адекватно раскрывать психодинамическое бессознательное. Она также не тренирует должным образом физическое тело, так что попробуйте упражняться с гантелями; не упражняет она и праническое тело — прибавьте к ней тай цзы. Она бесполезна применительно к групповой или социальной динамике, так что прибавьте... Идея, конечно, состоит в том, чтобы избрать интегральную практику как единственный здоровый и уравновешенный путь своего

более высокого развития.

- Это особенно важно, поскольку Личностно-Ориентированная Гражданская Религия (и «Парадигма-415») привязана преимущественно к стадии *холистического убеждения*. Для выхода за пределы этих умственных трансляций большинству людей требуется подлинно преобразующая практика. Наиболее эффективной, скорее всего, будет интегральная практика. Она акцентирует не только трансформацию «я», но преобразование во всех четырех секторах — или в Большой Тройке «я», «мы» и «оно» — преобразующие практики для самости и взаимоотношений с людьми, обществом и природой [см. запись от 18 июня], для изменения не просто типа убеждения, а уровня сознания.
- Несмотря на то что я описал более высокие стадии, для доступа к которым обычно требуется по меньшей мере пять или шесть лет упорной практики (а на достижение высочайших вершин нередко уходит тридцать и более лет), не давайте сбить себя с толку, если вы начинающий. *Просто начните практику* — пять или шесть лет пролетят как один миг, но вы в изобилии пожнете ее плоды. С другой стороны, если вы слушаете тех учителей, которые не предлагают ничего, кроме убеждений (магических, мифических, рациональных или холистических), то просто постареете на пять или шесть лет, ничего не достигнув. (Холистические убеждения хороши — и вполне правильны — для сферы ума. Но духовность относится к надумственной сфере, сверхумственной, сверхсознательной сфере, и никакие трансляции ума не помогут вам превзойти ум. И никакая Личностно-Ориентированная Гражданская Религия не спасет вас от самого себя.) Вместо этого вам следует заняться созерцательной, надличностной, надумственной практикой. Поэтому, сколь бы устрашающей ни казалась практика, просто начните ее. Как говорится в старой шутке: «Как съесть слона? По кусочку».
- Факт состоит в том, что, несколько раз откусив от этого слона, вы уже начнете получать значительную пользу. Вы можете начать, например, двадцать минут в день заниматься центрирующей молитвой, как учит Отец Томас Китинг. Многие сообщают о почти немедленных

результатах — человек успокаивается, раскрывается, учится слушать и заботиться: сердце немного оттаивает, и вы тоже. Зикр по полчаса в день, випассана по 40 минут, упражнения йоги дважды в день; тантрическая визуализация, молитва сердца, счет вдохов и выдохов в течение 15 минут каждое утро, прежде чем встать с постели. Все это хорошо; выберите то, что вам подходит, просто откусите первые несколько кусочков...

- Нам следует быть добрыми к себе, это верно, но нам нужно и быть твердыми. Относитесь к себе с подлинным состраданием, а не с идиотским состраданием и потому начните бросать себе вызов, налагать на себя обязательства, подталкивать себя: начните практику.
- По мере того как любые из этих практик начнут завладевать вами, вы, возможно, сочтете целесообразным каждый год уделять несколько дней интенсивным ритритам. Это даст вам шанс расширить маленькие «пики» практики, превратив их в начинающиеся «плато» практики. Да, будут проходить годы, но вы будете созревать вместе с ними, медленно, но верно превосходя меньшие аспекты себя и открываясь к большим. Придет день, когда все это время будет казаться вам всего лишь сном, потому что это действительно сон, от которого вы скоро пробудитесь.
- Суть проста: если вы заинтересованы в подлинной преобразующей духовности, найдите настоящего духовного учителя и начните практику. Без практики вы никогда не продвинетесь дальше стадии убеждения, веры и спорадических пиковых переживаний. Вы никогда не эволюционируете до устойчивого опыта, не говоря уже о постоянном постижении. Вы в лучшем случае останетесь кратковременным посетителем территории своего собственного высшего владения, туристом в своей собственной подлинной Самости.

ДЕКАБРЬ

Это самосветящееся, прозрачно ясное, наличное
бодрствование и осознание,
В котором Форма и Пустота недвойственны,

Представляет собой сознание, в котором спонтанно присутствуют три состояния [бодрствования, сновидения, сна].

Сохраняйте его день и ночь в непрерывной практике, мои любимые дети.

Так недвойственность бывает естественной свободой.

Тсогдрук Рандрол

Вторник, 2 декабря

Марси закончила свою диссертацию, так что сегодня праздновали это событие. Взяли напрокат «Одинокий голубь» («Единственное образование ты получишь, слушая меня»), пили вино, плыли по течению.

Среда, 3 декабря

Дух — это не измененное состояние сознания (ИСС) и не неординарное состояние (НОСС). Ему нет альтернативы. Есть только Дух, в котором разворачивается мир. Есть только Один Вкус, в котором возникают различные состояния. Но Сам Один Вкус никогда не приходит и не уходит; он за пределами движения и неподвижности, волнения и покоя, динамики или статики. Взгляните во все концы света, и вы найдете только Один Вкус. Отправьте свой ум блуждать к границам вселенной, и вы найдете только Один Вкус; и если ваше осознание расширится до бесконечности, вы все равно найдете только Один Вкус.

Так где же этот удивительный Один Вкус? А кто читает эту страницу? Кто смотрит этими глазами? Кто слышит этими ушами? Кто видит этот мир в данный момент? Этот Видящий, этот вездесущий Свидетель, каковым является ваша непосредственная Самость, стоит на пороге недвойственного откровения в этот и любой момент. Будьте самой своей Самостью, ясным видением этой страницы, этой комнаты, этого мира; пребывайте как бескрайняя чистая Пустота, в которой возникает весь мир... и тогда посмотрите, не один ли этот мир с этой Самостью. В этот момент пребывания Свидетелем просто заметьте, что *ощущение* Свидетеля и ощущение мира — это одно и то же *ощущение* («Когда я слышал, как звенит колокол, не было никакого «я» и никакого колокола, только звон»). В простом Ощущении Бытия вы — это Мир. Взгляните! Это *просто так*.

И как только вы попробуете Один Вкус — неважно, сколь мимолетно для первого раза, — из глубин самого вашего существа возникнет совершенно новая мотивация и станет постоянной атмосферой, которой дышит любое ваше побуждение, и эта атмосфера — сострадание. Как

только вы попробуете Один Вкус и увидите, как фундаментальные проблемы бытия испаряются на ослепительном солнце очевидности, вы, в глубине души, уже никогда не будете прежним человеком. И вы захотите — окончательно, глубоко и сильнее всего, — чтобы другие тоже освободились от бремени своего сна наяву, освободились от врожденной муки, именуемой временем и от ужасной трагедии, именуемой пространством.

Неважно, что вас будут преследовать меньшие мотивации, что гнев и зависть, стыд и жалость, гордыня и предубеждение будут ежедневно напоминать вам о том, насколько гораздо больше вы всегда можете вырасти, однако все равно под всем этим, вокруг всего этого, над всем этим будет звучать сердцебиение сострадания. Постоянное облако заботы будет проливаться дождем на любом вашем пути. И этот безжалостный надсмотрщик будет, в лучшем смысле слова, управлять вами, но только потому, что вы сами целую вечность назад дали тайное обещание позволить этой мотивации править вами до тех пор, пока все души не станут свободными в океане бесконечности.

Из-за сострадания вы будете стараться сильнее. Из-за сострадания вы будете честным. Из-за сострадания вы будете буквально стирать пальцы до костей, до крови, действуя на мир, трудиться так, что слезы будут застилать ваши глаза, бороться, пока сама жизнь не исчерпает себя. И в глубочайшем, глубочайшем центре вашего сердца Мир уже благодарит вас.

Пятница, 5 декабря

Я был опечален, узнав о смерти Леона Форреста (от рака в возрасте шестидесяти лет). Форрест использовал писательский стиль «потока сознания» для погружения в афроамериканский опыт. Его книга «Божественные дни» — семь или восемь дней в негритянских кварталах Чикаго — произвела на меня глубокое и расстраивающее впечатление.

Тема рабства в этой стране трагична. Из десятков — а скорее сотен — различных этнических культур, поселявшихся в этой стране, только одна была привезена насильственно. Только одна подвергалась радикальному изменению. Утратив культуру предков и поддерживающие социальные контексты, афроамериканцы были вынуждены вести жестокую и тяжелую битву, чтобы обрести смысл, корни, самоопределение и экономическую власть. Удивительно, что афроамериканцы достигли столь многого. Часто говорят, что есть только два исконно американских вида искусства — джаз и чечетка;

заметим, что и то и другое — изобретения чернокожих. Афроамериканцы внесли важный вклад в искусство, науку, спорт и политику.

Однако тема вины бесперспективна. Исторически рабство существовало в самой Африке, и нередко африканцы продавали африканцев белым работорговцам. Это никому не делает чести. Более того, реальная проблема вины заключается не в этом. Рабство существовало во *всех*, без исключения, видах доиндустриальных обществ — собирательском (охота и сбор дикорастущих растений), скотоводческом, огородническом, приморском и земледельческом. Рабство практиковали до 90% некоторых типов обществ, например скотоводческих и огороднических. Только с началом индустриализации рабство постепенно сошло на нет; по существу, в течение ста лет, примерно с 1770 по 1870 год, узаконенное рабство было уничтожено во всех промышленных странах мира. Америке не повезло — начало ее истории пришлось на эпоху, когда происходил этот переход от мифической-аграрной структуры (которая одобряет рабство) к рациональной-индустриальной (которой оно отвратительно).

Во всех «расовых спорах» мне кажется особенно плачевным то, что каждая сторона стремится любой ценой утвердить свою точку зрения, нисколько не принимая во внимание историю развития самого сознания. Ценности, которые склонен разделять либеральный Запад — ценности Просвещения (рационально-индустриальной эпохи) — а именно гражданские права, равенство и свобода, — просто *никогда* не были ценностями *никакого* другого типа общества. У собирателей порой существовала размытая уравнительная структура, однако на самом деле физическая сила определяла завуалированное господство мужчин. В огороднических обществах, примерно треть которых были матриархальными с мифологиями Великой Матери, рабство достигало 84%; это один из самых высоких показателей в истории. С появлением земледельческой структуры, которая была почти полностью патриархальной, процент обществ, практиковавших рабство, уменьшился примерно до 54%. А с началом патриархальной индустриализации эта цифра падает до 0% — с *сопутствующими* ценностями равенства, гражданских прав и свободы, — впервые в истории эти ценности проводились в жизнь в широких масштабах как часть организующих принципов общества.

Хотя белые практиковали рабство, как это делали все доиндустриальные расы и общества, тем не менее белые внедряли те идеи (Просвещение) и те структуры (индивидуализм), которым предстояло впервые в истории человечества в течение одного столетия полностью

уничтожить рабство.

Затруднение состоит в том, что обе стороны спора (под которыми я ориентировочно подразумеваю либерализм и консерватизм) связались не с теми сторонами уравнения. Либералы склонны считать, что рабство — это просто нечто такое, что плохие белые люди делали с хорошими черными людьми, не понимая, что в доиндустриальных обществах практически все делали это практически со всеми остальными. Структуры доиндустриальных обществ просто не были достаточно сильными, чтобы обходиться без принудительного человеческого труда. Нас шокирует, что Томас Джефферсон — глубоко аграрный ум — мог оправдывать рабство, но на самом деле это вовсе не удивительно. Прискорбно то, с какой напыщенностью либералы способны задирать нос и применять *сегодняшние* рационально-индустриальные ценности к *вчерашним* аграрным размышлениям. (Именно это глубоко ошибочно и вводит в заблуждение в фильме Спилберга «Эймистэд» — глубоко либеральный взгляд на глубоко аграрное время, грубо извращающий контекст.)

У консерваторов дела обстоят не лучше. Современный либерализм возник вместе с рациональным Просвещением и разделяет его рационально-индустриальные ценности: права, равенство, свободу. Но консерватизм гораздо старше — его корни глубоко уходят в почву мифических-аграрных ценностей: гражданских, иерархических, аристократических, этноцентрических, с мифической фундаменталистской верой в патриархального Бога — и с убеждением в оправданности рабства. И потому возникает ощущение, что даже сегодняшние консерваторы полагают, будто черные просто заслуживали его: они были слабее, мы были сильнее, это совершенно естественно. И действительно, это совершенно естественно для мифического-аграрного ума.

В этом отношении неправы и либералы, и консерваторы. В рабстве виноваты не белые — виноваты условия жизни в доиндустриальную эпоху. И афроамериканцы, безусловно, не «заслуживали» подобного обращения (как не заслуживала любая другая раса на земле, включая белых, подвергавшаяся порабощению). Но только в рациональном-индустриальном обществе машины могли выполнять работу, которую в ином случае одни люди заставляли делать других.

Что мне представляется столь глубоко прискорбным в афроамериканском опыте, так это не просто рабство, а диаспора. В конце концов, во многих случаях рабства менялся только социальный статус человека; сколь бы ужасно это ни было, он по-прежнему оставался в своей культуре. Но лишиться одновременно свободы и культуры — это

почти невыносимый удар для любого человека. В то же время именно здесь, на мой взгляд, лежат истоки необычайной силы афроамериканской души. Начиная с кораблей смерти, африканцы — они еще не были афроамериканцами — обращались к глубинам своей коллективной души, черпая в ней ум и красоту, общность и любовь, силу и отвагу, подобные которым редко встречались в истории. Какое необычайно богатое добавление к американской культуре! Превосходно сказал Мухаммед Али: «Я рад, что мой прапрадедушка попал на тот корабль». Наступит счастливый день, когда и по другую сторону расового раздела все больше белых американцев будут разделять это чувство.

Воскресенье, 7 декабря

Трансценденция восстанавливает чувство юмора. Дух приносит улыбку. Внезапно возвращается смех. Слишком многие представители слишком многих движений — даже очень хороших движений, наподобие экологии, феминизма и духовных исследований — кажутся, полностью лишенными чувства юмора. Иными словами, у них нет беспечности, нет отстраненности от самих себя, отстраненности от эго и эго жестокой привычки заставлять других соответствовать своим требованиям. Есть самопревосходящий юмор и есть игра эгоической власти. Но мы выбрали эгоическую власть и политкорректную полицию мысли; безжалостных викторианских реформаторов, которые притворяются, что защищают гражданские права; мессианских мыслителей «новой парадигмы», которые собираются спасти планету и исцелить мир. Неудивительно, что Менкен пишет: «Каждый третий американец посвящает себя улучшению и воспитанию своих ближних, обычно посредством силы; эта мессианская мания — наше национальное заболевание». Пожалуй, нам всем следует обменять два фунта эго на одну унцию смеха.

Понедельник, 8 декабря

Что касается юмора, то мы с Марси хотим пойти повидать Бобби Луизу Хоукинс, которая блестяще пишет забавные эссе, рассказы и стихи. Она часто преподает и выступает в Институте Наропы. Увы, ее воспринимают не так серьезно, как следовало бы, именно потому, что она умеет быть такой забавной. Эго носит на шее суровость, как гирлянду из чеснока, чтобы отпугивать бесов трансценденции и освобождающего юмора. Бобби написала очень забавную историю о

забавных историях, которые не принимают всерьез, но ее не приняли всерьез.

Вторник, 9 декабря

Защита диссертации Марси состоится в эту субботу, и она очень мило нервничает и тревожится. Она не может спать и потому наблюдает, как я ночью медитирую, и я осознаю, что она это делает. Это очень приятно.

Фильм «Полночь в саду добра и зла». Что ж, мне он понравился. «Это место похоже на «Унесенные ветром» под мескалином. Все вооружены до зубов и пьяны. Нью-Йорк скучен. Я остаюсь».

Брал посмотреть «Человек с золотой кровью» — очень черную комедию о начинающем киллере. «У тебя никогда не было подружки? Никогда. Я некоторое время ходил к одной и той же проститутке». — «Ну, это не считается». Но в результате его спасает именно хорошая женщина... и йога.

Среда, 10 декабря

ИСТОРИЯ ПОТЕРЯННОГО И ОБРЕТЕННОГО БОГА

**Теоретическая пьеса
о политическом искуплении и избавлении
в трех актах с важным послесловием**

АКТ I

Сцена 1

В 1712 году в Женеве мать Жан-Жака Руссо умерла при родах. Отец обижал и бил его, а затем бросил в возрасте десяти лет. К шестнадцати годам Жан-Жак перебрался в Савойю, где обучался наукам тела и ума у мадам де Варенс; к тридцати годам Руссо жил в Париже и был второстепенной фигурой в философском кружке Дидро и Даламбера, издателей Энциклопедии — оплота мысли Просвещения. За десять лет он так отдалился от своих прежних друзей, в числе которых были Давид Юм и Вольтер, что бежал от городской жизни в деревню, где прожил большую часть следующих двадцати лет, до самой своей смерти, с Терезой Левассёр — необразованной прачкой. У них было пятеро детей, которых они отдавали в сиротские приюты. Исаак Крамник рассказывает, что Руссо «носил убогую грубошерстную и часто странную одежду; он был бестактным, прямым, неуклюжим и

вульгарным». Юм называл его «абсолютным лунатиком», Дидро говорил: «Этот человек безумен». Сэр Исайя Берлин заклеил его как «Самого зловещего и самого страшного врага свободы во всей истории современной мысли».

Сцена 2

Наследие Руссо глубоко, парадоксально и зачастую противоречиво. В современную эпоху он был первым великим ретроро-мантиком, первым влиятельным глубинным экологом; он был первым крупным тоталитаристом и первым великим пропагандистом нарциссической поглощенности собой. Кроме того, он был первым великим защитником более демократического общества, поставленного на службу всем, а не немногим избранным; неотразимым агитатором за справедливость, но также за благородство; он осуждал неравенства культуры, несмотря на то что превозносил их в природе.

Вероятно, самым широко запомнившимся — и влиятельным — заявлением Руссо стала первая строка первой главы «Общественного договора»: «Человек рождается свободным, и он везде порабощен». В действительности мысли Руссо по этому вопросу были весьма сложными, но общая идея — по крайней мере так, как ее понимали массы, — состояла попросту в следующем: люди рождаются добрыми, но силы общества медленно душат и хоронят природную добродетель. Природа добра, культура удушает; природа подлинна, общество искусственно. Согласно этому представлению, которое является центральной догмой романтизма, мы начинаем жизнь в состоянии своего рода естественного единства и целостности, но эта целостность ломается, разрушается и подавляется миром культуры, языка и рассудка. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы *вернуть* себе эту изначальную целостность и добродетель — быть может, в «более зрелой» форме или «на более высоком уровне», но тем не менее вернуть.

Сцена 3

«Завтра они будут на вас охотиться», — сказали близнецы. Так начинается последний страшный инцидент в классическом Романи Уильяма Голдинга «Повелитель мух». Группа молодых мальчиков в возрасте от шести до двенадцати лет оказалась на необитаемом острове. Предоставленные самим себе, они начинают проявлять свою истинную природу и все больше скатываются к дикарству. В конце романа дети — голые, грязные и разрисованные грубыми рисунками — охотятся, чтобы убить и поджарить единственных двух оставшихся мальчиков, которые не захотели присоединиться к их «естественным» проявлениям.

Сцена 4

Жизнь мужчин и женщин в природном состоянии бывает «одиноким, жалкой, грязной, жестокой и короткой». Этими пятью знаменитыми словами, три из которых помнят большинство людей, Томас Гоббс более или менее точно сформулировал позицию, прямо противоположную романтическим воззрениям. Гоббс считал, что дети рождаются озабоченными только самими собой. Задача образования и воспитания состоит в том, чтобы расширять круг их интересов, включая в него заботу о других и, возможно, в конечном итоге обо всем человечестве. Но большинству людей, по его мнению, удастся расширить круг заботы только на свою семью.

Согласно Гоббсу, именно в этом и заключается значение гражданского общества. Только преодолевая природное состояние, где все определяется собственным выживанием, мужчины и женщины могут объединяться и создавать большее благо, отмеченное моральными достоинствами, которые ведут к мирному и стабильному сосуществованию. Мы начинаем жизнь жалкими и отвратительными, но можем объединяться и становиться лучше. В ином случае «завтра они будут на вас охотиться».

АКТ II

Сцена 1

Эти две точки зрения — назовем их «возвратом добродетели» и «развитием к добродетели» — оказались наиболее долговечными и явно несовместимыми представлениями о направлении человеческого роста: деволюция, или движение вниз из райского состояния, — движение, которое в определенном смысле необходимо обратить вспять; и эволюция, или рост и развертывание от меньшего к большему благу.

Первая точка зрения почти всегда использует метафору исцеления, а вторая — метафору роста. Исцеления, поскольку школа возврата добродетели считает, что мы некогда были цельными — в детстве, в благородном дикарстве, в раю, — но эта целостность была сломана, разрушена похоронена или нарушена, и потому мы нуждаемся в исцелении. *Исцеление подразумевает, что здоровье некогда имело место, но затем было утрачено, и его нужно вернуть или восстановить.* Метафора исцеления всегда свидетельствует о скрытой или не слишком скрытой ретроромантической точке зрения.

С другой стороны, рост подразумевает, что мы не пытаемся вернуть себе что бы то ни было из вчерашнего, а *эволюционируем, реализуя свои более высокие потенциальные возможности.* Желудь становится не

путем возвращения себе чего-то, что у него было вчера, а посредством роста. Метафора роста почти всегда говорит о точке зрения развития или эволюции.

Первая школа часто использует метафору «раскрытия»; вторая — метафору «возникновения». Раскрытия потому, что добродетель, в которой мы нуждаемся, некогда имела место, но была предана забвению, и потому нам требуется лишь соскрести слои цивилизации, чтобы ее вспомнить. Возникновения потому, что добродетель, которая нам нужна, никогда не существовала и возникнет только в случае более высокого развития и роста.

Короче говоря, по мнению первой школы, мы начинаем жизнь хорошими и становимся плохими, а потому должны вернуть себе эту добродетель, чтобы исцелиться и исцелить мир. По мнению второй, мы начинаем жизнь если не плохими, то лишенными добра, добродетели, которая может возникать, только если мы развиваемся и полностью реализуем свои потенциальные возможности.

Сцена 2

Первая школа, или школа природной добродетели, является одной из основных составных частей политического *либерализма*, а вторая, или школа природной вульгарности, — политического консерватизма. Представление либерализма заключается в том, что дети рождаются добродетельными и задача социальных институтов — не нарушать эту естественную добродетель. Институты обычно подавляют, угнетают или удушают имеющуюся у детей природную добродетель, и этим искусственным правилам не следует позволять мешать врожденной добродетели. Если они это делают — если социальные институты препятствуют природной добродетельности людей, — то требуется революционное освобождение — ниспровержение, нарушение и преодоление удушающих ограничений, налагаемых обществом на природу и природную добродетель.

Согласно точке зрения консерватизма, дети начинают жизнь зацикленными на самих себе, и задача институтов — сдерживать их примитивные побуждения или, как мы могли бы сказать, расширять их узкие воззрения. Когда институты рушатся, прорывается варварство. «Консервативное» обычно понимается как противоположность «прогрессивного»; но в этом случае консервативная точка зрения предполагает прогресс от детства к взрослому состоянию (то есть дети должны развивать в себе моральную добродетель, поскольку она не дается от природы или при рождении), после чего она становится *очень* консервативной: как только этот хрупкий рост до взрослой моральной добродетели произошел, не вмешивайтесь в социальные институты,

которые кое-как его обеспечивают.

По мнению первой школы, социальные институты нередко подавляют или угнетают естественную добродетель и, если они становятся обременительным, от них следует быстро отказываться. С этой точки зрения отказ от социальных институтов не является по своей основе проблематичным, поскольку без этих искусственных образований нас ожидает только естественная добродетель. По мнению второй школы, социальные институты не являются «искусственными»; они представляют собой средства, с помощью которых мы поднимаемся над жалким, жестоким и коротким природным состоянием, и даже небольшое вмешательство в эти институты скорее приведет к худшему, нежели к лучшему.

Сцена 3

У каждой школы есть свои крайние представители. Руссо, по крайней мере, по мнению многих, был фигурой, одобрявшей безответственное ниспровержение и бунт — всегда во имя природной добродетели и возвращения первоначальной чистоты. Классическим примером была, разумеется, сама французская революция, где, как пишет Симон Шеме: «Их верой была возможность коллективной моральной и политической революции, которая могла сохранить невинность детства до взрослого состояния». Не в переносном, а в буквальном смысле. Результатом, столь же несомненно, было Царство террора, где тех, кто не были достаточно невинны, просто обезглавливали с помощью новоизобретенной гильотины, и мир в ужасе наблюдал, как природная добродетель и благородные дикари буйствуют на улицах Парижа. «Завтра они будут на вас охотиться», — сказали близнецы.

И сегодня тоже. Большинство марксистов — радикальных либералов — верят в первобытный коммунизм, который должен быть возвращен в постпролетарском мире. Многие ученые (например, Крэнстон) видели в Руссо отца студенческих бунтов 60-х годов, без разбора разрушавших институты, поскольку институты, как таковые, «ограничивали» их «естественную свободу», не понимая, как все романтики, что существует огромное различие между доконвенциональной вседозволенностью (где вы — раб своих побуждений) и постконвенциональной свободой (где освобождение ведет к моральной глубине); первая принадлежит природе, вторая — культуре.

В совсем недавнее время террорист Тед Качинский жил жизнью Руссо — в хижине, в одиночку, общаясь с природой, борясь с «ограничивающими» институтами и — как ясно сказано в его декларации — «Видя положительный идеал в Природе». Киркпатрик Сэйл, маленький Робеспьер террориста Руссо, писал, что «если его

[террориста] послание не будет как-то принято во внимание... мы поистине обреченное общество, стремительно движущееся к катастрофическому крушению». Джо Клейн в своем очерке, посвященном этой теме, справедливо указывает, в какой огромной степени это послание, по существу, отражает представления либерализма, а именно что культура подавляет нашу природную добродетель и потому мы должны отбросить культуру и вернуться к природе, а иначе... Экоterrorism — это просто один из десятка вариантов Власти Трора, которая неизбежно вырывается на волю, когда люди в поисках своей «естественной добродетели» движутся в доконвенциональном направлении.

Если Руссо — это крайний представитель естественной добродетели, возврата к природе, благородного варварства и свержения ограничивающей культуры, то Ницше — крайний представитель роста и эволюции, ведущих к сверхчеловеку. Ницше выступал против того представления, что если устранить социальные институты, то под ними обнаружится лишь естественная добродетель; он яростно нападал на тех «политических и социальных мечтателей, которые с пламенной риторикой требуют революционного свержения всякого социального порядка, будучи убеждены, что тогда как бы сам собой тут же восстанет к жизни величественный храм справедливой человечности. В этих опасных мечтаниях до сих пор слышен отзвук суеверия Руссо, который верил в чудесную, но как бы *преданную забвению* добродетель человеческой природы, и возлагал всю вину за это забвение на институты культуры в форме общества, государства и образования. К сожалению, опыт истории научил нас тому, что каждая подобная революция несет с собой возрождение самых варварских энергий в виде давно забытых ужасов». Ницше полагал, что мы должны расти и эволюционировать к своему собственному высочайшему достоянию, а не отправляться на поиски сокровищ в регрессивное прошлое.

Подобно тому как Руссо правильно или неправильно связывали с Царством Трора, так и Ницше правильно или неправильно присваивали себе нацисты. Историки согласны в том, что это оказалось совершенно ошибочным, но вы можете понять, насколько заманчиво для национал-социализма было принять эволюцию к сверхчеловеку в качестве одного из своих главных идеалов. Везде, где регрессивной модели противопоставляется модель роста, вы должны усердно трудиться ради будущего, которое еще не наступило, а не просто сползать обратно к некогда существовавшему прошлому (или снова его обретать). Программу роста пронизывает работа, а не вседозволенность. Все согласны, что у фашистов поезда ходили по

расписанию.

С одной стороны, крайний либерализм, который заканчивается *коммунизмом*, подкрепляемым террором; с другой стороны, крайний консерватизм, заканчивающийся *фашизмом*, который также держится на терроре. Эти две крайности существуют именно потому, что оба воззрения — возвращение добродетели и рост к добродетели — наполовину верны, наполовину ошибочны, и если ошибочный аспект любого из них воплощается в широкое действие, все кончается ужасными кошмарами. Коммунизм, или крайний либерализм, жертвует совершенством ради наинизшего общего знаменателя; он срубает вершину пирамиды роста, чтобы питать ее основание; в предельно терпимом обществе не требуется вообще никакого личного роста, ибо необходимо в равной мере и полностью лелеять всех, что в действительности позволяет всем в равной мере чахнуть. Фашизм поступает в точности наоборот — он уничтожает основание, чтобы питать вершину, — и поскольку он трудится ради роста в направлении сверхчеловека, всех тех, кого правильно или неправильно (всегда неправильно) считают «недочеловеками», ожидают газовые камеры.

АКТ III

Сцена 1

Если отбросить крайности, в обеих школах явно существуют свои достоинства, и крайности четко показывают, что происходит, если эти два подхода не объединять и не уравнивать. В понятии роста к добродетели немало истины, ибо не все блага даются от рождения. И немало истины в идее возвращения добродетели, поскольку в ходе самого роста утрачиваются многие потенциальные возможности, которые необходимо восстанавливать. Это также непосредственно относится к либерализму и консерватизму: у каждого из них есть сильные стороны, заслуживающие сохранения, и слабости, которые необходимо отбросить.

Если бы мы имели дело только с дугой человеческой эволюции — и филогенетической, и онтогенетической, — то проблемы, а возможно, и их решения были бы достаточно ясны. Однако в области духовных исследований мы также, в некотором смысле, имеем дело с дугой инволюции, вследствие чего все становится намного сложнее.

Начнем с эволюции (и сосредоточимся на онтогенезе, или развитии индивидуума). Оказывается, эта проблема в основном уже решена. Как говорит ведущий исследователь Ларри Нуччи: «С 60-х годов представители психологии развития достигли определенного согласия в отношении процесса, посредством которого дети усваивают моральные

и общественные ценности»^{52*}. И это согласие означает: *развитие добродетели*.

С одной стороны, верно, что дети рождаются биологически подготовленными к тому, чтобы делать моральные различия, в ходе социального взаимодействия. Уже у двухлетних детей имеются понятия правильного и неправильного, основывающиеся главным образом на эмоциональных реакциях, и даже совсем маленькие дети демонстрируют способность к определенному типу эмоциональной симпатии и антипатии. Тем не менее все это значительно обогащается и расширяется на последующих этапах когнитивного, социального и морального развития. За исключением случаев патологии, *основные способности детей становятся все более и более, а не менее и менее всеобъемлющими*. Резюме: дети представляют собой то, что Нуччи называет *развивающимися моральными деятелями*, и в споре окончательно побеждает развитие добродетели, а не возвращение добродетели.

Хорошим простым обобщением этого роста в направлении добродетели по-прежнему остается последовательность эгоцентрическое — социоцентрическое — мирозцентрическое, не как жесткие стадии, а как развертывающиеся волны и способности. Исследования продолжают подтверждать, что и мальчики, и девочки проходят в своем развитии одну и ту же общую иерархию, однако мальчики при этом делают акцент на справедливости, а девочки — на заботе. Причины этого являются предметом горячих споров — одни считают их связанными с биологическими факторами, другие — с культурным обусловливанием. (Лично я полагаю, что они имеют прочную биологическую основу, подвергающуюся формирующему влиянию культуры.)

С мнением основоположников, вроде Пиаже и Кольберга, считавших, что глубинные черты морального роста в направлении добродетели носят универсальный характер, соглашаются и такие современные исследователи, как Нуччи и Туриел. «Туриел обнаружил, что, в отличие от стандартов одежды, этикета и тому подобного, нормы, касающиеся вреда и справедливости, оказываются общими у детей в широком диапазоне различных культур; это дает основание считать, что развитие этих моральных принципов, включая их дифференциацию от социальных условностей, носит универсальный характер». Разумеется, существуют огромные местные вариации содержания, и потому лучшим девизом по-прежнему остается «единство многообразия»: в развитии в направлении добродетели мы обнаруживаем универсальные глубинные черты, но культурно относительные поверхностные черты.

Именно узость когнитивного и межличностного мира ребенка делает его если не дикарем, как думают некоторые, то все равно лишенным глубины добродетели. Вот только один пример, как пишет Дэвид Берреби, исследования показали, что «непосредственное научение имеет меньшее отношение к развитию расового мышления, чем часто считают. Существенные аспекты расового сознания детей, по-видимому, не происходят от взрослой культуры». Грубо говоря, оказывается, что дети рождаются расистами.

И нарциссистами. И лишенными способности принимать во внимание глобальные заботы: дети рождаются без любви к Гайе, без глобальной глубины, без способности ставить себя на место другого, без подлинного сострадания и любви — запертыми в узком, непроницаемом, удушающем мире своих собственных ощущений. Умница Руссо думал в точности наоборот: вы рождаетесь свободными и повсюду оказываетесь в оковах; но вы рождаетесь в оковах и повсюду можете развиваться к свободе.

Сцена 2

Тем не менее в одном отношении романтическое воззрение очень верно: на каждой стадии роста и развития к добродетели что-нибудь может пойти не так. То хорошее, что *возникает* на любой стадии, действительно может подавляться, и *это* подавленное благо необходимо *раскрывать* и реинтегрировать. (Кстати, именно поэтому Фрейд называли и рационалистом, и романтиком, что сбивало с толку многих людей, поскольку кажется противоречием, но в действительности не является таковым: он был рационалистом, поскольку глубоко верил в развитие от примитивного природного «ид» к добродетели; но если в ходе этого развития мы слишком резко отрицаем «ид», подавляем и искажаем его, если мы становимся своими собственными маленькими фашистами, то нам необходимо ослаблять барьер подавления, предпринимать романтическую регрессию на службе эго, возвращать себе эти утраченные аспекты нас самих и воссоединять их с эго, таким образом облегчая продолжение своего роста в направлении добродетели.)

Поэтому даже в самой эволюционной дуге нам желательно уравнивать модель роста добродетели и модель возвращения добродетели, которые обе могут нам многое дать. С практической точки зрения при развитии ребенка желательно избегать избыточной вседозволенности (либерализма), поскольку маленький Джонни вовсе не святой, полный природной добродетели, как хотелось бы думать многим родителям (и Руссо). Одна лишь вседозволенность — никаких требований, никаких ограничений, чтобы Джонни мог сохранять

контакт со своей природной добродетелью, — в действительности позволяет маленькому Джонни портиться, и, погрязнув в своей природной самости, он в конечном итоге высвободит внутреннее Царство Террора. Он будет совершенно неспособен к трудному росту в направлении добродетели; он обезглавит свое собственное большее будущее; он выпустит на волю террориста в самом себе.

В то же время мы не хотим быть излишне авторитарными (консервативными) и пытаемся навязывать маленькому Джонни «семейные ценности» и «формировать его характер», поскольку формирование характера по большей части представляет собой процесс развития, который происходит внутри в той же мере, что и извне в соответствии со своим собственным развертыванием, и пытаемся принуждать его — это все равно что кричать на растение, чтобы заставить его расти. В результате избыточно авторитарного воспитания Джонни станет своим собственным маленьким фашистом, подавляющим те аспекты самого себя, которые не согласуются с чрезмерно высокими идеалами и нормами маленьких гитлеров, именуемых его родителями. И этим внутренним подавлением маленький Джонни будет посылать в газовые камеры аспекты собственной самости, утраченные и вытесненные потенциальные возможности, по существу нанося вред своему собственному развитию в направлении добродетели.

Сцена 3

Но как насчет инволюции? И романтического интуитивного ощущения, что мы утратили не какой-то низший потенциал, а совершенно буквально утратили осознание единства с Духом?

Что ж, согласно вечной философии, мы действительно понесли такую утрату. Но эта утрата произошла не в начале эволюции — или в течение первых лет жизни, — а в начале *инволюции*, или того, что с нами происходит до нашего рождения во времени. Те романтические души, которые интуитивно догадываются об этой ужасной потере, совершенно правы; они просто перепугали, когда она происходит. И если мы должны думать об этой потере с точки зрения времени или истории, то вечная философия дает три связанных друг с другом определения того, когда она происходит, которые одновременно представляют собой три взаимосвязанных определения инволюции: потеря произошла до Большого Взрыва; происходит до вашего индивидуального зачатия; до вашего следующего рождения.

Инволюция примерно означает движение от высшего к низшему, в данном случае движение от духа к душе, уму, телу и материи. Каждый шаг вниз делает более высокий уровень «бессознательным» (или

свернутым в более низком), так что конечным результатом является Большой Взрыв, создающий материальный мир — материальный мир, с которого затем будет начинаться эволюция, идущая в обратном порядке от материи к телу, уму, душе и духу и на каждом шаге развертывающая то, что было до этого свернуто, не в виде жестко установленной последовательности стадий, а как развертывание более тонких возможностей, развертывание волн бытия в Космосе.

Вечная философия, особенно в восточном и раннем западном вариантах, утверждает, что этот фундаментальный цикл инволюции/эволюции происходит и с индивидуальными душами при их переселении. После смерти, если этого не произошло раньше, человек достигает более высоких уровней души и духа; если он их сознательно распознает, то насильственный цикл перерождения завершается. В ином случае происходит инволюция от духа к душе, уму и телу, после чего случается индивидуальное зачатие человека в качестве материального тела в матке, откуда начинаются его личное развитие и эволюция от тела к уму, душе и духу.

И наконец, утверждается, что эта общая последовательность инволюции/эволюции представляет собой саму структуру переживания этого момента (это самый важный смысл — и единственный, который требуется для понимания последовательности). В каждый момент мы полностью открыты Одному Вкусу во всей его чистоте, но в каждый момент большинство из нас не способны его распознать. Мы отступаем перед лицом бесконечности и замыкаемся в своей отдельной самости, в результате чего оказываемся втянутыми в поток времени, судьбы, страдания и смерти. Но в каждый момент мы можем распознать Один Вкус и прекратить весь цикл. Тогда прекращается мука жизни и смерти, бытия и небытия, существования и исчезновения — просто потому, что мы пребываем в безвременном моменте, где нет рождения и смерти, нет времени и никаких циклов.

Согласно каждому из этих трех определений «утраты» осознания Духа, утрата происходит *в начале инволюции*, происходит, как только Дух «нисходит» в души, умы и тела. Она *не* происходит в начале эволюции, где тела начинают обратное движение эволюции к Духу. К тому времени, когда на сцене появляются тела, *вся* утрата *уже* произошла. Фактически с точки зрения вечной философии ранние стадии эволюции являются наиболее отдаленными, поскольку они дальше всего отстоят от сознательного распознавания Духа.

Однако романтики считают, что именно ранние стадии эволюции (и филогенетической, и онтогенетической) представляют собой райское состояние, состояние «естественной добродетели», которое в

дальнейшем будет ужасающим образом утрачено и потому должно быть возвращено. Но в действительности утрачивается всего лишь бессознательная целостность (или неразделенность) со сферами материального мира и тела — низшими измерениями Великого Гнезда Бытия. Эти низшие стадии эволюции представляют собой своего рода «единство» или «слияние», но слияние с фундаментом — именно ту самую ограниченную тождественность, которую необходимо дифференцировать и трансцендировать, чтобы было возможно развитие в направлении добродетели.

Но опять же будем по достоинству оценивать значение как романтической модели (возвращения добродетели), так и эволюционной модели (роста в направлении добродетели). Романтики абсолютно правы: когда-то мы действительно гуляли вместе с Богом и Богиней в саду вечных радостей. Но этот сад существует не в актуальном или историческом прошлом. Мы не утрачивали Дух, переходя от собирательства к огородничеству или от огородничества к земледелию, мы не утрачивали Дух в любом месте эволюции, времени или истории. Мы «утратили» Дух в инволюции, которая представляет собой само нисхождение Духа в мир времени. И когда это произошло? До Большого Взрыва; до вашего рождения; но, самое главное, до этого самого момента, когда вы отшатываетесь от бесконечности. Рост в направлении добродетели — это действительно *возвращение* добродетели, но добродетели, утраченной в инволюции, а не в эволюции. При этом простом понимании можно уважать обе точки зрения.

ВАЖНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Далее следует ряд иронических замечаний.

Я описывал типичного сегодняшнего консерватора как приверженца идеи роста в направлении добродетели, и это, в общем, верно; но столь же типично, что рост происходит только от доконвенциональной природы до конвенционального общества и редко продолжается в постконвенциональные, мироцентрические области. Большая часть типичного консерватизма уходит корнями в мифическую-аграрную эпоху, ценности которой были гражданскими, аристократическими, иерархическими, милитаристскими, этноцентрическими, патриархальными и обычно помещались в контекст мифического-конкретного Бога. Сколь бы мрачными ни казались подобные общества современным людям, тем не менее они возникали в мире повсеместно в течение пяти тысячелетий и вполне хорошо служили своим целям.

С началом рационально-индустриальной эры с ее

постконвенциональной мироцентрической моральной атмосферой в распоряжении людей оказалось новое политическое видение: видение либерального Просвещения. Это был во многом решающий разрыв с мифическим и монархическим прошлым: рациональность боролась с мифологией, демократия боролась с аристократией, равенство боролось с иерархией, и свобода боролась с рабством. Таково было, в лучших чертах, видение современности, и политической программой, включавшей в себя эти высокие идеи, был либерализм.

Но, как заметили историки, современность была не всегда и, безусловно, не только возвышенной. У современности были свои недостатки, возможно, много недостатков, но все их резюмирует понятие «флатландия». В основном из-за безудержного научного материализма в сочетании с материальным индустриализмом все формы холархии — даже хорошие, полезные и духовные формы, подобные Великому Гнезду Бытия, — были сведены к плоскому и бледному представлению о мире, в котором нет ничего, кроме систем взаимосвязанных объектов, взаимосвязанных «оно» без малейшего упоминания о «Я» и «Мы». Не осталось ни души, ни ума, ни духа, и на их месте раскинулась бесконечная плоская страна материальных тел, которые лишь одни считались реальными (бодизм). Разочарование мира, одномерный человек, вселенная без качеств, десакрализация мира — вот некоторые знаменитые фразы, которые критики использовали для того, чтобы охарактеризовать это безотрадное состояние дел.

Либерализм, как дитя современности, тоже был полностью захвачен этим коллапсом и потому, вместо того чтобы прийти к правильному пониманию своих собственных внутренних оснований (а именно того, что в развитии от эгоцентрического к этноцентрическому и мироцентрическому он представляет мироцентрическое осознание) стал *политическим защитником флатландии*. Взамен внутреннего роста и развития (Левая сторона) либерализм стал защищать почти исключительно внешнее экономическое развитие (Правая сторона) как средство обеспечения свободы. Так как, согласно идеям флатландии, ничего внутреннего не существует — и поскольку моральные нормы представляют собой внутренние реалии, — то, не устояв перед современной флатландией, либерализм отрекся от своего основного морального открытия (мироцентрической свободы — позиции, с которой возможно справедливое отношение ко всем, но позиции, к которой всех следует призывать расти).

Прискорбно, возможно неизбежно, либерализм отрекся от своей моральной позиции и удовлетворился требованием одной лишь

внешней, материальной, экономической свободы, не понимая, что без *внутренней* свободы (существующей, как понимал Кант, только в постконвенциональном осознании), внешняя свобода по большей части бессмысленна. Развитие Лево́й стороны было прекращено, осталось развитие Право́й стороны. А что касается внутренних реалий, то, поскольку таковых не существует, ни одни из них не могут быть лучше других, а потому нет ничего плохого во вседозволенности, в крайнем разнообразии, в крайней поликультурности — всех следствиях естественной добродетели, которую требование развития только портит.

И так получилось, что либерализм, представляющий собой более высокий уровень коллективного развития, оказался в плену первой великой патологии современности — флатландии. Таким образом, либерализм флатландии был болезненным вариантом более высокого уровня коллективной эволюции.

Это полностью отдавало внутренние сферы — религии, ценностей, смысла, требований внутреннего роста в направлении добродетели — на откуп консерваторам, чьи ценности, связанные с мифической-аграрной эпохой, не поддавались коллапсу модернизма. Единственная проблема состояла в том, что это были главным образом мифические-аграрные ценности: религия была (и остается) мифологической, рост в направлении добродетели доходит только до конвенциональных/социоцентрических стадий (и активно борется с мироцентрическими, постконвенциональными модусами), ценности являются последовательно аграрными (аристократическими, патриархальными, милитаристскими, нередко этноцентрическими, зачастую библейско-фундаменталистскими). Эти ценности по большей части были вполне здоровыми и разумными в мифическую-аграрную эпоху: они были лучшим, к чему человек мог стремиться в условиях того времени.

Таковы наши политические альтернативы в сегодняшнем мире: здоровый, более низкий уровень (консерватизм) или больной, более высокий уровень (либерализм).

Поэтому единственным разумным курсом, на мой взгляд, является обновленное постлиберальное осознание. Оно должно соединять в себе самое лучшее из консервативных представлений, в том числе необходимость роста в направлении добродетели, важность холярхических взаимоотношений и, следовательно, *смысла* (самости, семьи, общества, нации, мира, Духа), акцент на равных возможностях вместо бессмысленного равенства. Но все эти консервативные ценности необходимо поднять до уровня современного, постконвенционального, мироцентрического осознания.

Это также означает, что сам либерализм должен отказаться от любых пережитков возврата к «естественной добродетели» и снова стать *прогрессивным*, эволюционным. Ирония здесь состоит в том, что снисходительный либерализм (и крайний постмодернизм) в действительности является глубоко реакционным, поскольку не принимает трудное требование роста в направлении постконвенциональной добродетели. Подлинное разнообразие и поликультурность можно *защищать* только с постконвенциональной, мироцентрической позиции, и, если либерализм не может способствовать росту к этой позиции, он подрывает свою собственную программу. Идиотское сострадание, которое защищает либерализм, убивает сам либерализм.

Короче говоря, либерализм должен стать подлинно прогрессивным не только с внешней, экономической точки зрения флатландии, но и в плане внутреннего роста сознания от социоцентрического к мироцентрическому, от доконвенционального к конвенциональному и постконвенциональному (чтобы там открыться постпостконвенциональному). *Не* в качестве программы, поддерживаемой государством (государство не должно ни поощрять, ни поддерживать отдельный вариант правильной жизни), но в форме атмосферы содействия — в своих теоретических сочинениях, в примерах своих лидеров, в представлениях, к которым он всех нас призывает, в сердце, уме и душе.

В своем теперешнем виде либерализм с его сохраняющейся на заднем плане верой в естественную добродетель и выдвигаемой на передний план верой в крайнее разнообразие попросту способствует атмосфере регрессии — во всем, от политики самобытности до возрождения этноцентризма и эгоцентрической вседозволенности. Я не предлагаю, чтобы либералы законодательно ограничивали все это (люди вольны делать все, что им хочется, если это не наносит вред другим); я предлагаю, чтобы они просто перестали это оправдывать явно ложным понятием естественной добродетели и крайне внутренне противоречивой теорией эгалитаризма (которая утверждает, что сам эгалитаризм *лучше*, чем его альтернативы, хотя, по определению, предполагает равенство *всего*). Эти два столпа либерализма несомненно ложны и безусловно несостоятельны, и от них как минимум следует мирно отказаться, чтобы либерализм мог приступить к постлиберальной задаче поиска способов поощрения атмосферы роста в направлении добродетели.

И конечно, сам я убежден, что такое постконсервативное, постлиберальное видение откроет нам путь к

постпостконвенциональному осознанию, иначе говоря, к Духу. Спор в полном смысле слова разрешен: вы рождаетесь в оковах и можете повсюду расти к свободе, в конечном счете находя свое собственное Изначальное Лицо.

Четверг, 11 декабря

Цикл сна паразителен. *Тело* отходит ко сну, и остаются *тонкое* (ум и душа) и *каузальное* (бесформенный Свидетель). Поэтому, когда тело засыпает, тонкие ум и душа ярко проявляются в сновидениях, мечтах, образах и иногда в архетипических озарениях — это типичное состояние сновидения. В какой-то момент тонкое тоже отходит ко сну — ум засыпает, душа засыпает, — и остается только бесформенность, или глубокий сон без сновидений, который в действительности представляет собой Свидетеля, или изначальную Самость в чистом виде без каких бы то ни было объектов. (Этот последовательный переход от грубого к тонкому и каузальному — один из вариантов эволюционной, или восходящей дуги.)

В какой-то момент во время глубокого сна без сновидений душа начинает волноваться и пробуждается от своего сна в бесформенности, и таким образом снова начинается сновидение. Поскольку в состоянии сновидения отсутствуют ограничения и запреты грубого тела, тонкие ум и душа (глубинное психическое) могут выражать свои глубочайшие желания (им достаточно подумать о чем-то или пожелать чего-то, чтобы это тут же материализовалось в сновидении). Вот почему пророки, святые, мудрецы и глубинные психологи всегда уделяли так много внимания сновидениям: в них говорит более глубокая самость. Шанкара, Фрейд и Джимини Крикет согласны в том, что «Сновидение — это проявление желания вашей души в быстром сне».

Когда состояние сновидения подходит к концу (нередко бывает несколько циклов перехода между тонким/сновидением и каузальным/глубоким сном), начинает шевелиться грубое тело, и тонкий ум медленно отходит на задний план, по мере того как пробуждаются грубая эгоическая ориентация и грубое тело. Просыпается тело, просыпается эго (грубое эго и грубое тело взаимосвязаны), короче говоря, просыпается фронтальная личность, и человек ничего или почти ничего не помнит о необычайном путешествии, которое только что происходило. (Это движение от каузального к тонкому и к грубому — от Нерожденного к глубинному психическому и фронтальному, от Самости к душе и к эго — представляет собой один из вариантов инволюционной, или нисходящей, дуги.)

Каждое «пробуждение» на этой нисходящей дуге у обычного человека сопровождается забыванием, амнезией. В состоянии глубокого сна без сновидений люди возвращаются к своей чистой бесформенной Самости, но, когда возникает тонкое, они забывают Самость и отождествляются с душой — со светом, и образами, и экстатическими видениями, — они теряются в состоянии сновидения, уже ошибочно принимая его за реальность. Затем, когда от своего забытья в сновидении просыпается грубое тело, оно, как правило, не помнит большую часть самого этого тонкого состояния, если только не старается запомнить отдельный сон, который представляет собой лишь осколок чудес тонкого. Вместо этого грубое тело смотрит на сенсомоторный мир — самый меньший мир из всех — и считает его окончательной реальностью. Оно забыло и свою каузальную Самость, и свою тонкую душу и видит только грубое и сенсомоторное. Оно утратило свой Дух, и утратило свою душу, и почти утратило свой ум, и то, что осталось, оно гордо называет реальностью.

(Кстати, эта последовательность — грубое распадается на тонкое, распадающееся на каузальное, после чего, при наличии кармических факторов, каузальное порождает тонкое, которое порождает грубое, и человек «пробуждается», оказываясь в плену грубого тела в грубом мире, — представляет собой ту же последовательность, что описана в «Тибетской книге мертвых», поскольку утверждается, что она *тождественна* процессу смерти [грубое распадается на тонкое, распадающееся на каузальное] и повторного рождения [каузальное дает начало тонкому, которое порождает грубое, с «забыванием» на каждой стадии]. Поэтому считается, что *сознательное* овладение циклом бодрствования-сновидения-сна равносильно способности *сознательно* выбирать свое повторное рождение: освоение одного означает освоение другого, поскольку они представляют собой тождественные циклы движения в Великом Гнезде Бытия от грубого к тонкому и к каузальному и обратно. Но при всей своей возвышенности этот цикл все равно остается не чем иным, как циклом самсары, бесконечных кругов мучительных рождений и смертей. Освоение этого цикла может быть в лучшем случае вспомогательным средством для достижения конечной цели: распознавания Одного Вкуса. Ибо только в Одном Вкусе человек полностью выходит из жестокого цикла, чтобы пребывать во Всем. Ни грубое, ни тонкое, ни каузальное не являются высшим достоянием, которое заключается в простом Ощущении Бытия, простом ощущении Одного Вкуса.)

И значит, большинство индивидов забыли свои более высокие состояния, забыли свою душу, свою Самость, забыли Един-

Единственный Вкус. Но когда сознание становится немного сильнее — посредством роста, посредством медитации, посредством эволюции, — переходы между тремя великими состояниями уже не сопровождаются провалом памяти, или забыванием, или амнезией. С постоянным Свидетельствованием вы обретаете первое настоящее Избавление от мира, поскольку вы перестаете быть его жертвой и становитесь его Свидетелем. В Одном Вкусе вы узнаете более глубокое Освобождение, которое состоит в том, что вы свободны от всего мира потому, что являетесь всем миром. Даже малейший проблеск Одного Вкуса — и вы уже никогда не будете прежним. Вы будете вдыхать галактики и спать, как ночные звезды. В ваших венах будут струиться и пульсировать солнца, и луны, и величественные новые звезды, ваше сердце будет биться в такт со всей любящей вселенной. И вы навсегда останетесь полностью неподвижны в этом сияющем проявлении своей собственной Самости, ибо вы уже давным-давно растворились в полноте ночи.

Пятница, 12 декабря

Завтра у Марси защита диссертации. Потом будет большой праздник для выпускников. Начинается сезон вечеринок. До свидания, Свидетель, здравствуй, жестокий мир.

Суббота, 13 декабря

Марси защитилась с блеском. Она использовала иерархию развития (в том числе иерархию потребностей по Маслоу) применительно к «внутреннему управлению» в бизнесе или тому, как компания может «продавать себя» своим служащим, предлагая услуги, которые создают возможность их роста на рабочем месте и поощряя такой рост, таким образом делая служащих счастливее, их труд — производительнее, а компанию — привлекательнее для новых служащих; это превосходная ситуация, в которой выигрывают все стороны. Как непредубежденный и объективный наблюдатель, я нахожу эти идеи новыми, блестящими, неотразимыми и чрезвычайно увлекательными.

Теперь предстоит большой праздник.

Понедельник, 15 декабря

БЕЛЛ ХУКС: «Меня очень расстраивает, когда мои студентки ведут себя так, будто они могут читать только женщин, или черные студенты ведут себя так, будто могут читать только черных, или белые студенты

ведут себя так, будто они могут отождествляться только с белым автором. Я думаю, что утрата способности к эмпатии и состраданию — это худшее, что с нами может случиться».

МАЙЯ ЭНДЖЕЛОУ: «Безусловно. Тогда мы становимся животными. Мы рискуем скатиться к животному образу жизни. Есть одно высказывание, которое я привожу во всех своих группах, независимо от того, что я преподаю. Я пишу на доске: «Я человек. Ничто человеческое не может быть мне чуждо». Потом я пишу его на латыни: «*Нито сит гумани nil a me alienum puto*». И затем я рассказываю о его происхождении. Это высказывание принадлежит Публию Теренциусу Аферу, известному под именем Теренсия. Он был африканцем и рабом римского сенатора. Когда этот сенатор освободил его, он стал самым популярным драматургом в Риме. Шесть его пьес и это высказывание дошли до нас из 154 году до н.э. Этот человек, не будучи рожден белым, не будучи рожден свободным, говорил: «я — человек».

(Из дискуссии в «Шамбала Сан», январь 1998 г.)

Ни Хуке, ни Энджелу (ни Сара Бейтс) не отрицают и не принижают различия, но просто помещают наше богатое культурное разнообразие в универсальный контекст общей человечности, доступный, как прекрасно говорит Белл, посредством эмпатии и сострадания: постконвенциональное мироцентрическое осознание, универсальный плюрализм, единство многообразия.

На самом деле «единство многообразия» хорошо подходит в качестве девиза для моей работы, и есть признаки того, что это та идея, для которой поистине пришло время. После того как современность пережила период жесткого универсализма или принципа единообразия (который отрицал любые значимые культурные различия, рассматривая мир только через призму имущих белых мужчин) и после того как постсовременность прошла через период хаотического разнообразия, доходившего до прославления раздробленности (которое вообще отрицало любые универсальные истины, кроме своей собственной), мы имеем возможность взять из обоих миров самое лучшее: универсальный плюрализм, единство многообразия. И мы наблюдаем признаки этого нового, интегрального понимания повсюду — в психологии, философии, бизнесе, экономике...

Например, в июльском выпуске «Телеграфа» опубликовано превосходное интервью главного советника Клинтона по международной торговле Ларри Саммерса под названием «Интеграционисты против сепаратистов», в котором разъясняются опасности протекционизма и сепаратизма в мировой торговле. Многие сказано уже самим заголовком, но если требуется какое-либо

дополнительное объяснение, то в этом же номере содержится прекрасная статья «Долгий Бум» моих старых знакомых Питера Шварца и Питера Лейдена. Они указывают, что пять волн технологии, которые сейчас уже находятся в движении (персональные компьютеры, телекоммуникации, биотехнология, нанотехнология и альтернативная энергетика), будут иметь несколько почти неизбежных последствий, в числе которых может быть полная интеграция мира примерно к 2020 году. По их словам, такой интегрированный мир, связанный сетями телекоммуникаций, вопреки опасениям критиков, будет не отрицать, а включать в себя и поощрять местные культурные различия. Это будет подлинно поликультурный, всеобъемлющий мир — единство многообразия. «Мы вступаем в эру, где разнообразие по-настоящему ценится — чем больше вариантов, тем лучше. Это обеспечивает наилучшие условия для функционирования нашей экосистемы, для функционирования нашей рыночной экономики, а также для развития нашей цивилизации, сферы идей». Но *только если* все это твердо основывается на подлинно объединенном мире — а не на мире, в котором разнообразие является самоцелью, — это путь «сепаратизма», который статья явно осуждает.

Они также указывают, что, хотя двигателем этого развития в направлении интеграции мира отчасти служит технология, оно в равной мере зависит от нескольких *внутренних* ценностей, в первую очередь *непредубежденности* и *терпимости*, без которых технология может быть (и будет) использована для самых гнусных целей. Иными словами, одних лишь факторов Правой стороны будет недостаточно; необходимы определенные ценности и осознаниелевой стороны, чтобы технология не была использована для усиления отчуждения и разобщенности. Открытость и терпимость — универсальный плюрализм — это ценности постконвенционального, мироцентрического уровня развития. *Вывод очевиден:* чтобы действительно прийти к объединенному миру — долгому подъему процветания, экологической устойчивости и культурной терпимости, — вдобавок к *внешним* волнам технологии, которые обрисовывают авторы, человечество должно будет ввернуть себя *внутренним* волнам развития от эгоцентрического к социоцентрическому и мироцентрическому осознанию, способному обеспечить открытость и терпимость, которые смогут поощрять индивидуальные различия и не дать технологии привести к катастрофе вместо процветания.

За разворачиванием внешних волн сейчас стоят огромные необратимые силы; а кто будет выступать за внутреннее развитие, которое одно лишь способно отвести катастрофу?

Вторник, 16 декабря

Еще одна рождественская вечеринка, на этот раз для персонала и пациентов Центра недостатков развития. Мы с Марси были для пациентов чем-то вроде главных танцевальных партнеров, и мы провели около трех часов, танцуя, если это можно так назвать. Аллен стоял посреди пола совершенно неподвижно; но он улыбался. Тавио вертелся на своем кресле-каталке. Сэнди раскачивалась взад и вперед с ужасающей скоростью; я пытался за ней поспевать, но она была слишком быстрой для меня. Том подпрыгивал, крутя руками на манер винта вертолета, тоже слишком быстро, чтобы я мог за ним угнаться. Присутствовало, вероятно, около сотни пациентов, и примерно половина из них танцевали, зачастую одновременно. Лучшим общим танцем оказалось хождение по кругу, взявшись за руки, когда мы могли добиться, чтобы все поворачивались в одну сторону.

Я часто писал о том, что я считаю тремя основными видами ценности в мире: внутренняя ценность, внешняя ценность и базовая ценность. Внутренняя ценность — это та ценность, которой вещь обладает сама по себе; внешняя ценность — это ее ценность для других. Базовая ценность — это ценность, которую имеют все вещи, будучи проявлениями Духа.

Внутренняя ценность определяется мерой охвата и цельности. Например, молекула обладает большей внутренней ценностью, чем атом, поскольку молекулы содержат в себе атомы. Молекулы, будучи более объемлющими, содержат в своем составе больше бытия, и потому их внутренняя ценность выше. Клетки имеют большую внутреннюю ценность, чем молекулы, организмы — большую, чем клетки, и т. д. Точно так же мироцентрическое обладает большей внутренней ценностью, чем социоцентрическое, которое ценнее эгоцентрического, поскольку в каждом случае первое обладает большей глубиной и большей целостностью.

Но то, что клетка обладает большей внутренней ценностью, чем молекула, *не* означает, что молекула не имеет вообще никакой ценности. Это скользящая шкала, зависящая от того, какую часть вселенной *объемлет* холон. Чем больше бытия оказывается внутренним для холона, тем большую внутреннюю ценность он имеет. Чем больше глубина, чем больше целостность, тем больше внутренняя ценность.

Внешняя ценность во многом противоположна внутренней. Атом имеет большую внешнюю ценность, чем молекула, поскольку от атомов зависит существование большего количества холонов, чем от молекул.

Существование самих молекул зависит от атомов — но не наоборот, — поэтому атомы обладают большей внешней ценностью, или ценностью для других.

Очень легко понять: чем выше холон в Великой Холархии, тем больше у него внутренней ценности. Чем ниже холон в Цепи, тем больше у него внешней ценности. И тот и другой абсолютно необходимы, поскольку не могут существовать друг без друга. Без высшего низшее не имело бы никакого смысла; без низшего высшее не обладало бы явным существованием.

Внутренняя ценность — это та ценность, которую вещь имеет, будучи *цельной с деятельностью* (и чем больше глубина целого или чем больше уровней оно содержит, тем больше его внутренняя ценность или тем больше вселенной оно охватывает и объемлет в своем собственном бытии). С другой стороны, внешняя ценность — это та ценность, которую вещь имеет, будучи *частью общности* (и чем в большее число вещей она входит составной частью, тем выше ее внешняя ценность). Деятельность касается прав (мы — индивидуальные целые, обладающие индивидуальными правами, базирующимися на справедливости); общность касается обязанностей (мы также части или члены многих взаимоотношений, базирующихся на заботе). Все вещи — это целые, которые также являются частями (все без исключения холоны представляют собой деятельность-в-общности), и потому все холоны имеют как внутреннюю, так и внешнюю ценность, как права, так и обязанности.

Внутренняя и внешняя ценности относительны; базовая ценность абсолютна. Базовая ценность — это та ценность, которую каждый и всякий холон имеет, будучи сияющим проявлением Духа, Божества, Пустоты. Все холоны, высокие или низкие, имеют *одну и ту же* базовую ценность, а именно, Один Вкус. Холоны могут иметь большую или меньшую внутреннюю ценность (чем больше глубина, тем больше ценность), но все холоны обладают абсолютно равной базовой ценностью: все они в равной мере разделяют Таковость, Существенность, Бытийность, каковая представляет собой лик Духа, сияющий в проявлении, Один Вкус во всем его великолепии ^{53*}.

Всякий раз, когда я бываю с милыми людьми, которые страдают от таких жестоких недостатков в своем росте и развитии — в своей глубине, — мне все легче и легче приходит на ум их базовая ценность, зеленые изумруды каждого и всех, совершенные в своем великолепии. Я вспоминаю, что внутреннее и внешнее исчезают в Одном Вкусе, где все дети Духа равно сияют в бесконечности, каковую они собой

представляют. Мне это достоверно известно, поскольку я провел этот вечер, танцуя с буддами, и кто бы осмелился это отрицать?

Четверг, 18 декабря

Двадцать лет назад, когда буддизм впервые прокладывал себе путь в эту страну, нельзя было даже касаться темы сочетания медитации с психотерапией, поскольку утверждалось, что буддизм представляет собой «законченную систему», и потому терапия не нужна, если вы правильно практикуете буддизм. *Аналогичное нерасположение* характерно практически для любой религии в современном мире: только верьте в Христа, и все будет хорошо; молитесь, и ваша психика исцелится; зикр излечит все; йога дает ответы на все вопросы. Этим ясно подразумевается, что если у вас достаточно веры или духовной практики, то вам *никогда* не понадобится какая бы то ни было психотерапия; и наоборот, если вам нужна психотерапия, значит, что-то всерьез не так с вашей верой. Отношение духовности к науке вообще и к психотерапии в частности становится в современном мире насущной проблемой, и большинство религий, судя по всему, не слишком хорошо с ней справляются.

Несмотря на то что моя конкретная практика была связана в основном с буддизмом (и Ведантой), в буддистских кругах на мои работы всегда смотрели с подозрением: этот брат Уилбер подразумевает, что одного буддизма недостаточно. Многие буддисты отказывались читать что-либо из написанного мной, и несколько человек говорили мне об этом в совершенно небуддистском тоне.

Двадцать лет спустя все изменилось. Фактически к настоящему времени почти каждый известный американский учитель буддизма прошел серьезный курс психотерапии (хотя, к сожалению, многие из них все еще скрывают этот факт от своих учеников). Но большинство из них, по крайней мере для себя, понимают, что существуют проблемы, которые медитация попросту не решает (и не может решать). То же самое можно было бы сказать про центрирующую молитву, сатсанг, зикр, йогу и т. д. Дело в том, что духовная практика и психологическая практика отчасти представляют собой разные потоки в великих волнах сознания, и затруднения в одном не обязательно означают неудачу в другом. Невроз — это не грех.

Поэтому, когда год назад «Шамбала Сан» (крупный буддистский журнал) обратился ко мне с просьбой об интервью, я согласился с неохотой. Тем не менее хочется поддерживать честные созерцательные журналы, и потому я все же согласился. Интервью началось со

стандартного: «Как вы можете говорить, что буддизм — это не полный путь?» — но быстро сдвинулось в более плодотворном направлении. И несмотря на то что эта дискуссия посвящена конкретно буддистской практике, я бы подчеркнул в точности те же самые моменты в отношении любой практики — христианской, иудейской, мусульманской или даосской. Последователи других вер могут непосредственно применить все далее сказанное к своей собственной практике, поскольку, на мой взгляд, затрагиваемые проблемы имеют абсолютно решающее значение для того, чтобы религия и психотерапия могли найти общий язык^{54**}.

САН: Я читал ваши идеи относительно эволюции сознания в паре ваших последних книг, которые, по-видимому, связаны друг с другом: «Пол, экология, духовность» — большая из них, в ней 800 страниц, а «Краткая история Всего» — это как будто резюме, написанное для обычных мужчин и женщин. Для кого вы писали эту книгу?

К.У.: Да, «Краткая история Всего» гораздо короче и намного доступнее. По крайней мере, я так надеюсь. Обычные мужчины и женщины? Ну, всякий читающий этот журнал уже весьма необычен, не так ли? Думаю, я писал книгу для этих же не вполне обычных людей — психов вроде вас и меня, которые интересуются пробуждением и другими глупыми понятиями того же толка. Эта книга не перевернет мир. Я полагаю, она в большей степени предназначена для тех, кого интересует что-то наподобие общей философии мира, подхода к сознанию, который принимает во внимание все лучшее из Востока и Запада и пытается отдавать должное им обоим.

САН: И какой результат вы надеетесь получить? Что может сделать знание вашей философии для прогресса сознания?

К.У.: По правде говоря, не слишком многое. Каждому из нас все равно необходимо найти для себя подлинную созерцательную практику — возможно, йогу, возможно, дзен, возможно, учение Шамбалы, возможно, созерцательную молитву — или любое число настоящих преобразующих практик. Именно это способствует прогрессу сознания, а не моя словесная болтовня и книжная макулатура.

Но если вам хочется узнать, как ваши конкретные практики согласуются с другими существующими подходами к истине, тогда эти книги помогут вам начать. Они предлагают всего лишь одну из схем того, как вещи согласуются друг с другом. Но ничто из этого не заменит практики.

САН: Но что, если я, скажем, преданный, утвердившийся в вере буддист, который не использует другие системы саморазвития или

самопреобразования. Из «Краткой истории» я узнаю, что, должно быть, что-то упускаю в своей культуре. Вы упомянули буддизм только в одном из четырех секторов, так что я должен что-то упускать. Когда я обретаю просветление, будет ли оно, по-вашему, неполным?

К.У.: Если под «просветлением» понимать непосредственное и радикальное постижение Пустоты — тогда нет, оно вообще не может быть неполным. Пустота не имеет никаких частей, и потому вы не можете упустить ничего из нее. Но существует абсолютная бодхичитта и относительная бодхичитта^{55*} (что примерно соответствует абсолютной и относительной истине), и хотя вы можете иметь непосредственное постижение абсолюта, это не означает, что вы освоили относительное во всех подробностях. Вы можете быть вполне просветленным и все равно не способным объяснить, скажем, математику волнового уравнения Шрёдингера. Мои книги в большей степени имеют дело со всеми этими относительными подробностями, некоторые из которых неизвестны буддизму и, если на то пошло, ни одной из мировых традиций мудрости. Но в том, что касается непосредственного постижения радикальной Пустоты и спонтанного света, буддизм дает все, не так ли?

САН: Тогда зачем мне нужна ваша история сознания, когда у меня есть все учения буддизма?

К.У.: Она вам не нужна. Если только она не покажется вам интересной, или забавной, или увлекательной. Тогда вы займетесь ею просто ради нее самой. В буддийских учениях ничего конкретно не говорится о мексиканской кухне, но вам все равно, возможно, захочется ее попробовать.

САН: Мы можем поставить вопрос и так: «Что вам известно такого, чего не знает Будда?»

К.У.: Как водить джип.

САН: Как вы замечаете в «Краткой истории», уже существует множество прогрессивных теорий истории и теорий духовной эволюции. Временами ваша теория напоминает диалектику Гегеля, иногда — идеи Дарвина, иногда — различные азиатские воззрения теории мирового разума. Что отличает ее от этих других систем?

К.У.: Ну, вы затронули самую суть. Она похожа на все эти теории потому, что учитывает их все и пытается соединить в себе все лучшее из них. Как раз это ее и отличает, поскольку ни одна из этих других теорий не принимает во внимание все остальные. Я пытаюсь свести все эти подходы воедино, в чем они не слишком заинтересованы.

САН: Вы делите свой мир не на атомы, элементы или психологические

состояния, а на единицы, которые вы называете холонами. Они весьма похожи на *дхармы* из буддистской Абхидхармы. Какое влияние оказала Абхидхарма на вашу теорию?

К.У.: Я давно практикую буддизм, и многие из ключевых идей в моем подходе являются буддийскими или навеяны буддизмом. Это прежде всего идеи Нагарджуны и Мадхьямики; чистая Пустота и изначальная Чистота играют роль «основной философии» и в моем подходе. Кроме того, Йогачара, Хуа Йен, очень многое из Дзогчена и Махамудры и, конечно, основополагающие принципы Абхидхармы. Кроме того, деление опыта на дхармы очень похоже на актуальные события в теории Уайтхеда. Все это повлияло на мои представления о холонах^{56*}. Опять же я пытаюсь брать лучшее из всех этих традиций и соединять их, как мне кажется, плодотворным образом.

САН: Ваше собственное мировоззрение достаточно сложно. Практикующие медитацию могли бы просто сказать: «Зачем мне вообще глобально-историческое воззрение? Позвольте мне просто медитировать». Что бы вы им ответили?

К.У.: Просто медитируйте.

САН: У вас есть кое-какая интересная критика общепринятого модернизма и постмодернизма. Вы как будто соглашаетесь с их позициями, но в то же время превосходите их, ставите их на место. Не могли бы вы это объяснить?

К.У.: Да, суть в том, что все различные подходы, теории и практики могут научить нас чему-то важному, но, вероятно, ни одна из них не обладает всей истиной во всех подробностях. Поэтому каждый подход является истинным, но частичным, и весь фокус состоит в том, чтобы понять, как все эти подлинные, но частичные истины согласуются друг с другом. Не кто прав, а кто неправ, а как все они могут быть правы. Как они могут сочетаться друг с другом в одном многоцветном союзе? Вот почему я принимаю эти позиции, но в то же время пытаюсь их превосходить, или, как вы говорите, «ставить их на место». Будущее покажет, насколько этом не удалось.

САН: Вы часто используете слово «Космос» вместо слова «вселенная». Почему?

К.У.: *Космос* (универсум) — это древнее пифагорейское понятие, которое означает вселенную во всех ее измерениях — физическом, эмоциональном, ментальном и духовном. Слово «вселенная» сегодня обычно означает только физическую вселенную, или физическое измерение. Поэтому можно сказать, что Космос включает в себя физиосферу, или вселенную, биосферу, или жизнь, и ноосферу, или ум,

которые все являются сияющими проявлениями чистой Пустоты и не отличаются от этой Пустоты.

Одно из бедствий современности состоит в том, что Космос перестал быть для нас фундаментальной реальностью: таковой считается только вселенная. Иными словами, «реален» только мир научного материализма, мир «флатландии», плоское и бессильное воззрение современного и постсовременного мира, где реальна одна лишь вселенная. И одна из задач, которые пытаются решать эти книги, — восстановление Космоса в качестве правомерного и заслуживающего доверия понятия.

САН: Вы называете Космос «структурой, которая соединяет» все сферы бытия. Это напоминает мне о книге Грегори Бейтсона «Ум и Природа: «Необходимое единство». Как эти современные движения а-ля «Новый Век» в общественных науках влияют на вашу мысль?

К.У.: Должен сказать, не слишком. Я не считаю Бейтсона очень полезным теоретиком, хотя знаю многих умных людей, которые так считают. Но книгу, которую вы упомянули, я бы назвал классической книгой «флатландии», написанной монологическим, одномерным языком «оно», по правде сказать, не слишком хорошим. Но это только мое личное мнение.

САН: Думаете ли вы, что Фуко, Деррида и другие обращались к вопросам, которые уже были как-то сформулированы азиатскими абсолютистами? Или их постструктуралистские подходы были совершенно новыми?

К.У.: Постструктуралистские подходы были и более новыми, и гораздо менее глубокими. Великие восточные традиции, по существу, представляют собой глубокие методы преобразования, освобождения, избавления в радикальной Пустоте. У постструктуралистов ничего этого нет; они предлагают просто новые методы *трансляции*, а не *трансформации*. Они представляют собой интересный поворот в относительной истине, а не йогу абсолютной истины. Но в рамках относительной истины у постструктурализма есть определенное сходство с относительными аспектами некоторых восточных традиций, например, моноосновность, контекстуальность истины, непостоянный характер означения, относительность смысла и так далее.

Это интересные и важные аналогии, и я стараюсь принимать их во внимание, но все они совершенно вторичны по отношению к реальной проблеме, каковой являются *мокша, кеншо, сатори, ригпа, йеше, шикан-таза*: ничего из этого вы не найдете у Фуко, Дерриды, Лиотара и компании.

САН: Играет ли космологическая мысль тибетского буддизма какую-

либо особую роль в развитии вашей философии? Иногда она напоминает апокалиптические подходы школы Калачакра.

К.У.: Ваджраяна почти во всех ее формах всегда была очень важна для меня лично и, конечно, для общего мировоззрения, которое я обрисовал. Калачакра, как и аннутаратантра, очень глубока; то же относится к учениям Ати, семде, лонгде и упадеша. Но в действительности я чувствую огромную симпатию ко всем школам.

САН: Вы хотите соединить Фрейда и Будду, или, как вы их называете, «глубинную психологию» и «высотную психологию». Почему это необходимо? Считаете ли вы, что без такого объединения обе системы неполны?

К.У.: Ну, я полагаю, что все неполно, поскольку Космос продолжает развиваться. Возникают новые истины, разворачиваются новые откровения, появляются новые Будды, этому нет конца, ведь так? Фрейд и Будда — это только два примера некоторых очень важных истин, которые могут выиграть от взаимного диалога. Пустота не зависит ни от одной из них; но проявленный мир велик, в нем достаточно места для обоих этих первооткрывателей. И, да, я полагаю, что они могут помочь путям друг друга идти быстрее.

САН: Действительно ли вы думаете, что древние системы духовного преобразования не адекватны требованиям современной эпохи, поскольку они оставляют без внимания столь многое из материального, что вы включаете в свой синтез?

К.У.: Не адекватны? В плане абсолютной истины нет; в плане относительного проявления, безусловно, просто потому, что Пустота продолжает проявляться в разнообразных формах, разве не так? Вы не сможете найти инструкций по работе на компьютере ни в одной из Сутр или Тантр. Вы не найдете в этих текстах ничего о ДНК, о медицинской анестезии или о пересадке почки. Сходным образом Запад кое-что дал для психологического и психотерапевтического понимания, и эти открытия весьма полезны и не имеют слишком много параллелей ни в одном из древних учений.

Но дело не в неадекватности; дело в том, чтобы использовать все, что доступно. Если ваша практика вам помогает — прекрасно. Если оказывается, что она буксует, возможно, поможет немного терапии. Лично я не считаю, что это должно угрожать любой из сторон. Это действительно большая вселенная, и в ней хватит места и для Фрейда, и для Будды.

САН: Пока мы не оставили эту тему, что вы думаете о внутренних тантрах, вроде кундалини йоги, и о том, что мы, буддисты, делаем с *праной*, *нади* и *биндху* [определенные внутренние духовные видения]?

Реальность, на которой они основываются, не признана наукой, и все же занимает в вашей системе два высших уровня — тонкий и каузальный. Это сбивает с толку, поскольку многие духовные искатели не признают существование этих уровней и никогда не делают соответствующие практики. И все же вы заставляете их казаться неизбежным элементом более высокого развития. Или я вас неправильно понимаю?

К.У.: Я не считаю их неизбежностью. Скорее, на этих двух более высоких стадиях, которые вы упомянули (тонкой и каузальной), могут происходить процессы такого типа. А могут и не происходить. Среди всего прочего, это зависит от типа практики. Просто на определенном этапе вашей медитативной практики различные грубые процессы имеют тенденцию сменяться тонкими, а затем очень тонкими феноменами, и в их число иногда входят потоки энергии, *прана*, *биндху* и так далее. Но в других случаях могут иметь место просто увеличение ясности и панорамное осознание. Я просто перечислил все различные виды медитативных явлений, которые могут возникать по мере того, как сама медитация разворачивается от грубого к тонкому и очень тонкому сознанию. Многие из того, что я упоминаю, совершенно обычные вещи в традициях.

САН: Почему некоторые духовные искатели как будто достигают успехов в одном и все равно остаются примитивными тупицами в другом?

К.У.: С помощью эволюционной модели сознания я, в частности, пытаюсь описать две разные вещи, которые мы можем назвать потоками и волнами. Потоки представляют собой различные линии развития, как, например, когнитивное развитие, эмоциональное развитие, межличностное развитие, духовное развитие и так далее. Каждый из этих потоков в своем развитии проходит через разные стадии или волны. Исследования показывают, что эти разные потоки могут развиваться достаточно независимо друг от друга: вы можете быть продвинутым в одном потоке, например духовном, и «отсталым» в других, скажем эмоциональном или межличностном. И во-вторых, несмотря на то что эти потоки развиваются независимо, все они проходят через одни и те же основные стадии или волны развития. Например, все они идут от доконвенциональных к конвенциональным и постконвенциональным формам.

Таким образом, мы имеем многочисленные разные потоки развития, однако каждый из них пересекает одни и те же общие волны или стадии разворачивания сознания. И люди могут быть безусловно продвинутыми в одном потоке и «примитивными тупицами» в других.

(Я резюмирую эти исследования в книге «Око Духа: интегральное видение для слегка свихнувшегося мира».)

Но что касается вашего вопроса, то да, развитие может быть весьма неравномерным. Большинство великих традиций мудрости учат людей более высокому, или постконвенциональному осознанию и мышлению, а также более высокому, или постконвенциональному аффекту, то есть любви и состраданию. Но они, как правило, оставляют без внимания межличностное и эмоциональное развитие, особенно в конвенциональных сферах. Все мы знаем адептов медитации, которые, скажем, довольно неприятные люди. Разумеется, именно здесь достигает больших успехов западная психотерапия, хотя она впадает в другую крайность и почти полностью игнорирует более высокие, или надличностные, волны, — и это еще одна причина, по которой нам нужно соединить Фрейда и Будду.

САН: Каждый, кто давно занимается созерцательной практикой, знает, что это так, что рост обычно бывает неравномерным. Но некоторые говорят, что невротические эпизоды представляют собой настоящую регрессию: человек достигает реальных успехов в медитации, но затем, соблазнившись самсарой, перестает заниматься и таким образом оказывается во власти невроза самсары. Другие утверждают, что медитация в действительности извлекает на свет имеющиеся у продвинутого практикующего скрытые неврозы, заставляя его внезапно и загадочным образом становиться ничтожеством. Как вы полагаете, есть ли в подобных взглядах какая-то истина, или у вас полностью иная точка зрения?

К.У.: Нет, я полагаю, что каждое из упомянутых вами утверждений иногда бывает верным. Люди действительно достигают реального прогресса в медитации, а потом бросают ее, поскольку требования практики слишком велики, и, когда они возвращаются к своему «старому» образу жизни, их невроз становится еще хуже, поскольку они имеют ту же самую прежнюю проблему, но теперь их восприимчивость возросла, так что она просто сильнее ранит.

И ваш второй сценарий также часто встречается. В особенности на продвинутых стадиях медитации осознанию начинают открываться действительно глубоко похороненные комплексы. Адепты медитации могут становиться очень неприятными людьми, поскольку они уже преодолели все простые и легкие проблемы, а то, что осталось, — это карма, которую вы накопили, убив в своей прошлой жизни двадцать монахинь. Я, конечно, шучу, но вы понимаете, о чем идет речь: в продвинутой практике на поверхность могут вырываться некоторые действительно глубоко укорененные проблемы, и это способно сбивать

людей с толку, поскольку отнюдь не выглядит как «прогресс». Но это чем-то похоже на отморожение: сперва вы ничего не чувствуете, поскольку замерзли; вы даже не думаете, что с вами что-то случилось. Но когда вы начинаете согревать отмороженную часть, она причиняет адскую боль. Лечение — согревание — ужасно. Продвинутая медитация — это особенно быстрое согревание — пробуждение, — и оно обычно ужасно болезненно.

САН: Но у вас есть и некоторые другие идеи, почему в медитации что-либо может пойти не так.

К.У.: Да, дело в том, что развитие, как мы уже говорили, состоит из нескольких различных потоков, развивающихся через основные стадии, или волны развертывания сознания. Великие традиции мудрости склонны делать акцент на двух или трех из этих потоков — когнитивном (осознание), духовном (и моральном), высшем аффективном (любовь и сострадание). Но они, как правило, оставляют без внимания другие потоки, в частности, эмоциональный, межличностный, взаимоотношений и конвенциональных взаимодействий.

Поэтому, добиваясь успехов в каких-то из этих потоков, например в медитативно/когнитивном, вы можете становиться слегка «неуравновешенным» в своем общем развитии. Другие линии развития остаются без внимания, высыхают, атрофируются. В вашей психике командуют один гигант и дюжина пигмеев. И чем *больше* вы продвигаетесь в своей медитативной практике, тем хуже становится дисбаланс. Вы начинаете становиться очень странным, и вам советуют *усерднее* заниматься медитацией, и очень скоро вы разлезаетесь по швам, как дешевый костюм. Ведь так?

Поэтому одно из того, что могло бы нас заинтересовать, — это более интегральная практика, которая включает в себя лучшее из древней мудрости и современного знания и соединяет созерцательное с конвенциональным. У меня тут нет готовых ответов, но я надеюсь, что мои книги помогут начать этот диалог в духе доброй воли и взаимного доверия.

САН: Когда вы чуть раньше говорили, что те, кто практикует медитацию, могут «просто медитировать», не было ли это отчасти сказано просто «для красного словца»? Поскольку в действительности вы, судя по всему, не считаете, что одной медитации достаточно.

К.У.: Но вы не спрашивали, считаю ли я, что одной медитации достаточно. Вы спросили, что бы я ответил кому-то, кто говорит: «Позвольте мне просто медитировать». Я бы сказал: медитируйте. У меня нет желания вмешиваться в чью бы то ни было практику. Но если

бы вы вместо этого спросили: «Как вы думаете, какие другие практики могли бы использовать медитирующие, чтобы способствовать своему росту?» — я бы ответил более или менее так, как я это только что сделал. Иными словами, интересным и, на мой взгляд, полезным путем может быть разумная смесь восточных созерцательных подходов и западных психодинамических методов. А если вас интересует более всеобъемлющее воззрение, включающее в себя и абсолютную, и относительную истину, то Запад, безусловно, может внести в него очень многое. По сравнению с таким синтезом любой из упомянутых подходов, взятый сам по себе, будет явно частичным.

Кстати, если все это вас отталкивает, вы вовсе не обязаны в этом участвовать. Но, на мой взгляд, на этот танец приглашены все желающие. Этот настоящий Бал Шамбалы. Серьезно. Предложенное Чогьямом Трунгпа видение Шамбалы, как я его понимаю, было светским и интегральным включением Дхармы в обширные культурные течения, в которых она оказывается. В «Краткой истории Всего» обрисованы многие из этих течений и предложен один из способов, как Дхарма может обогатить эти течения — и обогатиться ими. Я полагаю, это очень просто.

САН: Ясно. А теперь мне хотелось бы задать совсем немного специальных вопросов. Идет?

К.У.: Хорошо.

САН: Одна из вещей, которые больше всего сбивают с толку в связи с практикой азиатских мистических традиций, это тот факт, что до эпохи Просвещения на Западе существовала тысячелетняя цивилизация, основанная на чрезвычайно мистической религии — христианстве. И все же в книге «Пол, экология, духовность» вы утверждаете, что этот тысячелетний период обещал подлинную трансценденцию, но не принес ее. Почему вы так считаете? Как могла целая цивилизация так долго ошибаться, хотя идеи трансценденции нашли свое выражение в трудах Платона, в герметизме, неоплатонизме, мистическом христианстве и так далее?

К.У.: Представьте себе, что если бы в тот самый день, когда Будда достиг просветления, его бы схватили и повесили именно за это? И если бы любого из его последователей, заявлявшего о таком же постижении, тоже вешали. Лично у меня это бы в значительной мере отбило охоту.

Но именно это произошло с Иисусом из Назарета. В одном месте он спрашивает: «Почему вы побиваете меня камнями? За мои добрые дела?» И толпа отвечает: «Нет, потому что, будучи человеком, ты выставляешь себя Богом». Индивидуальному Атману не позволено

осознавать, что он един с Брахманом. «Я и Отец едины» — именно это осознание, наряду с другими осложняющими факторами, привело его на крест.

Причины этого весьма сложны, но факт остается фактом: как только любой духовный практик начинает слишком близко подходить к осознанию того, что Атман и Брахман едины — что ум человека от природы един с изначальным Духом, — обычно наступают ужасающе тяжелые последствия. Конечно, на заднем плане (и в подполье) на Западе существовали прекрасные течения неоплатонизма и других очень высоких учений, но повсюду, где Церковь имела политическое влияние — а она господствовала на западной сцене в течение тысячи лет, — если переступали эту границу между Атманом и Брахманом, то оказывались в очень большой опасности. Святой Иоанн Креста и святая Тереза Авильская переступали границу, но описывали свои путешествия таким осторожным и благочестивым языком, что это было едва заметно. Мейстер Экхарт преступил границу немного слишком смело, и его учения были официально преданы анафеме, и это означало, что если он сам и не будет гореть в аду, то его слова определенно будут. Джордано Бруно далеко зашел за границу, и его сожгли на костре. Это типичная картина.

САН: Вы говорите, что причины этого сложны, и я не сомневаюсь, что это так, но не могли бы вы кратко упомянуть некоторые из них?

К.У.: Я назову одну, возможно, самую интересную. В ранней истории Церкви ведущую роль играли странствующие «духовники», те, кто «жили в духе». Можно предположить, что их духовность основывалась по большей части на непосредственном опыте, своего рода «сознании Христа» («Да пребудет в вас то сознание, что было в Иисусе Христе»). Мы могли бы предположительно сказать, что Нирманакайя каждого духовника постигало Дхармакайю Христа через Самбхогакайю преображающего пламени Святого Духа, если не проводить слишком точной аналогии. Но они явно переживали какой-то очень реальный, очень непосредственный духовный опыт.

Но на протяжении семи столетий, в результате кодификации Канона и апостольского Символа веры, реальный *опыт* заменялся рядом необходимых *убеждений*. Церковь постепенно переходила от духовников к *духовенству*, к священническому собору Христа, и правителем *духовенства* был местный епископ, обладавший «правильной догмой», а не духовник или пророк, кто, возможно, и обладал духом, но не мог быть «управляемым». Церковь теперь определялась не как собрание духовных искателей, а как собор епископов.

При Тертуллиане эта ситуация становится почти законодательно установленной, а при Киприане духовность ограничивается *ведомством* Церкви. Вы могли стать священником только путем рукоположения, а не в результате пробуждения. Священник считался «святым» по должности, а не из-за своего личного пробуждения, просветления или освящения. Точно так же вы могли стать «спасенным», не пробудившись сам, а только принимая официальное причастие. Как писал Киприан: «Кому Церковь не Мать, тому Бог — не Отец».

Это обескураживает, не так ли? Спасение теперь принадлежало законникам. А законники в основном говорили: мы позволим тому законченному чудаку быть полностью единым с Богом, но этого довольно! Больше никакого вздора об этом чистом Единстве.

САН: Но почему?

К.У.: В основном из-за простой, грубой политической власти. Поскольку, как вы знаете, непосредственный мистический опыт вызывает беспокойство тем, что он имеет скверную привычку приходить напрямую от Духа к вам, таким образом минуя посредника, то есть епископа, не говоря уже о его тарелке для сбора пожертвований. Это та же причина, по которой нефтяные компании не любят солнечной энергии.

И потому всякий, имевший прямую связь с Богом, объявлялся виновным не только в *религиозной ереси* или нарушении официальных законов Церкви, за которое могли предать вечному проклятию вашу неземную душу; но также в *политической измене*, за которую могли четвертовать ваше земное тело.

По всем этим причинам высшее благо духовного осознания — высшая тождественность Атмана и Брахмана, или обычного ума и внутренне присущего духа — было на Западе под запретом в течение почти тысячи лет. Все упомянутые вами прекрасные течения — от неоплатонизма до герметизма, — несомненно, имели место, но они подвергались, мягко говоря, сильной маргинализации. И потому Запад породил огромное количество мистиков тонкого уровня (или Самбхогакайи), говоривших только о возможности *соединения* души с Богом, но очень мало мистиков каузального уровня (Дхармакайи) и еще меньше мистиков недвойственного уровня (Свабхавикайи), которые шли дальше и провозглашали не просто соединение, а высшую тождественность души и Бога в чистом Божестве: именно за такое утверждение сжигали на костре.

САН: Насчет тех глубоких течений, что подвергались маргинализации. Какова взаимосвязь между понятием «вспоминания» у Платона и

просветлением? С тех пор как я прочитал «Мено», мне всегда казалось, что она существует. Но я не мог до конца сообразить, какова она.

К.У.: Да, я полагаю, здесь есть очень прямая взаимосвязь. Если исходить из вполне приемлемого для всех нас допущения, что каждое чувствующее существо обладает умом Будды, и согласиться с тем, что при просветлении мы не обретаем этот ум, а просто признаем или распознаем его, значит, просветление можно считать равносильным вспоминанию ума Будды или непосредственному узнаванию, распознаванию чистой Пустоты.

Иными словами, мы можем обретать природу Будды не в большей степени, чем обретать свои ноги. Мы можем просто взглянуть вниз и заметить, что у нас есть ноги, мы можем вспомнить, что имеем их. Если мы думаем, что у нас нет ног, порой бывает полезно, чтобы кто-нибудь нам на них указал. Мастер дзен будет рад помочь. Когда вы искренне говорите: «У меня нет никаких ног», мастер наступит вам на пальцы и посмотрит, кто завопит. Потом он взглянет на вас: «Нет ног, да?»

Такие «указывающие наставления» не указывают на что-то, чего мы не имеем и что нам нужно обрести; они указывают на то, что целиком и полностью налицо в данный момент, но мы, возможно, об этом забыли. В самом фундаментальном смысле просветление представляет собой такое простое вспоминание, узнавание. Нам нужно просто заметить свои ноги, то есть заметить, что именно это простое, вездесущее осознание и является изначальной Чистотой. В данном смысле это, безусловно, простое вспоминание.

САН: И вы полагаете, что Платон действительно занимался такого рода распознаванием?

К.У.: Думаю, да. Это становится совершенно очевидным у последующих учителей-неоплатоников, а в этих областях яблоки редко падают далеко от яблони. Сам Платон говорит, что некогда мы были цельными, но из-за «неспособности вспомнить» — амнезии — выпадаем из этой цельности. И мы «исцелимся» от своей раздробленности, когда *вспомним*, кто и что мы есть на самом деле. Платон очень точен. Я прочитаю вот это: «Это не что-то выразимое словами, подобно другим ветвям знания; лишь после долгого участия в [созерцательском сообществе], посвящающем себя именно этому, истина вспыхивает в душе, как пламя, зажигаемое летящей искрой». Внезапное озарение. Потом он добавляет: «У меня нет и никогда не будет трактата, касающегося этого».

САН: Чисто бессловесное знание.

К.У.: Да, я думаю, так. Очень похоже на: «Особая передача вне писаний; Не зависящая от слов или букв; Прямое указание на ум;

Видение своей Природы и распознавание Буддовости». Нам следует соблюдать определенную осторожность с поспешными и легкими сравнениями, но все же, если все чувствующие существа обладают умом Будды и если за вспоминание этого вас не распнут, о весьма вероятно, что души такого калибра, как Парменид, Платон и Плотин должны были вспоминать, кем и чем они являются в своей таковости. И, да, это во многом простое вспоминание — все равно, что взглянуть в зеркало и воскликнуть: «Ах!» Как Философия сказала страдающему Боэцию: «Ты забыл, кто ты есть».

САН: Мне хотелось бы задать вам специальный вопрос о связи между окончательной и относительной истиной. Вы сказали, что учения Будды полностью адекватны для постижения Окончательной Истины, но относительное проявление постоянно изменяется, поскольку «Пустота принимает разные формы». Но на самом деле в буддийских учениях есть только один разум. В тантрах Ати он называется *ригна*. Он считается по своей основе тем же самым, что *випашьяна* или *праджня*. Интересно, согласны ли вы в отношении этого одного разума? Тот же ли это разум, что понимает исчисление? Тот же ли это разум, что открывает квантовую физику? Тот же ли это разум, который микробиологи используют при исследовании генома человека?

К.У.: И вы спрашиваете потому, что...?

САН: Они считаются одним и тем же «единым разумом», но они не выглядят таковым. Эти научные и философские учения Запада кажутся примерами относительной истины, которые не были открыты в Азии. Вы явно полагаете, что азиаты были выдающимися специалистами в обнаружении или выявлении ума, который познает Пустоту. Но как мы можем согласовать эти вещи, если существует только один разум? Короче говоря, почему *ригна* не открыл исчисление или квантовую механику или ДНК?

К.У.: Потому что не существует просто одного разума в том смысле, который вы имеете в виду. Вспомните, что даже Мадхьямике, где мы имеем доктрину Двух Истин, существуют соответствующие Два Модуса Познания — *самвритти*, ответственный за относительные истины науки и философии, и *парамартха*, или распознавание чистой Пустоты. Совершенно верно, что любое относительное проявление освещается или постигается *ригна* как единым разумом во всей вселенной. Но в этом абсолютном пространстве Пустоты/*ригна* возникают всевозможные относительные истины, и относительные объекты, и относительное знание, и Пустота/*ригна* освещает их все в равной мере. Он ничему не отдает предпочтения и ничего не исключает, поскольку вне его ничего не существует.

САН: Можно ли это резюмировать, сказав, что существует один разум, или нет?

К.У.: Один разум, который сияет во многих различных формах. Как говорят христианские мистики, у нас есть око плоти, око ума и око созерцания — все их в конечном счете освещает *rigpa*, или единый разум, или Большой Ум, но у каждого из них тем не менее есть своя собственная сфера, свои истины, свое познание. И что важнее всего, овладение одним оком не обязательно означает, что вы овладеваете другими. Как мы уже говорили, это относительно независимые потоки.

САН: Таким образом, око созерцания способно раскрывать абсолютную истину Пустоты, тогда как око ума и око плоти могут открывать только относительные истины и обычные реалии.

К.У.: Да, я думаю, что это удовлетворительное резюме того, что в конечном счете скрывается за некоторыми очень сложными вопросами. Традиционно используется аналогия океана и его волн; на самом деле это весьма скучная аналогия, но она меня устраивает. Влажность воды — это таковость (или Дух). Все волны одинаково мокрые. Одна волна не мокрее другой. И потому, если я открываю для себя влажность любой волны, я уже открыл влажность всех. Когда я непосредственно распознаю Таковость или Пустоту — или «влажность» моего собственного существа здесь и сейчас, — я уже открыл для себя окончательную истину все других волн. Пустота — это не Действительно Большая Волна, выделяющаяся из всех маленьких волн, а влажность, в равной мере присутствующая во всех волнах — высоких и низких, больших и маленьких, священных и мирских, — вот почему Пустоту нельзя использовать для предпочтения одной волны перед другой.

Поэтому просветление заключается не в том, чтобы поймать действительно большую волну, а в том, чтобы заметить влажность, уже присутствующую в любой волне, на которой я нахожусь. Более того, при этом я радикально освобождаюсь от узкого отождествления с этой маленькой волной, именуемой «мной», поскольку я фундаментально един со всеми другими волнами, — не существует влажности, которая была бы вне меня. Я буквально разделяю Один Вкус со всем океаном и всеми его волнами. И этот вкус — влажность, таковость, Пустота, абсолютная ясность Великого Совершенства.

В то же самое время я не знаю всех особенностей других волн — их высоты, их веса, их общего числа и так далее. Эти относительные истины я должен буду открывать постепенно, волну за волной, без конца. Никакая *Сутра Влажности* не расскажет и не могла бы рассказать мне об этом. И никакая *Тантра Мокрого* мне этого не

откроет.

Вот почему я чуть раньше говорил, что для абсолютной истины достаточно созерцания: оно непосредственно покажет вам влажность всех волн, радикальную таковость всех явлений, Пустоту в Сердце самого Космоса, изначальную Чистоту, каковой является ваше неотъемлемое осознание в этот момент, и в этот, и в этот. Но медитация не расскажет и действительно не может рассказать вам обо всех особенностях всех разнообразных волн, которые тем не менее возникают как непрестанная игра Пустоты и спонтанной светимости. Как вы сказали, она не даст вам автоматически исчисление, квантовую механику или геном человека. И исторически она, безусловно, этого не делала, что само по себе должно нам о чем-то говорить.

САН: У меня есть вопрос относительно Великой Цепи Бытия, и мне пришло в голову, что Великая Цепь, возможно, связана с тем, что вы говорите о проявлении и об относительной истине.

К.У.: Да, это очень сходные понятия. Другими словами, теоретики Великой Цепи — от Йогачары и Веданты на Востоке до неоплатонизма и Каббалы на Западе — утверждают, что Пустота (или Единое, то есть Недвойственное) проявляется в виде ряда измерений, или уровней, или *кош*, или *виджнян* — или «волн» — в виде спектра бытия и сознания. Спектр уровней представляет собой относительную или проявленную истину, а бесконечное пространство, в котором проявляется спектр, — это Пустота или абсолютная истина. В конечном итоге абсолютное и относительное недвойственны, поскольку Пустота — это не вещь, отдельная от всех других вещей, а таковость всех вещей, влажность всех волн. И *ригна* представляет собой вспышку распознавания этой недвойственной таковости, простоты вашего наличного, ясного, обычного осознания — просвета или зазора, в котором возникает вся вселенная, вот так.

Но, разумеется, это не просто абстрактное понятие. Один Вкус — это простое, непосредственное ясное узнавание, в котором становится совершенно очевидно, что вы не видите небо, — вы и есть небо. Вы не касаетесь земли — вы и есть земля. Ветер не обдувает вас, он дует внутри вас. В этом простом Одном Вкусе вы можете одним глотком выпить Тихий океан и целиком проглотить вселенную. Все сверхновые рождаются и умирают в вашем сердце, и там, где, по-вашему, находится ваша голова, бесконечно вращаются галактики, и это так же просто, как звук пения малиновки кристально ясным утром.

САН: Разны формы Пустоты, разные волны Великого Совершенства.

К.У.: Да, в относительном мире постоянно возникают новые истины; они возникают в Пустоте, в этом кристально ясном просвете, каковой

представляет собой ваше осознание в данный момент. И будет ли то, что возникает в бескрайнем просторе вашего изначального осознания, исчислением, физикой, гончарным делом или умением делать масло из молока яка, зависит от тысяч относительных истин и относительных сил, ни одну из которых в отдельности нельзя приравнять к Пустоте, и в то же время все они возникают как движения Великого Совершенства или самой Пустоты, то есть все они возникают в этом простом, ясном, вездесущем осознании, влажности или прозрачности вашего собственного существа.

Поэтому в «едином разуме» или «Большом Уме» возникают всевозможные маленькие умы или уменьшенные разумы, то есть Великая Цепь, и у всех этих относительных истин, как у облаков в небе и волн в океане, есть своя собственная относительная карма и свое собственное предназначение.

У Запада свои относительные истины, у Востока — свои. И кроме того, ясное понимание абсолютной истины мы получаем, главным образом, на Востоке, поскольку там за интерес к ней вам не угрожала опасность быть поджаренным. И я решительно утверждаю, что разумная смесь относительных истин Запада и Востока, помещенных в изначальный контекст радикальной пустоты, представляет собой весьма здравый подход к человеческой ситуации.

Воскресенье, 21 декабря

Несколько последних новостей об общенациональной дискуссии на тему астрологии.

Айвен Келли прислал мне копию своей статьи «Критика современной астрологии», и я должен сказать, это весьма сокрушительная критика. В прошлый раз мы остановились на том, что астрология повисла на одном лишь определенном, но слабом волоске данных Гокелина. Уилл Кипин также пытался сослаться на устные свидетельства, собранные Тарнасом и Грофом, но Роджер указал, что эти исследования «не были контролируемыми (то есть в них не использовались контрольные группы испытуемых) и слепыми (то есть экспериментаторы обычно знали личности испытуемых), они были ретроспективными (оцениваемыми постфактум), и в них не проводилась оценка достоверности процедур измерения». Иными словами, исследования Грофа/Тарнаса не имеют доказательства или даже подтверждения и будут оставаться предвзятыми и недостоверными до тех пор, пока не будут тщательно соблюдены перечисленные Роджером условия контроля.

С другой стороны, исследования Гокелина были единственными, одинаково убеждавшими и верующих, и скептиков. Основываясь на этих *данных* и поскольку мы всегда должны исходить из реальных данных, я предложил теорию, объясняющую наблюдения Гокелина. В противовес идее Уилла — что астральные влияния исходят от Мировой Души (с тонкого уровня) и через посредство нисходящей причинности воздействуют на индивидуальные умы (или черты характера) — я предположил, что они исходят с чисто физического уровня (геомагнитного, гравитационного) и посредством восходящей причинности (через гормональные или нейронные взаимодействия) оказывают слабое, но различимое воздействие на индивидуальные умы или характеры. Я все еще придерживаюсь этой гипотезы, но только в том случае, если данные Гокелина достоверны. В ином случае никаких свидетельств в поддержку астрологии не существует, и нам вообще не нужна никакая объяснительная гипотеза.

Из статьи Келли я узнал, что П. Сеймур недавно «попытался привести доводы в пользу данных Гокелина о влиянии положения планет, предложив механизм, основанный... на реакции наших нейронных сетей на флуктуации магнитного поля Земли, которое, в свою очередь, взаимодействует с гравитационными полями других планет». Очень похоже на мое предположение.

Однако, указывает Келли, хотя всё это правдоподобные гипотезы, они не подтверждаются данными и, хуже того, все они зависят от достоверности исходных данных Гокелина, которые, далеко не будучи неопровержимым доказательством, подвергаются резкой критике. В частности, голландский математик Ниенхюс как будто бы сумел подвергнуть сомнению сами основы наблюдений Гокелина.

Я по-прежнему готов исходить из имеющихся данных, однако я должен сказать, что на данном этапе они решительно свидетельствуют против астрологии в любой форме. Если данные Гокелина не будут опровергнуты, я вернусь к своей первоначальной геомагнитной гипотезе; но пока что астрология выглядит убеждением, не имеющим никаких свидетельств в свою поддержку.

На мой взгляд, обращаясь к астрологии, люди тоскуют по ощущению связи со вселенной. Но им было бы лучше обратиться к Космосу. То есть, вместо того чтобы надеяться на грубое измерение — связь физических планет со своим личным эго, — позволять своему осознанию постепенно подниматься в надличностные сферы. Не просто горизонтальная связь с физическими планетами, а вертикальная связь с душой и духом, тонким и каузальным, предельным и недвойственным. Скрытый в астрологии духовный импульс, направленный на

вселенную, необходимо высвободить в Космос, высвободить в тот высший Охват, что держит планеты на ладони и вращает галактики на своем пути. Не в психике и вселенной, а в душе и Космосе заключен секрет взаимосвязи, которую давно пытается отыскать человек.

Четверг, 25 декабря

Мы с Марси чудесно провели весь день вдвоем.

Понедельник, 29 декабря

Год подходит к концу, как говорит традиция, умирает. Смерть: все мистики согласны в том, что в смерти заключена тайна жизни — по существу, вечной жизни. Вторя мистикам всего мира, Экхарт писал: «Ни в ком нет столь многого от Бога, как в тех, кто полностью умерли». Или Рамана Махарши: «Со временем ты узнаешь, что твое величие там, где ты перестаешь существовать». Или *Зенрин*: «При жизни живи как мертвый человек, совершенно мертвый».

Они не имели в виду физически мертвый; они имели в виду смерть для ощущения отдельной самости. И вы можете «проверить» свое собственное духовное осознание по отношению к смерти, попробовав представить себе следующее:

1. Знаменитый дзенский коан гласит: «Покажи мне свое Изначальное Лицо — Лицо, которое было у тебя до рождения твоих родителей». Это не вопрос-уловка и не символический вопрос; это совершенно прямолинейный вопрос, на который есть ясный и простой ответ. Ваше Изначальное Лицо — это просто чистый бесформенный Свидетель, существующий до проявленного мира. Чистый Свидетель, будучи вневременным или довременным, в равной мере присутствует во все моменты времени. И потому, разумеется, это Самость, которая у вас была до рождения ваших родителей; это Самость, которая была у вас и до Большого Взрыва. И это Самость, которая у вас будет после того, как ваше тело — и вся вселенная — распадется.

Эта Самость существовала до ваших родителей и до Большого Взрыва потому, что она существует до времени. И вы можете непосредственно соприкоснуться с Самостью, которая была у вас до рождения ваших родителей, просто пребывая в чистом Свидетеле *в данный момент*. Это одна и та же бесформенная Самость в этот момент, и в этот, и в этот.

«Воображая», чем вы были до рождения своих родителей, вы вынуждены отказываться от всякого отождествления со своими теперешними телом и эго. Вы вынуждены находить в себе то, что в

действительности выходит за пределы вас, а именно чистого, пустого, бесформенного Свидетеля, или изначальную Самость. В той мере, в какой вы способны действительно пребывать как вневременной Свидетель («Я — ни это, ни то»), вы уже умерли для отдельной самости — и открыли для себя свое Изначальное Лицо, лицо, которое было у вас до того, как родились ваши родители, до того, как родился Большой Взрыв, до того, как родилось время. На самом деле вы нашли великое Нерожденное, которое представляет собой *просто это*.

2. Точно так же представьте себе, каким будет мир через сто лет после вашей смерти. Вам не нужно воображать конкретные подробности, просто осознайте, что мир будет продолжаться столетие после того, как вы умрете. Представьте себе этот мир без вас. Столь многое изменится — другие люди, другие технологии, другие автомобили и самолеты... *Но одно не изменится*; одно будет тем же самым: Пустота, Один Вкус, Дух. Но вы можете вкушать это *в данный момент*. Один и тот же бесформенный Свидетель будет смотреть всеми глазами, слушать всеми ушами, осязать всеми руками... тот же самый бесформенный Свидетель, который является вашей изначальной Самостью прямо сейчас, тот же самый Один Вкус, что вы вкушаете сейчас, тот же самый сияющий Дух, что принадлежат вам в данный момент.

Были ли вы кем-то другим тысячу лет назад? Будете ли вы кем-то другим через тысячу лет? Что такое эта Одна Самость, которая вечно остается вашим собственным глубочайшим существом? Должны ли вы верить лжи времени? Должна ли вы поддаваться безумию, считая, что Один Дух не существует? Можете ли вы прямо сейчас показать мне свое Изначальное Лицо, которое Одно и Только Одно есть во всем целом Мире?

Прислушайтесь к словам Эрвина Шредингера, лауреата Нобелевской премии и одного из основателей квантовой механики; как мне убедить вас, что он имеет это в виде *буквально*?

Сознание — это нечто в единственном числе, множественное число которого неизвестно.

Невозможно, чтобы это единство знания, чувства и воли, которое вы называете *своим собственным*, возникло ниоткуда и начало свое существование в некий данный момент не так давно; скорее, эти знание, чувства и воля, по существу, вечны и неизменны в *единственном числе* во всех людях, и даже во всех чувствующих существах.

Условия вашего существования почти так же стары, как камни. Тысячи лет мужчины боролись, и страдали, и производили потомство, и женщины рожали в муках. Сто лет назад [вот тест]

на этом месте сидел другой человек; подобно вам, он с благоговением и сердечным томлением смотрел на угасающий свет на снежных вершинах. Подобно вам, он был зачат мужчиной и рожден женщиной. Как и вы, он чувствовал боль и краткую радость. *Был* ли он кем-то еще? Разве это не были вы сами?

РАЗВЕ ЭТО НЕ БЫЛИ ВЫ, ВАША ИЗНАЧАЛЬНАЯ САМОСТЬ? Разве вы — не сама человечность? Разве вы не соприкасаетесь со всем человеческим, поскольку вы — его единственный Свидетель? Разве вы поэтому не любите мир, и всех людей, и Космос, поскольку вы — его единственная Самость? Разве вы не плачете, когда одному человеку больно, не кричите, когда один ребенок чувствует голод, не вопите, когда одна душа подвергается мукам? Вы *знаете*, что страдаете, когда страдают другие. Вы уже это знаете! «*Был* ли это кто-то еще? Разве это не были вы сами?»^{57*}

3. Размышляя о том, каким вы были тысячу лет назад или будете через тысячу лет, вы отказываетесь от тождественности с теперешними телом и эго и обнаруживаете в себе то, что выходит за пределы вас — чистую, бесформенную, вневременную Самость, или Свидетеля всего Мира. И вы полностью отказываетесь от своего отождествления с эго раз в двадцать четыре часа — не в качестве упражнения на воображение, а на самом деле. Каждую ночь, в глубоком сне без сновидений вы погружаетесь в бесформенную сферу, в область чистого сознания без объекта, в царство бесформенной, вневременной Самости.

Вот почему Рамана Махарши говорил: «То, что не присутствует в глубоком сне без сновидений — не реально». Реальное должно присутствовать во всех трех состояниях, включая глубокий сон без сновидений, и единственное, что присутствует во всех трех состояниях, — это бесформенная Самость или чистое Сознание. И каждую ночь вы умираете для ощущения отдельной самости, умираете для эго, и погружаетесь обратно в океан бесконечности, каковой представляет собой ваше Изначальное Лицо.

Все три этих случая — Самость, которая была у вас до рождения ваших родителей, Самость, которая будет у вас через сто лет, и Самость, которая у вас есть в глубоком сне без сновидений, — указывают на одно и то же: вневременного Свидетеля в вас, выходящего за пределы вас, чистую Пустоту, единую со всякой Formой, изначальную Самость, объемлющую Все в совершенном Одном Вкусе. И *То*, которое представляет собой *просто это*, не менялось, не меняется и никогда не будет меняться, поскольку никогда не входит в разрушительный поток

времени, со всеми его слезами и страхом.

Тогда высшая «духовная проверка» — это просто ваше отношение к смерти (ибо все те три случая представляют собой примеры смерти). Если вы хотите знать «высшую истину» того, что вы делаете в данный момент, просто подвергните это любому из тех трех тестов. Практикуете астрологию? Если она не присутствует в глубоком сне без сновидений, она не реальна. Заботитесь о материальном благополучии? Если его не будет через сто лет, оно не реально. Заботитесь о Душе? Если она не присутствует в глубоком сне без сновидений, она не реальна. Исцеляете своего внутреннего ребенка? Если его нет до рождения ваших родителей, он не реален. Вы вспоминаете свои прошлые воплощения? Если этого нет в глубоком сне без сновидений, то это не реально. Используете диету для духовного очищения? Если этого нет через сто лет, то это не реально. Поклоняетесь Гайе? Если ее нет в глубоком сне без сновидений, она не реальна.

Во всех этих относительных практиках и трансляционных убеждениях нет ничего плохого, но никогда не забывайте, что они вторичны по отношению к великому Нерожденному, вашему Изначальному Лицу, Лику Духа во всех его сияющих формах, формах самого вашего бытия и становления, снова и снова, сейчас и вовеки, всегда и уже.

«*Был ли это кто-то еще? Разве это не были вы сами?*»

Среда, 31 декабря — Денвер

Мы с Марси встречали Новый год в своем любимом местном убежище — отеле «Оксфорд» в районе ЛоДо в Денвере. Обед в ресторане Джакса, вино в баре «Крузиз», полночное объятие, прощание со Старым годом.

Четверг, 1 января 1998 г. — Боулдер

Год назад в этот день я размышлял, как мне быть с «Разумом и Душой». В этом году мне предстоит сумасшедшая гонка. Через две недели я еду в Манхэттен встречаться с ведущими книжными обозревателями; это все организует Энн. Затем в марте я отправлюсь представлять книгу в шести городах — тур небольшой, но для меня беспрецедентный. Надеюсь, что я по-прежнему буду поддерживать наши отношения с Марси — одной из самых красивых и милых женщин, которых я когда-либо знал. Я буду редактировать собрание сочинений и потеть над чтением для тома 2. Мне останется девять месяцев до пятидесятого дня рождения.

И ничто из этого, разумеется, не присутствует в глубоком сне без сновидений, или через тысячу лет, или до рождения моих родителей, или в самой вневременной сфере, где сияет только «Я-Я», «Я ЕСМЬ» наполняет вневременной мир до бесконечности и обратно. Иными словами, ничто из этого не касается чистейшей Пустоты, которая одна лишь Реальна, которая купает мое существо в блаженстве и посылает мой ум на небеса. И в то же время все это сострадательный жест самой моей Самости, Самости всякого и каждого существа без недостатка или ограничения, Самости всего, что воистину есть и когда-либо воистину будет.

Вы понимаете, это всегда уже аннулировано и всегда уже закончено. В простом ощущении Бытия слова рождаются и умирают — они какое-то время живут, танцуют, и поют, и снова растворяются в забвении, и здесь, в простом мире Одного Вкуса, в действительности ничего не происходит. Будут приходить и уходить тысячи форм, возникать и исчезать миллионы слов, миллиарды душ будут любить и смеяться, быстро угасать и умирать, и только Один Вкус будет обнимать их все. И будет «Я-Я», как всегда было «Я-Я», Свидетельствуя подъем и удивительное падение моих бесконечных удобных Миров, случающиеся сейчас и всегда, сейчас и вовеки, сейчас и как будто всегда вовеки.

И тогда снова я мог бы просто стоять здесь и еще раз наблюдать закат через пелену дождя, который сейчас тихонько падает повсюду вокруг.

Заметки

[←1]

* Опубликовано под названием «Союз разума и души: объединение науки и религии».

[←2]

* Все вставки в квадратных скобках добавлены для публикации; все круглые скобки присутствуют в первоначальном тексте дневников. Все сноски добавлены для публикации.

[←3]

* Первый том вышел под названием «Пол, экология, духовность» (Шамбала, 1995); второй том, предположительно, будет называться «Пол, Бог и Род: экология мужчин и женщин»; над ним я сейчас работаю; третий том намечен в общих чертах и предварительно назван «Дух постмодернизма».

[←4]

* Разум обязывает (*фр.*). Парафраз известного выражения «положение обязывает». — *Примеч. пер.*

[←5]

* Когда стало очевидно, что я, возможно, опубликую эти дневники, я думал о том, чтобы исключить эти письма, — они такие болезненно личные. Но поскольку они составляют неотъемлемую часть моей жизни, я решил оставить их, с одной редакторской правкой: я выкинул из писем большую часть похвал в адрес автора книги, просто потому, что их публикация была бы чрезмерным своекорыстием. Нетрудно понять, что большинство тех, кто пишет мне о «Милосердии и мужестве», благодарны, но я надеюсь, что эти письма в наибольшей степени передают именно их истории, а не их благодарность.

[←6]

* Здесь «отрицание» (или «отказ») — психотерапевтический термин, означающий нежелание человека признавать свои симптомы. — *Примеч. пер.*

[←7]

* К сожалению, по-русски трудно передать присутствующую здесь игру слов. Основное значение английского слова *devastating* — «разрушительный», «ужасающий»; таким образом, точный перевод должен звучать как «ужасающе прекрасно».

[←8]

* Я называю это ясным (pellucid) сновидением, отличие от осознанного или прозрачного (lucid) сновидения. Во многих местах я просто использую общеизвестный термин «осознанное сновидение». Тем не менее я всегда имею в виду ясное сновидение. Я также упоминаю о ясном глубоком сне или не выраженным словами свидетельствовании в состоянии глубокого сна без сновидений.

[←9]

* Эта статья вошла в I главу книги «Око Духа».

[←10]

** Эта статья вошла во II главу «Ока Духа».

[←11]

* Это клиническая картина комы, а не смерти мозга, при которой биоэлектрическая волновая активность (во всяком случае, та, что регистрируется энцефалографом) вообще отсутствует. — *Примеч. пер.*

[←12]

* Lower downtown — букв.: «задворки делового центра». Сохо — район богемы в Лондоне. — *Примеч. пер.*

[←13]

* Эта интегральная теория семиотики в общих чертах описана в «Оке Духа», гл. 5, разд. 12.

[←14]

** «Как мы видим живопись». Эссе Кена Уилбера в книге Марты Р. Сиверенс «Эндрю Вайс: живописец Америки» (Нью-Йорк: Хадсон Хилл Пресс, 1996). Перепечатано в «Оке Духа», гл. 4 и 5.

[←15]

* Холон — это целое, одновременно представляющее собой часть других целых. Вселенная, в своей основе, состоит из холонов: целостный атом составляет часть молекулы, целостная молекула является частью клетки, целостная клетка составляет часть организма, целостный организм входит в экосистему и т. д. Холоны образуют холархию, в которой каждый холон более высокого уровня превосходит, но включает в себя холоны предшествующих уровней: организмы включают в себя клетки, которые включают в себя молекулы, молекулы содержат атомы — *но не наоборот*, — отсюда иерархия (или холархия). Великая Цепь Бытия — это тоже холархия, состоящая из холонов: дух превосходит, но включает в себя душу, которая превосходит, но включает в себя ум, который превосходит, но включает в себя тело. Каждый старший холон поглощает, охватывает и включает в себя предшествующие, и такова сама природа целого/частей, холонов и холархии: вложенные друг в друга сферы все большей целостности и охвата.

[←16]

* *Бодхичитта* (санскр.) — букв.: «пробужденная мысль» или «пробужденное сознание». — *Примеч. пер.*

[←17]

* Непереводимая игра слов: по-английски «надуманная проблема» = *dead meat* (букв, «мертвое тело», «труп»); таксидермия — изготовление чучел. — *Примеч. пер.*

[←18]

* Расширенное обсуждение этой темы содержится в «Оке Духа», гл. 9 и 10.

[←19]

* Обсуждение этой темы дано в книге «Союз разума и души».

[←20]

* В этом упрощенном объяснении я не провожу различий между базовыми структурами, переходными структурами (например, мировоззрениями) и поворотными пунктами развития самости. Их краткий обзор содержится в записи от 16 ноября, а подробное описание — в «Оке Духа». В то же время этого простого резюме более чем достаточно для последующего обсуждения. Кстати, сами уровни определяются базовыми структурами каждого уровня (сенсомоторной, сознания правила/роли, формально-рефлексивной, зрительно-логической и т.д.), и я нередко использую эти более доступные термины для описания самого уровня. Однако не следует путать базовые структуры и мировоззрения. См. запись от 16 ноября.

[←21]

* Обсуждение спектра психопатологий дано в книге «Трансформации сознания». О роли нейрофизиологии см. запись от 10 сентября, примечание 17.

[←22]

* Подробное обсуждение этой темы дано в книге «Союз разума и души».

[←23]

* Дальнейшее обсуждение этой темы содержится в записях от 16 ноября и 18 декабря.

[←24]

* «Зерно на мельницу» — название самой известной книги Рам Дасса. —
Примеч. пер.

[←25]

* Конечно, Уилберу, как духовному практику, виднее, но в йоге источником (или местом пребывания) кундалини (змеиной силы) считается нижняя *чакра*, располагающаяся у основания позвоночника. Пробудившаяся кундалини поднимается по психическим каналам (*нади*) к *сахасраре*, попутно открывая все другие чакры, располагающиеся вдоль осевой линии тела. — *Примеч. пер.*

[←26]

* К моменту выхода этой книги, Музей трансперсонального и духовного искусства по-прежнему развивается. Заинтересованные лица могут связаться с Филом Якобсоном через издательство «Шамбала публикейшн».

[←27]

* «Noetic Sciences Review».

[←28]

** Намек на бой профессиональных боксеров за звание чемпиона мира. Дальше автор строит повествование в стиле репортажа о боксерском поединке. — *Примеч. ред.*

[←29]

* «Psychology Today» и «American Health».

[←30]

* Это не отрицает важности нейрохимии мозга и нейробиологии развития в генезе психопатологии. Каждое событие Верхнего Левого сектора (психологическое) имеет (материальный) коррелят в Верхнем Правом секторе — по существу, в возникновении любой психопатологии взаимодействуют все секторы. В этом обсуждении я просто сосредоточиваюсь на компоненте Верхнего Левого сектора — внутренней диссоциации концептуального ума и ощущаемого тела.

[←31]

* Майкл Улшберн тоже говорит о спирали развития, но мы расходимся в отношении почти всех аспектов этого спирального движения. Более полное обсуждение этой темы см. в книге «Око Духа», гл. 6.

[←32]

* По, существу, Уилбер заимствует термины «Восходящий» и «Низошедший» из теософии, которая, в свою очередь, переняла их у мистических традиций. Эти термины относятся соответственно к трансцендентному и имманентному идеалу божественного. «Низошедший» мир — результат «нисхождения Логоса (Духа) в материю», и, как таковой, он отрицает все трансцендентное, признавая только имманентного Бога и соответственно только эмпирический грубый мир, в котором этот Бог имманентен. — *Примеч. пер.*

[←33]

** Более подробное объяснение исторического подъема бодизма и флатландии можно найти в «Краткой истории Всего». Бодизм — это просто еще одно название тонкого редукционизма — убеждения, что реальны только сущности, имеющие простое местоположение, что реальны только реалии секторов Правой стороны.

[←34]

* Роберт Форман — талантливый теоретик и прекрасный редактор; его исследование не обязательно выражает согласие с мнениями его респондентов, а просто сообщает о них. В своей блестящей работе «Проблема чистого сознания» Форман выдвигает гипотезу о том, что состояние бесформенной поглощенности (или непроявленного прекращения) почти универсально для глубокой мистической духовности. Я с этим согласен. Так что на следующем этапе своего исследования Роберт мог бы целенаправленно спрашивать всех своих респондентов: «Был ли у вас непосредственный и продолжительный опыт бесформенного прекращения? Если да, то опишите его». Это позволило бы ему получить более точные данные о проценте народной духовности, достигающей этого глубокого измерения, и путем вычитания — о проценте тех, кто связан с меньшей или чисто трансляционной духовностью (наподобие Личностно-Ориентированной Гражданской Религии).

[←35]

* Игра слов: *retreat* означает как уединение, так и отступление, *advance* = продвижение вперед, наступление. Английская фраза «to retreat to advance» (здесь: «удаляться в уединение для продвижения на духовном пути») дословно переводится как «отступление для наступления». Слово «ритрит» привилось в русскоязычной среде, поскольку, к сожалению, не имеет адекватного русского аналога; понятие «затвор», принятое в русской духовной традиции, не годится, так как ритритом может называться как индивидуальное временное отшельничество (затвор), так и (гораздо чаще) групповой выездной практический семинар по духовным практикам. — *Примеч. пер.*

[←36]

* Семь чакр кундалини йоги являются архетипическим представлением Великой Цепи, состоящей из семи основных уровней сознания, каждый из которых соответствует определенному месту тела (поскольку в соответствии с моей моделью каждый компонентлевой стороны или сознания имеет объективно-телесный коррелят Правой стороны). Семь чакр подразделяются на нижние (живот), средние (грудь/сердце) и верхние (макушка головы и выше).

[←37]

* Слово «самозамыкание» не является точным переводом используемого Уилбером термина *self-contraction* (для которого трудно подобрать адекватный русский эквивалент), но достаточно хорошо отражает суть дела — процесс формирования чувства отдельного «я», или эго. — *Примеч. пер.*

[←38]

* Подробное обсуждение этой темы можно найти в книге «Око Духа».

[←39]

* Вероятно, преобладающей теорией в когнитивной науке в данный момент следует считать теорию *модулей*, согласно которой мозг/ум состоит из многочисленных независимых эволюционных модулей — от лингвистического до когнитивного и до морального. Эти модули во многих отношениях очень похожи на то, что я имею в виду под независимыми линиями или потоками развития. Основное различие состоит в том, что сторонники теории модулей яростно отрицают существование какой бы то ни было трансцендентальной самости или единства сознания. И в то же время, согласно их собственным теории и данным, индивиды способны осознавать эти модули и временами фактически могут их не признавать. Если вы можете не признавать модуль, значит, вы не просто модуль. Что и требовалось доказать.

[←40]

** Более подробное описание этой модели см. в работе «Два образца превосходения» (Two Patterns of Transcendence // *Journal of Humanistic Psychology*. 30. № 3 (Summer 1990). 113-116).

* Для тех, кто изучает мою работу, поясню точное взаимоотношение между моделью «Уилбер-3» и Великой Цепью:

1. Я расширил традиционное понимание Великой Цепи «материя — тело — ум — душа и дух», включив в него: материю (физическое), тело (ощущение, восприятие, побуждения, эмоции), ум (образ, символ, понятие, правило, формальное, зрительно-логическое), душу (психическое, тонкое) и дух (каузальное, недвойственное). Возможны дальнейшие деления, но даже в этом виде модель позволяет согласовать нижние уровни Цепи с западными исследованиями.
2. Самое главное, мы замечаем, что Великая Цепь развивается или эволюционирует как индивидуально (онтогенез), так и коллективно (филогенез). Это строится на парадоксе: Дух представляет собой как высший уровень эволюции, так и основу или таковость всех уровней эволюции — он *одновременно* и чистая бесформенная Пустота, которая не эволюционирует, и весь мир Формы, претерпевающий эволюцию. Объединение трансцендентных и имманентных аспектов Духа имеет огромное значение. *Форма развития* (описанная в «Проекте Атман» и в Двадцати Принципах в ПЭД), говоря просто, представляет собой *превосхождение и включение*.
3. Все эти примерно пятнадцать уровней я называю *базовыми* уровнями сознания, или базовыми *структурами* сознания или опять же базовыми волнами. Раз возникнув в процессе развития, они продолжают существовать в подчиненном, но полностью функциональном состоянии. Каждая базовая структура представляет собой систему соотносительного обмена с другими холонами *на том же уровне* организации в окружающей ее среде.
4. Через эти уровни или волны сознания (через расширенную Великую Цепь) проходят различные линии или потоки развития, причем относительно независимо друг от друга. В число этих линий входят: когнитивная, моральная, аффективная, непосредственное самоотождествление или «развитие эго» (не путать с общим развитием самости, которое не подчиняется установленной последовательности), защиты (стандартная иерархия защитных механизмов), межличностная, художественная, заботы, любви, радости (уровень богатства бытия), познавательный стиль, логико-математическая, зрительно-пространственная, страх смерти, психосексуальная, потребностей самости, модуса пространства-времени, объектных отношений, кинестетическая, более глубокая психическая, конкретных талантов, творческих способностей, способности к свидетельствованию, альтруизма и мировоззрений, во всяком случае, в отношении существования этих линий у нас есть заслуживающие доверия свидетельства.

Большинство исследований (которые я резюмирую в «Оке Духа»)

приходят к выводу, что рост и развитие в каждой из этих линий проходят по большей части неизменную последовательность стадий, хотя все они разворачиваются относительно независимо друг от друга. Многие исследователи называют эти универсальные, инвариантные стадии доконвенциональной, конвенциональной и постконвенциональной. Основываясь на межкультурных свидетельствах, я предположил, что к этому следует добавить, по крайней мере, еще одну, постпостконвенциональную стадию. Хотя значительное количество эмпирических данных показывает, что каждая линия проходит в своем развитии через эти холархические стадии инвариантную последовательность, тем не менее, поскольку все эти две дюжины линий развиваются относительно независимо, общие рост и развитие представляют собой чрезвычайно сложный, перекрывающийся нелинейный процесс, не подчиняющийся никаким закономерностям.

5. В значительной мере универсальные, неизменные холархические стадии — доконвенциональная, конвенциональная, постконвенциональная и постпостконвенциональная — представляют собой не что иное, как Великую Цепь. Доконвенциональная стадия охватывает сенсомоторный и витально-телесный уровни, а также уровень раннего ума, связанного с телом; конвенциональной стадии соответствует средний ум (вплоть до правила-роли и раннего формального уровня); постконвенциональная стадия относится к зрелому уму (формальному и зрительно-логическому); а постпостконвенциональная стадия — к духовному/надличностному (которое считается высшим этапом, но не исключает отдельные духовные линии). Это просто другой способ представления базовых уровней или базовых волн сознания (самой Великой Цепи), через которые идут различные линии. Причина, по которой исследователи обнаружили, что эти волны по большей части инвариантны, состоит в практической универсальности Великой Цепи.
6. Но она универсальна только в своих глубинных чертах. Я предположил, что уровни и линии имеют как глубинные, так и поверхностные черты. (Раньше я называл их глубинными и поверхностными структурами и иногда продолжаю это делать, но эту терминологию часто путают с формулировками Хомского, что ограничивает ее значение.) *Глубинные черты* любого уровня (или линии) — это те, которые, по данным исследований, являются в значительной степени универсальными; но на эти глубинные черты оказывают формирующее влияние местные обычаи и культуры, что приводит к *поверхностным чертам*, различающимся от культуры к культуре и нередко от человека к человеку.
7. Всем разворачиванием потоков и волны управляет самость (или система самости). Самость обладает многими важными способностями, включая отождествление, организацию, волю, защиту, метаболизм и навигацию.
8. Проходя в своем развитии через базовые волны сознания,

самость порождает различные уровни самотождественности (Лёвинджер), потребностей самости (Маслоу), морали самости (Джиллиген) — и это лишь самые важные аспекты в числе многих других. Эти стадии самосознания — одни из важнейших линий развития, просто потому, что они оказывают глубокое воздействие на индивида.

9. Но в дополнение к этому — и не менее важно — совокупная самость должна манипулировать всеми другими линиями и уравнивать их, что весьма сложно, поскольку их развитие обычно происходит с весьма разной скоростью. Этот «акт манипулирования» — ключ к жизненной драме совокупной самости.
10. По мере того как самость управляется со своим собственным развитием через базовые волны, она сперва отождествляется/сливается с определенной волной, затем дифференцируется (отстраняется) от нее и превосходит ее, затем включает ее в себя/объединяется с ней с более высокой следующей волны. Этот 1-2-3-про-цесс называется поворотным пунктом развития.
11. На каждом этапе собственного роста и развертывания самости в ней могут иметь место какие-либо нарушения. Что-то может пойти не так на каждом поворотном пункте. Результатом становится патология, и существует столько же уровней патологии, сколько уровней роста. В своей модели я обычно изображаю Великую Цепь из примерно девяти уровней, и потому я описал девять уровней : патологии. Между ними нет жестких разграничений, и обычно они накладываются друг на друга.
12. Применительно к этим уровням патологии развивались различные — восточные и западные — методы терапии, и уравновешенный подход к росту должен включать в себя весь их спектр, а не просто отдавать предпочтение одному или двум методам.
13. Одно последнее определение. Я уже упоминал, что базовые структуры или базовые волны сознания представляют собой *устойчивые структуры*, — раз возникнув, они сохраняются (в подчиненном, но рабочем состоянии). Но большинство линий развития состоит из *переходных структур*, которые являются относительно временными или фазоспецифичными, и при дальнейшем развитии в этой линии они в большей степени заменяются, чем включаются в общий арсенал. Это важное различие, поскольку оно позволяет, что следует сохранять в ходе развития, а от чего следует избавляться. Потребность в пище остается, а оральная стадия — нет (за исключением фиксации и патологии).
14. Наконец, и важнее всего, сама Великая Цепь применима главным образом к Верхнему Левому сектору, и ее (вместе с ее различными уровнями и линиями) следует поместить *в контекст четырех секторов*.

Эта система полностью отдает должное традиционной Великой Холархии Бытия с обеими ее дугами — Восходящей (Эрос) и

Нисходящей (Агапе), — хотя и в расширенном виде; я полагаю, что добавление к ней волн и потоков, устойчивых и переходных структур, глубинных и поверхностных черт, форм развития, самости и ее патологий, а также четырех секторов позволяет нам соединять все лучшее из современного знания и древней мудрости.

[←42]

* В Веданте — самой традиционной из моделей Великой Цепи — рассматриваются пять уровней (материя, прана, маномайякоша, или низший ум, виджнянамайякоша, или высший ум, и анандамайякоша, или ум блаженства), подразделяющиеся на три основные сферы (грубую, тонкую и каузальную). Материя — это грубая сфера, ум блаженства — каузальная сфера, а все три средних уровня (тело/прана, низший ум и высший ум) относятся к тонкой сфере. Когда я в общем виде и упрощенно говорю о трех сферах (грубой, тонкой и каузальной), то соглашаюсь с этой корреляцией. Но я также использую термин «тонкое» для обозначения *вышей* из трех тонких сфер (*анандамайякоши*). Из контекста будет ясно, о чем именно идет речь.

[←43]

* В этом случае самая нижняя часть линии «Глубинного Психического» на рис. 7 также была бы сплошной. Полное обсуждение этого вопроса см. в «Оке Духа».

[←44]

* Именно поэтому некоторые ранние культуры демонстрировали явно продвинутое психические способности при довольно слабом фронтальном развитии, и потому, каковы бы ни были их другие достоинства, их нельзя считать образцом интегральной культуры, хотя мы можем восхищаться многим из их мудрости.

[←45]

** Обобщение результатов широких исследований в этой области см. в «Оке Духа».

[←46]

* В оригинале использовано понятие egolessness (букв.: «безэговость»), для которого, к сожалению, не существует русского эквивалента. Это понятие (в отличие от русских терминов «неэгоистичность», «бескорыстие») действительно может вводить в заблуждение, о котором говорит автор. — *Примеч. пер.*

[←47]

* Подробное обсуждение этой темы см. «Пол, экология, духовность», гл. 14, примечание 1.

[←48]

* Colin McGinn. Reason the Need // *The New Republic*. 1997. August 4.

[←49]

* Аргументация автора может показаться не вполне убедительной, отчасти из-за трудности эквивалентной передачи смысла английских слов *belief* = убеждение, *вера* и *faith* = вера, но также и потому, что Уилбер ничего не говорит о роли *воли* (или свободы воли), в то время как в христианской традиции именно она определяет различие убеждения и веры. Христианские авторы (например, Паскаль и Кьеркегор) определяли истинную веру как восстание воли против разума (*верую, ибо абсурдно*). Кьеркегор проводил различие между *верой-доверием* (убеждением) и *верой-достоверностью* (непосредственным опытом). Между ними лежит область *парадоксальной веры*, движимой свободной волей верующего (в христианской традиции — добровольно отказывающегося от данной ему тварной свободы [здесь — разума или эго] и вверяющего себя Божьей воле [здесь — выбирающего взамен подлинную свободу в Духе]. — *Примеч. пер.*

* Конечно, состояние сновидения — это только один из многих феноменов тонкой сферы; классическим тонким состоянием является *савикальпа самадхи*, «недвойственная поглощенность с формой», в которой человек входит в тонкую сферу во время бодрствования. Состояние сновидения считается подклассом тонкого, поскольку в сновидении нет никаких грубых материальных феноменов (только образы и формы). Таким образом, сознательное вхождение в состояние сновидения всегда рассматривалось как аналог *савикальпа самадхи*, так как в них обоим одновременно присутствуют альфа-активность (бодрствование) и тета-активность (сновидение). Оба эти состояния оказывают совершенно аналогичное влияние на эволюцию сознания: вы до некоторой степени объективировали тонкое — осознанно увидели его как объект, оставаясь бодрствующим, — и потому оно утратило свою власть на вами; вы превзошли его и потому можете начинать переходить к каузальному развитию.

Нирвикальпа самадхи представляет собой классическое состояние каузального сознания: бесформенное, непроявленное чистое прекращение (разновидность пустоты), которое вводит вас в каузальную сферу во время бодрствования (*нирвикальпа* далее развивается в *джняна самадхи*, или радикально чистую бесформенность, а в некоторых традициях в *ниродх*, или полное исчезновение любых объектов). Так же как осознанное сновидение аналогично *савикальпа*, сохранение осознания в глубоком сне без сновидений аналогично *нирвикальпа*. И в *нирвикальпа*, и в глубоком осознаваемом сне одновременно присутствуют альфа-активность бодрствования и дельта-активность бесформенности: вы привнесли сознание даже в каузальную сферу, таким образом освобождая его от этой сферы и открывая его недвойственному. Каузально трансцендировано и *нирвикальпа/джняна* (гнозис) уступает место *сахадже*, или не требующему усилий, спонтанному вездесущему Одному Вкусу.

Для того чтобы значительно продвинуться вперед, не обязательно быть способным к осознанному сновидению или осознанному глубокому сну. *Савикальпа самадхи* и *нирвикальпа самадхи* вполне можно достигать в состоянии бодрствования. Дело в том, что, когда практикующие осваивают *савикальпа*, у них нередко начинаются осознанные сновидения именно потому, что это аналоги. Точно так же освоение *нирвикальпа* часто сопровождается осознанным глубоким сном. И наоборот, продолжение медитации в сновидении и глубоком сне представляет собой яркий и крайне эффективный способ входить в *савикальпа* и *нирвикальпа* и, таким образом, легче открываться *сахадже*. Йога Состояния Сновидения всегда считалась одним из самых быстрых и эффективных способов достижения устойчивого опыта тонкой и каузальной сфер, быстро отрывающим путь к стабильной адаптации к этим сферам — и их трансценденции.

** Стадии адаптации, ведущие от каузального/нирвикальпа/нирваны к Одному Вкусу, называются стадиями «*после нирваны*», из которых обычно описывают три или четыре. Существуют несколько вариантов этих стадий, но в центре их всех находится постоянное сознание или непрерывный доступ к свидетельствующему осознанию во всех трех состояниях — сначала в качестве устойчивого опыта, потом как адаптация и затем исчезновение свидетельствования в Одном Вкусе — сперва как пиковое переживание, потом как устойчивый опыт, потом как адаптация.

Как только Один Вкус устанавливается в качестве *адаптации*, разворачиваются стадии «*после просветления*». Говорят, что они приводят к *бхава самадхи*, которое описывают как полный телесный переход человеческого в Божественное; либо альтернативно, как «полное исчезновение всего в *дхармата*»; либо в качестве еще одной альтернативы, как обретение постоянного «тела света» (см. обсуждение стадий развития после нирваны и после просветления в «Оке Духа»).

Стадии «*после нирваны*» (суть Махаяны и Ваджраяны, которые не только охватывают Бесформенность — нирвану, — но и объединяют ее со всем миром Формы — самсарой) всегда были мне понятны, и, основываясь на собственном опыте, я могу подтвердить существование постоянного сознания и Одного Вкуса в качестве длительного и повторяющегося устойчивого опыта, порой продолжающегося непрерывно в течение 24—36 часов (хотя в одном случае постоянное сознание сохранялось день и ночь в течение одиннадцати дней). Ни то ни другое не является в моем случае стабильной адаптацией, однако я знаком с несколькими учителями, которые, как я полагаю, достигли таковой, и описания таких случаев в изобилии имеются в литературе. Все эти стадии «*после нирваны*» по самой своей основе понятны, поскольку в конечном счете представляют собой просто стадии адаптации к недвойственности (стадии интеграции нирваны и самсары, Духа и проявления, Пустоты и Формы). Кроме того, с учетом данных ЭЭГ, полученных Александером и другими исследователями, мы, судя по всему, имеем объективные свидетельства, подтверждающие, что такие стадии действительно существуют.

Но стадии «*после просветления*» никогда не были мне столь понятны, и я никогда не встречал никого, кто бы достоверно находился на них. Эти стадии, как их описывают, всегда поражали меня как пережиток магии, они всегда включают в себя такие вещи, как телесное восхождение человека в свет, способность совершать необычайные чудеса превращения и т.п. — ни для чего из этого нет никаких заслуживающих доверия, воспроизводимых свидетельств. Что же касается понятия «исчезновения всего в *дхармата*», то это выглядит неотличимым от *джняна* или *ниродха* — отступлением от Одного Вкуса, а не развитием за его пределы. Я не утверждаю, что эти стадии не существуют; я говорю, что по сравнению со всеми другими стадиями, которые предлагают традиции (и которые я кратко описал выше, включая стадии после нирваны), для стадий после просветления имеется наименьшее количество свидетельств — возможно, потому, что они столь редки, возможно, потому, что их нет.

[←52]

* Из очерка в журнале «Естественные науки» (The Sciences). Нуччи также использует пример Руссо в противопоставление «Повелителю мух». Я уже давно использую эти примеры в качестве образцов двух противоположных воззрений, и Нуччи делает это очень удачно.

[←53]

* Дальнейшее обсуждение этой темы см. в «Краткой истории Всего».

[←54]

** Далее приводится слегка сокращенный вариант оригинального интервью, которое можно найти под названием «Большая Карта: Космос, согласно представлениям Кена Уилбера» в журнале «Шамбала Сан» за сентябрь 1996 г.

[←55]

* Буквально «мысль пробуждения» (санскр.), его «ментальное содержание». —
Примеч. пер.

[←56]

* Идея холонов и холонной структуры вселенной принадлежит философу и писателю Артуру Кёстлеру, известному большинству российских читателей своим романом «Слепящая тьма» (в некоторых переводах — «Сумерки в полдень», что не вполне точно соответствует английскому названию «Darkness at Noon»). — *Примеч. пер.*

[←57]

* Я сократил цитату Шредингера, не вставив многоточий. Полные цитаты даны в книге «Квантовые вопросы».